

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск пятнадцатый

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2019

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)
К78

Редакционная коллегия:

Д. А. Лабынько, С. В. Графская, Н. А. Конышева, Ж. И. Чикина,
С. В. Гаврилов

К78 Краеведческие записки. Выпуск 15. — Петропавловск-
Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2019. —
496 с., ил.

ISBN 978–5–906904–37–9

Пятнадцатый выпуск «Краеведческих записок» содержит как традиционные рубрики — «История», «Из фондов музея», «Музеи Камчатки», «Этнография», так и новые — «Персоналии», рассказывающую о людях, живших и трудившихся на Камчатке, а также внесших свой вклад в её изучение, и «Событие», в рамках которой впервые обнародуется список защитников Петропавловского порта в 1854 г., погибших и скончавшихся от ран. Большая часть публикуемых текстовых и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Издание предпринято с целью сохранения и популяризации исторического наследия Камчатского края и г. Петропавловска-Камчатского и предназначено для музейных работников, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей и студентов-историков, а также всех любителей истории Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)

Ответственный за выпуск Д. А. Лабынько
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

*Издано на средства Министерства культуры Камчатского края,
КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей» и президента
холдинговой компании «Новая книга» С. П. Кожана*

© Министерство культуры
Камчатского края, 2019
© КГБУ ККОМ, 2019
© С. В. Гаврилов, составле-
ние, 2019

ISBN 978–5–906904–37–9

Содержание

Слово к читателям	4
ИСТОРИЯ	
<i>Богомолов В. М.</i> Предъявите свои талоны!	5
<i>Быкасов В. Е.</i> Землетрясение и цунами 6 (17) октября 1737 г. на Северных Курильских островах и Камчатке	37
<i>Гаврилов С. В.</i> Делегаты — «хозяева Камчатки»	75
<i>Гаврилова Н. С.</i> Как в Петропавловске стадион возводили	115
<i>Де-Ливрон А. К.</i> Отрывки воспоминаний о плавании на клипере «Стрелок» в 1880—1882 гг.	134
<i>Зайковская Т. С.</i> Год 1926-й. Камчатские краеведы на страни- цах «Полярной звезды»	172
<i>Коптилова О. А.</i> Развитие народного просвещения на Камчатке в первые годы советской власти. Борьба с безграмотностью	183
<i>Петров А. В.</i> Советская колонизация Камчатки: первый отчёт	197
<i>Пирагис А. П.</i> Петропавловск-Камчатский: пять заметок с натуры	212
ПЕРСОНАЛИИ	
<i>Гаврилова Н. С.</i> Карл Янович Лукс. Тайны жизни и смерти	231
<i>Гропянова А. Г.</i> Писатель, историк, краевед, редактор, издатель	252
<i>Гропянов Е. В.</i> Б. П. Полевой — инициатор издания доку- ментов по героической обороне Петропавловского порта в авгу- сте 1854 г.	261
<i>Сесицкая А. С.</i> Памяти легендарного капитана	265
<i>Смышляев А. А.</i> Георгий Матвеевич Елизов — кто он?	279
ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ	
<i>Родионов К. Д.</i> Камчатский областной драматический театр	291
<i>Хлебников К. Т.</i> Письма о Камчатке	366
ЭТНОГРАФИЯ	
<i>Коньшева Н. А.</i> Подвиг во имя науки	428
МУЗЕИ КАМЧАТКИ	
<i>Абраменко И. В.</i> Сквозь время... ..	445
<i>Шубина Т. А.</i> Её музеи	455
СОБЫТИЕ	
<i>Гаврилов С. В.</i> Список защитников Петропавловского порта, погибших и умерших от ран в 1854 г.	469
Сведения об авторах	495

Слово к читателям

Уважаемые друзья! Вот и готов после довольно длительного перерыва очередной, уже пятнадцатый, выпуск «Краеведческих записок», повторяющегося издания Камчатского краевого объединённого музея. Он, как и предыдущие, имеет ярко выраженную историческую направленность, охватывая события разных времён: от деятельности С. П. Крашенинникова и комиссионера Российско-Американской компании А. Т. Хлебникова в 1730-х гг. и начале XIX в. до совсем недавнего переустройства жизни в нашей стране, пришедшегося на конец 1980-х — начало 1990-х гг.

Мы изменили физический формат «Записок», сделав его привычным книжным, на наш взгляд, более удобным для использования. При этом постарались сохранить сложившийся в прошлые годы вид обложки и смысловое наполнение издания. В нём по-прежнему присутствуют привычные рубрики «История», «Этнография», «Из фондов музея», «Музеи Камчатки», но появились и новые. В их числе — «Событие», и в правильности её названия сомневаться не приходится. В год 165-летия славной обороны Петропавловска от нападения англо-французской эскадры в 1854 г. обнаружены и опубликованы ранее утраченные списки русских воинов, погибших в боях и умерших от полученных «противу неприятеля» ран. Новая рубрика — «Персоналии» — напоминает о некоторых личностях, внёсших свой вклад в научное и морское транспортное освоение нашего региона, его культурное развитие или запечатлённых в политической истории и местной топонимике.

Пятнадцатые «Записки» включают как специально подготовленные, как говорят, «эксклюзивные», авторские, так и ранее публиковавшиеся в старинных изданиях материалы, вроде воспоминаний морского офицера А. К. Де-Ливрона, характеризующие условия, в которых пребывали моряки, ходившие из Кронштадта в северную часть Тихого океана для охраны русских владений. Здесь же показано состояние далёких российских окраин, в том числе и нашего Петропавловска, в конце XIX в.

Надеемся, что из опубликованных фондовых материалов читателей заинтересуют воспоминания старейшего актёра Камчатского областного драматического театра К. Д. Родионова, относящиеся к 1930—1950-м гг., дополненные нами документами из собрания Государственного архива Камчатского края (ГАКК), уточняющими развёрнутую им картину становления и развития театра.

Редколлегия

ИСТОРИЯ

В. М. Богомолов

Предъявите свои талоны!

(Краткие заметки о талонной системе, действовавшей
в Петропавловске-Камчатском в 1988—1992 гг.)

Тяжёлая социально-экономическая обстановка, сложившаяся в СССР и на Камчатке в конце 1980-х гг., вызвала к жизни, казалось бы, забытые формы распределения продуктов и товаров. Спустя сорок с лишним лет после самой страшной войны для обеспечения жителей минимально необходимым набором продуктов и товаров первой необходимости пришлось снова вводить талоны. Причём не в отдельно взятом регионе, а по всей стране. Камчатка не стала исключением. Талонная система действовала у нас с 1988 по 1992 г.

Конечно, в рамках одного очерка не осветить все подробности и нюансы действия талонной системы, тем более что даже на территории только Камчатской области (включая Корякский автономный округ) в разных районах в ней существовали серьёзные отличия. Зачастую решения об отоваривании тех или иных талонов и нормах отпуска принимались или быстро, или, наоборот, очень долго, и отследить все изменения в системе весьма проблематично. Из-за отсутствия продуктов или при сбое в их поставке талоны часто продлевались, а потом и вовсе отменялись. Спустя тридцать с лишним лет многое не отложилось даже в архивах. А память людская, к сожалению, коротка и сохраняет далеко не всё.

На Камчатке, как и в других регионах страны, талоны действовали во всех городах, районах и населённых пунктах. Возьмём, к примеру, Петропавловск-Камчатский, город, в котором по официальным данным в самом конце 1980-х гг. проживали порядка 285 тыс. чел. Талонная система в том или ином виде просуществовала в областном центре четыре с половиной года (введена в середине 1988 г.) и сошла на нет лишь в самом конце 1992-го. После того, как в «свободное плавание», сократившее платёжеспособный спрос населения, были отправлены цены на продукты питания, основные товары, а также винно-водочные изделия, и широкое распространение получила свободная торговля, талоны «умирали» долго и мучительно, так же, как и зарождались...

«Несладкая» жизнь по бланкам-талонам. Первым под натиском надвигающегося свободного рынка пал сахар, хотя главная причина этого вовсе не в этом. Антиалкогольная кампания, начавшаяся с подачи генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва в 1985 г., привела к ажиотажному спросу на пиво, вино и ликёроводочные изделия. Производство алкоголя стабильно снижалось, а спрос на него только рос. В итоге столпотворения в винно-водочных магазинах стали напоминать очередь в мавзолей Ленина, как шутил народ. В них стояли сотни, а то и тысячи людей. Драки и скандалы здесь были обыденным делом, и во многих магазинах Петропавловска очереди приходилось регулировать с помощью милиции. Появилась норма отпуска в одни руки — не более двух бутылок. Советские и партийные органы, желая выслужиться перед вышестоящим начальством, повсеместно сокращали число магазинов, торгующих алкоголем. В некоторых населённых пунктах их осталось всего по одному. Стало модным объявлять целые регионы непьющими...

Как следствие, народ перешёл на самогон. И никакая ответственность, вплоть до уголовной, не могла этого остановить. Самым доступным продуктом для перегонки был сахар, который начали сметать с полок магазинов мешками. Не помогли и установленные в магазинах нормы отпуска сладкого товара в одни руки: люди становились в очередь по несколько раз. Если учесть, что сахар также активно использовался в летне-осенний период для заготовки варенья и компотов, то уже весной — накануне сезона заготовок — его просто не стало. С него и пошли талоны...

2 июня 1988 г. исполком Петропавловского городского Совета народных депутатов принял решение № 370 «О продаже сахара населению г. Петропавловска-Камчатского». Как было сказано в документе, в целях упорядочения торговли сахаром, равномерного его распределения среди населения города, с июня 1988 г. организуется продажа по заказам. Власти города никак не хотели называть такие «заказы» талонами, ведь в живых ещё было много ветеранов войны и тружеников тыла, у которых они ассоциировались с военным временем. Но деваться было некуда. Вот что говорилось в решении горисполкома:

«2. Установить порядок продажи, по которому:

2.1. Норму продажи сахара на каждый месяц устанавливать из сложившихся ресурсов.

2.2. Отовариваться по талонам-заказам можно в любом магазине города, где есть отделы, торгующие сахаром, согласно режиму

работы магазина. Талон-заказ действителен в течение календарного месяца.

2.3. Талон-заказ выдавать населению по месту прописки через жилищно-коммунальные службы, комендантов общежитий, председателей кооперативных домов, отделы кадров баз флотов производственного объединения “Камчатрыбпром”, управление промыслового флота “Камчатрыбколхозобъединения” и других домовладельцев» [1].

Ввод в действие первых талонов был связан со скандалом. Сведения о них прозвучали сначала лишь по областному радио и телевидению, миновав камчатскую прессу. А когда материал о введении талонов опубликовала газета «Камчатский комсомолец», корреспондент которой оборвал все телефоны горисполкома в поисках сведений, прессу начали обвинять в «нагнетании страстей». Тем более что рубрика в газетном материале была уж очень «оптимистической» — «Без труб и барабанов». С неё и началось освещение долгой талонной «эпопеи» в камчатских газетах [2].

Заказчиком бланков-талонов, печатавшихся в областной типографии, выступало объединение «Продтовары». В соответствии с решением горисполкома, они должны были изготавливаться поквартально и выдаваться райисполкомам (тогда в Петропавловске ещё имелись два района — Ленинский и Октябрьский) за полтора месяца до начала каждого квартала. Штампы для них отдельно делала тарно-картонажная фабрика.

Списки жильцов составлялись по прописке жилищно-коммунальными и морскими инженерными службами, отделами кадров, комендантами общежитий, председателями кооперативных домов и предоставлялись в райисполкомы. Им, согласно количеству проживающих, и выдавались уже проштампованные талоны. Далее они распределялись среди жильцов по предъявлению паспорта в тех же жилищно-коммунальных службах. Довольно сложная схема. В документе особо оговаривались система отчётности, уточнения списков получателей (раз в квартал), возврат не выданных талонов в райисполкомы. И естественно, предлагалось рассмотреть вопрос о поощрении лиц, занятых работой с заказами.

Спустя неделю, в это решение были внесены небольшие изменения. Распоряжением горисполкома № 124-Р от 10 июня 1988 г. даны некоторые указания по формированию списков военнослужащих, а также по обслуживанию населения через 902-й отдел торговли Военторга. Также особо оговаривалось, что выдача талонов

лицам, находящимся в отъезде в отпуске, производится по возвращению. Разрешалось также выдавать талоны членам семьи по предъявлении паспорта. Пришёл один с паспортами — получи на всю семью [3].

Введение талонов на сахар было воспринято спокойно. Что, как считает автор, связано исключительно с антиалкогольной кампанией: в отсутствии сладкого винили в первую очередь самогонщиков. И хотя сахара иногда давали маловато (по два-три килограмма на один талон), других продуктов ещё хватало. А на самогон шло варенье, джемы и даже томатная паста.

В последующие годы к талонам на сахар власти возвращались ещё неоднократно, кое-что менялось в системе распределения, менялись, естественно, и внешний вид талонов, и нормы выдачи. Найти сегодня сахарные талоны того периода — 1988 г. — весьма сложно. Все они были пущены в дело и отоварены. Если что и завалилось, то случайно.

Ты помнишь, как всё начиналось... Следующими под натиском ажиотажного спроса пали мыло и стиральный порошок, а также чай. Вот что автор писал тридцать с лишним лет назад, в августе 1989 г., в газете «Камчатский комсомолец», где работал тогда корреспондентом:

«Свой чай и мыло мы “проморгали” ещё в конце зимы. В пылу битвы за мандаты народных депутатов (речь идёт о выборах народных депутатов СССР, которые состоялись 26 марта 1989 г. — В. Б.) откуда-то из России доходили неясные смутные слухи о перебоях с чаем, о нехватке мыла и стирального порошка. Прилавки наших магазинов говорили об обратном. Наиболее дальновидные понимали — это ненадолго.

Приказ № 63 управления торговли Камчатского облисполкома от 22 марта 1989 г. установил временные нормы отпуска одному покупателю: стиральный порошок — пять пачек, мыло хозяйственное — пять кусков. Несерьёзность этой меры очевидна: достаточно было встать в очередь несколько раз. Однако даже заикнуться о талонах накануне выборов было равносильно политической смерти. Дело упорно шло к дефициту.

8 июня горисполком наложил “вето” на пересылку продовольственных товаров, мыла и моющих средств по почте... Однако товар тогда если не пересылали, то перевозили.

Несколькими неделями позже с материка подоспели первые весенне-летние отпускники. Вместе со “страшными” рассказами они привезли и южные сувениры — талоны на чай, мыло и сти-

ральный порошок. Впору было кричать “караул”. Но было уже поздно» [4].

Кстати, этот 63-й приказ управления торговли определял временные нормы отпуска дефицитных товаров ещё по целому ряду позиций. Уже спустя год-полтора некоторые из них совсем пропадут из магазинов, а другие будут также продаваться по талонам. По приказу разрешалось, в частности, джемов, конфитюров и лечо продавать одному покупателю не более пяти банок, 100-граммовых шоколадок — не более пяти плиток, сыра твёрдого — не выше полкилограмма, а кофе растворимого — по одной банке. Были там ещё зубная паста, женские и детские колготки и даже застёжки «молния», а также томат-паста, которой разрешалось «отпускать» в одни «руки» тоже не более полкилограмма [5]. Нынешняя молодёжь даже не знает, какая забористая и качественная самогонка при правильном подходе получалась из этого продукта...

3 августа 1989 г. горисполком принял решение № 1454 «Об организации торговли мылом, моющими средствами, чаем». Для равномерного распределения и упорядочения торговли в Петропавловске вводились талоны-заказы на продажу туалетного и хозяйственного мыла, стирального порошка и чая. На оставшиеся месяцы 3-го квартала (август и сентябрь) были установлены следующие нормы:

- мыло туалетное — 200 граммов;
- мыло хозяйственное — 400 граммов;
- стиральный порошок — две пачки (900—1 000 граммов);
- чай — четыре пачки (200 граммов).

Норму продажи этих товаров на 4-й квартал решено установить «из сложившихся ресурсов». Объединению «Продтовары» дано поручение изготовить талоны-заказы на указанное в типографии и выдать населению города в порядке, определённом решением горисполкома № 370 от 2 июня 1988 г. «О продаже сахара населению г. Петропавловска-Камчатского». Талоны были действительны до 1 января 1990 г. [6].

С этого решения горисполкома, по сути, и началось масштабное введение талонов в городе. В дальнейшем их становилось всё больше и больше, и они уже никого не удивляли. Да и жизнь становилась всё труднее. Снабжение Камчатки ухудшилось, а с прилавков стали пропадать продукты, раньше лежавшие годами.

С введением талонов на чай связана вполне «детективная» история, описанная в том же «Камчатском комсомольце», так сказать, по свежим следам. Дело в том, что решение горисполкома

о введение талонов было принято поздно вечером 3 августа 1989 г. Мыла и порошка тогда в магазинах уже не было, а чай, причём разный, ещё оставался. Телефонограмму в магазины передать не успели, отложили до утра. Ошибку властей «исправила» 4 августа утренняя радиопередача областного радио, сообщившая о введении талонов. История умалчивает, сколько чая исчезло с прилавков во время двухчасовой утренней неразберихи. Поговаривали, что несколько месячных норм...

Обстановка менялась с каждым днём. Вслед за введением талонов на чай, мыло и стиральный порошок отдел торговли горисполкома был вынужден ограничить продажу соли, спичек и школьных тетрадей. Мера подразумевалась как чисто предупредительная, в горисполкоме утверждали, что на складах есть годовой запас этих товаров. Но народ уже запаниковал и скупал всё подряд. Так, например, жители Петропавловска, обычно потребляя в год 800 тонн соли, умудрились только за первые девять дней августа скупить 100 тонн. На складах города её оставалось ещё 1 400 тонн и 11 000 условных ящиков спичек. Судя по потреблению последних четырёх лет их должно было хватить на год с лишним. Должно было...

Вместе с талонами появились и новые виды «бизнеса»: их стали продавать и менять. Тут, как говорится, кто на что оказался горазд. К примеру, одна знакомая, у которой были маленькие дети, меняла у родственников и приятелей сахарные и чайные талоны на мыльно-стиральные. Объявления о продаже или обмене появились не только на столбах и автобусных остановках, но и в газетах.

Властям тоже приходилось оперативно откликаться на возникавшие сложности. К примеру, с детским мылом. Так, 4 декабря 1989 г. в горисполкоме в связи с многочисленными просьбами горожан было подписано распоряжение № 457-р по поводу обеспечения детским мылом ребятишек в возрасте до трёх лет. Объединениям «Промтовары» и «Продтовары» поручалось наладить его продажу по рецептам детских поликлиник, определив для этого специальные магазины, горздраву — обеспечить поликлиники рецептами и справками для замены моющих средств людям, страдающим аллергическими заболеваниями [7].

По две бутылки в руки. Ограничения, связанные с продажей сахара по талонам, жуткий дефицит алкоголя не могли не сказаться торговле винно-водочными изделиями. Срок введения талонов на спиртное был просто вопросом времени и, как сейчас модно говорить, политической воли. В конце сентября 1989 г.

эта политическая воля материализовалась в коллективном органе — решение было принято на сессии городского Совета народных депутатов.

Комментируя в «Камчатском комсомольце» это решение, Раиса Стодольникова, начальник областного управления торговли, сообщила, что если получится, то талоны на спиртное введут с 1 октября. Всё будет зависеть от того, успеют ли их отпечатать. Но в любом случае, свободная реализация алкоголя со следующего месяца будет прекращена. Насчёт месячной нормы отпуска она заявила следующее: «Пока всё обсчитывается, исходя из имеющихся ресурсов. Но, видимо, хватит, как минимум, на две бутылки водки в месяц на человека, разумеется, достигшего двадцати одного года. Или бутылка водки и вина» [8].

Квартальные талоны на алкоголь (на 4-й квартал: октябрь, ноябрь, декабрь) были оперативно отпечатаны в областной типографии, и уже в первой половине октября началась их массовая выдача. На квартальном блоке талонов были выведены пять пунктов:

- выдаются по предъявлению паспорта;
- по отдельности талоны магазином не принимаются;
- при утере не восстанавливаются;
- передача другим лицам запрещается;
- действительны только на текущий месяц.

Основная часть населения города получала талоны на спиртное через ЖЭК. Они выдавались строго по предъявлению паспорта, причём особо обращалось внимание ещё и на дату рождения. Так как алкоголь продавали только лицам, достигшим двадцати одного года, то и комплект талонов можно было получить только при его достижении. Предыдущие месяцы на талоне безжалостно отрезались работником ЖЭК.

И сразу же начались неувязки. Значительная часть населения города — рыбаки и моряки — подолгу находилась в море. И далеко не у всех были семьи, которые могли бы отоварить талоны, действовавшие только в течение месяца.

За разъяснениями корреспондент «Комсомольца» обратился к главному «держателю» пакета талонов на жидкую валюту в Петропавловской базе океанического рыболовства Виктору Лапкову, начальнику отдела кадров. Тот ответил, что его дело — только распространить их, а как поступят с ними владельцы, их собственная печаль. Все апелляции — к горисполкому, который ввёл эту меру. Корреспондент посчитал, что морякам и рыбакам остаётся одно — продавать свои розово-зелёные «доллары» [9].

«Долларами» талоны на спиртное того времени окрестили не зря. Сразу после появления их стали продавать и обменивать: алкоголь на них давали стабильно, ещё без сбоев и переносов сроков. Тому же способствовал и цвет: талоны были зелёными.

Неработающие пенсионеры и инвалиды Петропавловска, а их насчитывалось тогда двадцать восемь тысяч, получали талоны на алкоголь в собесе на улице Войцешека. В октябрьские дни 1989 г. здесь ежедневно в очереди томились до тысячи человек. Городской отдел соцобеспечения, занятый тогда перерасчётом пенсий, категорически отказался от этой неблагодарной работы. Управление торговли вынуждено было отрывать от прилавков продавцов, и те занимались в собесе выдачей талонов пенсионерам.

Отоварить городские талоны можно было в любом винно-водочном магазине Петропавловска, а в Елизове нельзя — там в ходу были свои «бумажки». Дело оставалось только за малым — чтобы в магазине имелось спиртное, необходимое именно вам. Выбор был небогат, приходилось побегать, чтобы найти нужное. Самым распространённым алкоголем в те годы были водка «Столичная», дагестанский коньяк и вино «Анапа».

Не прошло и полтора месяца после введения талонов, как возникла совсем уж неожиданная сложность: пришла беда, откуда не ждали. Её тут же осветил «Камчатский комсомолец». Предпраздничный ажиотаж накануне 7 ноября, даже при наличии на заводе спирта, чётко дал понять: без бутылки — водки не бывать. Заводу остро не хватало стеклотары для розлива спиртного. Всё взаимосвязано: чем меньше пьёшь, тем меньше бутылок сдаёшь. К тому же даже непьющий народ стал выкупать водку и хранить её дома как «заначку»: сорокаградусной всегда можно было расплатиться за какую-нибудь работу или услугу.

Дабы не накалять обстановку, владельцев «пушнины», как тогда именовали спиртное, заинтересовали материально — талонами. Всего лишь за сотню пустых «чебурашек» (распространённая полулитровая стеклотара для розлива водки и лимонада) любой желающий мог получить талон на водку. Плюс, естественно, деньги за сданную посуду.

Натуральный обмен прожил недолго: 800 талонов, полученных от горисполкома, разошлись за неделю. Их вполне хватило, чтобы дела винно-водочного завода по розливу спиртного резко пошли в гору. Решился и вопрос с транспортными расходами: вместо завода гонять машины с пустыми бутылками стали сами частники. Директор завода Пётр Грицук рассказал, что обращался в горис-

полком и городской отдел торговли с просьбой выделить ещё талонов, но там отказали. Отказ власти мотивировали тем, что появился ажиотаж и нездоровые тенденции: стеклопосуду стали перекупать прямо у приёмных пунктов [10].

Тем временем, к концу ноября 1989 г. в городе сложилось непростое положение с сигаретами и папиросами. Как сообщала Елена Тамоева, начальник торгового отдела областного управления торговли, «годовой фонд поставок табачных изделий — 5,5 млн руб. План завоза фактически сегодня уже выполнен. Табачная продукция, предназначенная для Камчатки, сейчас находится во Владивостоке, на 1,5 млн руб. В ассортименте — “Ява”, “Космос”, “Столичные”, папиросы. Но мы не можем её вывезти: Владивостокский торговый порт не предоставляет контейнеры... Местные запасы у нас минимальные: немного “Примы”, “Беломора” и табак “Любительский”. Как бы не пришлось готовить бумагу и краску под новые талоны», — сообщила газета [11].

Талонов больше, чем сахара и водки. Итак, в 1990 г. Петропавловск вступил с талонами на сахар, чай, мыло и стиральный порошок, а также на винно-водочные изделия. Талоны на сахар, вино и крепкие спиртные напитки отоваривались ежемесячно; на стиральный порошок, хозяйственное и туалетное мыло, а также чай были квартальными. Но даже они иногда не спасали положение. Как результат — решение Петропавловского горисполкома № 64 от 4 января 1990 г. «Об упорядочении торговли сахаром по талонам»: «Для обеспечения бесперебойной и ритмичной поставки сахара, учитывая предложения объединения “Продтовары”, исполком городского Совета народных депутатов решил установить с 1 января 1990 г. срок действия талонов на сахар строго поквартально». В исключительных случаях по уважительным причинам (болезнь, командировка, длительный отпуск) отоваривать сахарные талоны можно было и позже, при предоставлении, естественно, подтверждающих документов [12].

Проще говоря, если ты «прощёлкал клювом» и вовремя не выкупил сахар, то январские, февральские и мартовские талоны в апреле становились недействительными. И никакие отговорки, что ты не мог найти сахар, на продавцов не действовали...

Но его всё равно не хватало. В январе, феврале, марте, апреле 1990 г. на один талон отпускали по два, а в мае, июне — по одному килограмму. И это накануне летних заготовок! Власти обещали в июле-августе увеличить норму до двух, а то и до трёх килограммов.

Отвечая на вопрос читателей газеты «Народный депутат», заместитель начальника областного управления торговли В. Резник разъяснял, почему так мало сахара. «Да, на каждого жителя Камчатki приходится в год двадцать четыре килограмма, с учётом общепита и мелкооптовой торговли. Услугами мелкооптовой торговли пользуются детские сады, больницы, геологические партии, пионерлагеря. Через общепит получают сахар столовые, рестораны, а также кооперативы, зарегистрированные при общепите. Так что по два килограмма на талон, как видите, не получается» [13].

На нехватке даже талонного сахара сказывалось и введение в 1989 г. талонов на алкоголь. Несознательные граждане, а их было немало, всё равно продолжали переводить сахар не в варенье и компот, а в брагу и самогон. Да и одной-двух бутылок водки в месяц народу явно не хватало. Получили хождение фальшивые и нелегально отпечатанные талоны, а также запущенные в оборот по второму разу.

Вот что сообщил по этому поводу на встрече с журналистами в декабре 1990 г. председатель облисполкома В. А. Бирюков, сказавший, что в текущем году было продано сахара на восемьсот тонн больше, чем в прошлом: «Это свидетельствует о том, что имеет место хождение фальшивых талонов, многие талоны, по всей видимости, отовариваются вторично. Управлению внутренних дел поручено провести расследование» [14].

Вообще-то и власти, и милиция крайне неохотно комментировали вопрос о поддельных талонах. Так, в сентябре 1990 г., отвечая на вопрос газеты «Народный депутат», сотрудники отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) сообщили, что фактов изъятия подделок не регистрировалось, кроме случая изготовления «спиртных» талонов в типографии. Учёт же талонов в торговых точках, по мнению ОБХСС, полностью не налажен. Обычно они пересчитываются и сжигаются по акту [15].

Впрочем, спустя пару месяцев милиция всё же кое-что прояснила. «По данным УВД, — писал в газете «Народный депутат» корреспондент Вадим Обехов, — на руках у населения области находится триста тысяч винно-водочных талонов, из которых каждый шестой — “сверхплановый”. Пути возникновения фальшивой “валюты” не ясны. Существует и хорошо налаженное подпольное производство талонов, как правило, рисованных. В магазинах они попадают часто, но распознать их можно только при детальном изучении. К этому можно добавить и большое количество талонов, которые идут по второму “кругу”. Народ приспособливается» [16].

В тот год, да и в последующий, 1991-й, забот хватало и без фальшивых талонов. Чего стоили только слухи, распространявшиеся по городу с неимоверной быстротой, причём в отсутствие Интернета и сотовых телефонов.

Ходят слухи по дворам... На них можно было бы и не обращать внимания, но любой мог спровоцировать ажиотажный спрос на какой-нибудь товар. И, как следствие, — дефицит со всеми вытекающими последствиями. При этом плановая экономика и система государственных поставок продуктов уже начинали расссыпаться. Так, в феврале 1990 г. чуть было не случился «мясной бум». По городу пополз слух, что кто-то видел отпечатанные февральские талоны на мясо. Отдуваться пришлось начальнику областного управления торговли Р. Стодольниковой:

«Никаких талонов на мясо мы не вводим, — успокоила она читателей «Камчатского комсомольца». — Как сложится всё в дальнейшем — сказать трудно. Это будет зависеть и от ситуации в стране. Но мы пока ничего подобного не планировали. Мяса в этом году в области должно быть в достаточном количестве. Так что слухи безосновательны» [17].

В тот год камчатцы попробовали всякого мяса. Чтобы сбить волну ажиотажного спроса, власти начали закупки товаров за валюту через появившиеся тогда совместные предприятия, а также в обмен на камчатскую рыбу. Тогда жители Петропавловска попробовали югославские консервы — баночную ветчину и говядину в собственном соку, голландские сосиски «Хот дог», мясо к завтраку датского производства и многое другое.

Вместе с тем, уже в феврале начались перебои с маслом, за которым начали выстраиваться громадные очереди. А к началу лета волна ажиотажного спроса, накатывающаяся на нас с материка, начала выметать с прилавков крупы и макароны. Причём в таких масштабах, что 28 мая 1990 г. председатель облисполкома В. А. Бирюков собрал власти Петропавловска, Елизова, Приморского и руководителей торговых организаций на совещание с одним вопросом: «Что делать?» И хотя по заверениям заместителя начальника областного управления торговли В. Резника, что круп, муки и макарон у нас в достатке, была создана рабочая группа во главе с зампредом облисполкома С. В. Тимошенко для изучения и проработки вопроса о возможном введении талонов на крупу. Чтобы не допустить окончательного разграбления магазинов.

Сведения об этом заседании под заголовком «Талон на кашу» 2 июня 1990 г. опубликовал «Народный депутат». Но после такого

«слуха» в областной газете крупу с полок магазинов стали считать ещё быстрее.

Серьёзные сложности в течение всего 1990 г. уже были с сигаретами, хотя магазины города могли ещё похвастаться изобилием «Беломорканала». На «чёрном» рынке Петропавловска обычная сорокакопеечная пачка сигарет «Ява» в конце 1989 — начале 1990 г. стоила уже два рубля. И это был не предел. К октябрю 1990-го на рынке за те же два рубля продавали уже простую «Астру» без фильтра, «Космос» стоил 7, а «Ява» — 8 руб. При этом проезд в городском автобусе обходился в 10 коп.

Вместе с тем случалось и приятное. На некоторые товары, отпускаемые по талонам, нормы выдачи на июль и 3-й квартал 1990 г. даже увеличились. «Управление торговли облисполкома утвердило нормы отпуска товаров по талонам на июль месяц в Петропавловске и Елизово. В одни руки будут давать: полкило чая, по два килограмма сахара и стирального порошка, один кусок хозяйственного и четырёста граммов туалетного мыла, одну бутылку ликёроводочных напитков и одну бутылку сухого вина или шампанского. Никаких талонов на крупу пока вводиться не будет» [18].

Народ, досрочно затаривший свои подсобки крупами, резко снизил активность. Тем не менее, лимиты на продажу остались. По сравнению с предыдущими месяцами увеличилась норма на чай и сахар, вновь появилось вино. Огромное же количество чая, видимо, образовалось за счёт турецких поставок, не пользовавшихся у населения особой популярностью. (Надо учесть, что талоны на сахар и спиртное отоваривались ежемесячно, а на чай, мыло и стиральный порошок — ежеквартально.)

Люди повеселели. Но счастье, как это бывает, оказалось обманчивым. Самое главное ещё было впереди.

Лишь бы не было войны... 20 сентября 1990 г. было принято решение горисполкома № 1554 «О введении талонов в г. Петропавловске-Камчатском на 1991 г.». В связи с недостаточностью запасов и для упорядочения торговли, равномерного распределения товаров среди населения, решено оставить в 1991 г. отоваривание сахара, чая, стирального порошка, мыла хозяйственного и мыла туалетного, алкогольных напитков по талонам.

Талон-заказ на всё перечисленное решено, как и прежде, выдавать населению через жилищно-коммунальные службы, комендантов общежитий, председателей кооперативных домов, отделы кадров баз флотов и других домовладельцев. Изготовить бланки талонов-заказов в срок до 1 декабря 1990 г. поручено директору областной

типографии. На эти цели, а также на организацию выдачи талонов из городского бюджета выделялось 76,8 тыс. руб. [19].

Казалось, что нет ничего страшного, ещё год проживём с этими талонами. Тем более что люди к ним худо-бедно уже привыкли. Но обстановка менялась просто стремительно: сплошь и рядом нарушались сроки поставки продукции, товар стали прямо в дороге перекупать и перехватывать другие регионы. Если раньше это было исключением, то в конце 1990 г. превратилось в норму. Тем более что «центр» постоянно обрезал нам лимиты на некоторые виды продукции. Ведь во многих других регионах с ними было ещё сложнее, чем на Камчатке.

Однако, отвечая на вопросы газеты «Камчатский комсомолец» в середине октября, Г. Ильяшенко, начальник торгового отдела «Продтоваров» ещё бодрилась: «Мясо, преимущественно импортная баранина, под угрозу исчезновения не попадает. Фонды обеспечены. Поставки куриных яиц в магазине не уменьшились, а увеличились. В сентябре, в частности, — на 51 %. Тем не менее, яиц не хватает, причина тому — ажиотажный спрос. Крупы и макаронные изделия тоже стали жертвой неограниченной скупки “про запас”. Производство макарон не уменьшилось. Раньше мы продавали 45 тонн риса в месяц, теперь около 56 тонн. Сложнее с гречневой крупой — фонды ограничены, и мы пока в состоянии обеспечить только детские сады, больницы и прочие социально-бытовые учреждения. Не исключено, что с 1 ноября придётся вводить макаронно-крупяные талоны. Примерно такая же ситуация с маслом — сливочным и растительным. За ним уже выстраиваются очереди, хотя маслом мы не обездолены, запасов сливочного масла — на шесть месяцев. А вот поставки сахара на последние месяцы года нам действительно урезали — до двух килограммов на человека в квартал. Но есть надежда, что с нового года жизнь станет “слаще”, правда, неизвестно, насколько...» [20].

Слаще жизнь не стала, а некоторые прогнозы начальника торгового отдела сбылись буквально через две недели. В конце октября облисполком решил ввести талоны ещё на ряд продуктов — масло растительное и сливочное, муку высшего и первого сортов, макароны, крупы (рис, гречку, манку и пшено).

С 1 ноября 1990 г. на эти талоны «садились» Петропавловск, Елизово и Приморский. Как писали местные газеты, нормы отоваривания «на едока» могли поразить воображение. Они были установлены после того, как облисполком посчитал реальные ресурсы. Гражданам Петропавловска в месяц полагалось:

- масла сливочного — 400 граммов;
- масла растительного — 200 граммов;
- муки — килограмм;
- макарон — 250 граммов;
- крупа — 750 граммов;
- яиц — десять штук.

Интересно, что Владивосток тогда располагал ещё меньшими продовольственными запасами, и на некоторые продукты нормы отпуска там были существенно ниже.

Заместитель председателя Камчатского облисполкома В. Симонов сообщил журналистам, что отоваривание талонов на вышеперечисленные продукты гарантировано, гражданам не придётся «рыскать» по городу в поисках своего «прожиточного минимума», а потом ещё прозябать в очередях. А ведь именно такой в то время была обстановка в Петропавловске с сахаром.

«Талоны новой модификации уже отпечатаны и выдаются, как и раньше, в ЖЭКах». В. Симонов также сообщил, что рассматривается возможность введения талонов на табачные изделия. Предварительная арифметика здесь и вовсе неутешительна — получалось по три пачки сигарет или папирос в месяц на каждого взрослого гражданина (и курильщика, и некурящего). «Сигареты, видимо, “присоединятся” к винно-водочным талонам» [21].

Одно радовало: чиновники от торговли обещали, что со спиртным до конца года будет нормально — две бутылки водки и одна вина в месяц на человека. А вот шампанского к Новому году не обещали, его, как выяснилось, выпили ещё летом 1990-го.

Так как талонов стало гораздо больше, исполком горсовета в ноябре-декабре этого же года принял два регламентирующих документа — о правилах выдачи талонов и их уничтожении. Некоторые детали в них были прописаны более подробно, чем в 1989 г. Так, решением № 2002 от 29 ноября 1990 г. утверждалось положение о правилах выдачи. Начинала выстраиваться, по сути, целая система, которая могла работать годами. Здесь уже были учтены как предложения горожан, так и служб, занимавшихся выдачей. Утверждён её единый режим для всех служб: во вторник и среду — с 16.00 до 20.00, в субботу — с 09.00 до 13.00. Порядок должно обеспечивать городское отделение внутренних дел. ЖЭК, отделы кадров баз флотов, коменданты общежитий, а также ведомства, имеющие жилой фонд, должны оборудовать помещения для выдачи, а также обеспечить сохранность талонов, строгий контроль и своевременную отчётность.

Все торговые объединения города, а также фирменные магазины за пять дней до начала месяца (квартала) должны предоставлять в управление торговли облисполкома сведения о запасах нормируемых товаров для определения норм выдачи. Свободная продажа распределяемого по талонам этим организациям была запрещена. Установлено, что талоны являются документом строгой отчётности. Талоны на алкоголь выдаются только по предъявлению паспорта лицам, достигшим двадцати одного года, табачные изделия — лицам, достигшим шестнадцати лет. Отдельно оговаривалось, как получают талоны рыбаки, моряки и военнослужащие, а также люди, временно прибывшие в город (не менее чем на месяц) [22].

Заметьте, что ко времени издания этих правил талонов на табачные изделия ещё не было. Стало быть, составлялись они с «запасом», на перспективу.

24 декабря 1990 г. в горисполкоме было подписано распоряжение № 423-р «Об уничтожении талонов». В целях обеспечения их своевременного и правильного хранения и ликвидации всем торгующим предприятиям города было предписано [23]:

- талоны в магазинах хранить в пачках по сто штук и в течение месяца, как бланки строгой отчётности (согласно положению о выдаче);

- обеспечить строгий контроль продажи, для чего вести ежедневный учёт движения товаров и отоваривания талонов;

- уничтожение производить в первый вторник каждого месяца (квартала) во всех магазинах города специальной комиссией в присутствии депутатов горсовета или представителей рабочего контроля;

- ежеквартально до 10-го числа следующего после окончания квартала месяца представлять отчёт исполкому о количестве отоваренных талонов и остатках товарных ресурсов.

Обстановка уже была очень сложной, но народ ещё наслаждался политикой и занимался всевозможными разоблачениями. «Гласность», всё-таки. Вышедшие после каникул в середине октября депутаты облсовета обсуждали концепцию перехода области на «рыночные рельсы». Политики живо комментировали знаменитую программу Г. Явлинского «500 дней». Тогда казалось, что от нищеты до изобилия остаётся всего-то ничего.

Не стреляйте, мужики! Наиболее сложно в конце 1990 г. было с табачными изделиями. Цены на сигареты на «чёрном» рынке зашкаливали, с прилавков ещё в начале года смели даже всю копеечную махорку, доселе годам пылившуюся под стеклом.

17 октября 1990 г. в день юбилея Петропавловска — город отметил 250-летие — во многих магазинах массово «выбросили» табачные изделия. По сведениям объединения «Продтовары», были проданы 41 ящик «Беломорканала» и 225 — «Явы». Многие очевидцы утверждали, что «Ява» пробилась к прилавкам со значительными потерями, а торговали в основном «Беломором». Распродажа в тот день напоминала массовые бои за алкоголем 1985—1986 гг. А в конце октября «Продтовары» обещали пустить в продажу индийские сигареты по 40—50 коп. за пачку [24].

В районах области, где с куревом было гораздо тяжелее, чем в Петропавловске, отмечались случаи, когда народ вместо табака курил чай. Тот самый турецкий, который категорически отказывался брать по талонам. Иногда его мешали пополам с табаком.

Сигареты докуривали до самого фильтра, а «бычков» на улицах Петропавловска в те годы заметно поубавилось. «Камчатский комсомолец» в приложении «Нон-стоп» в октябре 1990 г. в материале «Не “стреляйте”, мужики!» сообщил даже о факте продажи трёхлитровой банки с сигаретными окурками. По словам журналистов, этот бизнес докатился до нас с материка. Именно в те годы широкое распространение получили поштучная торговля сигаретами. Пачка стоила на «чёрном» рынке дорого, а на одну штуку, если сильно захотелось покурить, можно было и раскошелиться.

Понимая, что дальше так продолжать не может, власти решили ввести с ноября 1990 г. нормы на табачные изделия, что и было сделано очень оперативно, и отдельно талоны для этого не печатали. Просто решили продавать по три пачки дополнительно к ноябрьскому винно-водочному талону. Это было ничтожно мало, и к тому же возникла несправедливость: талоны на спиртное выдавали только с двадцати одного года, а вот курить можно было с шестнадцати лет. Целый пласт молодёжи вообще остался без сигарет и папирос. К тому же возникла сложность и с отовариванием: нужно было ещё найти магазин, где в ассортименте одновременно имелись и нужная тебе винно-водочная продукция и курево [25].

И тут вспоминается ещё один интересный факт. Свои фонды на продажу сигарет и папирос имело тогда и объединение «Общественное питание». Рестораны и кафе исправно снабжались ими даже в самые трудные годы. В меню сигареты не значились, но у официантов и вахтёров были всегда, служа им источником небольшого приработка. Однако в ноябре 1990 г. эта «лавочка» закрылась: «Общепит» передал свои табачные фонды «Продтова-

рам». А фонды были немалые: только в октябре «Общепит» реализовал более трёхсот ящиков табачных изделий!

Журналисты по этому поводу сильно сокрушались. Если бы талоны ввели на месяц-два раньше, то сохранили бы «разбазаренные» фонды общепита и избежали массовой распродажи 17 октября. А там, глядишь, и в ноябре давали бы не по три, а по шесть, а то и девять пачек. Но, как говорится, кабы да если...

С введением талонов на табачные изделия сложности с куревом, возникшие у части молодёжи, решались по-разному. К примеру, о юных курсантах мореходки позаботилась администрация училища: каждому курящему стали выдавать на месяц по три пачки «Ява» и по две «Астры». После этого в мореходке закурили разом все курсанты.

Порадовал горожан в начале декабря и заместитель председателя облисполкома В. Симонов. Он сообщил, что по линии Облрыболовпотребсоюза прибыло и разгружается судно. В первой декаде декабря курильщики начали получать по декабрьским талонам по десять пачек сигарет. Это уже было кое-что, особенно в тех семьях, где имелось много некурящих: те свою «пайку» передавали курильщикам.

Талоны «быстрого реагирования». В конце ноября 1990 г. облисполком распорядился продавать все промышленные товары исключительно по камчатской прописке. Эта мера, по замыслу чиновников, должна была воспрепятствовать скупке и вывозу остатков бывшего изобилия за пределы полуострова. И хотя вывозить уже было нечего, особо дальновидные горожане смекнули, что это неспроста, и были правы. Так Камчатка готовила почву для введения талонов на промтовары.

Уже 1 декабря 1990 г. по линии отдела торговли Петропавловского горисполкома прошла информация, что областное управление торговли заказало типографии специальные номерные талоны на 65 наименований. Эпоха дефицита породила и городское бюро по талонам из трёх человек, которое взялся содержать облисполком [26].

В начале декабря 1990 г. журналисты «Комсомольца» стали свидетелями отгрузки первой партии номерных талонов из областной типографии. Погрузкой тщательно пересчитанных бумаг занимались депутаты во главе с Владимиром Лукашевским, председателем комитета по торговле городского Совета народных депутатов. Их было так много, что первым рейсом на «уазике» вывезли только имевшие номера от 1-го до 15-го [27].

Это решение властей было, по сути, верным. В эпоху, когда дефицитом могло стать всё, такое количество номерных бумажек без указания наименования товара давало возможность оперативного реагирования. Именно так — «быстрого реагирования» — и называли талоны в 1991 г. По талону номер такой-то — товар такой-то в таком-то количестве. Пожалуйста, покупайте. И не надо больше ничего дополнительно допечатывать.

Но это касалось сначала лишь продуктов и товаров первой необходимости, затем — различных промтоваров. Талоны же на спиртные напитки печатались отдельно и выдавались на предприятиях. Решением горисполкома с начала 1991 г. они должны были тоже выдаваться, как и все остальные, в жилищных управлениях по предъявлению паспорта с пропиской. В этой связи у руководства городской торговли возник конфликт с коммунальщиками, которые наотрез отказывались распространять «алкогольные» талоны. Сами понимаете, спиртное — жидкая валюта, а за валюту могут и убить. Тем более что раздачей занимались исключительно женщины. Тут нужны были и сейфы, и охрана, и решётки на окнах. А милиция наотрез отказалась предоставлять людей для охраны жилконтор.

К началу 1991 г. на руки почти всем горожанам были выданы новые талоны, заменившие все предыдущие изыски 1980—1990 гг. Это были довольно объёмные «простыни», разлинованные по номерам. В каждом квадратике — лишь номер, месяц (квартал) и год. Зелёные «простыни» — с ежемесячными талонами, фиолетовые — с квартальными. А в первых числах января 1991 г. продовольственная комиссия облисполкома утвердила и январские нормы продажи.

Вот они: талон № 1 — шесть пачек сигарет; № 2 — килограмм сахара; № 3 — 400 граммов животного масла; № 4 — шесть яиц; № 5 — полтора кило мяса; № 6 — полкило муки; № 7 — 300 граммов макаронных изделий; № 8 — три коробки спичек; № 15 — 300 граммов сыра. На алкогольные в январе 1991 г. полагалась бутылка чего-нибудь крепкого и бутылка вина. Так что на Рождество и Старый Новый год было не разгуляться.

Не особо впечатляли нормами и квартальные талоны: № 16 — 700 граммов растительного масла; № 17 — 250 граммов чая; № 18 — два кило крупы (в том числе по полкило гречки и пшена и килограмм любой другой); № 19 — 400 граммов туалетного мыла; № 20 — кусок хозяйственного мыла.

Насчёт трёх коробков спичек разъяснения дала заместитель председателя горисполкома Е. Фомичёва. Оказалось, что Благовещен-

ская спичечная фабрика — наш основной поставщик — начала заламывать закупочные цены до трёх копеек (стоили в розницу одну копейку). Камчатке деваться было некуда, пришлось согласиться, и нормы спичек на февраль власти обещали увеличить [28].

Кофейно-шоколадные эксперименты. 16 января 1991 г. состоялась очередная пресс-конференция председателя облисполкома В. А. Бирюкова. Разговор касался исключительно цен. Как он отметил, Камчатка вышла на тропу «истинного переходного периода к рыночной экономике», промышленность начала работать по новым оптовым ценам. Из этого следует только одно — повышение розничных цен неизбежно. Однако оно будет регулироваться и проходить постепенно. В. А. Бирюков высказался также за развитие в области государственной коммерческой торговли, тем более что большая часть средств от неё должна была пойти на помощь малоимущим, в фонд социальной защиты. А одно из предложений главы области было осуществлено буквально на следующий день.

Объединение «Продтовары» в пяти магазинах Петропавловска организовало отделы по продаже товаров повышенного спроса взамен алкогольных и табачных талонов. Ассортимент предлагаемого покупателям в обмен на них должен был устанавливаться торговыми организациями города ежемесячно из имеющихся ресурсов по согласованию с горисполкомом. Предполагалось, что это частично ударит по спекуляции спиртным и куревом. Предлагалось растворимое кофе, шоколад, конфеты. На один талон приходилась банка бразильского кофе либо две коробки конфет «Ассорти» или «Птичье молоко» [29].

Что произошло после этого, хорошо описал «Камчатский комсомолец», корреспонденты которого объехали все магазины города, участвовавшие в «миссии ненасильственного отрезвления». Везде наблюдались солидные очереди. Продавцы хватались за голову, а спрос на «альтернативный» товар превзошёл все ожидания. Особенно активно расходилось кофе, и уже к обеду потребовались дополнительные поставки. Продавцы с удивлением наблюдали, как граждане выкладывали на прилавки по десять, двадцать, тридцать талонов. Особенно много было табачных...

«Уже к обеду первого дня на столе у Е. Будовской, заместителя начальника “Продтоваров”, лежали поддельные “портянки”, сработанные весьма искусно.

— Пока милиция не наведёт порядок с талонами, такие эксперименты будут обречены на провал, поскольку запасы кофе и конфет очень ограничены, — прояснила обстановку Екатерина Ивановна.

ОКТАБРЬ · 1989 ВИНО	ОКТАБРЬ · 1989 КРЕПКИЕ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ
НОЯБРЬ · 1989 ВИНО	НОЯБРЬ · 1989 КРЕПКИЕ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ
ДЕКАБРЬ · 1989 ВИНО	ДЕКАБРЬ · 1989 КРЕПКИЕ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ

1. Выдаются по предъявлению ПАСПОРТА
2. В ОТДЕЛЬНОМ ВИДЕ ТАЛОН МАГАЗИНОМ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ
3. ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОССТАНАВЛИВАЕТСЯ.
4. ПЕРЕДАЧА ДРУГИМ ЛИЦАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ.
5. Действителен только на ТЕКУЩИЙ МЕСЯЦ.

Так выглядели первые талоны на вино-водочные изделия, в октябре-декабре 1989 г.

В АПРЕЛЕ, как утверждают медики, возрастает угроза авитаминоза. Однако утешить вас нечем: продукты, несмотря на повышение цен, будут по талонам. По-прежнему мало, но уже дороже.	квартальные талоны, вам предстоит получить: Талон № 16 — 0,7 кг растительного масла. № 17 — 250 г чая. № 18 — 2 кг крупы (риса — 0,5 кг, овсяной — 0,5 кг, ячневой — 0,5 кг и любой другой — 0,5 кг).
---	--

АПРЕЛЬСКОЕ МЕНЮ

Талон № 2 — 1 кг сахара.
№ 3 — 400 г сливочного масла.
№ 5 — 1 кг баранины.
№ 6 — 0,5 кг муки.
№ 8 — три коробка спичек.
№ 9 — 8 пачек табачных изделий.
№ 11—4 куриных окорочка, но не более 1,5 кг.
На флюгетовый, т. е.

№ 19—туалетное мыло — 400 г.
№ 20 — 1 кусок хозяйственного мыла.
№ 25 — 1 кг макаронных изделий.
Талоны на продукты по новым ценам решением облисполкома действуют со 2 апреля. Первого апреля можно закупить продукты по неоглашенным талонам за март и I квартал с. г.

Апрельское «меню» для жителей Петропавловска, «Камчатский комсомолец», 30 марта 1991 г.

ВАША КАРТОЧКА БИТА!

НТО сказал, что депутаты не работают! Врань. В минувшие вторник трое народных избранников выполняли особо важное задание местного правительства.

Когда на Петропавловск опустился сумерки, от областной типографии отъехал УАЗик. Горючего спланили по своим делам, вернулись на остановках в ожидании автобуса. И было им известно, что битком набитый спецавтобонный не народный достояние — талоны 1991 года. До «рисполкома» машина добралась без эксцессов. Азия была проведена быстро, без шума и пыли.

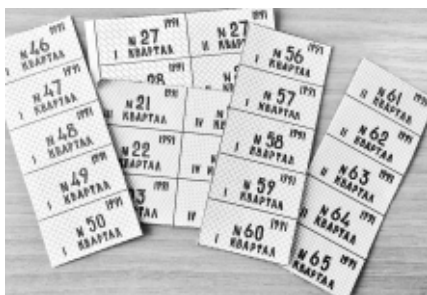
«Операцией» на улице Лу-

нашевского руководили председатель комитета по торговле горсоветов Владимир Лунашевский. Ему помогли депутаты Константин Кузовов и Анатолий Федоренко. Попутно пришлось народным сотням тысяч карточек — это не шутка.

Первым рейсом из типографии выехали талоны «номер 1» — номер 15. Всего не будет опечатано 65. Однако, пока точно не известно, какие товары будут по ним продаваться.

Потряну талоном случайно проконтролировали Вадим БОГОМОЛОВ и Сергей ЗАГОРСКИЙ (фото).

Отпечатаны талоны № 1—65, «Камчатский комсомолец», 8 декабря 1990 г.

«Талоны быстрого реагирования», 1991 г.

«УВАЖАЕМЫЙ «К»!

У нас в городе на складах — большие запасы сахара. Однако его продажа производится два раза в неделю с 18 00 [торговый центр на 6 кв.]. Считаю, что это издевательство над людьми. Сахар после работы купить практически невозможно. Спрашиваю — кому это нужно!

Прессм начальнику управления торговли выступить на страницах «К» с конкретными предложениями по ликвидации создавшегося безобразия.

ЛОСЬ, МУЛАХМЕТОВА, ЖУКОВА, ГАЛКИН и др.
г. Петропавловск.

ВЕРОЯТНО, авторы этого письма, как и многие жители Петропавловска, еще не знают, что принято постановление горисполкома о реализации сахара населению по талонам. Мы обратились в управление торговли горисполкома с просьбой уточнить содержание постановления. Старший инспектор Наталья Ивановна Слепуха категорически отказалась поделиться информацией: «Вчера были объявления по радио и по телевидению. Надо было смотреть. «Камчатскому комсомольцу» об этом писать незачем...».

Редакция благодарна старшему инспектору за совет: побольше смотреть телевизор и поменьше писать. Но интересно узнать, что дает право представителю горисполкома лишать 34 900 наших читателей и граждан (потенциальных «недоков» сахара) информации о решении горисполкома? Секретная инструкция на монополию информации? Или должностные амбиции?

Мы не сдались и позвонили в Ленинский райисполком Петропавловска. Однако зав. торговым отделом С. И. Воробьева отреагировала не менее решительно: «Это инициатива горисполкома, их постановление, туда и звоните. Или же обращайтесь к председателю райисполкома».

Тогда выяснено: решение принимал горисполком, а райисполкому предстоит воплотить его в своем районе. Последняя надежда — Октябрьский испол-

нительный комитет. В. М. Маркина, зав. торговым отделом, тоже удивилась, что мы не слышали радио, но все же рассказала, что выдавать гражданам талоны на сахар будут ЖЭК и ЖЭО, а общественники — директора. Честным сектором займутся депутатские группы или уличные комитеты. Сейчас идет сложный организационный период. Но с 10 июня планируется начать выдачу талонов по месту прописки. Норма на июнь — два килограмма на каждого члена семьи, независимо от возраста. «Оскариды» талоны мы сможем в любом магазине города. Дальнейшее распределение — по кварталам. На летне-осенний сезон нормы будут увеличены. Вопрос решается.

Вот и все. Если что неясно, обращайтесь в ЖЭК. Отправляясь за талоном, не забудьте паспорт и свидетельство о рождении детей. И расчетную книжку: упрости вас боже просрочить «квартплату» — на сахар можете не рассчитывать (так сказали нам в больничестве ЖЭКа). Отпускники автоматически выйдут из списка претендентов. Идеальный порядок в духе военного коммунизма.

Отчего же так волнуются руководители городской торговли? Видимо, оттого, что сахара у нас по всем нормам в достатке и даже в избытке. И прибегнуть к талонной системе в данной ситуации — значит расплываться в собственном бесании, неспособности упорядочить торговлю нормальными методами, так и осталось выясним, почему вокруг сахара такие очереди и ажиотаж, если продают его гораздо больше, чем в прошлые годы!

Затемните глаза, сладкожежки. Умерьте аппетит, любители домашних варенья и компотов. Витамины на зиму придется заготавливать согласно отпущенным талонам. Посмотрите на самогонщиков — им тоже будет не так сладко, вернее — горько. Хотя меньше всего верится, что самогонщиков этим прошибет...

Елена КАСАТКИНА.

С этого материала, опубликованного 7 июня 1988 г. «Камчатским комсомольцем», и началась «талонная» тема в камчатской печати

Посчитали — прослезились

ДЛЯ тех, кто еще не понял, как распорядиться своими залежавшимися талонами — простыми словами, сообщаем: в январе на талон № 1 вы получаете 6 пачек сигарет, № 2 — килограмм сахара, № 3 — 100 г. животного масла, № 4 — 6 яиц, № 5 — 1,5 кг. мяса, № 6 — 0,5 кг. муки, № 7 — 300 г. макаронных изделий, № 8 — 3 коробки спичек, № 9 — 300 г. сыра.

Да, на Рождество Христово и старый Новый год нам придется туго. Там более, что животного получим всего одну бутылку «красного» и одну бутылку вина.

На филозовые, то есть чертальные карточки, вам предстоит получить: талон № 16 — 700 г. растительного

масла, № 17 — 250 г. чая, № 18 — 2 кг. крупы (в том числе 0,5 кг. гречки, 0,5 кг. пшена, 1 кг. любой другой крупы), № 19 — туалетное мыло — 400 г., № 20 — 1 кусок хозяйственного мыла.

Такие нормы установила продовольственная комиссия облисполкома.

Что и говорить, ситуация с товарами и чрезвычайная, и комическая. Например, над тремя коробками спичек смеяться уже можно. В недоумении, мы обратились к заместителю председателя гор-

Елизаветы Ивановны, установленный исходя из имеющихся ресурсов. Свинины и говядине катастрофически не хватает. Это мясо будет распределяться в детские и лечебные учреждения.

Зато триста граммов сыра нас приятно удивили: не густо, но и не пусто. Обещана твердая гарантия его приобретения. На Камчатку сыр уже вприпрыжку. И нормы на него рассчитаны, если верить Елизавете Ивановне, с особой щепетильностью.

И все бы ничего, если б не проклятые фальшивоталончики. В прошлом году на поддельные карточки было выдано около 800 тонн сахара. Хотя бы сыр на тронили...

Мария ШУПЕНИК.

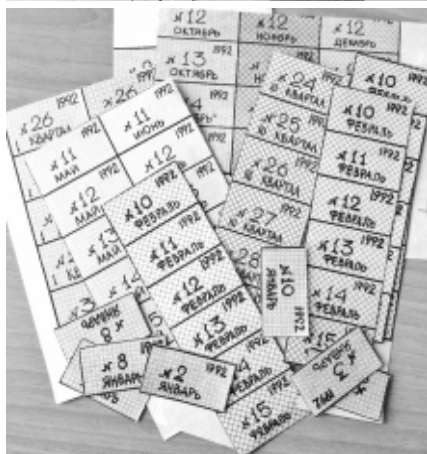
Талонное «меню» на январь 1991 г., «Камчатский комсомолец», 5 января 1991 г. В течение года подобные сведения публиковались ежемесячно

«Подарок к юбилею». Коллаж из газеты «Камчатский комсомолец»,
26 марта 1990 г., № 12

Журналист газеты «Народный депутат» (будущие «Вести») И. Оснач
с «талонной простыней» на 1991 г.

Образцы талонов на различные продовольственные и промышленные товары, ходившие в г. Петропавловске-Камчатском в 1989—1992 гг.
(из собрания В. М. Богомолова)

Законодательно подделка талонов никак не наказуема, поэтому прикладным рисованием может заниматься любой умелец. Однако многих интересует судьба талонов № 1 (табак), отрезанных от детских карточек. По всей видимости — это тоже источник утечки. В ЖЭКах, конечно, существует отчётность, но ведь речь идёт не о десятках, а о десятках тысяч талонов...

В целом эксперимент горожанам понравился. Но очевидно, что удовольствие оказалось весьма непродолжительным, и перепало далеко не всем. Торговать начали в среду, а в четверг конфеты уже иссякли. Дальнейшая судьба эксперимента пока под вопросом» [30].

Эксперимент завершился весьма своеобразно: с февраля 1991 г. талон № 1 полностью аннулировался. А сигареты, те же шесть пачек в месяц, стали отпускать на талон № 9. Водки и вина на февральские талоны давали по одной бутылке. Но теперь на любой из трёх талонов — табачный, винный или водочный можно было приобрести шампунь, кремы, губную помаду, румяна, женские перчатки, детские колготки, а также одну коробку шоколадных конфет. Естественно, в специально определённых магазинах.

Ещё один эксперимент был проведён буквально накануне Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота, то есть 23 февраля. Из-за отсутствия тары на заводе минеральных вод «Продтовары», с согласия горисполкома, выпустили в свободную продажу не пользовавшееся популярностью у горожан по талонам вино «Анапа». За день было продано всё, что скопилось на складах, более ста пятидесяти тысяч бутылок солнечного напитка. В руки давали не более пяти бутылок, но в некоторых магазинах продавали «креплёное» буквально ящиками, чтобы поскорее избавиться и от столпотворения, и от неликвида.

Кстати тогда же было определено, что талоны на винно-водочные изделия в 1991 г. для моряков, рыбаков, геологов будут действительны в течение последних трёх месяцев. Но на них должна стоять печать отдела кадров предприятия, подтверждающая, что человек был в море или экспедиции. Отоваривать их талоны должны были в шести магазинах города.

Квартальные носки и панталоны. К началу марта 1991 г. были определены нормы продажи по талонам промышленных товаров повседневного спроса. Так, на квартальный талон № 21 (за 1-й квартал) полагалось пять пар мужских или пять пар детских носков (колготок, гольфиков). На талон № 22 — по четверо детских или женских трусов, либо двое мужских. По талону № 23 можно было купить по две майки, футболки или женских сорочки,

или две мужских футболки, или две детских. Эти талоны действовали в течение года.

А уже 7 марта 1991 г. увидело свет решение горисполкома № 495 «Об упорядочении продажи непродовольственных товаров в г. Петропавловске-Камчатском». В связи с ограниченными запасами, ажиотажным спросом, а также для соблюдения социальной справедливости в части распределения, решено реализовывать их по талонам. Документ утверждал перечень продаваемого в 1991 г. из тридцати шести позиций, многие из которых содержали в себе ещё ряд наименований. К примеру, по талонам должны были продаваться ткани всевозможных видов, полотенца, постельное бельё, одеяла и подушки, верхний трикотаж, вязаные изделия, детская обувь, ряд парфюмерно-косметических товаров, предметы женского туалета, нитки, мебель, посуда, часы, радиотовары, а также многое другое. Проще сказать, всё, что пользовалось маломальским спросом.

Положением было установлено, что непродовольственные товары в 1991 г. будут продаваться по квартальным талонам с № 30 по 65 во всех магазинах Петропавловска. Квартальные талоны, по сути, приравнивались к денежным номиналам. Была установлена общая сумма приобретаемых товаров на одного человека в год — 960 руб. Исходя из этого, талоны с № 31 по 45 включительно за четыре квартала оценивались в один рубль (то есть 60 штук на сумму 60 руб.). Талоны с № 45 по 55 — в 5 руб. (40 штук на 200 руб.); с № 55 по 60 — в 10 руб. (20 талонов на 200 руб.); с № 61 по 65 — по 25 руб. (20 штук на 500 руб.).

По покупке надо было кроме денег предоставить продавцу и талоны, нарезанные в соответствии с номиналом. Все они действовали до 31 декабря 1991 г., а само положение вступило в силу 8 апреля [31].

Эта система продажи промтоваров так и не получила масштабного развития по ряду причин, а к концу года её вообще отменили. После того как в январе 1991 г. правительство под руководством В. Павлова устроило обмен старых пятидесяти и сторублёвых купюр на новые, народ начал хватать всё, что представляло хоть какую-то ценность. На деньги в госторговле покупать было уже нечего. К тому же получили развитие коммерческие магазины, где по рыночным ценам можно было приобрести приличный товар. И деньги многие несли туда. Первый коммерческий магазин был открыт кооперативом «Околица» в январе 1989 г. в районе судоверфи. В декабре 1990 г. в Петропавловске начал работу первый

государственный коммерческий магазин «Меркурий». В марте 1991 г. в городе имелось около десятка таких магазинов, а к началу сентября — уже более двадцати.

Торговые объединения стали покупать и реализовывать товары по договорным ценам. Они в несколько раз (порой в десять) превышали госцены, но и такой товар население почти сметало с полок. Так, бывший «Горкоопторг» закупил у кооператива «Таврия» двенадцать тонн сахара по договорной цене. В начале марта 1991 г. он продавался без талонов по пять рублей за килограмм. Первый день торговли в магазине «Кооператор» показал, что это не так уж дорого: две тонны разошлись за несколько часов, и пришлось установить норму — два кило в руки, поскольку от желающих подластиться не было отбоя. Авиабилет до Хабаровска в то время стоил ещё менее ста рублей.

В апреле 1991 г. по постановлению Кабинета Министров СССР была проведена переоценка товаров (самое необходимое подорожало на 200—300 %). Накануне этого с полок смели всё, что было. Как писал «Камчатский комсомолец», разобрали и то, что не исчезало годами — калоши, валенки, резиновые сапоги. Ученическую форму брали на вырост — на всю школьную биографию своих чад. Шнурки хватали горстями, а из-за ниток дрались [32].

Впрочем, после событий августа 1991 г., так называемого «путча ГКЧП», страна пошла семимильными шагами «к свободному рынку». И поэтому все эти подорожания в два-три раза уже казались просто детским лепетом.

Меню 1991 г. Талонное меню 1991 г. на продовольственные товары не отличалось разнообразием, но оказалось более-менее устойчивым, резких перепадов по нормам не было. В течение всего года ежемесячно можно было купить три-четыре коробка спичек. Количество сигарет-папирос на один талон варьировалось по месяцам от шести-восьми до пятнадцати пачек. По пятнадцать пачек курева на один талон народ получал в июле, августе и сентябре.

В апреле, например, по талонам давали кило сахара, 400 граммов сливочного масла, кило баранины, полкило муки, три коробка спичек, восемь пачек табачных изделий, четыре куриных окорочка (но не более полтора килограммов). Это была месячная норма. А вот по квартальным талонам (на 2-й квартал 1991 г.) горожанам полагалось 700 граммов растительного масла, 250 граммов чая, два кило крупы (в том числе по полкило риса и овсянки), 400 граммов туалетного и кусок хозяйственного мыла и килограмм

макаронных изделий. Апрельские продукты продавали уже по новым ценам.

В течение всего года ощущались перебои с алкоголем. Обычно месячная норма составляла бутылку водки и бутылку вина, но талоны постоянно продлевались, то на месяц, то на два. Продолжала действовать и система обмена. Так, весной 1991 г. на табачные и винно-водочные талоны можно было купить 500 граммов шоколадных конфет и пачку натурального кофе или три пачки чёрного перца (он тоже был в дефиците), или две пачки кексов, или 300 граммов шоколада [33].

Двух-трёхкратное апрельское повышение цен уже к лету отразилось и на талонных продуктах. Так, в июне по ним давали только муку высшего сорта, остальные сорта были в свободной продаже. По талонам оставались гречка и рис, остальные крупы — свободно, но в переделах нормы. В июле уже без талонов стали продавать муку всех сортов, а также макароны. Правда, в октябре-декабре 1991 г. муку и макароны опять стали распределять по талонам. Но недолго.

В августовском меню жителей города появилось больше мясных блюд — решено свободно продавать баранину и птицу местных производителей. Водка и вино не отоваривалась, поскольку в этом месяце были действительны июньские талоны на водку и июльские — на водку и вино.

В сентябре обстановка с винно-водочными изделиями немного прояснилась. Теперь можно было купить по бутылке водки и вина на винный талон июля. Остальные талоны на спиртное всех предыдущих месяцев были объявлены недействительными. Руководство Петропавловского винзавода ездило по всей стране и кланчило сырьё, иногда успешно, чаще — нет. У людей появилось стойкое ощущение того, что скоро алкогольным талонам придёт конец.

В преддверии Нового года на декабрьский талон № 4 народу дали по десятку яиц, а на талон № 12 — полкило сыра. Из алкоголя — по бутылке вина и водки. Кстати, сыр, а его хватило ещё и на январские и февральские талоны 1992 г. (по полкило на брата), был закуплен за валюту в Новой Зеландии. Приобрели его тогда для Камчатки двести шестьдесят тонн.

В новый рынок — с новыми талонами. 1992 г. Петропавловск опять встретил с талонами, несмотря на то, что цены, в том числе и на винно-водочные изделия, были отправлены в «свободное плавание». «Похоже, — сообщал в декабре 1991 г. «Камчатский комсомолец», — власти не намерены выпускать наши

желудки в свободный рынок безо всяких прав и гарантий на пропитание».

Решение № 3508 «О распределении товаров по талонной системе в 1992 г.» горисполком принял ещё 14 ноября 1991 г. В целях упорядочения торговли и равномерного распределения товаров решено оставить талоны в 1992 г. на некоторые виды товаров и алкоголя. Из городского бюджета на изготовление и организацию их выдачи выделено 197,9 тыс. руб. Бланки талонов-заказов планировалось изготовить в типографии до 10 декабря 1991 г. [34].

На 1992 г. были отпечатаны 200 тыс. комплектов на вино и водку и 290 тыс. — на продукты и товары первой необходимости. Талоны с № 2 по 15 были ежемесячными на продовольствие, с № 16 по 30 — квартальными на продовольствие и ширпотреб.

«По форме и внешнему облику они не отличались от своих предшественников (талонов 1991 г. — В. Б.), зато перекрасились: винно-водочная радость будет иметь оранжевую расцветку, квартальная — розовую, ежемесячная — голубую».

Вместе с тем на 1992 г. были отменены талоны на промтовары — торговля была уже не в состоянии обеспечить хотя бы минимум товаров [35].

Январское меню 1992 г. для жителей Петропавловска, Елизово и Приморского оказалось не богаче старого, хотя и значительно дороже. Свободные цены вовсе не означали изобилия на прилавках, во всяком случае, на первых порах. В январе 1992 г. нам полагалось по килограмму баранины и говядины, 400 граммов масла, два кило сахара, три коробки спичек, десять пачек табачных изделий, кило муки, полкило сыра. На квартальные талоны: 250 граммов чая, 700 граммов растительного масла, по килограмму макарон и риса. Все остальные крупы, кроме гречки, продавались свободно.

Нормы отпуска продуктов по талонам в феврале-марте 1992 г. были практически такими же, как в январе. В феврале, помимо баранины и куриных окорочков, которых для города закупили в конце 1991 г. аж три тысяч тонн, полагалась ещё и одна банка мясных консервов. На талон № 8. А вот с алкоголем случился полный провал. Февральские талоны не отоваривались: сырьё на заводе отсутствовало полностью. То же самое было и в марте.

«Директор винзавода Геннадий Строкач сообщил, что вина не будет вообще до конца года. В принципе, возможность выпускать его имеется. Однако на бутылку винца по 700 руб. (такова себе-

стоимость) мало кто польстится. А водка в следующем месяце вполне может появиться — администрации винзавода удалось договориться с Марьинским спирткомбинатом на поставку сырья по бартеру. Мы им рыбу — они нам спирт» [36].

Но это был уже слишком оптимистический прогноз. Менять рыбу на спирт, когда нечего есть, власти не очень-то рвались. По новым ценам водка стоила 42 руб. за бутылку. Цены на неё регулировало государство. А вот коньяк и вино ушли в «свободное плавание». Коньяк «Три бочки», разливаемый местным заводом, стоил в торговле 128 руб. И всё это — по талонам.

В апреле талонное меню серьёзно «похудело». Продовольственная комиссия облисполкома лишила горожан окорочков, сыра и дешёвого сливочного масла. Остатки сливочно-окорочкового импорта решено пустить в больницы, школы и детсады. Отечественное сливочное масло стоило от 200 до 280 руб. за кило. Также сочли нецелесообразным сохранять талоны на муку и макаронные изделия. Их отправили в свободную продажу, но по нормам отпуска: два кило муки и один макарон в руки.

Продовольственная комиссия администрации области, заседавшая 29 апреля 1992 г., особо остановилась на выявлении чего, где и сколько осталось. Как результат, в мае действовало всего четыре талона: на спички, сигареты, баранину и сахар. А талоны на спиртное были похоронены неделей раньше. Правда, неофициально, но окончательно. Об этом заявил директор винзавода Г. Строкач. Он сообщил, что государственных поставок спирта на завод давно не было, и уже вряд ли будет. Спирт теперь предлагают по коммерческим ценам и даже по 600 руб. за литр. Сколько будет стоить водка, изготовленная из него, каждый мог посчитать сам [37].

Именно с той поры у многих горожан на память остался так и не израсходованный комплект винно-водочных талонов 1992 г. светло-мандаринового цвета. Как шутят некоторые, ждёт новой перестройки...

Талоны: в последний путь. В середине 1992 г. талоны окончательно уходили в прошлое. Вместе с гарантированными нормами потребления. В июне в Петропавловске остались только талоны на сахар, сигареты и спички. Но и они были близки к смерти, потому как сигареты дорожали прямо на глазах. В июне горожане могли выкупить килограмм сахара, три коробка спичек и десять пачек табачных изделий. Такие же нормы, за исключением табачных изделий, были установлены и на июль. В июле на талон давали лишь пять пачек сигарет, а всё, что стоило свыше 10 руб.,

продавалось свободно. На талоны 3-го квартала 1992 г. полагалось 350 граммов чая, по килограмму риса и гречки, 700 граммов растительного масла, а также пять кусков хозяйственного мыла.

Талонное растительное масло стоило ещё 10 руб. 80 коп. за литр. Магазины могли самостоятельно закупить его у поставщиков, но в этом случае цена на него поднималась уже до ста с лишком рублей. Разница громадная.

В августе и сентябре 1992 г. действовали только талоны на табачные изделия и спички. В конце лета «приказал долго жить» талон на хозяйственное мыло; квартальные на рис, гречку и растительное масло ещё оставались в силе. В сентябре также по талону обещали ещё и сахар, аж по пять кило на человека.

Сахар дали в октябре. По талону на 4-й квартал каждому горожанину полагалось по десять кило — за всё несладкое лето, когда его просто не было в продаже. Сохранились также квартальные талоны на растительное масло — 700 граммов и на чай — 350 граммов. В октябре-декабре действовали талоны на спички и табачные изделия.

5 декабря 1992 г. в «Камчатском комсомольце» вышла историческая заметка «Талоны: в последний путь». Они доживали последний месяц. «Отныне продовольственная комиссия областной администрации будет собираться значительно реже, исключительно для анализа запасов продовольствия, но не для его распределения. Продукты будут поступать в торговую сеть и реализовываться по свободным ценам» [38].

Вот так, тихо, без труб и барабанов, в Петропавловске ушли в прошлое талоны. На 1993 г. их уже никто не печатал и не распространял. Оставшиеся разноцветные карточки народ «попрятал» до лучших времён — мало ли, что ещё будет.

Впрочем, было уже не до талонов: в Петропавловске в 1992 г. вовсю шла распродажа муниципальной собственности — магазинов, парикмахерских, ателье, бань. Это было гораздо интереснее каких-то кусков мыла, килограммов риса, пачек чая, носков и трусов. Бывшие знакомые и соседи вдруг становились, как говорится, «владельцами, заводов, газет, пароходов...» Камчатка вместе со всей страной уверенно «вползала в счастливое будущее» — в дивный, чудный мир наступившего капитализма.

Р. С. Тема талонов освещена в этом материале далеко не полностью. Именно поэтому в подзаголовке статьи и написано — «заметки о талонной системе». Автор здесь не касался детально

системы распределения и утилизации талонов, нормирования продуктов и товаров, продажи и обмена талонов. Совсем не освещена тема талонов на бензин, а также торговли по заказам (на свадьбы и панихиды), которая в эти годы (1988—1992 гг.) тесно переплеталась с талонной тематикой. Данный материал — лишь «скелет», на который можно нанизать ещё много чего интересного. Годы «перестройки» изучать будут ещё долго.

Источники

1. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2220. Л. 19—23.
2. *Касаткина Е.* Пришли за сахаром // Камчатский комсомолец. — 1988. — 7 июня.
3. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2263. Л. 103.
4. *Богомолов В.* Ситуация // Камчатский комсомолец. — 1989. — 19 августа.
5. ГАКК. Ф. Р-505. Оп. 1. Д. 779. Л. 178—184.
6. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2290. Л. 93.
7. Там же. Д. 2357. Л. 107.
8. *Мишанин К.* Гарантированная... рюмка // Камчатский комсомолец. — 1989. — 30 сент.
9. *Белых К.* Горько! // Камчатский комсомолец. — 1989. — 21 окт.
10. *Роцин В.* Не лезь в бутылку? // Камчатский комсомолец. — 1989. — 19 нояб.
11. *Богомолов В.* Дело — табак // Камчатский комсомолец. — 1989. — 19 нояб.
12. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2399. Л. 88.
13. Сладкий вопрос // Народный депутат. — 1990. — 16 июня.
14. *Лим В.* Нас открыли... // Народный депутат. — 1990. — 22 дек.
15. ОБХСС отвечает // Народный депутат. — 1990. — 22 сент.
16. *Обехов В.* Фальшивоталонщики // Народный депутат. — 1990. — 15 дек.
17. Мясо... Есть? // Камчатский комсомолец. — 1990. — 27 янв.
18. Брызги шампанского // Камчатский комсомолец. — 1990. — 30 июня.
19. ГАКК, ф. Р-166, оп. 1, д. 2424, л. 110.
20. *Касаткина Е.* Водка есть, конфет не будет // Камчатский комсомолец. — 1990. — 13 окт.
21. *Касаткина Е.* Лишь бы войны не было... // Камчатский комсомолец. — 1990. — 27 окт.
22. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2430. Л. 122—126.
23. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2497. Л. 131.
24. *Брехличук Е., Вострикова О.* Рэкет по госцене // Камчатский комсомолец. — 1990. — 20 окт.

25. *Вострикова О.* В поисках никотина // Камчатский комсомолец. — 1990. — 3 нояб.
26. *Брехличук Е.* Талоны быстрого реагирования // Камчатский комсомолец. — 1990. — 1 дек.
27. *Богомолов В.* Ваша карточка бита! // Камчатский комсомолец. — 1990. — 8 дек.
28. *Шупеник М.* Посчитали — прослезились // Камчатский комсомолец. — 1991. — 5 янв.
29. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2548. Л. 46.
30. *Брехличук Е.* Кофе табачного цвета // Камчатский комсомолец. — 1991. — 26 янв.
31. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2554. Л. 73—77.
32. *Брехличук Е.* Дефицит не умрёт // Камчатский комсомолец. — 1991. — 30 марта.
33. Для вас, гурманы! // Камчатский комсомолец. — 1991. — 7 мая.
34. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2584. Л. 202.
35. *Брехличук Е.* Чего-чего, а талонов хватит на всех // Камчатский комсомолец. — 1991. — 21 дек.
36. Зиме конец. Талонам продолжение // Камчатский комсомолец. — 1992. — 29 февр.
37. *Богомолов В.* Истина не в вине, а в пробке // Камчатский комсомолец. — 1992. — 25 апр.
38. Талоны: в последний путь // Камчатский комсомолец. — 1992. — 5 дек.

**Землетрясение и цунами 6 (17) октября 1737 г.
на Северных Курильских островах и Камчатке**

Из того произошло сие «Описание земли Камчатки». Оно приятно будет читателям по причине пополнения особенных тамошних земель обыкновений разными и ещё не слыханными достоверными известиями, каких в других географических описаниях не много находится. Кто желает оное читать для увеселения, тому большая часть содержания оного имеет служить к забаве; кто же смотрит на пользу, тот без труда найдёт оную, хотя бы похотел он пользоваться чем-нибудь, для наук или до употребления в общем житии касающемся. Надобно желать, чтоб предприимлющие впредь намерение упражняться в описании не знаемых или не с довольными обстоятельствами описанных земель, труды свои располагали по примеру сего сочинения.

Г. Ф. Миллер. Анонимное предисловие к первому изданию «Описания земли Камчатки»

Введение

Научное наследие С. П. Крашенинникова настолько многообразно, что в нём можно отыскать материал для исследования на любую тему. В том числе и связанную с извержениями вулканов, землетрясениями и цунами Камчатки и Курильских островов. И дело тут не только в том, что Крашенинников первым из российских учёных собрал конкретные сведения об этих природных феноменах, но и в том, что эти данные до сих пор имеют неоспоримую ценность для геофизиков, геологов, геоморфологов, вулканологов, познающих природу земной коры.

Вот что отмечали по этому поводу камчатские сейсмологи В. Н. Чебров и А. А. Раевская: *«Трудно переоценить значение знания исторической сейсмичности для понимания закономерностей сейсмического процесса, когда период инструментальных наблюдений за землетрясениями составляет немногим более ста лет. Достоверность параметров каждого известного по историческим*

сведениям землетрясения в регионах со слабой или сильной сейсмической активностью имеет существенное значение для получения корректных оценок реальной сейсмической опасности, что важно при планировании развития территорий» [Чебров, Раевская, 2008, с. 220].

С этим мнением остаётся только согласиться. Но лишь при соблюдении двух обязательных условий: при предельно корректном прочтении и вдумчивом (системном) осмыслении первичных материалов с одной стороны, и при тщательном сопоставлении содержащихся в них данных с реальной ландшафтной обстановкой — с другой. Потому что, как показывает анализ работ, использующих сведения С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера о природе и истории Камчатки, эти условия выполняются далеко не всегда.

Так, например, в своё время известный исследователь истории Камчатки и Курильских островов М. А. Сергеев написал: *«...дно Первого пролива обнажилось, и жители реки Камбальной ходили вброд на Первый остров (Шумшу)»* [Сергеев, 1947, с. 20]. Хотя из данных «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова совершенно невозможно представить, чтобы дно пролива между полуостровом Камчатка и островом Шумшу обнажилось настолько полно и настолько долго, чтобы по нему можно было пройти тридцать пять километров туда и вернуться обратно.

Обидную невнимательность к текстам Крашенинникова проявили и В. Н. Чебров с А. А. Раевской, которые в приведённой ими выдержке о землетрясении 6 (17) октября 1737 г. из, по их же словам, «Пятого рапорта И. Гмелину и Г. Миллеру» Крашенинникова, совместили как часть текста названного рапорта, так и извлечение из основного текста его книги «Описание земли Камчатки»:

«Через пришедших из Курил с островов и с Лопатки, также и с Авачи людей известился я, что там великое трясение было, которое во всех упомянутых местах началось в одно время. На первом Курильском острове, Сумишу называемом, трясение земли было следующим образом. Октября 6 дня в 3 часа пополудни сперва земля так жестоко тряслась, что от него многие балаганы попадали, и людям стоять невозможно было, и продолжалось с четверть часа. Оное трясение приходило волнами с SSO, и по происшествии валов земля чрез долгое время дрожала, а потом, как перестало трясение, то воды вдруг с моря, с великим шумом, сажени на три прибыло, которая тотчас опять в море далеко ушла. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлиии столь далеко она збежала, что

моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после этого спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том взлилось воды на берег в высоту сажен на 30, которая по-прежнему, ни мало не стояв, збежала в море, и вскоре стала в берегах своих, колыбаясь чрез долгое время, иногда берега понижая, иногда убегая в море. Перед каждым трясением слышен был под землёй страшный шум и стенание» [Чебров, Раевская, 2008, с. 224]. Поскольку вторая половина этой цитаты, начиная со слов «Потом вторично земля всколебалась...», относится не к «Пятому рапорту...», а к основному тексту «Описания земли Камчатки».

Отметить то, что в «Пятом рапорте...» приводятся ровно в два раза меньшая — 15 сажен против 30 — высота цунами, чем в «Описании земли Камчатки», просто необходимо. Необходимо обратить внимание и на то, что в книге высота цунами приводится одинаково равной на всём пространстве от Северных Курильских острова и вплоть до острова Беринга. Стоит специально подчеркнуть, что достоверность данных о высоте цунами 1737 г. в 30 сажен до начала XXI в. сомнению не подвергалась.

В своё время канонический текст однозначно воспринимал известнейший русский геолог И. В. Мушкетов. И в наши дни в статье «Когда будет извергаться вулкан Авача на Камчатке» вулканологи И. В. Мелекесцев и В. Ю. Кирьянов писали: «Предпоследний (IX) эруптивный цикл извержений вулкана Авача имел место около 1100—1200 гг., а последний (X) начался в 1737 г., совпав по времени с наиболее сильной и длительной в историческую эпоху серией землетрясений, которая, по описанию С. П. Крашенинникова (1949) продолжалась на всей Камчатке до конца 1738 г. и сопровождалась разрушительными цунами с высотой волн до 65 м» [Мелекесцев, Кирьянов, 1984, с. 109]. Чуть позднее о 30-саженном цунами говорили и авторы книги «Землетрясение будет завтра» [Викулин и др., 1989, с. 16], которые без всякого комментария привели данные, представленные в «Описании земли Камчатки». Совсем недавно эту же оценку повторили авторы-составители двухтомной монографии «Катастрофические процессы и их влияние на природную среду» [Катастрофические..., 2002]. Да и авторы капитальной сводки «Новейший и современный вулканизм на территории России» также утверждали, что «начальная фаза землетрясения сопровождалась самым мощным за историческое время

на Камчатке цунами с высотой заплеска воды более 60 м (!)» [Новейший..., 2005, с. 559].

А ведь, казалось бы, совершенно не трудно представить, что при высоте волны в 30 сажен (63,9 м) воды океана ворвались бы в Авачинскую губу не только через её ворота, но и через их обрамление. Как нетрудно представить и то, что при таковой высоте волна полностью бы залила всю равнину, прилегающую к Халактырскому пляжу. Вплоть до того, что, ворвавшись в бассейн реки Кирпичной и верховья её притоков, она, не исключено, могла бы проникнуть в Авачинскую губу и с другой стороны. Не говоря уже о том, что волна снесла бы с лица земли весь лес на юго-восточном побережье полуострова на отметках до 65—70 м, оставив после своего ухода огромные завалы из камней, земли и древесных стволов, остатки которых сохранились бы до наших дней. На острове Беринга подобной высоты волна попросту перескочила бы поверх озёр Гаванского и Саранного на беринговоморское побережье. Однако следов подобных катаклизмов во всех названных местах нет.

Не оставила нам история и упоминаний очевидцев о столь грандиозной ландшафтной катастрофе. Во всяком случае, тот же Крашенинников, дважды в 1739 и в 1740 гг. проезжавший от полуострова Шипунского к Авачинской губе вдоль побережья Авачинского залива и Халактырского пляжа, и сам не заметил сколько-нибудь примечательных следов «вселенского наводнения», и от местных жителей ничего подобного не слышал. А ведь при высоте волны даже вдвое меньшей, чем 64 м, ительменские острожки, стоявшие близ океанского берега на высотах от 5—8 до 15—20 м над уровнем моря, бесследно исчезли бы вместе со своими обитателями.

То есть оценка высоты цунами 1737 г., действительно, оставляет желать много лучшего. В связи с этим возникают два принципиальных вопроса, уместных потому, что к месту поставленный вопрос — это одновременно и обозначение той или иной проблемы, и добрая половина её решения.

Вопрос первый — действительно ли данные «Описания земли Камчатки» Крашенинникова столь существенно разнятся от данных его же «Пятого рапорта...»? Вопрос второй — каким образом в «Описании...» появились 30 сажен высоты цунами?

Поиски ответов на эти вопросы и являются основной целью этой статьи, которая, если её несколько переформулировать, заключается в переоценке тех представлений о высоте цунами 1737 г., основанных на тексте «Описания...», а заодно, и в объяснении возможных причин их появления в книге Крашенинникова.

Анализ исходных данных

Начать анализ следует с приведения выдержки из «Описания...», на которую ссылаются все, без исключения, исследователи, когда они говорят о цунами 6 (17) октября 1737 г.:

«После того, как около Авачи, так и на Курильской Лопатке и на островах было страшное земли трясение с чрезвычайным наводнением, которое следующим образом происходило: октября 6 числа помянутого 1737 году пополудни в третьем часу началось трясение, и с четверть часа продолжалось волнами так сильно, что многие камчатские юрты обвалились, и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилось на берега воды в вышину сажени на три, которая, ни мало не стояв, збежала в море и удалилась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отливии столь далеко она убежала, что моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после этого спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том взлилось воды на берег в вышину сажен на 30, которая по-прежнему ни мало не стояв збежала в море, и вскоре стала в берегах своих, колыбаясь чрез долгое время, иногда берега понимая, иногда убегая в море. Перед каждым трясением слышен был под землёй страшный шум и стенание.

От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие бедственно скончали живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами зделались. По берегу Пенжинского моря было оно не столь чувствительно, как по Восточному, так что большевецкие обыватели ничего чрезвычайного из того не заключали; а было ли при устье Большой реки наводнение, про то не ведомо, потому что у моря никому тогда быть не случилось. По крайней мере, весьма малому там быть надлежало, для того, что не снесло ни одного балагана из стоящих на кошке.

В то время мы плыли из Охотска к большевецкому устью, а вышед на берег октября 14 дня, довольно могли чувствовать трясение, которое случалось временем столь велико, что на ногах стоять было не без трудности, а продолжалось оно до самой весны 1738 году, однако больше на островах, на Курильской

Лопатке и по берегу Восточного моря, нежели в местах отдалённых от моря.

Большерецкие казаки, которые были в то время на Курильских островах, сказывали мне, что они, по бывшем первом разе трясения, на горы бежать устремились вместе с курилами, оставя все свои вещи, которые купно с курильскими жилищами погибли» [Крашенинников, 1949а. с. 207].

После выхода в свет книги Крашенинникова в 1756 г., почти все, за редким исключением, исследователи приводили лишь отдельные выдержки из этого текста, что в той или иной степени искажало реальную картину. И уже только поэтому полное приведение данного описания оправдано. Тем более что содержащиеся в нём сведения нам предстоит сравнить с данными «Пятого рапорта И. Гмелину и Г. Миллеру».

«Через пришедших с Курил со островов и с Лопатки, также и с Авачи, людей известился я, что там великое трясение земли было, которое во всех помянутых местах началось в одно время.

На первом Курильском острове, Сумишу (Шумшу. — В. Б.) называемом, трясение земли было следующим образом. Октября 6 дня в 3 часа пополудни сперва земля так жестоко тряслась, что от него многие балаганы (строения на сваях для сушки и хранения рыбы. — В. Б.) попадали, и людям стоять невозможно было, и продолжалось с четверть часа. Оное трясение происходило волнами с SSO, и по прошествии валов земля чрез долгое время дрожала, а потом, как перестало трясение, то воды вдруг с моря с великим шумом сажени на три прибыло, которая опять в море далеко ушла.

По сбежании воды в другой раз земля тряслась, только очень легко, а после опять вода с моря до того же места пришла, где в первой раз была, и так же, как и первая, нисколько не стояв в одной мере, в море ушла так далеко, что в проливе, который между первого и другого острова имеется (Второй Курильский пролив между островами Шумшу и Парамушир. — В. В.), камень великой дикой на сажень сверх воды виден был. Спустя с четверть часа в третьей раз воды с моря с превеликим шумом сажени на десять выше прежних мест прибыло, которою многие иноземческие жилища унесло. Оная вода, нисколько не стояв, опять в море убежала и, ставши на море, чрез два дни то убывала, то прибывала. По сбежании вышеописанной большой воды земля тряслась чрез четырнадцать дней не очень жестоко. Оное трясение было так же, как и сперва, волнистое, а перед всяким трясением до самого окончания трясения гром под землёю великой слышен был.

Трясение земли после большой воды неравно было, иногда пять раз в сутки, иногда больше, а иногда и меньше.

Около Лопатки и на Аваче трясение началось в том же числе и часу, только оное в первой раз легко было, а в другой и в третьей разы так же, как и на острове, очень жестоко было, что многие балаганы от того попадали.

После третьего разу вода с моря прибыла с великим шумом, сажень на пятнадцать, которою все околежащие низменные места и не очень высокие горы покрыло. Многие иноземческие жилища, багаж, корм и байдары унесло, и русским, в то время там бывшим, немалой убыток зделало, которые, оставя весь багаж в юртах, на высокие горы бежать и там спасение искать принуждены были. Оная вода, так же как и на острове, нисколько не стояв, опять в море ушла, а пребывала ли прежде того, о том те люди, которые мне о трясении сказывали, не известно, потому что в ночное время они спали.

Как вода збежала, то иноземцы и мест узнать не могли, на которых их жилища были, потому что многие низменные места буграми, а бугры низменными местами зделало, также и великие буераки промыло. А между реками Вилючиком и Авачинской губою новую небольшую губу зделало, по сказыванию имеющегося при мне на карауле большеерецкого жителя Петра Евлантьева, которой во время трясения на Аваче был за своими нуждами. А то место, где ныне губа зделалась, было луговое, и ягод клюквы и шикши там было довольно, на нём стояло два балагана, в которых иноземцы корм клали, которые во время большой воды с землёю унесло, и бывших по оных балаганах двух иноземческих баб да одного парня утопило.

После большой воды так же, как и на Курильском острове, перед трясением гром под землёю слышен был. Во всех местах, а имянно на Курильском острове, на Лопатке и на Аваче, оное трясение окончилось 20 дня октября.

В Большеерецком остроге октября 6 в 3 часу пополудни земля один раз тряслась, только не очень сильно» [Крашенинников, 1949б, с. 558—559].

Теперь приступим к сравнению. Из него следует, что данные о высоте цунами, изложенные в «Пятом рапорте...», вдвое уступают содержащимся в «Описании...» Поскольку рапорт был написан всего лишь пять недель спустя после проявления стихии и на основе опроса очевидцев, то содержащиеся в нём данные в большей мере соответствуют реальности, хотя и не отвечают ей полностью.

Хотя бы потому, что и в этом случае высоты цунами принимаются одинаковыми и в районе Северных Курил, и возле Авачинской губы и даже на острове Беринга.

Впрочем, не стоит судить Крашенинникова строго, ибо даже современные исследователи, несравненно больше знающие о природе цунами и об особенностях его перемещения в открытом океане и вблизи побережий, вплоть до начала ХХI в. практически единодушно считали, что высота цунами была равна 30 саженям. Хотя, говоря о цунами 1952 г., воспринимаемом ими как аналог цунами 1737 г., они же считали, что цунами 1952 г., достигавшее 18—20 м в отдельных бухтах, расположенных южнее Авачинской губы, уменьшилось до 7—9 м в районе самой губы, до 4—6 м в районе устья реки Жупанова и до 2 м у села Никольского на острове Беринга. Хотя в широкой долине реки Лисинской, отделённой от одноимённой обширной и глубокой бухты серией береговых валов высотой всего лишь до 5—6 м над уровнем моря, видимых следов цунами 1952 г. не обнаруживается. Как нет там, кстати, и следов цунами 1737 г.

Что же касается самого Крашенинникова, то он в своей книге опирался на данные Стеллера. Об этом позволяет судить выдержка из той части «Описания...», где обрисовывается природа Командорских островов: *«Прибылая вода самая большая случалась в начале февраля месяца при ветрах северо-западных; другое наводнение было в половине мая месяца от великих дождей и от снегов, вдруг растаявших. Однако помянутые наводнения были умеренными в разсуждении тех, коим есть несумненные признаки, ибо в вышине 30 сажень и более от поверхности моря есть много наносного лесу и целых скелетов морских зверей, по которым автор (Г. Стеллер. — В. Б.) думает, что в 1737 году и здесь такое же было наводнение, как на Камчатке»* [Крашенинников, 1994, с. 138].

Другое дело, что при этом С. П. Крашенинников не заметил, что поскольку в его «Пятом рапорте...» высота цунами в районе Авачинской губы оценивается в 15 сажень, то на острове Беринга, удалённом от гипоцентра землетрясения более чем на пятьсот километров, высота этого же цунами никак не могла стать равной 30 саженям. И этот просмотр тем более обиден, что он при этом обнаружил в белой рукописи Стеллера неверную (1738 г.) дату обрушения цунами на остров Беринга и исправил её на подлинную. А ведь эту ошибку, замечу, не заметили, например, редакторы и рецензенты, участвовавшие в переиздании «Дневника плавания

с Берингом к берегам Америки. 1741—1742» Стеллера, которые приводят ошибочную (1738 г.) дату [Steller, 1988, p. 181; Стеллер, 1992, с. 118—119].

Итак, в оценках высоты цунами 1737 г., приводимых Крашенинниковым, действительно, есть существенные ошибки и разночтения. Более приближённым к действительности следует считать данные «Пятого рапорта...», ибо написан он был всего лишь пять недель спустя после проявления стихии на основе опроса очевидцев, а потому заведомо должен содержать более достоверные сведения.

Тем не менее, и в этом рапорте приводятся данные, истинность которых вызывает вполне обоснованные сомнения. К числу каких, прежде всего, относятся те сведения о цунами во Втором Курильском проливе, согласно которым максимальная высота волны в нём достигала 13 (3+10) сажень (27,69 м), ибо по современным представлениям высота подъёма воды в этом проливе в 1737 г. не превышала 11—13 м.

Впрочем, вины Крашенинникова в появлении этих, вдвое завышенных, данных нет. Южнее реки Озерной на западном побережье полуострова и южнее Авачинской губы на восточном он никогда не бывал, а поэтому при описании цунами пользовался только расспросными данными. Вряд ли приходится сомневаться в том, что свидетелям тех далёких событий, застигнутым среди ночи внезапным ударом стихии, было не до того, чтобы определять высоту волны. К тому же, как выяснили психологи, во время особо сильных землетрясений подавляющее число людей впадает в неподвластную разуму (животную) панику. А у страха, как говорится, глаза велики.

Впрочем, полуграмотных казаков и безграмотных аборигенов XVIII в. понять можно. Например, данные очевидцев о высоте цунами 4 ноября 1952 г. на Северных Курилах также оказались существенно завышенными. Ну, а завышение высоты волн, обрушившихся на восточные берега Японии 11 марта 2011 г., и вовсе не укладывается ни в какие ворота.

И в самом деле, в многочисленных репортажах журналистов, и в столь же множественных комментариях телеведущих почти сплошь и рядом приводились оценки высоты цунами в 30—35 и даже в 40 м. Более того, оказались не на высоте и некоторые специалисты. Так, например, Т. Н. Ивельская и Г. В. Шевченко (2011) утверждали, что в районе провинции Санрику (северо-восточное побережье острова Хонсю) высота цунами достигала 30 м.

Сейсмолог В. К. Гусяков (2011) и вовсе говорил о сорокаметровой волне.

И это при том, что установить подлинную высоту волны, подошедшей к берегу острова Хонсю, имея под рукой многочисленные и снятые с разных ракурсов видеокдры, особого труда не представляло. На них отчётливо видно, что даже в районе портовых сооружений её высота не превышала 8—10 м. Как видно и то, что, достигнув суши, скорость волны, насыщенной грязью, камнями, обломками строений, автомобилями и всем прочим, на расстоянии 1,5—2 км от береговой линии снизилась до 1—2 м в секунду. Поэтому волна удалась от берега всего лишь на 3—4 км, тогда как при высоте в 30—40 м она бы продвинулась, как минимум, на 15—18 км.

Более того, несмотря на то, что это событие было зафиксировано множеством видеокамер, ни комментаторы от масс-медиа, ни некоторые специалисты-сейсмологи совершенно не обратили внимания на то, что здание атомной станции «Фукусима-1», стоящее на невысокой (6—8 м) прибрежной террасе, при высоте волны в 30—35, а тем более 40 м, было бы залито полностью, а то и вовсе снесено с лица земли.

Не прибавляет им авторитета и существенная разница в оценке числа погибших и пропавших без вести в результате этой природной катастрофы. Те же Т. Н. Ивельская и Г. В. Шевченко говорили о 20 тыс. погибших и пропавших без вести, В. К. Гусяков — о 24 тыс., а С. В. Скуфьина и С. В. Баранов (2011) утверждали, что землетрясение 11 марта 2011 г., будучи сильнейшим сейсмическим событием в районе Японии с 1891 г. и четвёртым по силе за последние три столетия в мире, привело к гибели 11,5 тыс. и пропаже без вести 16,5 тыс. чел.

Таким образом, в свете всего изложенного становится понятно, что ошибка Крашенинникова в оценке высоты цунами, приводимой в его «Пятом рапорте...», вполне понятна и объяснима.

Другое дело, что натуралист не обратил внимания на то, что при такой высоте волны воды океана ворвались бы в акваторию Авачинской губы не только через её «ворота», но и через прилегающие к ним пади бухт Безымянной и Ягодной, с одной стороны, и озера Приливного — с другой. Наибольшие высоты плоских днищ этих падей настолько малы, что во времена Крашенинникова по небольшим ручьям, вытекающим из озера Приливное в противоположные стороны, ительмены проплывали на батах из губы к океану и обратно.

Но ведь и все последующие исследователи так же недооценили роль ландшафтной составляющей в процессах преобразования цунами 1737 г. при её подходе к тому или иному участку побережья. В том смысле недооценили, что обе эти пади, выходя к океану, постепенно расширяются от первых двух-трёх сотен метров до полутора километров (рис. 1). Будучи окаймлены достаточно высокими и крутыми горными склонами, они представляют собой своеобразные ловушки, войдя в которые волна непременно стала бы многим *уже* и, поэтому, гораздо выше. Судить об этом позволяет пример с приливами, входящими в подобные заливы.

При входе в таковые «ловушки» энергия прилива, существующая на входном и большем сечении залива, почти полностью передаётся его меньшим сечениям. При этом теоретические расчёты показывают [Давыдов и др., 1973], что величина прилива возрастает обратно пропорционально степени глубины и ширины канала. Если ширина канала при неизменной глубине уменьшается в десять раз, то величина прилива возрастает почти втрое. А при постоянной ширине канала, но при уменьшении его глубины в те же десять раз, высота прилива возрастает почти вдвое. Так что при одновременном сужении и уменьшения глубины высота прилива может возрасти раз в пять.

При достаточно большом (по расстоянию) прохождении прилива по заливу, его волна, отражаясь от берегов, из поступательной обычно превращается в стоячую. Поэтому её высота нередко возрастает ещё почти вдвое. Если при этом период свободных колебаний воды в стоячей волне совпадает или становится кратным периоду волны, пришедшей в залив, то, вследствие гидравлического резонанса, происходит сложение волн. Отсюда — дополнительное (и значительное) возрастание высоты прилива [Давыдов и др., 1973, с. 145]. Вот отчего высота приливов, обычно не превышающая в открытом океане десятков сантиметров, вблизи берегов, обращённых к океану [Океанографическая энциклопедия, 1974], повышается до трёх метров, а при входе в воронкообразные проливы и заливы возрастает до 12—13 м (в Пенжинской губе Охотского моря) и даже до 16—18 м (залив Фанди на восточном берегу США).

Вполне понятно, что нечто подобное происходит и при цунами. Не случайно же, в переводе с японского слово «цунами» означает «волна гавани», а не просто «высокая волна». Если принять начальную высоту волны в открытой акватории равной 2,5 м, то при сужении залива в десять раз она возрастёт до 6—7 м. Если глубина залива уменьшится в десять раз, то высота цунами увеличится

до 12—14 м. Если при этих условиях волна из поступательной превратится в стоячую, то её общая высота может достигнуть 18—20 м. Что и произошло с цунами 1952 г. в некоторых бухтах юго-востока Камчатки и Северных Курил.

Вот пример тому. При подходе к долине реки Наушли на острове Парамушир, волна высотой 2,54 м в открытом океане, последовательно пройдя широкий залив между мысами Васильева и Океанским, затем узкую, ограниченную высокими обрывистыми берегами, Китовую бухту и войдя в зажатую между двумя высокими увалами нижнюю часть речной долины, вздыбилась до 19—20 м [Святловский, 1957; Саваренский и др., 1958].

Обратное наблюдалось в Авачинской губе. Волна, пройдя через узкий (и по ширине, и по протяжённости) и мелкий проход, за счёт резкого расширения губы и постепенного увеличения её глубины, стала очень быстро терять высоту. Если на расстоянии трёх километров от ворот, у мыса Изменного (ныне мыс Завойко) её высота, возможно, достигала 5 м, то уже на расстоянии шести километров (дальний вход в бухту Раковую) она не превышала 2,5 м [Саваренский и др., 1958].

Ещё через четыре километра (в Петропавловском ковше) она и вовсе снизилась, по данным мареографа, до 1,2 м (рис. 2). Из этого следует, что возле входных мысов в бухту Крашенинникова, которые располагаются в 10 и 12 км от горла Авачинской губы, высота цунами никак не могла быть выше 1,2 м, ибо в устье реки Авачи, отстоящей от ворот губы на 20 км, подъём воды не превышал и полуметра.

Схожие данные приводил и камчатский исследователь цунами Ю. А. Заякин: *«В Петропавловском ковше подъём уровня не превышал 1,2 м, в Сероглазке была подтоплена электростанция. В бухте Крашенинникова, в районе посёлка Ягодного, высота подъёма была наибольшей и достигала 3 м. Вода в вершине бухты Крашенинникова переливалась через косу в Авачинскую бухту.*

В бухте Раковой подъём уровня по долинам рек достигал отметки 3 м. Были подтоплены цеха жестянобаночной фабрики» [Заякин, 1996, с. 36].

Но если на входе в бухту Крашенинникова высота подъёма воды не превышала 1,2 м, то не совсем понятно, отчего в самой бухте Крашенинникова подъём воды достиг 1,8 м, а в её вершине (в бухте Ягодной — култуке бухты Крашенинникова) он и вовсе поднялся на три метра выше обычного. При этом вода переливалась в Авачинскую губу через песчаную косу, соединяющую полу-

остров Крашенинникова с берегом Авачинской губы [Саваренский и др., 1958, с. 52; Заякин, 1996, с. 36].

В том смысле не совсем понятно, что такое переполнение бухты Крашенинникова никак не могло произойти при поступлении воды через её горло — слишком мала была высота волны, подошедшей к горлу этой бухты со стороны Авачинской губы. И слишком мал был объём воды, могущей войти в бухту через её горло, для того, чтобы в её култуке (бухте Ягодной) уровень повысился на три метра против обычного.

Тем не менее, высота подъёма воды в бухте Крашенинникова составила 1,8 м [Саваренский и др., 1958, с. 52], а в её вершине — до трёх метров. При этом вода переливалась обратно в Авачинскую губу [Там же, с. 52].

То есть, в 1952 г. в системе сообщающихся сосудов Авачинский залив — Авачинская губа — бухта Крашенинникова — бухта Ягодная — бухта Богатырёвка что-то происходило не так. Настолько не так, что остаётся признать, что излияние воды в бухту Богатырёвка могло произойти лишь в результате проникновения океанской воды из бухты Безымянной в бухту Ягодную с последующим частичным её переливанием как через названную пересыпь в основании полуострова Крашенинникова, так и через горло самой бухты Крашенинникова. О чём можно судить уже хотя бы потому, что на мысе Безымянном, являющимся входным мысом одной из бухт, на котором волна смыла два барака и унесла в океан несколько человек, её волны составляла 5—7 м.

В пользу этого предположения говорит и то, что в результате землетрясения 1737 г. часть земной коры, расположенная южнее разлома, проходящего через Авачинскую губу, опустилась с образованием, как пишет Крашенинников, неглубокого залива на месте заболоченного луга.

То есть, в 1952 г. 5—7-метровая волна, действительно, могла прорваться в Авачинскую губу по пади бухт Безымянной и Ягодной. Тем более что эта падь представляет собой «воронку», обращённую к океану своим широким «горлом», вследствие чего в наиболее узкой части пади подъём воды был заведомо выше, чем на входе.

Вот тому документальное подтверждение: *«В Тарьинской бухте (ныне бухта Крашенинникова. — В. Б.), расположенной в юго-западной части Авачинского залива (Авачинской губы. — В. Б.), подъём воды начался со стороны бухты Ягодной и в конце бухты достигал три метра. Вода из Тарьинской бухты перелилась через песчаную косу и попала в небольшое озеро, из которого*

через песчаную кошку проникла в Авачинскую бухту» [Саваренский и др., 1958, с. 30]. Здесь исследователи говорят о поступлении океанской воды по пади бухт Безымянной и Ягодной в бухту Крашенинникова, и об её последующем излиянии в Авачинскую губу через пересыпь в основании полуострова Крашенинникова.

Но коль скоро всё это произошло при высоте цунами не более 5—7 м, то нетрудно представить, что при высоте волны в 15 сажен (32 м) уровень воды в Авачинской губе оказался бы в три-пять раз выше. Более того, всплеск воды, возникший при столкновении потоков, движущихся по падям бухты Безымянной и озера Приливного, достиг бы такой высоты, что образовавшаяся вторичная волна растеклась бы по дельтам и долинам рек, впадающих в губу, на многие километры. Ну, а при высоте в 30 сажен волна по рекам Аваче и Паратунке проникла бы на 35—40 км вглубь полуострова, снося на своём пути острожки местных жителей.

Однако обитатели Ниакина острожка, стоявшего на косе Авачинского ковша (около 1,5 м над уровнем моря), никаких сведений о сколько-нибудь катастрофическом подъёме воды в районе Ниакиной бухты нам не оставили. И потому, что высота волны, подошедшей к внешней стороне кошки, не превышала высоты (около одного метра) нагонных волн, образующихся в этой части Авачинской губы.

Не оставили таковых сведений и первостроители Петропавловска-Камчатского из команды штурмана И. Ф. Елагина, обосновавшиеся летом 1740 г. в Ниакиной бухте. Хотя со времени цунами прошло менее трёх лет, а потому его следы, случись оно на самом деле, бросались бы в глаза.

Нет никаких упоминаний о сколько-нибудь существенном переполнении Авачинской губы океанской водой и у Крашенинникова, побывавшего в острожке Паратун, расположенном, примерно, в четырёх километрах от берега Авачинской губы на отметке около двух метров над уровнем моря, менее четырёх месяцев спустя после цунами. Даже не побывав на месте события, он отметил, что южнее Авачинской губы произошло опускание территории с образованием там новой бухты.

Нет у него и данных о том, что в результате цунами 1737 г. был снесён ительменский острожек Налахтырь (Халактырка), стоявший на берегу Авачинского залива возле устья реки Халактырка, и о сносе ительменских острожков, располагавшихся на берегу Авачинского залива. При высоте волны в 15 сажен все острожки, стоявшие близ морского берега на высотах от 5—8 до 15—20 м

над уровнем моря, бесследно исчезли бы вместе со своими обитателями, не говоря уже о том, что 32-метровая волна полностью бы залила озеро Халактырское.

Однако Крашенинников, дважды (в 1739 и в 1740 гг.) проезжавший от полуострова Шипунского вдоль всего Халактырского пляжа от одного ительменского острожка к другому, не заметил сколько-нибудь примечательных следов подобного наводнения, и от проживающих тут ительменов ничего подобного не слышал. Хотя он неизменно перечислял острожки, стоявшие на его пути в устьях рек Вахиль, Озерная, Налычева и Халактырка и называл имена их тойонов.

Исходя из всего сказанного, можно уверенно говорить о том, что оценка высоты цунами на побережьях Северных Курил, на юго-востоке Камчатки и на острове Беринга в 32, а тем более — в 64 м, не соответствует действительности. Что отметил известный советский вулканолог А. Е. Святловский, который, исследуя последствия мощного цунами 1952 г. на Курилах, высказал мнение о том, что приводимая в «Описании земли Камчатки» оценка максимальной высоты цунами 1737 г. в 30 сажен сильно преувеличена [Святловский, 1957, с. 7].

Итак, высота цунами 1952 г. возле входа в Авачинскую губу, скорее всего, составляла 6—7 м. Это тем более верно, что в районе устья реки Халактырка её высота не превышала 5 м, так как стоявшие в устье реки Халактырка дома одноимённого села были лишь отчасти залиты морской водой.

Иное дело бухты Жировая, Мутная, Асачинская, Ходуткинская, Утюжная и некоторые иные, расположенные южнее губы, в которых, судя по данным палеосейсмических исследований [Кравчуновская и др., 2008], высота заплесков достигала 10—12 и даже 20—22 м. Что понятно, так как все они представляют собой узкие, зажатые горами каньоны с подводным продолжением, отчего волна, входя в них, резко сужалась и вздымалась до вполне возможной 15—18-метровой и несколько более (но отнюдь не 15-саженной) высоты.

Но коль скоро высота волны 1737 г. в районе Авачинской губы и Халактырского пляжа была в четыре-шесть раз меньшей 15 саженей, то уж тем более она не могла быть равной 32 саженям. Ибо при таковой огромной высоте океанские воды буквально обрушились бы в Авачинскую губу через обрамление её ворот, полностью залив бы при этом нижние участки рек Авача и Паратунка. Да и вся равнина, простирающаяся от устья реки Халактырки

и до устья реки Вахиль включительно, также была бы залита вплоть до подножий и нижних частей склонов обрамляющих её сопок. Причём, не исключено, что достигнув узких верховий притоков реки Кирпичная, таковая волна дополнительно вздыбилась бы настолько, что могла бы перескочить через перешейки между улицами Тундровой и Пограничной (высота которых достигает 70—72 м) в бассейн озера Култучного и далее в Авачинскую губу.

Ну и, конечно же, не может быть никаких сомнений в том, что столь мощные водные потоки снесли бы на юго-восточном побережье полуострова весь лес на высотах в 65—70 м, образовав при этом мощные завалы из камней, грязи и древесных стволов. Вырвало же, например, 13 апреля 1923 г. весь лес с корнем в долине Первой речки, впадающей в Камчатский залив, на протяжении 7—8 км от её устья при волне высотой «всего» лишь в 20 м. Причём, образуя подобные завалы в 1737 г. на самом деле, то они сохранились бы в рельефе до наших дней. Как сохраняются завалы леса, образуемые обычными приливами и штормами вдоль морских побережий, почти неизменными на протяжении многих десятилетий (рис. 3).

Всё сказанное подтверждает и пример острова Беринга. Ибо там 30-саженная волна, следуя по депрессии озёр Гаванское и Саранное, буквально перескочила бы через весь остров, забив при этом оба озера, да и саму депрессию, прихваченным песком, илом и прочим осадочным материалом. Однако ничего похожего на следы такой катастрофы не обнаружил ни Стеллер, обошедший, по его же словам, всё побережье западной части острова во время вынужденного пребывания на нём экипажа пакетбота «Святой Пётр» в 1741—1742 гг., ни все последующие исследователи острова.

В связи со всем сказанным, можно сделать следующее предположение о причинах столь незначительных (от 5—7 м в районе Авачинской губы и до всего 2 м на острове Беринга) высот цунами 1952 г. Дело в том, что в абсолютном большинстве случаев цунами в Курило-Камчатском регионе образуются при резком взбросе блока земной коры [Балакина, 1979; Балакина и др., 1972; Авдейко, Палуева, 2012]. А в таких случаях воздымающийся блок проявляет себя в водной среде как «поршень», вытесняющий воду над собой. При этом основной по силе импульс от удара «донышка» этого «поршня», распространяется не вертикально вверх, а по нормали к плоскости его «донышка». То есть по нормали к плоскости дна океана, которое в данном районе наклонено в сторону океана. Отчего наибольшему воздействию подвергается тот вод-

ный объём, который расположен с океанской стороны от гипоцентра землетрясения. Так что наиболее мощная часть образующейся при этом волны движется не к берегу, а от берега. Поскольку в акватории, лежащей с океанской стороны от гипоцентра, в колебания вовлекается гораздо больший объём водной массы, то она гораздо дольше сохраняет инерцию движения. Поэтому образовавшаяся при этом волна и распространяется значительно дальше, чем при движении вдоль берегов.

Не исключается, что приглубый и вогнутый берег служит своеобразным «рефлектором» ударной волны, распространяющейся в воде гораздо быстрее, чем само цунами. Вследствие чего отражённая от берега ударная волна в той или иной степени «гасит» встречную, или, наоборот, придаёт дополнительный импульс волне, бегущей в сторону от берега. Особенно если в последнем случае оба — прямой и отражённый импульсы — попадут в резонанс. Отчего волна, устремляющаяся от сейсмического очага в сторону океана, приобретает дополнительную скорость и мощь. Во всяком случае, это предположение не противоречит тому факту, что дальность движения волны вдоль больших осей сейсмических очагов, вытянутых вдоль берегов, многим уступает дальности пробега этой же волны в направлении по нормали к этой большой оси в сторону открытого океана.

Проведённый ландшафтно-ситуационный анализ событий 1737 г. свидетельствует о многократном завышении оценки высоты цунами, приводимой в «Описании земли Камчатки» Крашенинникова. Это порождает вполне закономерный вопрос: как в тексте этой книги могли появиться завышенные данные?

Ответ на него следует начать с напоминания о том, что решением канцелярии Императорской Академии наук Крашенинникову, в случае отсутствия или спорности его собственных данных, было настоятельно предписано использовать в своей книге соответствующие сведения Стеллера. Так что Крашенинников, который никогда не посещал мест, расположенных южнее реки Озерной на западном и Авачинской губы — на восточном, побережьях полуострова, заменив свои опросные данные сведениями старшего коллеги, это требование выполнил неукоснительно. Что же касается самого Стеллера, то он смог отметить следы цунами как в январе 1741 г. во время поездки к мысу Лопатка, так и в мае-июне 1743 г. при посещении островов Шумшу и Парамушир.

Это означает, что искажённые данные о высоте цунами 1737 г. могли содержаться в материалах Стеллера. Другое дело, сам ли

Стеллер допустил ошибку в определении высоты цунами, или эти ошибочные данные появились по каким-то причинам позднее. И прояснить это нам поможет всё тот же пример с цунами 1737 г. на острове Беринга.

Анализ литературных данных в их сопоставлении с конкретной ландшафтной обстановкой острова показал [Чуян, Быкасов, 2011; Чуян, Быкасов, 2013а; Чуян, Быкасов, 2013б], что при описании рельефа и гидрологии острова произошло двойное искажение первичной информации, содержавшейся в черновых материалах Стеллера. Сначала во время переписки набело чернового варианта «Дневника плавания с Берингом к берегам Америки. 1741—1742» [Стеллер, 1995] и некоторых других его рукописей [Steller, 1781] произошла подмена одной меры длины — фута (30,48 см) на другую — «фатом» (fathom, fadem — морская сажень). А затем, при переводе беловой копии с немецкого языка на русский язык, эта английская сажень (1,83 м) превратилась в русскую сажень (2,13 м). Это произошло, скорее всего, потому, что в черновике Стеллера вместо слова foot (feet) стояли буквы «f» или «ft», которые переписчики восприняли за сокращение слова «фатом». Во всяком случае, иного объяснения факту появления завышенных данных не просматривается.

Но если в черновых материалах Стеллера высота цунами на побережье острова Беринга оценивалась в футах, то вряд ли можно сомневаться в том, что и высота заплесков цунами в районе северных Курильских островов и юго-востока Камчатки, также приводилась им в футах, а не в фатомах. Достоверность этого вывода подкрепляется тем, что если эти самые фатомы (сажени) заменить на футы, то высоты цунами во всех случаях станут практически полностью соответствовать действительности. Что же касается Крашенинникова, то поскольку он при написании своей книги пользовался не подлинником, а переводом беловых копий рукописей Стеллера, то появление в его «Описании...» фантастических 30 сажен вместо реальных 30 футов (9—10 м) становится вполне понятным.

Приведу в пользу этого предположения ещё два соображения. Первое из них относится к тому факту, что в тех немногих случаях, когда слово foot в черновиках Стеллера писалось полностью, например, при характеристике ширины и глубины реки Гаванской на острове Беринга [Steller, 1988], искажений данных не произошло. Тогда как при написании буквы «f» глубина прочих островных рек разом «возросла» до 2—3 фатомов (до 4—6 м). А это на порядок превышает средние глубины командорских рек.

Второе же соображение связано с таким природным явлением, наблюдающимся в Первом Курильском проливе, как сулой.

«Пролив, отделяющий Лопатку от первого Курильского острова, имеет в ширину полторы мили (немецкая миля, равная 7,42 км. — В. Б.). На расстоянии нескольких миль от острова при убыли воды обнаруживается чрезвычайно сильный и очень опасный водоворот, или бурун, именуемый казаками сулоем; даже в тихую погоду его волны вздымаются на высоту более 20—30 саженей» [Стеллер, 1999, с. 32]. Однако классическое определение сулая в части его высоты совершенно не соответствует данным, приписываемым Стеллеру.

«Сулой — вид волнения на море, при котором на поверхности сочетаются волновые и вихревые движения. Перемещение частиц воды при сулоях подобно их движению на поверхности кипящей воды. Сулой возникает в результате резкого изменения скорости течения (особенно приливного) при его выходе из узкости, из-за мыса, или при встрече двух потоков. Волны в сулое крутые, в некоторых районах (например, у побережий арктических морей в районе губ или заливов, в которые впадают мощные реки) достигают высоты 4 м, и опасны для плавания небольших судов» [БСЭ, 1976].

Как можно видеть, высота «стоячих волн» сулая обычно составляет всего лишь 4 м (около 12 футов или две сажени). Однако в Первом Курильском проливе, где происходит столкновение гораздо более мощных, чем в устьях полярных рек, ветрового и приливного течений, высота волн сулая вполне может достигать 6—7 м (18—21 футов), а во время шторма — 9—10 м (27—30 футов). Вот тому документальное свидетельство:

«Мы вошли в пролив при попутном западном ветре и при большой волне. Так как мы не имели сведений о том, какой в этих местах прилив и отлив, и, следовательно, не могли правильно рассчитать время прохождения прилива, то случилось так, что попали в самую узкую часть пролива как раз в новолуние, и как раз в такое время, когда приливная волна направлена с востока на запад. Она оказалась настолько яростной и мощной, что мы почти в течение целого часа, пеленгуя по берегу, не могли отметить ни малейшего продвижения судна вперёд. Волны перекатывались через корму судна и, разбиваясь в пену, скатывались с обеих сторон через фальшборт. Судовая шлюпка, шедшая на буксире у нашего корабля и привязанная на конце кабельтова длиной в сорок сажен, была заброшена волнами и ударилась о корму

корабля, не без повреждения, конечно, как корабля, так и шлюпки; не раз шлюпку чуть не бросало на палубу нашего корабля. В это время глубина под килем судна составляла около десяти-двенадцати сажен. Я очень сомневаюсь, однако, оставалось ли под кормой корабля глубины более трёх сажен ото дна в те моменты, когда корабль опускался с волной до самой низкой точки. Мы опасались в то же время, как бы не рухнула наша главная мачта, так как ветер крайне усилился, а идя не по ветру, мы могли пользоваться только фоком и грот-марселем. Все наши усилия были направлены на то, чтобы держать судно по ветру, так как, попади мы между волнами в поперечном положении, нам не было бы спасения. Когда сила первой приливной волны немного уменьшилась, мы начали понемногу ползти с места и, наконец, оказались вне всякой опасности. Наши товарищи, которым пришлось пройти это место спустя приблизительно часа полтора после нас, не испытали при прохождении его ни малейших затруднений. Отсюда совершенно ясно видно, что всё это затруднительное положение возникло для нас только в момент первой встречи обоих течений, так как уйти обратно мы не могли из-за сильного западного ветра и большой волны, а продвижению вперёд мешало сильное восточное течение. Если бы в этот момент руль или паруса получили бы какое-нибудь повреждение, мы, несомненно, пропали бы без малейшей надежды на спасение», — пишет о сулое в Первом Курильском проливе С. Ваксель [1940, с. 49—50].

А вот как описывает свой опыт столкновения с сулом возле северной оконечности Карагинского острова известный камчатский учёный-орнитолог Н. Н. Герасимов:

«Шёл прилив. Извечный маятник приливно-отливных течений гнал могучий водный поток по проливу Литке вверх, к северу. Штормовые волны, катившиеся трое суток по морскому безбрежью и набравшие колоссальную инерцию движения, шли с востока на запад. И эти два могучих течения встретились на изобилующем рифами мелководье у мыса Голенищева.

Здесь уже не было поочерёдно набегающих водных валов, вздыбливаясь крутыми непредсказуемыми буграми, они, казалось, превратились в колоссальные водные жернова. Это и называется сулом...

Не было никакой возможности как-то приноровиться к жуткой вакханалии многометровых волн. Они вырастали сзади, и мы, скользя, падая по крутому склону жуткой водяной горы, оказывались в глубокой яме. В следующее мгновение “Казанка”

уже еле карабкалась по вспухающей перед нами горе вверх или же вдруг сразу взлетала на её вершину. Новое, почти мгновенное, падение — а затем опять взлёт. А за бортом, на дне глубокой впадины, из которой, казалось, мы только что вознеслись, вдруг, как живая, высывалась уродливая голова подводной скалы. Через секунды “Казанка” опять летела вниз, и счастье, что мимо рифа» [Герасимов, 2008, с. 90].

Как можно видеть, высоты волн сулоя в камчатских водах, действительно, могут достигать 6—9 м или 20—30 футов. Тем не менее, даже эти 20—30 футов всё же в шесть раз меньше тех 20—30 сажен, о которых говорится в неверно переписанной рукописи Стеллера. Именно в неверно переписанной, так как никаким иным образом объяснить полное совпадение приводимых цифр при столь различных — футах и фатоммах (саженях) — мерах длины просто невозможно. Да и вообще, трудно представить, чтобы такой внимательный к деталям наблюдатель, как Стеллер, мог столь сильно — в шесть раз — ошибиться. А потому остаётся признать, что при переписке черновых материалов Г. Стеллера, действительно, произошла подмена одной меры длины на другую, ибо иным образом объяснить полное совпадение приводимых цифр при столь различных единицах длины просто невозможно.

Приведу описание сулоя, содержащееся в «Описании...»: *«Пролив между Курильскою Лопаткою и объявленным (Шумиу. — В. Б.) островом шириною вёрст на 15, чрез которой в благополучную погоду перегребают на байдарках в три часа. К переезду через пролив требуется не токмо тихая погода, но и такое время, когда прилив морской кончается, ибо во время отлива на несколько вёрст ходит вал с белью и засыпью, толь великой, что в самую тихую погоду вышина его бывает от 20 до 30 сажен» [Крашенинников, 1949, с. 166].*

Приведу потому, что описывая названное явление своими словами и правильно указав причину его возникновения, Крашенинников, тем не менее, придерживается оценки высоты, содержащейся в белой рукописи Стеллера.

То есть, говоря иначе, хотя у него наверняка были свидетельства очевидцев из числа казаков и местных жителей, в которых приводились более точные оценки высоты волн данного сулоя, он всё же остановился в своей книге на сведениях, содержащихся в переводе «списка» старшего коллеги. И, надо полагать, остановился не только потому, что это ему было вменено в обязанность. Но ещё и потому, что ко времени завершения работы над книгой

он был настолько замучен мелочными придирками со стороны тогдашнего руководства Академии наук и бурно усиливающимся туберкулёзом, что попросту не смог вникнуть в суть дела.

Но не станем строго его судить, ибо исследователи творчества этих двух великих натуралистов за два с половиной века также не сумели вникнуть в эту суть, заключающуюся в том, что завышение данных о высотах цунами и сулоя произошло при переписи набело рукописей Стеллера и последующем переводе этих «списков» с немецкого языка на русский, вследствие чего одна мера длины была преобразована в другую. Верность предположения о подмене футов на фатомы и затем на сажени убедительно подтверждается сравнением основных параметров цунами 1737 г. с событиями 1952 г.

Конечно, никакая аналогия полностью заменить данные конкретных исследований не может, но, тем не менее, оценки высоты цунами 1737 г., определённые на основе ландшафтно-ситуационного анализа, практически идентичны с данными специальных палеосейсмических исследований. К тому же, говоря о корректности применения метода аналогии и о предпочтительности в этом смысле сведений натурных исследований, стоит напомнить, что и при полевых исследованиях также могут появляться результаты, которые не вяжутся с реальной ландшафтной обстановкой.

Действительно, при поисках следов цунами 1737 г. в районе устья реки Жупанова, например, было установлено [Пинегина и др., 2000], что волна прошла вверх по её руслу примерно на 10 км. При этом на высокой (32 м) террасе её долины, а также в седловине сопки Копыто, расположенной на высоте 20 м над уровнем моря, были обнаружены линзы морского песка толщиной до 4 см, отложенные (вероятно, уточняют сами авторы) этой же волной.

Однако эти предположения явно не соответствуют высоте волны (5 м), подошедшей к устью реки Жупанова, приводимой в этой же статье. Не вяжутся они и с данными более поздних исследований [Кравчуновская и др., 2008а; Кравчуновская и др., 2008б; Пинегина, Буржуа, 2009; Bourgeois J., *atal*, 2006], согласно которым высота цунами 1737 г. в районе устья реки Жупанова не превышала 5 м. Не сходятся они и с оценками более ранних исследований, согласно которым высоты цунами на юго-восточном побережье Камчатки закономерно уменьшаются от 7—8 м возле ворот Авачинской губы, до 4,5—6 м в районе устья реки Жупанова (рис. 4, 5, 6). Это уменьшение высот обуславливается не только удалением от эпицентра землетрясений, но и простираанием

Шипунского и Кронцкого полуостровов несколько поперёк движению волны. Судя по этим схемам, на фронтальных сторонах названных полуостровов высота заплеска заметно возрастает, а в их тылу столь же заметно снижается.

То есть, как можно видеть, привязка песка, обнаруженного на высотах 20 и 32 м, к цунами 1737 г. вызывает сомнение, настолько весомое, что есть если не основания, то хотя бы возможность говорить о том, что морской песок на высотах 20 и 32 м был отложен во время гигантского цунами, произошедшего, по мнению той же Т. К. Пинегиной [2009], около шестисот лет до нашей эры.

Правда, это не совсем увязывается с данными о возрасте отложения этих песков, полученными радиоуглеродным методом. Однако в настоящее время известно достаточно много случаев, когда хорошо промываемые рыхлые отложения (пески, вулканические шлаки и т. п.) очень сильно «омолаживаются» за счёт поступления в их толщу с талыми и дождевыми водами современной органики.

Связь песка, обнаруженного на высотах 20 и 32 м, с цунами 1737 г., действительно, вызывает сомнение. Иное дело — продвижение океанской воды в 1737 г. вверх по долине реки Жупанова на расстояние до 10 км от её устья. Это явление вполне укладывается в общую картину событий. При высоте волны в 64 м океанская волна прошла бы по долине реки не 10, а все 40—45 км.

Приустьевая часть этой речной долины представляет собой очень низкую и почти горизонтальную дельту, отделённую от океана невысокой косой. Она в 1737 г. была, скорее всего, на метр-полтора ниже, так как по результатам современных регулярных геодезических измерений участок побережья от южного основания Шипунского полуострова и до устья реки Богачёвка испытывает поднятие со скоростью до 6 мм в год [Магуськин, 2003, с. 59]. По другим представлениям [Левин и др., 2006, с. 54], восточное побережье Камчатки поднимается со средней скоростью до 20 мм в год.

Таким образом, возвращаясь к проблеме использования методологии ландшафтно-ситуационного анализа в целях реконструкции палеосейсмических событий, следует признать, что эта методология, действительно, может оказать существенную помощь в оценке высот прошлых цунами. В частности, сопоставление данных о высоте цунами 1737 г. с реальной ландшафтной обстановкой помогает понять, отчего высота заплесков этого цунами в бухтах Пираткова, Ходуткинская, Жировская, Вилучинская и некоторых других достигала 15 м и более (но отнюдь не 15 саженей), тогда как во Втором Курильском проливе вода вздымалась не более чем

на 12—14 м. В проливе часть прибывающей воды изливалась в Охотское море, тогда как в бухтах юго-восточного побережья полуострова ей деваться было некуда, и она поднималась на максимально возможную высоту.

Другим примером недоучёта ландшафтной обстановки является переоценка сейсмологами С. Л. Соловьёвым и М. Д. Ферчевым (спустя двенадцать лет после переиздания в 1949 г. «Описания...» с комментариями и добавлениями, то есть с рапортами и письмами) данных о высоте цунами 1737 г. Они в «Сводке данных о цунами в СССР» (1961) отметили, что до этого в сейсмологической литературе использовались только данные основного текста «Описания...» и подчеркнули, что в книге приводится менее детальное и менее конкретное описание событий 1737 г., чем в «Пятом рапорте...», в котором, по их мнению, содержатся гораздо более правдоподобные — 20 м для Северных Курил и 30 м для района Авачи — оценки максимальных высот цунами [Соловьёв, Ферчев, 1961, с. 27]. На основе этого они и сделали вывод о том, что приводимая в основном тексте «Описания...» 30-саженная высота цунами завышена вдвое, а потому её следует уменьшить до 30 м.

Однако, сказав «а», С. Л. Соловьёв и М. Д. Ферчев при этом так и не сказали «б». Ограничившись мнением о необходимости снизить высоту цунами вдвое, они вместе с тем молчаливо согласились, что 15-саженная волна обрушилась не только на северные Курильские острова и крайний юго-восток Камчатки, но и на районы побережий Авачинской губы и Авачинского залива. Это означает, что они, действительно, недоучли роль конкретной ландшафтной обстановки, ибо, повторюсь в который уже раз, при таковой высоте волны все острожки, стоявшие на берегу залива на высотах от 3—5 до 15—20 м, были бы смыты с лица земли. Но ещё более удивительно то, что они при этом существенно завысили высоту волны 1737 г. на тихоокеанском побережье острова Беринга.

И в самом деле, в своей «Сводке данных о цунами в СССР» они однозначно заявляли, что: *«...земле- и моретрясение 1737 г. по распространению областей максимального сотрясения почвы и проявления цунами, по максимальной высоте волны, обилию афтершоков и другим проявлениям весьма напоминают события 1952 г.»* [1961, с. 28].

Признав, что цунами 1737 г. по своим параметрам и характеристикам было если не полным, то близким аналогом события 1952 г., С. Л. Соловьёв и М. Д. Ферчев высоту цунами 1737 г. оценили в 30 м на всём пространстве от Северных Курил и до

острова Беринга включительно. А высоту цунами 1952 г. они же оценили всего лишь в 8—10 м на Северных Курилах, в 9—12 м на юго-восточном побережье Камчатки и в 2 м на острове Беринга.

Не обратили они внимания и на то, что случись на острове катастрофа такого масштаба на самом деле, её следы буквально обязан был бы отметить Стеллер, попавший туда всего лишь через четыре года спустя после землетрясения 1737 г. Ибо волна высотой в 30 м не просто бы залила депрессии озёр Гаванское, Шангинское и Лодыгинское океанской водой, но и заполнила бы их котловины осадочным материалом. Впрочем, даже если бы вода волны оказалась относительно чистой, то вся пресноводная живность в затопленных озёрах вымерла бы. Однако великий натуралист, подробно описавший озеро Гаванское и вытекающую из него реку, ничего подобного не отметил.

Не придали внимания этому обстоятельству и А. Ю. Заякин с А. А. Лучининой [Заякин, 1996; Каталог, 1987], которые, квалифицировано смоделировав процесс возможного затопления территории острова при высоте волны в 30 м (рис. 7), не только не усомнились в вероятности происхождения таковой катастрофы, но и вообще говорили об этом происшествии как о реальном событии. Ю. А. Заякин, ссылаясь на приведённое выше мнение С. Л. Соловьёва и М. Д. Ферчева по этому поводу, написал так: *«Четыре года спустя после описываемого события Г. В. Стеллер на острове Беринга на высоте 60 м обнаружил плавник, кости китов, скелеты морских коров и другие предметы, занесённые морем. Недалеко от берега из-под намытых песчаных холмов торчали ещё не сгнившие стволы и ветки больших деревьев. Он сделал заключение, что это были следы цунами 17 октября 1737 г. Исследователи 60-х годов текущего столетия дают более правдоподобную оценку явления на о. Беринга, по их мнению, высота подъёма воды здесь не превышала 30 м»* [Заякин, 1996, с. 31].

А затем добавил: *«Зона проникновения цунами вглубь суши до высотной отметки 30 м показана на рис. 2.2 (см. рис. 7. — В. Б.). Возможно, были затоплены долина реки Каменка (до 4 км от устья), долины рек Гаванской и Лодыгинской, озёра Гаванское, Лодыгинское, Шангинское»* [1996, с. 31]. А ведь стоило бы ему подставить к цифре «30» вместо слова «фатом» слово «фут», как высоты приобрели бы реальную характеристику.

Попытка С. Л. Соловьёва и М. Д. Ферчева уменьшить высоту цунами вдвое ничуть не изменила ситуацию с неверной интерпретацией данных Крашенинникова. И после этого отечественные

и некоторые иностранные [Эйби, 1982] исследователи по-прежнему не высказывали ни малейших сомнений по поводу 30-саженной высоты цунами 1737 г. И лишь спустя 250 лет современные исследователи на основе конкретных палеосейсмологических реконструкций [Пинегина и др., 2005; Чебров, Раевская, 2007; Кравчуновская и др., 2008; Пинегина, Буржуа, 2009; Bourgeois et al., 2006], наяву убедились в том, что цунами достигало своей максимальной высоты (20—22 м) лишь в отдельных бухтах юго-восточной Камчатки.

Повторюсь ещё раз, данные о высоте цунами 1737 г. на побережьях Северных Курил, юго-востока Камчатки и о-ва Беринга, полученные названными авторами в результате проведения целенаправленных палеосейсмических исследований, практически полностью совпадают оценками, определёнными мною на основе ландшафтно-ситуационного анализа. Это обстоятельство позволяет мне провести, пусть бы и самое беглое, переосмысление сути процессов и явлений, приведших к землетрясению и цунами 6 октября 1737 г.

Новая интерпретация событий октября 1737 г.

Картина событий может выглядеть следующим образом. Начальный этап землетрясения на Первых Курильских островах проявился в виде колебаний (волн) довольно большой силы, длившихся в течение четверти часа. Затем, после затишья этих валов, ещё некоторое время продолжалось слабое трясение земли. И лишь после всего этого на берег нахлынула первая волна морской воды высотой около трёх сажен (примерно 6 м), которая хотя и отошла от берега на *«знатное»* расстояние, однако дно Второго Курильского пролива при этом не обнажилось. И, судя по времени подхода этой волны (около получаса) к Первым Курильским островам и скорости движения цунами (400—500 км/ч вблизи побережий), гипоцентр первого толчка (форшока или землетрясения) располагался в 250—300 км от острова Парамушир, то есть, примерно, напротив Авачинской губы.

Спустя некоторое время после отхода первой волны, произошёл второй толчок, вслед за которым к берегу подошла волна такой же, примерно, высоты. Поскольку на островах этот толчок был заметно, как пишет Крашенинников в своём «Пятом рапорте...», слабее первого, то это мог быть либо афтершок первого удара, либо самостоятельный, но более слабый промежуточный удар. И, на мой

взгляд, предпочтительнее будет говорить о самостоятельном ударе, гипоцентр которого, судя по времени подхода второй волны цунами, располагался, примерно, посередине между Авачинской губой и мысом Лопатка.

То есть, судя по времени добегания, вторая волна возникла после второго толчка, который, в свою очередь мог быть производным (афтершоком) от первого толчка, в чём, как известно, нет ничего странного. По-настоящему необычным в этом случае является то, что откат этой второй волны сопровождался настолько низким падением уровня воды во Втором Курильском проливе, что на дневную поверхность на высоту около двух метров над оставшейся в понижениях водой выступили камни, а само море отступило столь далеко от берегов, что его не было видно. И это означает, что на типичное «убегание» волны вспять наложилось дополнительное истечение воды из пролива и от берегов острова. Но за счёт чего это могло произойти?

Логичнее всего объяснить это, на мой взгляд, тем, что в результате первого толчка на склоне глубоководного жёлоба в районе Первых Курильских островов по уже существовавшему (или по вновь образовавшемуся, что в данном случае не суть важно) разрыву начался процесс постепенного (стадийного) отседания периферийной части соответствующего блока континентальной коры. Что и проявилось в серии относительно лёгких «трясений», следовавших после первого удара стихии. Второй толчок довершил это, и отделившаяся часть континентальной коры с нарастающей скоростью устремилась на дно Курило-Камчатского желоба. В результате чего на поверхности океана образовалась (как за счёт выталкивания движущимся блоком горных пород громадного объёма воды от берегов островов Шумшу и Парамушир, так и в результате одновременного формирования депрессионной воронки на месте погружающегося в глубину океана блока горных пород) огромной водяной впадины. В неё и втянулась вода из Курильских проливов и прилегающих к ним акваторий.

В свою очередь, облегчение этой части континентальной плиты плюс удар по океанической плите, вызванный обрушением огромной массы горных пород, спровоцировали крайне сильный разряд подземных напряжений, гипоцентр которых расположился напротив Первых Курильских островов. Причём, надо полагать, не случись названного отрыва и обрушения значительной части земной коры, этот вторичный разряд энергии проявился бы, скорее всего, в виде длительной серии афтершоков гораздо меньшей силы.

Рис. 1

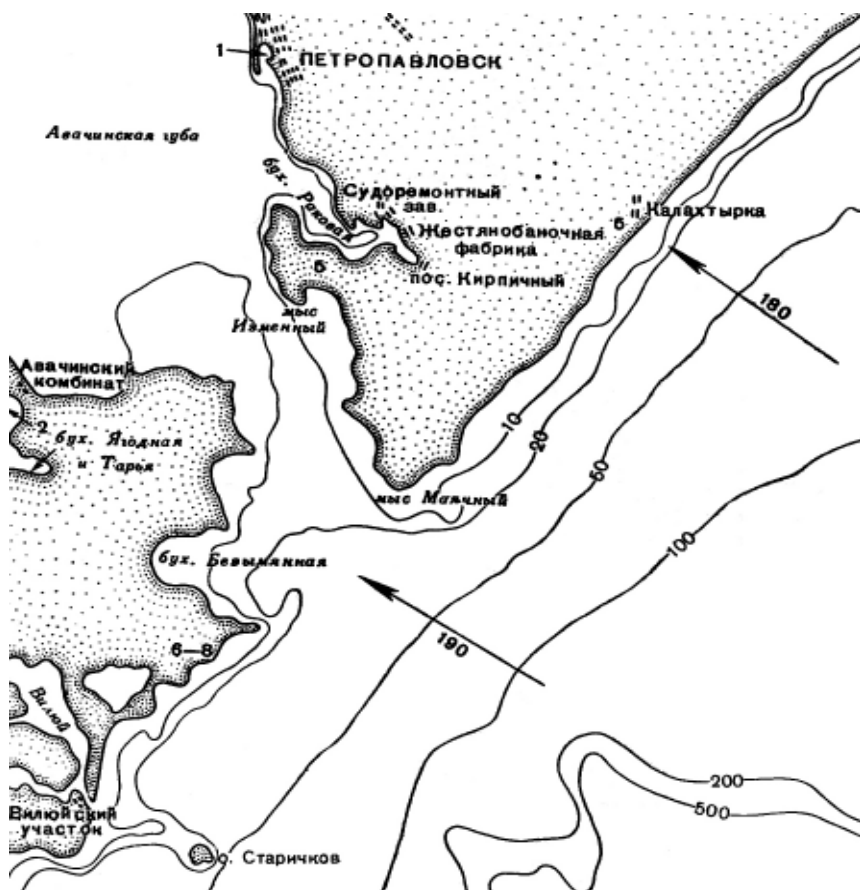

Рис. 2

Рис. 3

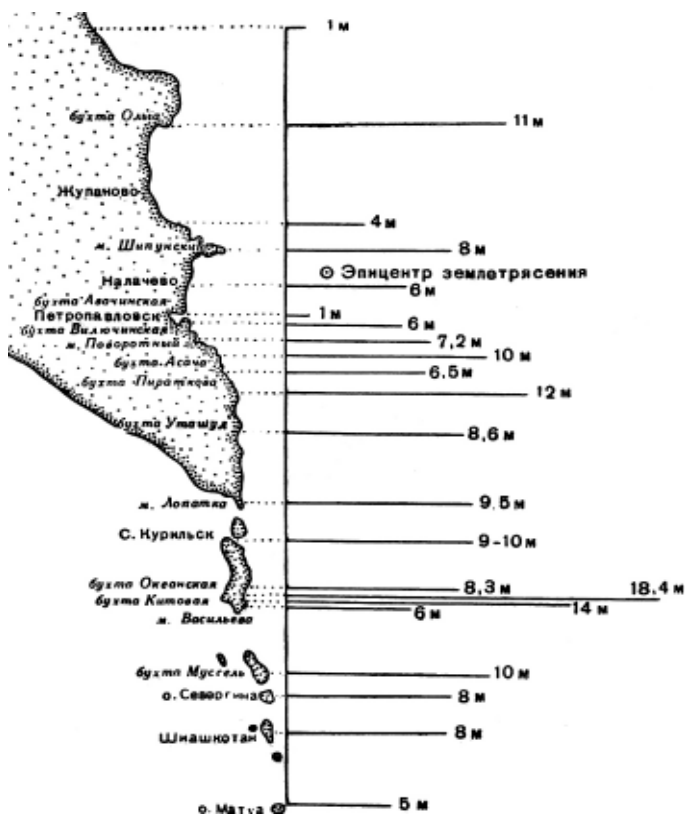

Рис. 4

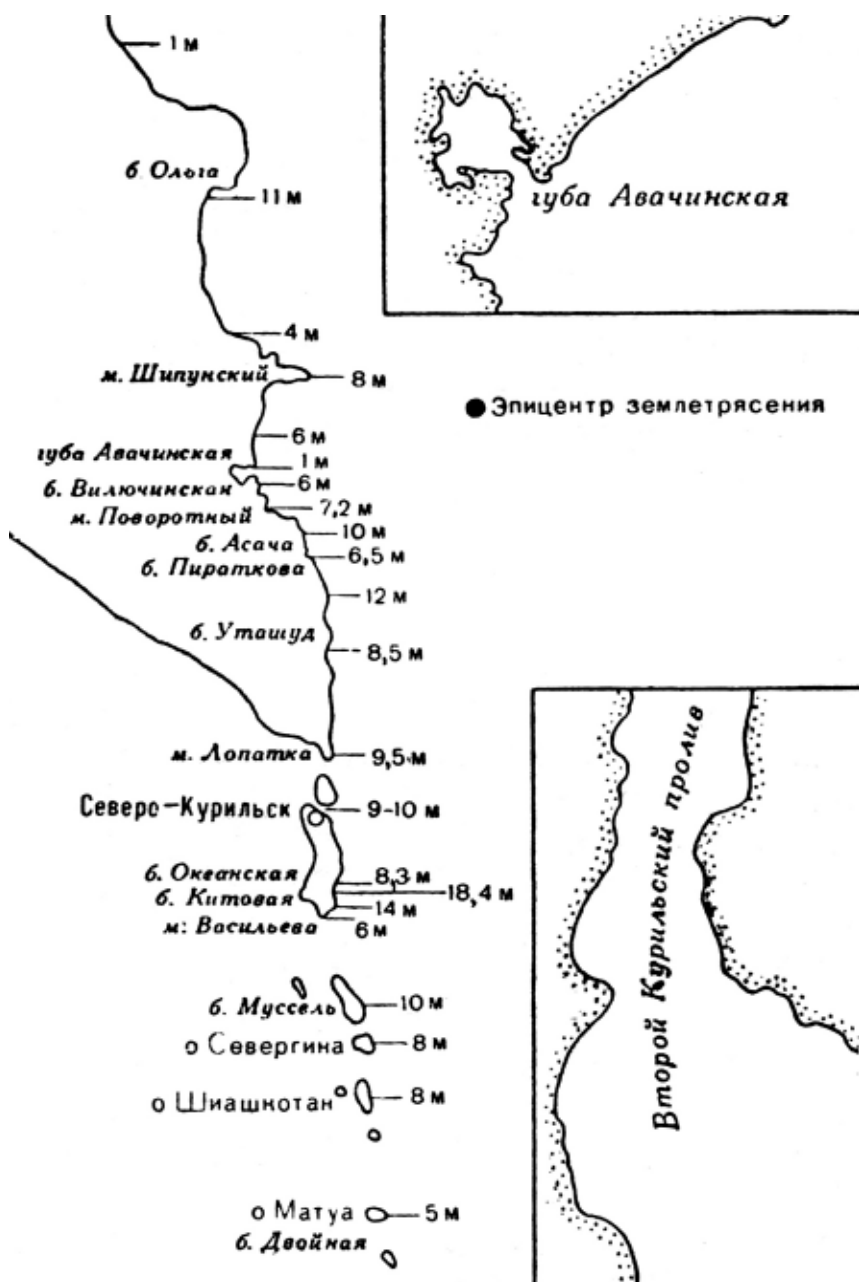

Рис. 5

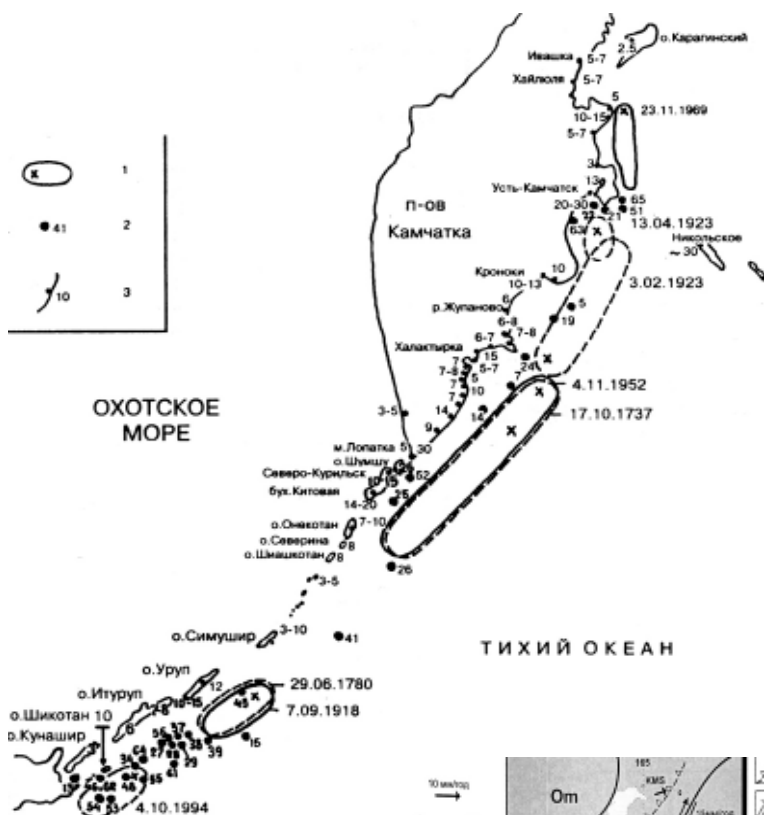

Рис. 6

Рис. 7

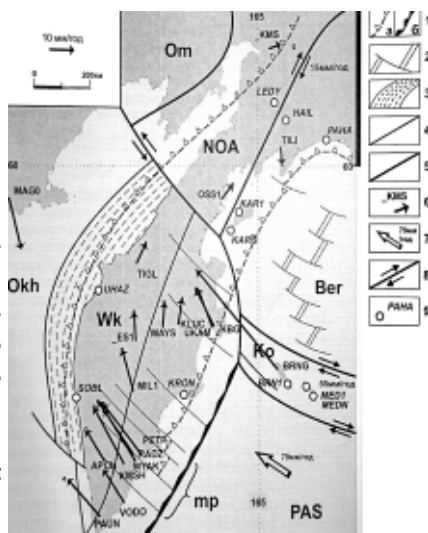

Рис. 8

Судя по всему сказанному, через четверть часа после отхода второй волны (столько времени понадобилось земной коре для отклика на снятие нагрузки), на острова накатились очередные валы *«несравненного и ужасного трясения»*, вслед за которым к берегу Парамушира подошла самая большая волна. Причём в этом случае, скорее всего, произошло наложение одного явления на другое. То есть волна, образовавшаяся при «схлопывании» декомпрессионной впадины (как это, например, происходит при быстром погружении тонущего судна), получила дополнительный импульс за счёт третьего, и самого мощного удара подземной стихии, отчего её высота и возросла так резко по сравнению с двумя первыми.

Итак, в целом, общую картину происходящих событий можно представить следующим образом. Сначала в полтретьего ночи произошёл первый толчок, положивший начало постепенному раскрытию земной коры на месте будущего единого и протяжённого сейсмического очага. Гипоцентр этого удара, скорее всего, располагался на пересечении северо-западного крыла Курило-Камчатской сейсмофокальной зоны с Петропавловск-Малкинской зоной поперечных дислокаций (рис. 8), то есть, на участке с наиболее высокими во всём Камчатском регионе скоростями движения блока континентальной земной коры относительно Северо-Американской плиты [Полетаев и др., 2011].

Надо полагать, что раскрытие трещины разрыва происходило постепенно, так как на пути генерального юго-западного направления общего разрыва располагалась серия поперечных разломов названной зоны дислокации. На преодоление каждого из них затрачивалось дополнительное время, а общая энергия взброса блока земной коры частично рассеивалась по поперечным разломам. Что, в частности, и нашло отражение в опускании на полтора-два метра части этой структуры типа «битой тарелки» за счёт своеобразного «пробуторивания» отдельных её блоков по подновляемым трещинам разрыва между ними.

Затем, когда трещина генерального разрыва вышла за пределы названной зоны поперечных дислокаций, разом высвободившаяся энергия разрядилась вторым сейсмическим ударом с одновременным образованием второй волны. И, наконец, когда произошёл третий, и наиболее мощный, удар, спровоцированный обрушением блока континентальной плиты, общая трещина разрыва достигла самой западной части общего сейсмического очага.

Это моё предположение о трёх самостоятельных ударах подземной стихии во время землетрясения 17 (6) октября 1737 г. неплохо согласуется с подобным же вариантом развития событий, предложенным А. А. Годзиковской [2010].

Итак, картина событий 17 (6) октября 1737 г. в районе Северных Курильских островов и юго-востока Камчатки позволяет рассматривать взброс земной коры не как одномоментный кратковременный процесс (хотя, конечно же, очень быстрое образование таких трещин, особенно небольшой длины, не исключается), а как постепенное и достаточно длительное раскрытие (вспарывание) земной коры вследствие разрядки накопившихся напряжений в протяжённом сейсмотектоническом очаге. При этом сейсмотектонический процесс, лежащий в основе образования очага, представлял собой архисложную систему соподчинённых событий.

Понятно, конечно же, что предлагаемая мною трактовка событий 1737 г. не может претендовать на полную и, тем более, абсолютную достоверность. Тем не менее, она, как мне кажется, побуждает к пересмотру некоторых представлений как о самом цунами 1737 г., так и к оценке его основных параметров, характеристик и последствий.

Завершая разговор о не совсем корректном истолковании первичных данных Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова, касающихся оценки высоты цунами 6 (17) октября 1737 г. на Северных Курильских островах и юго-востоке Камчатки, можно сделать следующие основные выводы:

— ландшафтно-ситуационный анализ событий данных о высоте цунами, изложенных Крашенинниковым в его знаменитом «Описании земли Камчатки», показывает, что и его собственная оценка, и оценки последующих исследователей высоты цунами во много раз превышают подлинные высоты волны, обрушившейся на берега Курильских островов и юго-восточной Камчатки;

— более близкие к реальности (13—15 сажень), хотя и вдвое большие, чем на самом деле, данные о высоте цунами содержатся в «Пятом рапорте...» Крашенинникова;

— реальные высоты цунами не превышали 11—13 м во Втором Курильском проливе, 6—7 м возле входа в Авачинскую губу и 4—5 м — в районе устья реки Жупанова. И лишь в отдельных бухтах юго-восточной части полуострова волны поднимались до 18—21 м;

— завышение оценок высоты цунами произошло вследствие подмены в беловых копиях («списках») черновых рукописей Стеллера одной меры длины — футов, на другую — фатомы (сажени);

— при изучении первичных сведений предшествующими исследователями должного внимания структуре ландшафтов характеризующихся мест не уделялось, хотя именно донные, прибрежные и береговые ландшафты преобразуют, в общем-то невысокую (до 2,5—3 м) первичную волну в заплески высотой от 5—8 до 15—18 м и несколько более;

— правомерность использования методологии ландшафтно-ситуационного анализа в целях реконструкции высотных и некоторых иных параметров цунами подтверждается тем, что данные на её основе оценки о высотах заплесков волны 6 (17) октября 1737 г. на побережьях Северных Курил и юго-востока Камчатки, вполне соответствуют сведениям, полученным другими, в том числе и полевыми, методами.

Ну и последнее замечание. Конечно же, всё сказанное вполне можно было бы изложить многим короче. В том числе и за счёт сокращения числа рисунков и цитат. Однако в данном случае краткость скорее падчерица науки, нежели «сестра таланта». Ибо, например, кто обратил внимание на краткое, в одну строку, сомнение в верности данных «Описания земли Камчатки», высказанное А. Е. Святловским относительно высоты цунами 1737 г. на острове Парамушир? Или на краткий сравнительный анализ данных «Описания...» и «Пятого рапорта...» С. П. Крашенинникова, осуществлённый С. Л. Соловьёвым и М. Д. Ферчевым по поводу высоты цунами на острове Беринга? Практически никто. И не обратили во многом именно потому, что названные исследователи свои представления подробно не расписали. А их читатели и оппоненты не захотели (или не сочли нужным) терять время на поиски доказательств верности или неверности их представлений.

К тому же и многословие, и сознательное использование цитат (равно как и их выделение курсивом), преследуют целью и максимальное сбережение времени возможных оппонентов, которым не потребуется тратить дополнительное время на поиски изначальных данных для дискуссии и/или контраргументации. Такие данные им уже предоставлены, а потому остаётся только поразмыслить над ними.

Ну, а для того, чтобы размышления эти были объективными и продуктивными, приведу замечательное и по смыслу, и по духу высказывание безымянного автора одной русской рукописи XVI в.: *«Отцы и братья, ежели я где худо описал или переписал, или не дописал, чтите, исправляя бога для, а не кляните».*

Авдейко Г. П., Палуева А. А. Сейсмотектоническое районирование и геодинамика Камчатской зоны субдукции // Вулканология и сейсмология, 2011. № 1. — С. 3—18.

Авдейко Г. П., Палуева А. А. Рои землетрясений Камчатской зоны субдукции и оценка возможных мест зарождения цунами // Вулканология и сейсмология, 2012. № 4. — С. 65—78.

Бабков А. И., Кошечкин Б. И. Цунами. Л.: Гидрометеиздат, 1964. — 49 с.

Балакина Л. М. Ориентация разрывов и подвижек в очагах сильных землетрясений северной и северо-западной части Тихого океана // Известия АН СССР. Физика Земли. 1979. № 4. — С. 43—52.

Балакина Л. М., Введенская А. В., Голубева Н. А. и др. Поле упругих напряжений Земли и механизм очагов землетрясений. М.: Наука, 1972. — 210 с.

Баранов Б. В., Викулин А. В., Лобковский Л. И. Мелкофокусная сейсмичность в тылу Курило-Камчатской островной дуги и её связь с сильнейшими землетрясениями в зоне поддвига // Вулканология и сейсмология. 1989. № 6. — С. 73—84.

Большая Советская энциклопедия. Изд-е 3-е. Т. 25. М.: Советская энциклопедия, 1976. — 600 с.

Быкасов В. Е. Новая интерпретация данных С. П. Крашенинникова о землетрясении и цунами 1737 г. // Известия РГО. 2012. — Т. 144. Вып. 6. — С. 37—50.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л. : М.: Главсевморпуть, 1940. — 175 с.

Викулин А. В., Семенец Н. В., Широков В. А. Землетрясение будет завтра. Петропавловск-Камчатский, 1989. — 75 с.

Викулин А. В., Викулина С. А. Два типа взаимодействия между очагами землетрясений // Труды 2-й региональной научно-технической конференции. 11—17 окт. 2009 г., Петропавловск-Камчатский. Геофизическая служба РАН, Камчатский филиал. Петропавловск-Камчатский, 2010. — С. 171—175.

Герасимов Н. Н. Остров Карагинский: путешествие в неопознанный мир Природы. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2008. — 188 с.

Годзиковская А. А. Макросейсмические описания и параметры Камчатских землетрясений доинструментального периода наблюдений // Вулканология и сейсмология, 2010, № 5. — С. 67—80.

Гусев А. А., Гусева Е. М. Свойства колебаний грунта при сильных землетрясениях Камчатки (обзор) // Вулканология и сейсмология, 2006, № 4. — С. 14—24.

Гусяков В. К. Катастрофическое землетрясение и цунами 11 марта 2011 г. в Японии и его влияние на стратегию оценки сейсмо- и цунами-опасности в Дальневосточном регионе РФ // Труды 3-й научно-технической конференции «Проблемы комплексного геофизического мониторинга Дальнего Востока России». 9—15 окт. 2011 г., Петропавловск-Камчатский: 2011. — С. 48—52.

Гусяков В. К., Чубаров Л. Б., Бейзель С. А. Оценка воздействия удалённых цунами на Дальневосточное побережье России // Труды 3-й научно-технической конференции «Проблемы комплексного геофизического мониторинга Дальнего Востока России». 9—15 окт. 2011 г. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 435—439.

Гуфельд И. Л. Физико-химическая механика сильных коровых землетрясений // Вулканология и сейсмология. 2008. № 1. — С. 62—65.

Заякин Ю. А. Цунами на Дальнем Востоке России. Петропавловск-Камчатский, 1996. — 88 с.

Ивельская Т. Н., Шевченко Г. В. Последние сильные цунами: Самоа (2009), Чили (2010), Япония (2011). Действия службы предупреждения о цунами в случае объявления тревоги // Труды 3-й научно-технической конференции «Проблемы комплексного геофизического мониторинга Дальнего Востока России». Петропавловск-Камчатский. 9—15 окт. 2011 г. — Петропавловск-Камчатский: ГС РАН, 2011. — С. 440—444.

Каталог цунами на Камчатке / Сост. Ю. А. Заякин, А. А. Лучинина / Под ред. В. И. Коробкова. — Обнинск: ВНИИГМИ-МЦД, 1987. — 51 С.

Катастрофические процессы и их влияние на природную среду / Под ред. Н. П. Лаверова. Т. 1. Вулканизм. М.: Региональная общественная организация учёных по проблемам прикладной геофизики. 2002. — 436 с.

Кравчуновская Е. А., Пинегина Т. К. и др. Сравнительная характеристика параметров цунами 1737 и 1952 гг. на полуострове Камчатка и Курильских островах по палеосейсмическим данным // Сборник материалов 3-й Сахалинской молодёжной научной школы, 3—6 июня 2008 г. — Южно-Сахалинск, 2008. — С. 176—180.

Кравчуновская Е. А., Пинегина Т. К., Буржуа Д., Маккинес Б. Геолого-геоморфологические эффекты цунами 15.11.2006 на Центральных Курилах // Труды региональной научно-технической конференции «Геофизический мониторинг и проблемы сейсмической безопасности Дальнего Востока России». 11—17 ноября 2007 г. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — Т. 1. — С. 180—183.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / Отв. ред.: Л. С. Берг, А. А. Григорьев, Н. Н. Степанов. — М. : Л.: Главсевморпуть, 1949. — 841 с.

Крашенинников С. П. Пятый рапорт Гмелину и Миллеру от 14 ноября 1737 г. // Описание земли Камчатки, 1949. — С. 554—559.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — 438 с.

Левин В. Е., Магуськин М. А., Бахтиаров В. Ф., Павлов В. М., Титков Н. Н. Мультиисточный геодезический мониторинг современных движений земной коры на Камчатке и на Командорских островах // Вулканология и сейсмология, 2006. — № 3. — С. 54—67.

Лобковский Л. И., Баранов Б. В. Клавишная модель сильных землетрясений в островных дугах и активных континентальных окраинах // Доклады АН СССР, 1984. — Т. 275. — № 4. — С. 843—817.

Магуськин М. А. Геодезические наблюдения на Камчатке для изучения геодинамики, сейсмических и вулканических процессов, прогнозирования землетрясений и извержений вулканов // Современный вулканизм и связанные с ним процессы. Материалы юбилейной сессии Камчатского научного центра ДВО РАН, посвящённой 40-летию Института вулканологии. 8—11 окт. 2002 г. — Петропавловск-Камчатский, 2003. — С. 58—61.

Мелекесцев И. В., Кирьянов В. Ю. Когда будет извергаться вулкан Авача на Камчатке // Вулканология и сейсмология. 1984. — № 6. — С. 107—111.

Новейший и современный вулканизм на территории России / Отв. ред. Н. П. Лаверов: Ин-т физики Земли им. О. Ю. Шмидта. — М.: Наука, 2005. — 604 с.

Певзнер М. М. Тейфростратиграфические реперы в голоценовых разрезах южной части Срединного хребта Камчатки и некоторые особенности радиоуглеродного датирования торфяников // Вулканология и сейсмология, 2003. — № 4. — С. 36—50.

Певзнер М. М., Мелекесцев И. В., Вольнец О. Н., Мелкий В. А. Южный Черпук и Северный Черпук — крупнейшие голоценовые моногенные вулканические формы Срединного хребта Камчатки (Россия) // Вулканология и сейсмология, 1999. — № 6. — С. 22—32.

Пинегина Т. К. Повторяемость сильных землетрясений и цунами вдоль Камчатки и Северных Курил в голоцене по данным тейфрохронологии // Материалы IV Всероссийского симпозиума по вулканологии и палеовулканологии «Вулканизм и геодинамика». Т. 2. Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2009. — С. 656—658.

Пинегина Т. К., Базанова Л. И., Мелекесцев И. В., Брайцева О. А., Сторчеус А. В., Гусяков В. К. Доисторические цунами на побережье Кроноцкого залива, Камчатка, Россия (предварительное сообщение) // Вулканология и сейсмология, 2000. — № 2. — С. 66—74.

Пинегина Т. К., Буржуа Дж. Основные результаты изучения палеоцунами на Камчатке, северных и центральных Курилах // Проблемы комплексного геофизического мониторинга Дальнего Востока России. 2-я региональная научно-техническая конференция. Петропавловск-Камчатский. 11—17 окт. 2009 г. Тезисы докладов. — Петропавловск-Камчатский: ГС РАН, 2009. — С. 139.

Полец А. Ю. Реконструкция параметров поля тектонических напряжений перед японским землетрясением 11 марта 2011 г. // Вестник ДВО РАН, 2013. — № 3. — С. 26—31.

Попов Г. И. Об условиях образования цунами // Бюлл. Совета по сейсмологии. Проблемы цунами, № 9, 1961. — С. 7—22.

Саваренский Е. Ф., Тищенко В. Г., Святловский А. Е., Добровольский А. Д., Живаго А. В. Цунами 4—5 ноября 1952 г. // Бюллетень Совета по сейсмологии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. — № 4. — 62 с.

Святловский А. Е. Цунами. М.: Наука, 1957. — 69 с.

Сергеев М. А. Курильские острова. М.: Географиз, 1947. — 152 с.

Скуфына Т. П., Баранов С. В. Экономические последствия землетрясения в Японии 11.03.2011 // Труды 3-й научно-технической конференции

«Проблемы комплексного геофизического мониторинга Дальнего Востока России». 9—15 окт. 2011 г.». — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 195—199.

Соловьёв С. Л., Ферчев М. Д. Сводка данных о цунами в СССР // Бюлл. Совета сейсмологии АН СССР, 1961, № 9. — С. 23—55.

Стеллер Г. В. Описание плавания из Петропавловска-на-Камчатке к западному побережью Америки, а также происшествий, имевших место на обратном пути. Пер. с нем. / Последняя экспедиция. Предисл. Шумилова А. В. Послеслов. Епишкина С. М., Звягина В. Н.; Ред. и коммент. Епишкина С. М. — М.: Прогресс-Пангея, 1992. — С. 47—148.

Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741—1742. Ред., предисловие, коммент. А. К. Станюковича. — М.: Изд-во «ПАН», 1995. — 224 с.

Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. — 287 с.

Федотов С. А. Долгосрочный сейсмический прогноз для Курило-Камчатской дуги. — М.: Наука, 2005. — 302 с.

Чебров В. Н., Раевская А. А. Землетрясение Камчатки 1737 г. // Труды региональной научно-технической конференции (11—17 нояб. 2007 г., Петропавловск—Камчатский), 2008. — Петропавловск-Камчатский. — Т. 1. — С. 220—229.

Чебров В. Н., Гусев А. А., Гусяков В. К., Поплавский А. А. Вопросы развития системы сейсмологических наблюдений для целей предупреждения о цунами на Дальнем Востоке России // Труды региональной научно-технической конференции «Геофизический мониторинг и проблемы сейсмической безопасности Дальнего Востока России». 11—17 нояб. 2007 г. — Петропавловск-Камчатский. 2008. — Т. 1. — С. 28—40.

Чуян Г. Н., Быкасов В. Е. О высоте цунами 1737 г. на острове Беринга // Вестник ДВО РАН, 2011. — № 2. — С. 155—161.

Чуян Г. Н., Быкасов В. Е. К вопросу о высоте цунами 1737 г. на острове Беринга // Вестник РАН, 2012. — № 4. — С. 307—312.

Эйби Дж. А. Землетрясения. Пер. с англ. М.: Недра, 1982. — 264 с.

Bourgeois J., Pinagina T., Ponomareva V., Zaretskaia N. Holocene tsunamis in the southwestern Bering Sea, Russian Far East, and their tectonic implications. Geological Society of America Bulletin, March/April 2006; v. 118; no. 3. — P. 449—463.

Steller G. W. Journal of a Voyage with Bering, 1741—1742. Editor, with an introduction, by O. W. Frost. Translated by Margritt A. Engel and O. W. Frost. Stanford University Press, Stanford, California, 1988. — 252 p.

Делегаты — «хозяева Камчатки»

(создание системы Советов и их съезды в 1928—1936 гг.)

17 ноября 1922 г. в составе РСФСР была образована Дальневосточная область. В неё вошла и Камчатская область, которую 6 декабря 1922 г. переименовали в Камчатскую губернию [1, с. 14—15]. Высшим органом власти на территории являлся Камчатский губернский революционный комитет. 31 декабря 1922 г. в его составе образованы отраслевые отделы: государственных налогов, сборов и пошлин; народного образования; народной связи; финансовый; юстиции (исполнявший функции прокуратуры); губернского ГПУ; коммунального хозяйства; записи актов гражданского состояния и Рабоче-крестьянская инспекция [2, с. 69].

Одновременно произошло всемирно-историческое событие — 30 декабря 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — «первое в мире единое многонациональное государство рабочих и крестьян». РСФСР выступила одним из его учредителей.

В январе 1923 г. на Камчатке началась организация низовых органов власти — назначаемых «сверху» ревкомов на местах, то есть в уездах и волостях. В течение 1923 г. состоялись волостные съезды. Ревкомы управляли и вели советскую работу до 1926 г. [1, с. 52].

Первая Конституция СССР, принятая 2-й сессией Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР 1-го созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции 2-м съездом Советов СССР 31 января 1924 г., подтвердила уже сложившуюся в стране в годы революции и гражданской войны систему власти. Её верховным органом являлись съезды Советов, а в период между ними — ЦИК СССР, состоявший из двух «палат» — Союзного Совета и Совета Национальностей. Делегаты съезда избирались на республиканских и губернских съездах Советов. В период между сессиями ЦИК высшим органом власти являлся его президиум, включавший 21 члена, в число которых входили члены президиумов Союзного Совета и Совета Национальностей.

4 января 1926 г. постановлением ЦИК СССР образован Дальневосточный край с административным центром в Хабаровске. В состав края вошёл Камчатский округ, как теперь именовалась бывшая

Камчатская губерния. В округе имелись Петропавловский, Усть-Камчатский, Большерецкий, Тигильский, Карагинский, Пенжинский, Анадырский и Чукотский районы [1, с. 53]. Высшим органом власти на территории округа теперь был Камчатский окружной революционный комитет (окрревком).

Под руководством командированных в районы округа ответственных организаторов ВКП(б) началась подготовка к первым выборам в местные Советы: сельские и районные, были сформированы избирательные комиссии. К концу выборной кампании на Камчатке вместо 78 сельских ревкомов были избраны 122 сельсовета, в том числе 40 родовых на Севере — в Анадырском и Чукотском районах. В 1927 г. состоялись вторые выборы, в ходе которых появились новые сельские, а также национальные Советы, прошли районные съезды Советов. В 1928 г. прошла третья избирательная кампания, к концу года действовали 83 сельских, 82 национальных и районных Совета [1, с. 53—54].

Советы стали практическим осуществлением марксистских идей об установлении в государстве диктатуры пролетариата и последующем построении сначала социализма, а затем и коммунизма. В них бывшие «эксплуататорские классы» были отстранены от управления государством. Действительной самостоятельности Советы не имели, исполняя решения правящей коммунистической партии. Их депутаты работали как «неосвобождённые», то есть на непрофессиональной основе. Все предстоящие решения сессий, заранее одобренные соответствующими партийными органами, готовились профессиональным аппаратом Советов в лице, например, общего или организационного отделов исполнительного комитета.

Так, 22 марта 1928 г. окрревком и президиум КОИК слушали сообщение председателя окрисполкома В. Ф. Богатырёва о создании комиссии для проведения подготовки по созыву 1-го окружного съезда Советов. Постановлено: образовать её при организационном отделе в составе председателя Кузнецовой и членов Козлова, Слободчикова, Градусова и Лимберга и на одном из ближайших заседаний заслушать план действий [3, л. 46]. 21 августа окрревком обсуждал время открытия съезда. По предложению Богатырёва это решено сделать в тот же день в семь часов вечера. Попутно образована редакционная комиссия по изданию сборника отчётных материалов съезда, в которую вошли сам Богатырёв, а также Кузнецова и Янушкевич [3, л. 84].

Формально Советы являлись полновластными органами на своей территории, одновременно выполняя представительско-законодательные, распорядительные и контрольные роли. Их полномочия осуществлялись непосредственно или через создаваемые ими государственные органы, все административные и судебные инстанции были подотчётны соответствующим Советам. Те образовывали единую систему представительных органов власти, принципиальной разницы между Советами низшего и высшего уровней не имелось.

В семь часов вечера во вторник 21 августа 1928 г. в Петропавловске в клубе Союза советских торговых служащих открылся 1-й Камчатский окружной съезд Советов. Его значение заключалось в том, что он должен был «ознакомиться со всей той работой, которой на протяжении пяти лет своего существования занимался окружной революционный комитет», и наметить задачи на ближайшие годы.

Ещё 30 июля выяснилось, что съезд может сорваться из-за задержки подхода парохода Совторгфлота «Индигоирка», на котором ожидалась значительная часть делегатов с Крайнего Севера. Утром 21 августа КОИК решил объявить благодарности капитанам пароходов «Индигоирка» И. М. Успенскому и «Монгугай» П. Л. Безансу, а также всем их морякам. «Несмотря на значительное опоздание отхода из Петропавловска пароходов “Монгугай”... и “Индигоирка” и трудности плавания в водах Камчатки, что создавало большую угрозу не только запозданию открытия съезда, но и срыву самого съезда Советов, делегаты с мест доставлены своевременно. Отнести это за счёт исключительной энергии и стараний капитанов и команды означенных пароходов» [3, л. 83, 111].

В четыре часа дня 21 августа у здания окружного бюро ВКП(б) прошёл «летучий» митинг, посвящённый открытию съезда. С приветствиями выступили партийцы и некоторые делегаты. Затем состоялась демонстрация с участием пограничников, кружковцев Осоавиахима (Общества содействия авиации, оборонному и химическому строительству, одной из самых массовых советских организаций), санитарного кружка и членов профсоюзов. Собралось множество людей, по меньшей мере, половина городского населения. Демонстрация проследовала мимо клуба, где её приветствовали делегаты, свернула на площадь Свободы, после чего вернулась обратно.

Вот одно из стихотворных приветствий в адрес съезда:

*Опоясаны дома и улицы в плакаты,
Голубое небо пронизал знамённый красный цвет —
Город ждёт — придут делегаты
На Камчатский Первый Съезд...
Юрты знают, знают сёла, что сегодня —
Это праздник многих страдных лет.
Оттого потоком бурно-стройным буйно-водным
Льётся Съезду пламенный привет.*

К семи часам вечера клубный зал был наполнен публикой. В первых рядах — делегаты и приглашённые представители японского консульства, работавшего в Петропавловске с 1918 г.

Избранные делегаты с правом решающего голоса:

От Анадырского района: Вологдин (русский), Шитников (чуваец), Ровдыюрган (чукча).

От Тигильского района: Толстихин (русский), Пенхе (русский), Эвели (коряк), Бекерев (ительмен). От Усть-Камчатского района: Ларин (русский), Борысевич (русский), Сновидов (камчадал), Пизик (русский), Чуйко (русский), Солодяков (ламут), Коерков (ламут).

От Петропавловского района: Богатырёв (русский), Козлов (русский), Подкорытова (камчадалка), Тюменцев (камчадал), Еланцев (камчадал), Копцев (русский), Малахов (русский).

От Пенжинского района: Смирнов (русский), Овчинникова (камчадалка), Банков (тунгус).

От Большерецкого района: Проскуряков (русский), Трапезников (камчадал), Селиванов (камчадал), Панова (камчадалка).

От Карагинского района: Выломов (русский), Печуча (коряк).

От Чукотского района: Хорошавцев (русский), Теренкец (чукча), Ипэк (эскимос), Нупеуге (чукча), Матлю (эскимос).

От города Петропавловска: Шеин (русский), Слободчиков (камчадал), Каплан (русский), Осипская (русская), Вшивков (русский), Святой (русский), Чернов (русский), Ким (кореец).

Из этого числа не смогли прибыть семеро.

Вот короткие биографии всего лишь двоих депутатов.

Банков Дмитрий Афанасьевич, тунгус (ламут). Ему 43 года, обитатель района селения Гижига. Батрачил, голодал, работал у помощника уездного исправника. «Надоела ему рабская жизнь. Ушёл. Женился на тунгуске. Стал заниматься рыболовством, звероловством, убивал лисиц, и жизнь сделалась совершенно другой». В 1925—1927 гг. — член Пенжинского ревкома, а теперь — сторож райисполкома. Знает родной тунгусский язык, чукотский, корякский и русский.

Эвели, коряк с горной вершины Еловка, отстоящей от Тигиля в ста верстах. Бедняк. «Отец мой умер, и мне было тогда десять лет, если не меньше. И я тогда был женат на Хачигинкабей, такого же возраста. И теперь у меня три дочери и сын, которого отдал в школу». Имеет сорок голов оленей, зимой кочует, а летом занимается рыболовством. Образовал товарищество с членами ещё четырёх семейств. Теперь они имеют невод, ловят рыбу. Говорил: «Хороший охотник убивает до десяти штук соболей, цена от 25 до 170 рублей... У коряков высоко развито пошивочное дело, а кооператив снизил цены на изделия из шкуры оленей. Так, например, в Гижиге доха расценивается до 45 рублей, а здесь всего 15. Плохо, в лавке нет ничего. Ни пули, ни пороху, ни ружей...» Знает свой и русский язык. Малограмотный. С 1925 г. член ревкома, потом председатель туземного коряцкого райисполкома.

Торжественное заседание открыл председатель окрревкома В. Ф. Богатырёв: «Товарищи! Десять с лишним лет прошло с тех пор, как рабочий класс и крестьянство России от мировой империалистической бойни через вооружённое восстание перешли к строительству социализма. Растерявшаяся вначале буржуазия повела наступление на молодой Советский Союз. Началась гражданская упорная война... Но власть Советов, диктатура пролетариата завоёваны окончательно, и Советский Союз крепок и силен!» [4, № 66]. Он предложил почтить память павших бойцов революции. Все встают, оркестр играет похоронный марш. Далее Богатырёв сообщил, что страна «уже почти во всех отраслях хозяйства перешагнула за пределы так называемого “довоенного уровня” (то есть 1913 г. — С. Г.)», затем перешёл к задачам, стоявшим перед съездом.

Вот они [4, № 65]:

- большее вовлечение в работу Советов крестьянских масс;
- участие населения в расширении и укреплении школьного и больничного дела на селе;
- расширение сельского хозяйства, в первую очередь животноводства и огородничества, ввиду истощения запасов пушного зверя и рыбы;
- борьба за сохранение оленьего поголовья;
- правильное регулирование рыбного промысла «по линии решительного установления потребительских, кормовых и промысловых норм, устранения неправильных способов лова, использования для собачьего корма менее ценных пород рыб и увязке цен на рыбу с ценами на товары»;

- установление периодических запусков (запретов промысла) на пушного зверя и более правильных сроков охоты, устранение браконьерства, введение более правильных цен на пушнину;
- решительное устранение всех недочётов в деле снабжения населения, особенно предметами первой необходимости;
- налаживание промысла морского зверя;
- вовлечение в кооперацию населения и расширение потребительской и промысловой кооперации;
- организация переселения с «материка».

После многочисленных поздравлений от партийных, пионерских, общественных организаций прозвучал доклад чекиста М. И. Каплана «Международное и внутренне положение СССР». Докладчик предложил «создать кадр своих красных специалистов, сохранив в то же время и старых честных спецов... Изжить кризис в хлебозаготовках (откуда на Камчатке в 1928 г. хлебозаготовки? — С. Г.)... Ликвидировать неграмотность, главную виновницу темноты и невежества, ввести всеобщее обучение для детей школьного возраста... Вести борьбу с пережитками царского строя, в частности, с пьянством». Назвал и то, чего делать не надо: «Товарищи, мы не должны бояться критиковать наши недостатки!» [4, № 67].

22 августа окружная газета «Полярная звезда» опубликовала проекты резолюций съезда. Резолюция по отчётному докладу окрревкома «целиком и полностью» одобряла его деятельность. Съезд предлагал обратить особое внимание: в области советского строительства — на углубление авторитета сельсовета в деревне и большее вовлечение в его работу бедняцко-середняцкой массы, укрепление и большее развёртывание деятельности крестьянских комитетов и других общественных организаций. В области школьного строительства — на расширение сети интернатов за счёт сокращения «карликовых» школ, на необходимость большего охвата «туземного» населения, на «систематическое углубление выращивания культурных» сил из местных жителей и особенно аборигенов. В области здравоохранения: на правильное и своевременное снабжение медикаментами, усиление санитарно-просветительной работы на селе. «В области животноводства, оленеводства и собаководства необходимо устройство показательных пунктов по выращиванию, уходу и содержанию скота в некоторых районах с организацией при последних агрономической и ветеринарной помощи». Следует повести решительную борьбу с вредителями оленьих стад (волками), «поставив вопрос о премировании за уничтожение этих вредителей», взять курс на организацию коллективных хозяйств

в оленеводческих районах, их расширение, создать несколько собачьих питомников и случных пунктов, обеспечив последние «хорошим материалом», повести решительную борьбу по изготовлению более дешёвого собачьего корма.

В области рыбного и пушного промыслов — введение решительного запрета лова рыбы запорами (традиционный способ, заключающийся в перегораживании реки деревянным «забором») там, где это не вызывается исключительными условиями, определение рек, где запоры допускаются, опубликование списка нерестовых и запретных мест и организация охраны последних силами сельсоветов, усиление организационной и материальной помощи рыболовческой кооперации. В области торговли — своевременное и более правильное снабжение мест товарами и продуктами, проведение «политики единых цен» по всему округу, установление в северных районах развозного торгога, своевременное и полное обслуживание туземных ярмарок... [4, № 65].

В этот же день В. Ф. Богатырёв озвучил отчётный доклад окрревкома. По его словам, окрревком «получил своё оформление» в 1923 г. Его первая задача: организовать советский аппарат, ввести революционную законность и перейти к культурному и хозяйственному строительству. Начали с сельсоветов, организовали выборы в них. В 1925 г. сельсоветов было 114, в 1928 г. — 82, ряд их сокращён за счёт укрупнения. Туземных советов: ламутских — три, алеутских и корякских — по два. При большинстве Советов организованы крестьянские комитеты (кресткомы). Проведена большая работа по проведению закона об отделении церкви от государства, но в этом деле допущены «искривления» директив власти, причём не обошлось без крупных столкновений с верующими в Гижиге и Усть-Камчатске. Записью актов гражданского состояния охвачено пока не всё население, туземное — только на 15 %. В школьном образовании сделано много, но в отношении охвата школами детей школьного возраста Камчатка пока стоит на последнем месте в Дальневосточном крае. Дети туземцев почти совсем не посещают школы. Имеются 18 туземных школ. Учителей не хватает, но «за идеологическое лицо камчатского учительства мы спокойны». Дело с медицинскими работниками обстоит неважно. «Беда наша в том, что сюда не каждый желает ехать». В северных районах распространены трахома и туберкулёз, для борьбы с которыми направлены специальные отряды Наркомздрава и Красного Креста. В 1926—1927 гг. удалось забросить на места достаточное количество медикаментов.

Отмечено истощение рыбных богатств, нужно бороться с их бесхозяйственной эксплуатацией. Будет проводиться «линия по изжитию системы заповоров». Имеется некоторый рост цены на рыбу и одновременно снижение стоимости промысловых товаров и продуктов. Для улучшения сбыта рыбопродукции надо кооперировать население и дать ему кредиты. Рыбу следует направлять не только в посол, но перерабатывать её в консервы. Вся добываемая пушнина идёт, главным образом, на экспорт, за золотую валюту. Хищники сдают меха исключительно за границу. Это нетерпимо, меха должны проходить только через руки государства. Стоит вопрос о сохранении пушных богатств, введены запуски. Следует увеличить число заповедников и заказников, развернуть сеть питомников, рассчитанных в первую очередь на разведение соболей и песцов, ограничить въезд пришлых с материка охотников.

Сельское хозяйство пока является подсобным, развито слабо. Надо ставить вопрос об его расширении. Точной статистики по оленеводству до 1926 г. не существовало. По переписи 1926 г. зарегистрировано 686 247 оленей, но «нельзя сказать, что эта цифра была точной». Анадырский район имеет 45,7 % общего количества этих животных, а Усть-Камчатский — всего 2,9. «Мы должны развернуть ветеринарную помощь и повести борьбу с волками. Надо устроить заводы-комбинаты, как в Америке, чтобы использовать шерсть, вырабатывать шкуры, замшу, изделия из рога».

«С момента организации на Камчатке советской власти мы сказали всем частникам-кулакам: “Кыш!” Частника мы ликвидировали, прекратив вместе с тем и спаивание туземца. Сейчас перед нами стоят вопросы: какие везти товары туземцам и на какую сумму? Приходится учитывать, какое количество пушнины, морского зверя и рыбы мы берём из данной местности. В зависимости от реальной стоимости мы завозим туда соответствующее количество товаров».

Кооперативы на Камчатке действовали с 1917 г., но начали развиваться с момента организации советской власти. Кооперация сейчас находится в зависимости от государственного Акционерного Камчатского общества (АКО), наблюдаются случаи «неувязок». Главный источник доходов кооперации — 80 % — рыба.

«Съезд всю проделанную работу в своих прениях возьмёт “под обстрел”, найдёт в ней отрицательные стороны, учтёт все недостатки и даст будущему окрисполкому ясные, чёткие директивы по осуществлению решений съезда и по дальнейшему строительству на Камчатке социалистического хозяйства».

Прения по докладу В. Ф. Богатырёва шли с утра 23-го до вечера 25 августа. Вот несколько выступлений. Коряк Печуча из Карагинского района: «В Тиличихах заведующий факторией — плохой человек. Всё ругается. Мы просим разрешить бить весной зайца, чтобы не бить оленей для питания. Морские рыбалки очень близко и мешают рыбе проходить в реку. Надо отнести дальше. Разрешите ловить “пастями”». Депутат Выломов, тоже из Карагинского района: «Основное — это связь. Почта к нам приходит один раз, надо два. Особенно в период выборов важна связь. Материалы к нам приходят поздно. Летом с пароходом некоторые отделы неправильно пишут адреса, поэтому почта засылается в Карагу, и она там лежит до зимы. Телеграф, как и на Чукотке, не работал из-за того, что заведующий ничего не понимает. Удалось его установить только с приездом специалиста из Наяхана. С его отъездом снова начались перебои и, наконец, станция замерла. Вновь посылаемый работник говорит, что станция работать будет. Наши сельсоветы, хотя и работают, но им нужен инструктаж...»

Эскимос Иппэк через переводчика доложил: «Я приехал с мыса Наукан. По-русски не понимаю. Что говорят, ничего не понимаю. У нас там также бывают заседания. Население требует морских лодок. Пишем, пишем, но ничего нет. Хотим организовать кооператив и приобрести моторы, бомбы для китов, якоря, верёвки, патронов китобойных, два орудия для убоя китов, толстого брезента для яранг. Сейчас по побережью нет патронов. С Наукана до Лаврентия нечем бить моржа. Нельзя сделать запас на зиму. Если у кого есть немного патронов, то их берегут. Если плохая погода, люди сидят голодные, но не стреляют, боясь сделать промах. Есть желание учиться, но не хватает школ. Просим второго учителя и здание для школы, так как в яранге учить плохо. Для учителя мы бесплатно доставляли уголь из Дежнёва» [4, № 72].

На следующий день прозвучал доклад И. Е. Ларина «О состоянии и перспективах пушного, рыбного и морского промыслов». По нему «прели» с вечера 25 августа и весь день 26-го. Из выступления делегата Малахова от Петропавловского района: «По рыбному вопросу. Надо сократить аппетиты японцев. Запоры вредны. Они мешают рыбе проходить, рыба о них избивается и до верховья не доходит. Кроме того, при установлении пропусков надо делать их на ходовых местах. При определении места, где нельзя обойтись без запоров, надо привлечь рыбнадзор. О норме (вылова рыбы для кормления собак. — С. Г.). У нас раньше была хорошая норма. В нынешнем году дали малую норму и сообщили о ней после того,

когда мы уже выловили по-старому. По некоторым селениям проезжал инструктор Дальрыбы и отбирал у населения излишки против новой нормы для сдачи в крестком. У нас, правда, он не был, но всё же отбирать не надо. Для наших селений норму надо установить по двести пятьдесят штук кеты на собаку. Красную (нерку. — С. Г.) считать две за одну кеты...» [4, № 77].

27 августа слушали доклад заведующего губернским отделом народного образования Н. С. Павленко «Культурно-социальная работа в округе». Утверждён представленный заведующим окружным финотделом Усовым проект бюджета округа на 1928—1929 гг. (В ходе подготовки съезда Усов высказал «особое мнение» о порядке постановки вопросов: «Утверждённая окрревкомом повестка 1-го окружного съезда Советов Камчатского округа в порядке постановки докладов может вызвать некоторое недоумение: почему доклад о бюджете поставлен в конце повестки. Как это видно из структуры съезда Советов — республиканских, краевых, губернских, доклад о бюджете ставится следующим после отчётного доклада соответствующего исполнительного комитета. В этом случае, очевидно, учитывается то, что бюджет вообще обслуживает рабоче-крестьянские массы, определяет экономику округа и, прежде всего, затрагивается на съезде составом съезда. Излагая своё особое мнение, я ни в малейшей степени не имею в виду сказать, что остальные хозяйственные вопросы и доклады имеют менее важное значение» [3, л. 53].)

Съезд признал советизацию Камчатского округа завершённой. Окрревком передал полномочия вновь избранному исполнительному комитету Камчатского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполкому). На этом он завершил свою работу.

Нужно отметить, что выступления, звучавшие на заседаниях, и принятые на них документы сильно напоминают решения ранних камчатских, ещё «досоветских», съездов 1917—1920 гг. Разница же между ними заключается в том, что теперь от обнародования фактов и дачи заявлений о намерениях власти перешли к последовательным действиям, поддержанным, хотя и не в полной мере, достаточно мощными и непрерывно растущими государственными ресурсами.

10 декабря 1930 г. постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) созданы Чукотский и Корякский национальные округа. В них вошли

Анадырский, Чукотский, Тигильский, Пенжинский и Карагинский районы. Через год с небольшим, 10 января 1932 г. решением ВЦИК организованы Алеутский и Быстринский национальные районы. 20 октября 1932 г. Постановлением ВЦИК «О реорганизации административно-территориального деления Дальневосточного края» образована Камчатская область в составе Петропавловского, Усть-Большерецкого, Усть-Камчатского, Алеутского и Быстринского районов. Камчатская область и Корякский национальный округ вошли в состав Хабаровского края [1, с. 30—32; 2, с. 85—86]. Дальневосточный краевой исполнительный комитет (Далькрайисполком) утвердил оргкомитет, которому предстояло завершить работу по организации области не позднее 1 января 1933 г. и подготовить проведение 1-го Камчатского областного съезда Советов.

6 апреля 1933 г. в Петропавловске открылось первое заседание объединённого пленума окружкома ВКП(б), окружной контрольной комиссии и оргбюро крайкома ВКП(б). Прослушан отчётный доклад секретаря оргбюро Далькрайкома ВКП(б), открылись прения. На следующий день заслушан доклад заместителя директора рыбного управления АКО Морозова об организации рыбной путине. Утром 8 апреля пленум ознакомился с докладами областного земельного управления, сельхозуправления АКО о подготовке к весенней посевной кампании, утвердил соответствующие резолюции. Пленум завершил свою работу выборами бюро Камчатского областного комитета ВКП(б) [5, № 47].

Вечером 8 апреля в городском клубе начал работу 1-й Камчатский областной съезд Советов. Его открыл председатель организационного комитета Далькрайисполкома Г. Н. Коренев, кратко обрисовавший во вступительной речи те достижения, с которыми область пришла к съезду. В президиум съезда единогласно избираются руководящие товарищи Коренев, Косоруков, Самсонов, Киселёв, Востриков, Корякин, Ильяшенко, Серов, Русаков, Житяйкин, Шанаурин, Николаев, а также представитель Быстринского района Инданов, лесоруб Чикуров, колхозница из Кихчика Кривогорницина, красноармеец Пойда и грузчик Ван Цин Юн.

После выборов президиума съезд под бурные аплодисменты всего зала избирает почётный президиум в составе политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным, а также товарищей Рудзутака, Тельмана, Постышева, Лаврентьева, Крутова, Блюхера и Дерибаса. Мандатную комиссию составили Белов, Зайцев, Коробко, редакционную — Уманский, Сорочинский и Дайнеко. В секретариат вошли товарищи Люфт, Докшин, Корзинин и Садовой [5, № 48].

Утверждена повестка заседаний: отчётный доклад оргкомитета Далькрайисполкома, доклады о рыбной путине 1933 г. и весенней посевной кампании, выборы областного исполкома.

С приветствием от имени обкома ВКП(б) выступил его секретарь И. И. Самсонов, выразивший уверенность, что съезд с честью справится с поставленными перед ним задачами.

Единогласно принимается предложение послать приветственные телеграммы: в Москву — руководителям страны товарищам Сталину, Калинин и Ворошилову, в Хабаровский крайком партии — товарищу Лаврентьеву, в Далькрайисполком — товарищу Крутову, командующему Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией Блюхеру и «шефу» Камчатской области Рудзутaku.

На заседание прибыла делегация пограничников. Её глава Кишкин в рапорте обнадежил, что «глаз чекиста зорек и сумеет обнаружить классового врага, где бы он ни сидел». Он заверил, что бойцы «сумеют дать жесточайший отпор всем тем, кто попытается протянуть лапу к нашему социалистическому Отечеству» и выразил уверенность, что съезд разрешит поставленные перед ним задачи и наметит дальнейшие пути освоения Камчатки. Теперь делегатов приветствуют осоавиахимовцы. Их руководитель Прусаков, рапортуя о проделанной работе, указал, что в подарок съезду организация принесла досрочную реализацию собственной 7-й лотереи.

После этого съезд приступил «к прямой работе» и заслушал отчётный доклад оргкомитета Далькрайисполкома. С ним выступил Г. Н. Коренев. Он, кратко охарактеризовав международную обстановку и успехи СССР в деле индустриализации, перешёл к подведению итогов четырёхлетней работы Камчатского окружного и областного исполкомов.

«Последний окружной съезд Советов и первый областной съезд разделяют четыре с лишним года. С чем же мы пришли за это время к областному съезду, насколько правильно и полно сумели осуществить директивы партии и правительства?» Ведущей отраслью экономики области является рыбная промышленность. Вылов рыбы в АКО с 229,7 тыс. ц в 1928 г. вырос до 827,5 тыс. в 1932 г. В кооперативной (то есть колхозно-артельной) системе добыча за это же время увеличилась с 25 тыс. ц до 197,4 тыс. Одновременно расширялась сеть предприятий по обработке рыбы. Если в 1928 г. АКО имело только три рыбоконсервных и один утилизационный (туковый) завод, то в 1932 г. — 15 рыбоконсервных и пять утиль-заводов. Выпуск продукции возрос с 5 424 тыс. руб. до 20 717 тыс. в 1931 г.

Но наряду с явными успехами обнаружились и крупные недостатки, о коих заявлено «с большевистской самокритикой». Так, в течение 1929—1931 гг. в АКО имелось «систематическое» невыполнение плановых заданий. В 1932 г. с программой по вылову справились, но не выполнили её по породам и, особенно, по качеству, а в ценностном выражении всего на 71,4 %. Причинами названы «явно правооппортунистическое отношение» ряда руководителей. Не были внедрены «шесть исторических условий товарища Сталина», имелись уравниловка в зарплате, плохое нормирование труда, отсутствие «подлинного» хозрасчёта и внимания к материально-бытовым нуждам тружеников. (Под понятием «Шесть условий товарища Сталина» подразумевался комплекс хозяйственно-политических мер, озвученный вождем ещё 23 июня 1931 г. Вкратце они звучали так: при исчезновении безработицы необходимо использовать оргнаборы рабочей силы, а также механизировать труд; поднять зарплаты квалифицированных рабочих по сравнению с неквалифицированными; улучшить снабжение, жилищные условия; улучшить организацию труда; создать новую производственно-техническую интеллигенцию, одновременно заботясь о старой, шире привлекая её к работе; развить хозрасчёт.) Провалам имелись и объективные причины: истощение нерестилищ и недостаточное снабжение промысловым снаряжением и тарой. Особенно «провалился» Усть-Камчатск, но Ича и Кихчик сработали хорошо.

После рыбы второе место по значимости занимало пушное хозяйство. Здесь произошли большие перемены. С 1927 г. оно полностью перешло в руки государственно-кооперативных организаций, частники и иностранцы остались не у дел. Но и тут не всё было гладко. Так, в Быстринском национальном районе, «где ленинская национальная политика требовала особо чуткого отношения к охотникам», кооперативные заготовители вместо отоваривания промысловиков лишь выдавали им справки о количестве сданной пушнины. В 1933 г. на полуострове началась организация промыслово-охотничьих станций.

Быстрое развитие рыбной промышленности требовало расширения лесной, изготавливавшей тару и плавсредства. Но с 1929 г. её программы не выполнялись ввиду слабого руководства со стороны АКО и кооперации, недостатка инструмента, фуража и спец-одежды. Рабочие и тяговая сила распределялись по леспромхозам неравномерно, отсутствовали механизация, из-за плохих бытовых условий наблюдалась огромная текучка кадров. Но, тем не менее,

в заготовках и лесосплаве к 1932 г. произошли положительные перемены: к месту производства доставлено 50 тыс. кубометров леса против 4 тыс. в 1929 г.

Исключительное внимание уделялось развитию сельского хозяйства. До недавнего времени почти все овощные и мясомолочные продукты на Камчатку ввозились с материка. Теперь посевная площадь выросла со 100 га в 1928 г. до 1 460 в 1932 г. Но, несмотря на это, выход овощеводческой продукции пока признавался недостаточным.

В области животноводства также имелся значительный рост. В совхозах и колхозах общее поголовье лошадей по сравнению с 1931 г. увеличилось на 378 голов и крупного рогатого скота — на 533. «Тем не менее, несмотря на рост поголовья в области животноводства мы имеем серьёзное неблагополучие». В результате плохой заготовки сена в 1932 г., «мы имеем теперь прямо катастрофическое положение с кормом. Это заставляет нас в отдельных местах и случаях соглашаться на убой скота».

Отмечены «большие успехи» в коллективизации. На сегодняшний день имелись 56 колхозов, объединявших 1 609 семейств. Общий процент коллективизации селян достиг 64,5 %, а в Большерецком и Петропавловском районах — 84,7 %. Но её темпы значительно отставали от материковских ввиду недостаточного уделения внимания организационному и хозяйственному укреплению колхозов.

Значительно выросла сеть школ: с 38 в 1928 г. до 61 в 1933 г. Средних учебных заведений в 1928 г. не было ни одного, а к 1933 г. имелись совпартшколы, рабфак и педагогический техникум. Ассигнования по народному образованию с 561 тыс. руб. в 1928 г. выросли до 1 224 тыс. в 1932 г. Учителей хватало, но их подготовка оценивалась как недостаточная. Среди них наблюдалась большая текучесть, особенно в школах 1-й ступени, то есть начальных.

В области мелось 22 медицинских учреждения, где трудились 118 врачей. Если в 1928 г. на одного врача приходилось 8 739 чел., то в 1932 г. — 380 чел.

Завершая доклад, Г. Н. Коренев заявил: «Несомненно, что к 1-му областному съезду Советов мы пришли с большими достижениями. Налицо рост по всем отраслям нашего хозяйства... Вместе с тем, мы не скрываем своих недостатков... Сейчас перед нами стоит ряд важнейших хозяйственно-политических задач и основными из них являются подготовка к рыбной путине, подготовка

и проведение весенней посевной кампании и лесоплава. Выполнению этих трёх решающих задач необходимо подчинить всю работу сельских советов» [5, № 49].

Почти половина выступлений в первый день прений была посвящена народному образованию. Говорившие отмечали, что при наличии значительных успехов в деле количественного охвата населения учебной сетью, с качеством учёбы дело обстоит совсем не здорово. Одной из причин плохого преподавания являются крайне скверные материальные и бытовые условия жизни учительства. «В селе Елизово учителя не имеют совершенно обуви». Единственное учреждение, готовящее учительские кадры — педагогический техникум в Петропавловске — поставлено в самые безобразные условия. Помещение не даёт возможности развернуть, как следует, работу, учебные кабинеты не организованы, пособия хранятся в шкафах. В интернате (общежитии) учащихся страшная теснота, спят вповалку на приставленных друг к другу топчанах. «Эта скученность затрудняет проведение самых необходимых санитарных мероприятий, в результате две трети учащихся сейчас болеют гриппом». Такое же положение, если не хуже, наблюдалось и в городской совпартшколе.

«На питание одного студента отпускается 1 руб. 50 коп. в день. Отсюда ясно качество пищи. Содержание одного учащегося обходится в 50 руб. в месяц, поэтому на руки стипендии никакой не выдаётся. Ясно, что в таких условиях имеют возможность учиться лишь те, кто более или менее обеспечен материально, но не рядовой человек, не имеющий поддержки из дому».

От имени научных и инженерно-технических работников съезд приветствует работник Камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства (ТИРХ) М. А. Фортунатов. Он отмечает, что за последние годы в учёной среде произошло резкое расхождение, не оставившее места нейтральности и выделившее активных строителей социализма и не менее активных его врагов. «Перед научными силами Камчатки сегодняшний день поставил ряд крайне серьёзных задач. Одной из них является ликвидация сезонности и текучести в исследовательской работе. Необходимость диктует учредить на Камчатке ряд самостоятельных, мощных научно-исследовательских институтов. В условиях оторванности от центра нам необходимо иметь здесь кадр крупных учёных, занимающихся разрешением камчатских проблем. Как прообраз такой организации мы имеем сейчас ТИРХ, который уже достиг некоторых успехов в деле изучения рыбного хозяйства Камчатки... Но работы

предстоит ещё крайне много. Ряд насущных жизненных вопросов требуют разрешения. Взять хотя бы пресловутый “собачий вопрос”. Я того мнения, что разрешение его лежит на пути создания сети рыборазводных питомников, могущих поставлять корм для собак и одновременно выполнять задачу укрепления хозяйства Камчатки».

Делегат Прохоров развил тему о собаках и корме для них. «Преступно скармливать каждой собаке на 730 золотых рублей красной рыбы ежегодно. Надо вплотную заняться вопросом использования отходов, а также использованием наваги и камбалы для приготовления собачьего корма. Наконец, недостаточно только говорить о собачьем корме и в то же время не соблюдать даже примитивных правил ухода за собаками. Собака — наша камчатская лошадь — тоже требует к себе внимательного отношения. Надо поставить вопрос и о качественном подборе собак».

Делегаты Бурк и Недвецкий продолжили: «Собачий транспорт у нас далеко ещё не налажен. По всем районам отмечается уменьшение поголовья собак. В этом, несомненно, виновата та неразбериха, которая существует в вопросах заготовки корма. Опыты приготовления лепёшек из отходов рыбоконсервных заводов окончились неудачей, надо их возобновить на научной основе. Также спорен вопрос о красной рыбе. На одной кислой (то есть квашеной) рыбы. — С. Г.), конечно, далеко не уедешь».

От имени «казаков» (так в то время называли переселённых на полуостров казахов) Петропавловского района выступил рабочий Исакаев: «Нам сейчас приходится довольно тяжело. Мы разбиты на маленькие группы, работаем, будучи оторваны друг от друга. У нас остались на родине жёны и дети, которых мы никак не можем перевезти сюда, несмотря на то, что АКО обязано это сделать по договору. Среди нас имеются замаскированные муллы и байы, борьба с которыми затрудняется из-за большой нашей неграмотности. А ликвидировать мы её не можем из-за отсутствия литературы на нашем языке, культработника-казака также у нас нет. На кирпичном заводе, где работает часть из нас, очень плохо поставлено медобслуживание. А между тем из-за непривычных климатических условий многие из нас болеют. Мы просим съезд принять меры к устранению тех недочётов, о которых я говорил».

Работник связи Н. В. Медведицын сосредоточил внимание собравшихся на необходимости уделить особое внимание недавно организованным национальным районам: «Местное туземное население оказывало большую поддержку советской власти во время её уста-

новления. Оно принимало участие в ликвидации бандитских шаяк и помогало отрядам Красной Армии. Поэтому помощь национальным районам — наша прямая обязанность. Туземцы периодически недоснабжаются, мало сделано в части культурного и жилищного строительства. В частности, давно пора заменить им юрты разборными домами, тип которых имеется в АКОграде (район Петропавловска у подножия Мишенной сопки. — С. Г.)».

Иллюстрацией к его словам послужило выступление ламута (эвена) Енданова, обратившего к съезду с рядом насущных потребностей их района. Так, например, требовалось в ближайшее время усилить аппарат местного кооператива агрономом и пушником, наладить телефонную связь между Козыревском и Эссо, чаще «пускать» почту, провести радио и кинофикацию [5, № 50—51].

Съезд продолжился докладом заведующего областным земельным управлением Величко. Некоторые тезисы из него: «Нам нужно организовать бригады слесарей из числа квалифицированных рабочих и послать их в помощь колхозам и беднякам-единоличникам, по ремонту машин и инвентаря. Нам нужно добиться разделения лошадей на группы. Районные власти обязаны проверить, как выполняется директива крайкома о подготовке коня к посевной. И ещё, что нужно — это организовать детские ясли и учреждения народного питания на период посевной. Это во многом поможет выполнению плана. Съезд должен ходатайствовать перед крайисполкомом о воздействии на краевые организации в части выполнения наших заявок на семена, горючее и запасные части».

Затем открылись прения по докладу Величко. Вот два характерных выступления. Делегат Смирнов: «Мы в прошлом гнались за количеством вспаханных гектаров. Теперь нужно поставить работу так, чтобы успехи мерялись не гектарами, а тоннами. В этом году мы поставили перед собой вполне реальные цифры вспашки. Но выполнение этих цифр зависит от трёх “китов”: коня, трактора и семян. В каком положении эти три “кита”? Тракторы в большинстве своём не отремонтированы (из 28 машин готовы 12) из-за недостатка запасных частей. Кони находятся в очень плохом состоянии. Падежа, правда, нет, но работать большинство не может. Причины вам известны: вредительство с сенозаготовками и головотяпский отказ дирекции от завоза концентратов. Семенами совхозы обеспечены, в среднем, на 45 %, причём нет ни зерновых, ни картофеля. В особенности это относится к Петропавловскому совхозу, который и в этом году оставит город без картофеля».

Продолжил делегат Филимонов: «Из года в год с наступлением весны мы начинаем говорить о семенах, в частности, о картофеле. Но вместе с тем нами ничего не предпринято в части улучшения картофеля путём отбора семян. Нам нужна здесь картошка-скороспелка, а мы сажаем в землю такую картошку, которая не вызревает и поэтому гниёт в хранилищах. Тяговая сила у нас имеется, но мы не умеем за ней ухаживать. В этом вся наша беда. Нужно провести в этом отношении большую разъяснительную работу. То же самое и в отношении механической тяговой силы. Если судить по заводу, то мы ей обеспечены в достаточной степени. Но большинство машин загублено неправильным уходом» [5, № 51].

В ответном слове Величко предостерег от неверного понимания сказанного им: «Я здесь привёл лишь ясную картину того, что мы сейчас имеем. Конечно, я не имел в виду ни поднимать панику, ни заниматься очковтирательством. Мы принимаем все меры к тому, чтобы обеспечить посевную, и обвинять нас в бездеятельности нельзя... Дело, конечно, обстоит скверно, но паники поднимать всё же не надо. Нужно напрячь все усилия, мобилизовать все средства. При этих условиях мы посевную выполним» [5, № 52].

Итоги прений подвёл Г. Н. Корнев: «...Перед нами стоит задача — превратить область в мощную индустриально-экспортную базу. Поэтому вам, делегатам съезда, нужно будет провести на местах большую работу по разъяснению этой задачи. Поменьше нытья, ссылок на камчатские условия, “поменьше пустой болтовни, побольше простого, будничного дела” (Ленин). Сплотимся вокруг советской власти и партии и пойдём штурмом на все трудности!

Мы должны добиться, чтобы к нам шли пароходы, гружёные людьми, а от нас уходили нагруженные до краёв товарами. Вы, разъехавшись на места, должны рассказать низовым работникам о вопросах, стоящих на съезде, и о путях их разрешения. Вы должны мобилизовать массы на выполнение хозяйственных задач, и тогда под руководством ВКП(б), под руководством нашего обкома партии мы с ними справимся!» Эти заключительные слова утонули в шквале аплодисментов [5, № 51].

11 апреля 1933 г. на последнем вечернем заседании съезд утвердил резолюции по отчётному докладу оргкомитета Далькрайисполкома, по докладам о рыбной путине и весенней посевной кампании и избрал КОИК в числе 42 членов и 16 кандидатов в члены.

Следующий, 2-й областной съезд Советов открылся через полтора года, 20 ноября 1934 г. Его назначили на 15 ноября, но затем

ввиду задержки прибытия многих делегатов перенесли на шесть часов вечера 20-го. Большинство посланцев районов добирались до Петропавловска морем. 10 ноября траулер АКО «Восток» получил задание: в рейсе на западное побережье принять на борт и обеспечить своевременную доставку большеперечкой делегации, начальников политотделов — делегатов совещания при политсекторе АКО и делегатов областного съезда Союза рыбаков. Траулер «Буревестник» привёз делегацию Карагинского района: двух коряков — председателя райисполкома Суздalова, колхозника-ударника Никифорова и русского инструктора райисполкома Хомова. С пароходом «Якут» ожидали делегацию Алеутского района. Усть-Камчатский съезд Советов избрал в состав делегатов на областной съезд руководящих товарищей из Петропавловска Вдовина, Лев, Адамовича, Бобыкина, председателя райисполкома Орлова, жителей Усть-Камчатска Дмитриева и Витковского, работников рыбозавода АКО № 2 Алексеева, Комарова, Вилященко, Иващенко, Петровского и пограничника Семиренко, а также Носова-Михайлова из Ключей и Зыкина из Николаевки. Они прибыли на грузопассажирском экспрессе «Ильич».

Делегаты, избранные от Мильковского района, — председатель райисполкома Фунин, председатель сельсовета Плотников и колхозница Демидова — добрались до города на лошадях. Делегаты Быстринского района — председатель райисполкома Данько и Лаучанского района — председатель нацсовета эвен Банаканов приехали на подводах [6, № 258, 263].

Гостей города, «хозяев земли Камчатской», ждали с нетерпением. Их намеревались разместить в специально подготовленном общежитии. Для его оборудования «Ильич» привёз из Усть-Камчатска железные кровати. Здесь имелся красный уголок с газетами и иллюстрированными журналами, звучали радиопередачи. В распоряжение делегатов предоставлены шашки, шахматы и домино. Руководители городских и областных организаций проводили беседы по вопросам советского строительства. Единственного, чего пока недоставало в общежитии — это хорошего патефона [6, № 258].

При распределителе АКО открылся уголок промтоваров для делегатов, торговавший мануфактурой, бельём, костюмами, обувью. Областной суд, прокуратура и коллегия защитников организовали для них юридическую консультацию по всем вопросам права. Консультации намеревались проводить непосредственно на съезде. На первое дежурство для дачи консультаций в день

начала, то есть 20 ноября, готовился заступить народный судья С. С. Мальков [6, № 262].

Приведём сведения о некоторых делегатах:

Николай Семиренко ещё недавно трудился на Сталинградском заводе, числился лучшим ударником-строителем металлургического гиганта. В 1933 г. призван в Красную Армию, направлен в «Н-ский» погранотряд, то есть 60-й Камчатский. И здесь он стал лучшим в учёбе и боевой подготовке. Во время прошлогодного лыжного перехода проводил беседы среди местного населения, регулярно выпускал бюллетени. Этим летом во время гарнизонных состязаний в Усть-Камчатске взял второе место по бегу на пять километров. Участвовал и в делегатской работе — был активным членом сельсовета.

Михаил Иванович Никифоров, лучший бригадир охотников, знатный человек Караги. Его коллектив дважды премирован за перевыполнение пушных заготовок. В прошлом сезоне он имел задание сдать сорок лисиц. Каждый охотник должен был доставить по восемь лисиц, сам Михаил Иванович добыл одиннадцать, в итоге бригада перевыполнила задание на 130 %. Он не только хороший охотник. Как-то в Караге случился «прорыв» на строительстве, и Никифоров пошёл плотником на капитальный ремонт зданий райисполкома, школы и жилых домов. На рыбной путине его бригада также одной из первых выполнила план лова.

Варвара Яковлевна Демидова пользовалась в Мильковском районе широкой известностью. Во время рыбной путины её бригаду отправили за сотню километров от Мильково в селение Ганалы на обработку юколы. План — шестьдесят тысяч штук. Ударницы, возглавляемые Варварой, дали шестьдесят три. Подошла уборочная кампания. Каждому колхознику определили норму — четырёхста квадратных метров огородных культур. Демидова работала, не считаясь со временем, помнила одно — урожай надо снять вовремя. В результате перевыполнила норму в полтора раза. За это, а также за высокое качество работы была премирована пятью трудоднями. В колхозе неважно был организован уход за скотом. Правление хозяйства послало испытанную ударницу и на этот отстающий участок [6, № 262].

Татыге, эскимосу, всего двадцать шесть лет. В 1929 г. он научился читать и писать. А в 1930 г. был избран председателем национального совета в селе Сирен. Председательствует уже четыре года. Вначале плохо понимал, чем должен заниматься. Пугали цифры присылаемых из района планов. Но работать нужно,

Татыга обратился к учительнице и с её помощью разбирался в бумагах... Теперь он — лучший председатель нацсовета Чукотского округа. План по добыче морского зверя сиреновцы выполнили на 131 %. С охотниками нацсовет вёл особую работу. «На его заседания вызывают бригадиров. Подробно обсуждает совет, где и как охотилась бригада, какие она имеет результаты. Дельное указание всегда может дать товарищ Татыга любому охотнику. И большим авторитетом пользуются в бригадах постановления Совета. Также понимает товарищ Татыга задачи Совета во всех других вопросах своей работы. Он знает, что успех решают живые люди, и на работе с этими живыми людьми сосредотачивает председатель всё внимание». Татыга сумел сплотить вокруг Совета культурные силы села. Школа в Сирене считалась образцовой на Чукотке. Нацсовет отремонтировал её, благоустроил квартиру учительницы. «Когда в село приезжает врач, он уверен, что к его приезду проведена большая подготовительная работа» [6, № 264].

Место проведения съезда — зал Камчатского областного рабочего театра имени О. Ю. Шмидта. На открытии присутствовал 121 делегат с правом решающего голоса, девять — с совещательным голосом и свыше двухсот гостей. Повестка съезда: 1. Отчёт о работе облисполкома (докладчик — его председатель М. П. Мельников). 2. Доклад АКО (начальник общества И. А. Адамович). 3. Состояние и перспективы развития сельского хозяйства в области (секретарь облисполкома И. М. Лесков). 4. Рассмотрение и утверждение бюджета на 1935 г. (заведующий облпланом Г. В. Луконин). 5. Выборы [6, № 248, 265].

Зал театра декорирован. В фойе работают книжные киоски, справочные столы. В восемнадцать двадцать председатель облисполкома М. П. Мельников появляется на сцене за столом президиума. На ярко освещённой сцене висят портреты Маркса, Ленина, Сталина. У знамён — почётный караул пограничников.

М. П. Мельников произносит краткую вступительную речь, где «ярко и образно характеризует достижения социалистической стройки и успехи в социалистическом освоении Камчатки». Он подчёркивает величайшую роль руководительницы социалистического строительства — коммунистической партии и доблестного защитника советских границ — Красной Армии и Краснознамённой погранохраны. «Бурными аплодисментами съезд встречает упоминание имени величайшего вождя всех трудящихся товарища Сталина». В половине седьмого вечера, сообщая о количестве прибывших

делегатов и их правомочности, под бурные аплодисменты, Мельников объявляет съезд открытым.

Слово для предложения о составе президиума от имени Большерецкой, Усть-Камчатской и Петропавловской делегаций получает делегат Татаринцев, председатель Большерецкого райисполкома. В состав президиума под единодушные аплодисменты избирается 31 чел. С предложениями от имени тех же делегаций о составе секретариата и мандатной комиссии выступает усть-камчатский делегат Орлов. Съезд утверждает секретариат в составе девяти и мандатную комиссию из восьми членов. Утверждается и повестка дня.

«Новыми бурными и долго несмолкающими аплодисментами встречает съезд предложение товарища Вдовина о почётном президиуме. В него избираются руководители партии и правительства во главе с товарищем Сталиным». Почётный список завершают товарищи Тельман, Горький, Блюхер и Дерибас. «При упоминании имени Сталина зал встаёт и долго аплодирует, выражая этим свою безграничную любовь к великому вождю».

Слово для рапорта съезду от пограничников представляется заместителю начальника погранотряда М. Н. Шишкарёву. Гремят фанфары. В зал входит делегация вооружённых воинов — лучших ударников, бойцов и командиров. Съезд встречает их с исключительным подъёмом, криками «Ура!», провозглашением лозунгов и здравий. Все встают и стоя выслушивают рапорт. Он окончен. Вновь звучат лозунги, крики «Ура!», аплодисменты. Зал долго не отпускает делегацию, выражая этим безграничную любовь трудящихся к своим доблестным защитникам.

Вносятся предложение послать приветственную телеграмму товарищу Сталину. Вновь долго не смолкают аплодисменты, переходящие в овацию. Зал в продолжение нескольких минут стоя приветствует любимого вождя. Принимается предложение о посылке приветствий руководителям партии и страны товарищам Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Калинин, Микояну, Ягоде, секретарю крайкома партии Лаврентьеву, председателю крайисполкома Крутову и командующему Блюхеру. «Снова долго не смолкают аплодисменты при упоминании любимых имён».

Вот текст телеграммы Сталину: «Гениальному рулевому первого в мире пролетарского государства, вождю и организатору социалистического строительства и лучшему другу трудящихся всего мира — тебе, великому, родному Сталину, второй Камчатский областной съезд Советов шлёт свой горячий привет. Огромные успехи

страны, достигнутые под твоим руководством, обеспечили успехи и в переделке Камчатки. Забитая, дикая, ранее расхищавшаяся окраина входит в ряды цветущих областей Союза. Возрождены и активно участвуют в социалистическом строительстве ранее вымиравшие народности Севера. Эти успехи завоёваны в трудной борьбе, которую мы ещё более усиленно будем вести и впредь. Наших завоеваний у нас не отнять никому. В любую минуту мы грудью готовы встретить врага, отдав, если нужно, и всю жизнь за нашу родину, за её благосостояние и процветание. Прими, товарищ Сталин, это наше обязательство, как твёрдую уверенность нашей дальнейшей упорной борьбы за социалистическое освоение Камчатки — неотъемлемой части великого СССР. Да здравствует наш великий вождь, друг и учитель родной Сталин!» [6, № 267].

Наконец без пяти минут семь вечера слово по отчётному докладу КОИК получает М. Н. Мельников, встреченный дружными аплодисментами. Он обозначил стоящие перед областью задачи [6, № 266]:

- принципиальная перестройка работы Советов на основе решений XVII партийного съезда, то есть устранение всех форм бюрократизма, канцелярского руководства, «надо приблизиться к массам»;

- в области промышленности: правильное освоение капиталовложений, создания действительного хозрасчёта и полное выполнение плана;

- сделать упор на развитие местной промышленности: выпускать сани, нарты, телеги, наладить гончарное, шубное, овчинное, кожевенное производство;

- среди малых народностей Севера нужно развивать работу по художественной выделке из кости;

- по социально-культурному строительству: постройка новых школ в ряде районов, наметить переход в 1936 г. на семилетнее образование;

- в 1936 г. добиться наличия не менее одного политико-просветительного учреждения на каждый местный Совет;

- по здравоохранению: в 1935 г. обеспечить, чтобы все промышленные пункты имели по одной стандартной больнице, чтобы в каждом районном центре была больница. Нужно организовать врачебные отряды для посылки на борьбу с трахомой в национальных районах, создать «наш санитарный актив из самого населения», который будет способствовать укреплению медпомощи среди народов Севера.

21 ноября в девять часов утра съезд продолжил работу. Заседание открыл председатель областного Совета профсоюзов А. С. Востриков. Начинаются прения по докладу облисполкома. Первым слово получил заведующий облздравом, известный полярный врач Н. П. Савенко. Он, характеризуя состояние здравоохранения, обращает внимание съезда на необходимость подготовки местных медицинских кадров, на улучшение условий работы существующих медработников.

С огромным вниманием слушается выступление председателя Кихчикского сельсовета Зоренко, рассказывающего о работе низовых советов и подчёркивающего не всегда достаточное внимание к ним со стороны ряда районных и областных организаций, заостряющего внимание на вопросах революционной законности.

На трибуне делегат Большерецкого района Голышева. Она сосредоточила внимание присутствующих на необходимости большей заботы об охотниках, на улучшении бытовых условий колхозников и потребовала большего внимания к красным уголкам и клубам, особо остановилась на снабжении и медицинском обслуживании селений Крутогорово и Озерной. «Зажиточность колхозников должна быть культурной. Дело не только в деньгах. Нужны хорошие товары, нужны избы-читальни, нужен керосин, нужен разнообразный ассортимент. Наши снабженцы это не всегда учитывают. Иногда бывает, что нет такой необходимой для женщин вещи, как гребёнка. Не должно же быть такого положения, чтобы все женщины стриглись наголо! У нас в районах Советы ещё недостаточно занимаются развитием поголовья собак. Надо поставить вопрос так, чтобы каждый колхозник, каждый рабочий, живущий на Камчатке, выращивали бы щенят. Этим мы добьёмся увеличения необходимой тягловой силы на Камчатке.

О связи. Я хочу дополнить товарища Мельникова одним примером. Как-то вблизи Большерецка в лесу, в палатке мы обнаружили два куля не доставленной почты. Кем она оставлена, почему оставлена — неизвестно».

Из зала слышен голос: «Газеты с ноября тридцать третьего года лежат не доставленные!»

Голышева продолжает: «Совершенно правильно. Безобразно работает связь. И съезд должен, наконец, переломить эту безобразную работу нашей связи. Потребность в газете растёт. И задача съезда, улучшая работу связи, продвинуть газету в массы рабочих и колхозников».

Врач из Усть-Большерецка Чурилов характеризует строительство больницы в селении и дополняет выступление Савенко. Делегатка-колхозница из Усть-Большерецкого района Железко называет несколько случаев недопустимого отношения кооперации к делу снабжения колхозников. Она требует, чтобы сёла регулярно обслуживались кинопоказами, туда была налажена регулярная доставка газет.

На трибуну поднимается начальник политотдела Корфовского рыбокомбината Степанов. Он приковывает внимание съезда к вопросам борьбы за культуру в национальных районах, работе кооператоров и организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Красноармейский привет от командного состава и бойцов пограничников Усть-Камчатского района передаёт съезду младший командир Семиренко, заостряющий внимание делегатов на необходимости усилении работы Осоавиахима и подготовки молодёжи к защите родины.

С большим вниманием выслушано выступление делегатки Большерецкого района Зюзиной, которая, говоря о достижениях за время, истекшее от первого до второго съезда, подчёркивает ряд недостатков, особенно в культурно-бытовом обслуживании рабочих и колхозников. «У нас в районе очень мало больниц. Нам, женщинам, даже негде рожать. Мы вынуждены за двадцать пять километров по кочкастой, ухабистой дороге тащить на телеге беременную женщину в больницу, а в этой больнице не хватает мест. Я ещё обязана сказать съезду о сохранении и уходе за нашим скотом. Очень много было обещаний и планов, чтобы дать этому скоту подходящее помещение. Но его до сего времени в нашем совхозе нет, и неизвестно, когда оно будет. Наши коровы примораживают свои хвосты к стойлам. То же самое происходит и со свиным поголовьем. К чушкам у нас “свинское” отношение. Чушка поросится, а молодняк часто из-за паршивого ухода дохнет. Об этих безобразиях великолепно знает наша администрация, но мер никаких не принимает. Вот и всё, что я коротко хотела сказать нашему второму областному съезду Советов» [6, № 268].

Выступивший затем председатель областного суда Бабыкин остановился на вопросах сохранения поголовья ездовых собак, поделился со съездом новыми директивами и законоположениями, которые введены для этого.

Делегат Уэлена Уатай рассказывает о завозе охотничьих и боеприпасов, ружей, прочих орудий промысла на далёкие окраины,

требует немедленной перестройки работы кооперации и чуткого отношения к запросам народностей Севера.

«Я прислана к вам женщинами далёкого Анадыря, — говорит делегатка Ачина, — чтобы вместе с приветствиями съезду сказать ему, как мы культурно выросли и какие у нас сейчас стали большие запросы. Нам нужна хорошая одежда, нам нужно туалетное мыло, нам нужны виктролы (проигрыватели грампластинок. — С. Г.) и зеркала».

Делегат Носов из Ключей посвящает своё выступление вопросам укрепления колхозов.

С большим вниманием съезд слушает делегата Карагинского района Никифорова, охарактеризовавшего развитие поголовья оленей. Он в очередной указал на недостатки в работе кооперации, на необходимость быстрее завоза хорошей одежды, обуви и биноклей, крайне необходимых пастухам.

Делегат Большерецкого района, директор Микояновского рыбокомбината Н. Ф. Цепляев обращает внимание съезда на необходимость разработки месторождений местного топлива — угля и торфа.

Начальник политотдела Озерновского рыбокомбината И. Ретинский посвятил своё выступление необходимости большей популяризации Камчатки в стране, остановился на плохой работе связи. Депутат Денисов привлекал внимание коллег к вопросам оборонной работы. Тёплыми аплодисментами встречено приветствие от бойцов-пограничников Большерецкого района, озвученное командиром Гавриловым. Пламенный привет от комсомольцев западного побережья передал рыбак Златогорский.

Теперь съезд внимательно слушает выступление начальника политсектора АКО А. Р. Орлинского, «с большим подъёмом давшего картину борьбы трудящихся Камчатки за выполнение рыбных планов и поставившего ряд дальнейших основных задач».

Утреннее заседание завершилось без десяти три, уставшие и проголодавшиеся депутаты и приглашённые покинули зал до пяти часов вечера. Вечернее заседание открылось под председательством начальника политотдела Корфского рыбокомбината Степанова. Продолжились прения по отчётному докладу облисполкома.

Депутат Татаринцев остановился на работе кооперации, снова упомянул о скверной работе связи, на недостаточности завоза в район снабжения и продуктов. Посланец Быстринского района Банаканов приветствовал съезд от лица земляков-эвенов и рассказал о достижениях района в области оленеводства и строительства. Чукча Люлимей из Марковского района Чукотки на родном языке доло-

жил об условиях работы и просил оказать району помощь. «Я приехал первый раз на областной съезд. Наш район не имеет почти ни одной шлюпки, ни катера, ни кунгаса. Два года я работаю в нацсовете. За товарами надо ехать семьсот пятьдесят километров водой или зимой на собаках. Шаманы среди нашего населения потеряли всякий авторитет. Приезжающие работники плохо помогают и разъясняют, как нужно работать. Мы живём ещё грязно, нам недостаточно показывают на примерах, как надо жить культурно, чисто. Медпомощи у нас мало. Надо, чтобы русские работники изучали национальные языки. Прошу оказать нашему району большую помощь, дать нам плавсредства».

Зачитываются приветственные телеграммы от Мильковского и Карагинского районов.

Лётчик М. И. Пармичев, начальник первой камчатской лётной школы Осоавиахима, говорит об оборонной работе, о роли воздушных сил в будущей войне, о подготовке населения к отражению авиационного и химического нападения.

Начальник политотдела Воровского рыбокомбината Григорьев останавливается на успехах комбината, на росте активности рабочих масс и задачах в области рыбной промышленности и развитии сельского хозяйства. Он ставит вопрос о необходимости дать местам больше инициативы: «В Воровском комбинате освоили производство кирпича, щепы для кровли, но денег для этого местам не выделяют. Надо по-большевистски подхватывать, поощрять лучшую инициативу, не глушить её, а распространять опыт передовых на все участки рыбного хозяйства» [6, № 269].

Съезд приветствует делегация «просвещенцев», то есть работников образования, от имени которых выступает учительница Боева.

Начальник политотдела Большерецкого комбината Панфилов остановился на задачах, связанных с закреплением рабочих на полуострове, в частности на совершенствовании народного образования и здравоохранения.

С большой речью выступила исполняющая обязанности секретаря партийной коллегии А. М. Катушенков. Она говорила о недостаточном руководстве отделов облисполкома, слабости борьбы за социалистическую собственность, роли и задачах массового рабочего контроля. Отметила «слабое реагирование» отделов облисполкома и советских организаций на жалобы трудящихся.

Съезд приветствовали питомцы Осоавиахима. Председатель областного совета общества Прусаков доложил о достижениях организации. В зале появляются молодые лётчики — первые выпускники

школы Осоавиахима, вышедшие из её стен как раз в ознаменование открытия съезда. Делегаты приветствуют их стоя. Затем в зал входят планеристы, за ними следуют ворошиловские стрелки, группа химической обороны. Эти отряды тоже встречены дружными аплодисментами.

На приветствие осоавиахимовцев отвечает М. П. Мельников, предложивший присвоить выпускникам звание «Лётчиков 2-го областного съезда Камчатки». Он отметил исключительно большую работу по подготовке пилотов и планеристов со стороны М. И. Пармичева и инструктора школы Дмитриева [6, № 267].

Прения по основному докладу продолжились и на следующий день, 22 ноября. Делегат от Быстринского национального района Дейнеко рассказал об успехах оленеводов за последние полгода. Весенний отёл прошёл под лозунгом «Ни одного телёнка хищникам». Орочны говорили, что не помнят «такого богатого отёла». Он рассказал о домиках — «рассадниках социалистической культуры в кочевьях», инструкторах, обучавших пастухов хлебопечению, заготовке сена, строительному делу. Появились и артельные огороды кочевников в нацсоветах. «Интернат нашей районной ороchonской школы лучше и красивее, чем интернат, который я видел в Петропавловске. Я был бы ещё более рад, если бы вместо рукоплексаний получил бы пять ящиков стекла, необходимых нашему району... Решения обкома мы выполняем по-большевистски, но успехи будем считать тогда, когда добъёмся, что наше растущее оленеводство станет товарным, будет давать городу и промышленности мясо и кожи. Это дело не одного года, но, во всяком случае, самых ближайших двух-трёх лет».

Затем слово предоставлено начальнику АКО И. А. Адамовичу, вступившему в должность в апреле этого года. В системе АКО основной являлась рыбная промышленность, но транспорт, лес, сельское и горное хозяйство, снабжение — всё это было теснейшим образом связано с добычей рыбы, «и от слабой работы на этих участках немало терпит наша путина». План добычи рыбы 1934 г. был пока не выполнен. По словам Адамовича, в этом были виновны руководители комбинатов, не выполнившие «шесть исторических условий товарища Сталина, которые являются основой большевистских побед». Так, в Кихчике директор Новиков, сейчас пребывавший под следствием, «преступным образом нарушал кредитную реформу, сделал больше перерасходы в средствах, а заботы о рабочем, об улучшении его материально-бытового положения не было». Начальник АКО отметил положительную роль

недавно появившихся на предприятиях общества политотделов, деятельность которых способствовала упорядочению финансовой работы в комбинатах, закреплению в них рабочих и некоторому улучшению их материально-бытового положения.

В состав АКО входили 18 рыбокомбинатов, три совхоза, оленеводческий совхоз, угольные копи в Корфе, Ключевской лесокомбинат, морской порт в Петропавловске и транспортный флот из десяти пароходов, АКОпосёлок в Петропавловске с коммунальным хозяйством, кирпичным и лесопильным заводами. Кроме этого, имелся АКОснабторг с базами и складами, конторы во Владивостоке, Одессе и Москве, жестянобаночная фабрика во Владивостоке. Капиталовложения в хозяйство АКО за 1928—1934 гг. составили огромную сумму — 54 млн руб., из них 31 — в рыбную промышленность. С 1933 г. общество отказалось от использования иностранной, то есть японской, рабочей силы. «Бичом нашей рыбной промышленности является сезонщина». Но количество «закреплённых», то есть оставшихся на постоянное жительство и работу на полуострове, постепенно росло, достигнув 8 тыс. чел. «Узким местом, тяжело сказывающимся на закреплении рабочей силы в наших предприятиях, является жилплощадь».

«Мы совершенно ещё не уничтожили обезличку, особенно в отношении зарплат. Перед нами ещё стоит задача — так перестроить зарплату, чтобы дать более высокую тому, кто даёт продукции количеством больше, качеством лучше... Зарплата должна быть полностью увязана с количеством и качеством продукции. Только так мы сможем добить уравниловку и добиться повышения качества работы».

Адамович подчеркнул, что на возглавляемом им обществе лежит особая ответственность за выполнение планов, ибо значительная часть его продукции идёт на экспорт и отражается на валютном балансе всего СССР [6, № 270].

Последний вопрос повестки съезда — выборы облисполкома. Единогласно в его состав избраны 55 членов и 19 кандидатов. От имени большеерецкой делегации вносится предложение о занесении в недавно заведённую «Книгу знатных людей Камчатки» товарищей Лаврентьева, Микояна и Крутова — за исключительное внимание и помощь, оказываемую ими Камчатке. Это предложение утверждается единогласно под бурные аплодисменты [6, № 273].

Съезд закрылся 28 ноября 1934 г.

Следующий, 3-й Камчатский областной съезд Советов начал работу в шесть часов вечера 6 октября 1936 г. в Петропавловске в Доме партийного просвещения имени С. М. Кирова (ныне здесь размещается Камчатский краевой объединённый музей). Он был объявлен «чрезвычайным», так как главной задачей имел обсуждение проекта чрезвычайно же важного документа — нового основного закона — второй Конституции СССР, названной «Сталинской».

Как и у прошлого съезда, начало работы переносилось несколько раз, и снова из-за опоздания прибытия значительной части делегатов. Первая дата, сообщённая областной газетой «Камчатская правда», — 3-е, затем — 5 октября. К 4-му числу в городе собралось уже более половины всех делегатов. Их разместили в общежитии, всем выданы специальные блокноты и брошюры «Проект новой Конституции». Прибывшие регистрировались и получали мандаты в здании облисполкома, в комнате № 6 [7, № 227].

Первый мандат вручён Ольге Тунгикай — делегатке Анадырского района. В числе зарегистрированных стахановка со строительства судоремонтной верфи в Петропавловске Екатерина Кислютина, представительница Алеутского национального района Попова, делегаты от Большерецкого района Татаринцев, Кольчугин и Аранский. 4 октября пришло сообщение, что милюковские делегаты выехали из селения Начики, а к нему подъезжают остальные посланцы этого района [7, № 230].

Камчатская область встречала съезд новыми успехами в развитии народного хозяйства. План посевной был перевыполнен, достигнуты высокие показатели урожайности, засеяны и дали прекрасные всходы зерновые, даже там, где о них раньше и не мечтали — в холодном и туманном Большерецком районе. Справились и с планом по добыче рыбы, приближался пуск первой очереди Петропавловской судовой верфи — предприятия «союзного значения», гиганта индустрии, связанного с металлообработкой и судостроением, разворачивалось культурное и бытовое строительство. В Петропавловске монтировалась новая телефонная станция на четыреста номеров. Её намеревались ввести в строй к 7 ноября — главному государственному празднику Страны Советов.

В десять часов вечера 5 октября по инициативе редакции центральной газеты «Известия» состоялся прямой радиоразговор между Петропавловском и Москвой. У микрофона в Петропавловске находился капитан зверобойной шхуны «Капитан Поспелов» Фонарёв. Он провёл своё небольшое деревянное судёнышко по Северному морскому пути из Архангельска. Этот известный моряк подробно,

в течение часа, рассказывал о героическом переходе сквозь льды Арктики. Слышимость, по сообщению из Москвы, была удовлетворительной [7, № 236].

В город вернулись недавние выпускники педагогического техникума, а теперь народные учителя, Талаев, Широухов, Дорохов, Тихонов, Кравченко и другие, в июле уехавшие на экскурсию в Москву и Ленинград. Это была им награда за отличную учёбу и общественную работу. Помимо обеих столиц, они посетили также Петергоф, Детское село, побывали во всех центральных музеях, театрах и московском метро. Увиденное оставило неизгладимое впечатление. Молодые камчатцы были буквально потрясены увиденным: они впервые в жизни выбрались на «материк». В техникуме состоялся вечер, где экскурсанты поделились своими впечатлениями с горожанами, а вскоре все они отправились на работу в школы районов области [7, № 235].

Председательствовал на съезде глава КОИК М. П. Мельников, переизбранный на эту должность 1 декабря 1934 г. Повестка заседаний: 1. Обсуждение проекта Конституции СССР по докладу секретаря обкома В. А. Орлова. 2. Итоги строительства по области, доклад председателя облисполкома М. П. Мельникова. 3. Выборы делегатов на Дальневосточный краевой съезд Советов. 4. Довыборы в состав облисполкома.

6 октября, в первый день работы, утверждён доклад мандатной комиссии (глава комиссии, он же заместитель председателя облисполкома и начальник облплана, А. Н. Аракчеев). Документ даёт нам возможность понять, каков был состав съезда. На нём присутствовали 115 делегатов, из них 101 с решающим, а 14 — с совещательным голосом, 97 мужчин и 18 женщин. По национальному составу они разделились так: 80 русских, 17 белорусов и украинцев, по пять камчадалов и евреев, по два чукчи и корейца, по одному коряку, осетину, мордвину и алеуту. Высшее образование имели 16 чел., или 12,9 %, среднее — 39 (33,9 %), низшее — 59 (51,3 %), а один депутат был неграмотен. Более половины участников — 74 чел. — являлись членами и кандидатами ВКП(б), «сочувствующими» им называли себя трое, а одиннадцать состояли в комсомоле. По социальному положению: 25 (21,7 %) рабочих, семеро (6 %) колхозников, 39 (33,9 %) служащих, 20 военнослужащих (17,4 %), пятеро учащихся и одна домохозяйка. Имелась и ещё одна категория, мудрёно обозначенная как «рабочие, находящиеся на административно-хозяйственной и общественной работе». Таковых имелось аж 18. Являлись они теми же управленцами

и вообще-то относились к итак самой многочисленной категории служащих. Но, видимо, чтобы не искажать картину «рабоче-крестьянского государства», пришлось вспомнить их давнее пролетарское прошлое. Больше всех — 65 присутствовавших — обитали в Петропавловске и его окрестностях. В число делегатов входили пятеро ударников и 24 стахановца [8, л. 8—9].

Как водится, принято обращение к И. В. Сталину: «...Единодушно одобряя проект Конституции СССР, от лица трудящихся всех народностей, населяющих Камчатку, 3-й областной съезд Советов передаёт тебе, товарищ Сталин, творцу новой Конституции, великому вождю и учителю народов, самую горячую любовь и самую сердечную благодарность за прекрасную жизнь, за прекрасную Конституцию.

Этой жизни у нас не отнять никому и никогда. Камчадалы и чукчи, коряки и ламуты не знают промахов в охоте за зверем по дикой тайге и в горных хребтах. И их рука не дрогнет, если пробьёт грозный час защиты советских рубежей. Вместе с нашей славной Красной Армией и доблестными пограничниками мы сумеем не только отразить, но и уничтожить врага. Хищному зверю пощады нет!»

Президиум съезда послал телеграмму и наркому пищевой промышленности СССР А. И. Микояну: «Другу Советской Камчатки... горячий привет шлёт 3-й областной Камчатский съезд Советов. Мы собрались со всех концов Камчатки — с промыслов и заводов, с колхозных полей, из далёких тундр и с островов, чтобы обсудить проект Сталинской Конституции и подвести итоги социалистическому строительству в нашей области. С особой радостью сообщаем Вам, что в этом году, впервые за много лет, почти выполнен и, несомненно, будет выполнен план государственного лова. Под руководством великой коммунистической партии и правительства мы неуклонно поднимаем материально-культурный уровень трудящихся Камчатки. В этом мы много обязаны и Вашему личному вниманию и заботе, которую глубоко ценят камчатские рабочие, рыбаки, колхозники, служащие. От их лица 3-й областной съезд Советов выражает надежду в следующую путину видеть Вас на Камчатке дорогим нашим гостем. Да здравствует наш нарком, друг Камчатки — Анастас Иванович Микоян!» [7, № 233].

Вечернее заседание второго дня съезда, 7 октября, началось с доклада В. А. Орлова о проекте Конституции СССР. «Доклад был выслушан с исключительным вниманием». Посредине его съезд прибыли приветствовать пограничники. Делегаты в полном соста-

ве вышли принять рапорт, отданный командиром Ф. В. Тропиным. Затем доклад продолжился. После его окончания съезд приветствовали лучшие стахановцы Петропавловского совхоза, преподнёсшие президиуму цветы. Вслед за этим открылись прения.

Из выступления стахановки Усть-Камчатского рыбокомбината Нуждиной: «В половине июня, когда у нас на восточном побережье начинались самые горячие дни путины — лов рыбы, наши радиостанции вдруг взволнованно насторожились. Они принимали необычную передачу. По лицу радистов можно было видеть, с какой сосредоточенностью и вниманием они записывали одно за другим слова передаваемого для всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции... В тот же день в море на неводах, на рыбоконсервном заводе во всех бригадах у нас обсуждался проект Конституции... Каждый рабочий промысла был взволнован. Какими большими правами пользуется он на своей родине! И можно ли было удержаться, чтобы не отблагодарить наше правительство, нашу партию, любимого вождя народов товарища Сталина за радостную, счастливую жизнь! В комбинате развернулось социалистическое соревнование за высокие уловы рыбы, за качественное и количественное перевыполнение плана. Если на 1 июля у нас было только 16 стахановцев и 11 отличников-ударников, то сейчас мы уже имеем 79 стахановцев и 147 отличников-ударников... Имея годовое задание в 28 000 центнеров, мы на 15 сентября выловили 44 536. При плане в 50 000 ящиков консервов выпущено 64 000... Я заверяю, что мы выполним годовой план путины на 200 %!»

Утреннее заседание 8 октября также открылось обсуждением проекта основного закона. «Многие делегаты районов приводят примеры, показывающие, как обсуждение вызвало новый производственный подъём на предприятиях, в колхозах и совхозах» [7, № 236].

Из речи делегата Петропавловского района Решетиной: «Я хочу остановиться на статьях, указанных в 10-й главе, — “Основные права и обязанности граждан”. 122-я статья говорит: “Женщинам в СССР предоставляются равные права с мужчинами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, право на труд, на образование, на отдых, на материальное обеспечение в старости”. Вся жизнь записана в этом документе. Я чувствую, что о нас заботятся, я знаю, что ожидает моих детей. Почему я не сейчас родилась! Раньше мне не представлялось возможности учиться, я не закончила даже сельской школы. У меня есть сын, ему теперь тринадцать лет. А я ему ничем

не могу помочь, я меньше его знаю географию, математику, меньше прочла книг. Но я успокаиваю себя тем, что ему всё это объяснят в школе...»

На вечернем заседании прения продолжились, слово взяли одиннадцать делегатов. Но никаких конкретных предложений по изменению текста Конституции, добавлению или снятию каких-либо статей в их выступлениях, полных восторга по поводу «новой счастливой жизни», не содержится. С заключительным словом по проекту Конституции выступил В. А. Орлов. Создана комиссия для выработки резолюции по его докладу.

Съезд приветствовали рыбаки Авачинского комбината, от имени которых выступил передовой бригадир Тарьинской базы Горященко. «Пришедшие в рабочих костюмах, с неводом на плечах, принёсшие рыбу — образец продукции комбината, стахановцы были встречены дружными аплодисментами всего зала».

Утверждена резолюция по докладу В. А. Орлова. Решено подтянуть организационно-массовую работу. В частности, в качестве её недостатков отмечены «ничтожный сбор предложений трудящихся по обсуждению проекта Конституции», отсутствуют сведения об осуществлении правительственного декрета о помощи многодетным семьям. Да и вообще не видно должной перестройки деятельности Советов в соответствии с решениями XVII съезда партии. Решено организовать депутатские группы и секции, «обеспечив привлечение к работе последнего максимальное количество трудящихся, поставив... таким образом, чтобы каждый депутат и секционер выполнял определённую конкретную работу и регулярно за неё отчитывался, как на секциях и в группах, так и непосредственно перед избирателями». В целях же показа «лучших образцов советской работы, показа лучших депутатов и выявления недостатков обеспечить регулярное освещение работы Советов, как в областной, так и районной печати». Отмечено, что «неудовлетворительное выполнение важнейших решений партии и правительства о развёртывании культурно-просветительной работы, о работе школ и сети здравоохранения свидетельствует о наличии непонимания со стороны советских органов в области того, что борьба за грамотность, за повышение культурно-политического уровня есть решающее условие, без которого немислимо превращение трудящихся области в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Съезд обязал КОИК до 15 ноября текущего года провести во всех населённых пунктах области общие собрания граждан, где утвердить план развёртывания культурно-просветительных мер

на приближающуюся зиму, «обратив особое внимание при этом на обеспечение выполнения решений ЦК и Совнаркома о ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения к концу 1937 г.».

Утром 9 октября перешли ко второму пункту повестки дня — хозяйственно-культурному вопросу. Доклад М. П. Мельникова начался с оценки положения дел в строительстве. За два года, прошедшие от предыдущего съезда, в области появилась «мощная база» в виде треста «всесоюзного значения» — «Камчатстрой», отлажена организационная структура Петропавловского Горкоммунстроя. Ведутся поиски и уже найдены источники местных стройматериалов (андезита, каолина, туфа, пемзы и даже известняка). Но имеются и недостатки. Так, возникли стройконторы в Карагинском и Олюторском районах, не принёсшие особой пользы. А Палана «в течение продолжительного времени» содержала представителя своей стройконторы во Владивостоке. «Эта контора потом бесследно исчезла, оставив после себя документов на сто тысяч рублей». Неважно шли дела в области возведения жилья и объектов здравоохранения, лучше — в школьном строительстве. Зато получило большое развитие индивидуальное сооружение жилья, уже построено 404 домика, особенно хорошо это шло на Ключевском лесокомбинате и рыбоконсервном заводе № 2 в Усть-Камчатске. «Но наряду с этим есть и такие хозяйственники, как, например, директор комбината Разгонов (недавно осуждённый. — С. Г.), которые пытались тормозить индивидуальное строительство». В заключение предоблисполкома познакомил делегатов с перспективами строительства на 1937 г., сообщив, что общая сумма капиталовложений достигнет ста миллионов рублей.

По этому докладу тоже развернулись оживлённые прения, в список выступающих записались около пятидесяти человек. Первым речь держал начальник областного управления сберкасс И. В. Абрамов, затем выступили ещё четверо. В частности, главный инженер Камчатстроя Кроткевич доложил, что близится к завершению первая очередь судоремонтной верфи. Заканчивается монтаж второго дизеля на электростанции, а в ходе строительства используется ряд новых материалов, например, пемзовый песок. В области же жилищно-бытового строительства и на верфи был беспорядок. Только-только завершены два дома, куда намеревались вселить четыреста человек. В ближайшее время инженер обещал сдать ещё два засыпных дома такой же вместимости. «Палатки — это главное зло для нас, мы его скоро ликвидируем».

«Благодаря исключительному вниманию к Камчатке со стороны ЦК, крайкома ВКП(б), наркома товарища Микояна и крайисполкома», Камчатская область получила в 1935 г. 29,24 млн руб. капиталовложений, а в 1936 г. — 54,77 млн руб. Эти немалые средства были полностью освоены в 1935 г., причём наиболее успешно в промышленном строительстве, темпы же возведения жилья, школ и больниц немного отставали. А вот освоение выделенного на 1936 г. пока шло медленно, отмечены «совершенно неудовлетворительные итоги» капитального строительства по себестоимости и качеству. «Удорожание и неудовлетворительное выполнение строительства явилось результатом слабого развёртывания стахановского движения среди строительных рабочих, неумелой организации работы, бесхозяйственности, отсутствия бережного отношения к советскому рублю, отсутствию подлинного хозрасчёта...»

Съезд требовал окончательно отказаться от завоза лесоматериалов и кирпича для всех районов области, за исключением Чукотского округа, для чего поручил облисполкому на основе плана строительства 1937 г. разработать и провести конкретные меры по лесозаготовкам и постройке кирпичных заводов, привлекая для этой цели не только промышленные предприятия, но и колхозы. Наряду с этим начальник АКО И. А. Адамович обязывался организовать и обеспечить как добычу леса, так и его доставку из долины реки Камчатки к промышленным предприятиям АКО и в Петропавловск.

Приветствовалось решение А. И. Микояна, «лучшего друга Камчатки», как его называли в то время, о создании треста «Камчатстрой». Его начальнику В. И. Рябову предписано завершить в установленный срок первую очередь верфи и жестянобаночной фабрики, «одновременно расширяя развитие лесозаготовок, производство кирпича, добычу камня, пемзы и других местных строительных материалов» до полного удовлетворения существующих потребностей.

«Съезд считает совершенно нетерпимой укоренившуюся практику завоза строительных рабочих без создания кадров строителей из числа местного населения и чернорабочих. Съезд обязывает исполкомы и строительные организации организовать в текущем году подготовку строителей из числа местного населения и чернорабочих с обязательным вовлечением женщин через курсы обучения без отрыва от производства, соединяя практическую работу с обучением. Одновременно съезд обращает внимание, что работе

по созданию и закреплению крепких коллективов постоянных рабочих-строителей должна сопутствовать ежедневная и упорная борьба за коренное улучшение для этих кадров материально-бытовых и социально-культурных условий» [8, л. 1—7].

С большим вниманием выслушали выступившего в конце утреннего заседания армейского полковника И. А. Кустова, «проводив его дружными аплодисментами». На вечернем заседании прения по докладу М. П. Мельникова продолжились. А после этого делегатам был дан большой концерт самодеятельности.

Вечером 9 октября вновь обсуждался доклад председателя КОИК. До конца дня выступили ещё девять человек. По окончании заседания прошёл ещё один концерт, на сей раз с участием профессиональных артистов — группы студентов и педагогов Московской консерватории и квартета имени Спендиарова, возвращавшихся из поездки на Чукотку и остров Врангеля. Их встретили «исключительно тепло».

Заключительное заседание состоялось 10 октября 1936 г. Вначале продолжились прения, в которых выступили семеро делегатов. В три часа дня решено обсуждение прекратить и предоставить заключительное слово М. П. Мельникову. После перерыва заслушан доклад председателя мандатной комиссии, единогласно утверждены резолюции по докладам Орлова и Мельникова. Началось рассмотрение организационных вопросов. Из-за выбытия за время, истекшее от 2-го до 3-го съездов, части состава облизполкома проведены довыборы восемнадцати его членов, четверо кандидатов переведены в действительные члены. Съезд послал на краевой съезд Советов 19 делегатов. После краткого заключительного слова, произнесённого М. П. Мельниковым, он завершился «бурной продолжительной овацией в часть творца новой Конституции, вождя и учителя народов, великого Сталина».

Сразу же после закрытия съезда Советов, ещё привычно именовавшихся как «рабочих и крестьянских депутатов», начался пленум обновлённого облизполкома [7, № 236—237].

В соответствии с новой Конституцией СССР, утверждённой 8-м Чрезвычайным съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г., наша страна объявлялась социалистическим государством рабочих и крестьян, политическую основу которого теперь составляли «Советы депутатов трудящихся», «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата». По Конституции, вся власть в СССР принадлежала

«трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». Высшим государственным органом являлся Верховный Совет СССР, осуществлявший законодательную власть и избиравшийся на четыре года. В союзных республиках государственную власть проводили собственные Верховные Советы, в частности Верховный Совет РСФСР, избиравшийся гражданами республики также на четырёхлетний срок.

По 94-й статье Конституции СССР органами государственной власти на местах, то есть в краях, областях, округах, районах, городах и сельской местности, являлись Советы депутатов трудящихся, носившие соответствующие названия, в нашем случае — Камчатский областной Совет депутатов трудящихся (КОСДТ). Они выбирались на два года. Местные Советы руководили деятельностью подчинённых им органов управления, обеспечивали охрану государственного порядка и прав граждан, соблюдение законов. Они определяли направления развития хозяйственного и культурного строительства территории, утверждали бюджет. Советы избирали подотчётные им распорядительные органы, именовавшиеся «исполнительными комитетами» или, сокращённо, «исполкомами», состоявшими из председателя, его заместителей, секретаря и членов.

В соответствии со 142-й статьёй, каждый депутат был обязан регулярно отчитываться перед своими избирателями о работе персонально и за деятельность Совета в целом и мог быть в любое время отозван решением большинства избирателей [9]. Депутаты должны были прислушиваться «к голосу масс», правильно воспринимать критику. Выполнение наказов и ответы на запросы избирателей считались в их деятельности главными, а основными задачами становились наблюдение за текущими нуждами населения и разрешение возникавших у него сложностей.

При разработке проекта Конституции СССР предполагалось, что выборы будут происходить на состязательной основе, то есть несколько кандидатов в депутаты станут бороться за голоса избирателей и за один мандат. Такое предложение встретило отрицательное отношение коммунистической партийной номенклатуры, многие представители которой понимали, что они не пройдут предстоящие выборы из-за утраты доверия сограждан. Некоторые современные исследователи считают, что оно стало одной из причин массовых репрессий, пришедшихся на 1937—1938 гг. С мест в столицу пошло множество сообщений о том, что в ряды депутатов могут попасть различные неблагонадёжные личности или «вра-

ги», и предложения по их устранению. Это подвигло власти на проведение «чисток», под которые в итоге угодили и их инициаторы — как правило, высокопоставленные руководители, и заставило отказаться от выдвижения нескольких кандидатов на одно депутатское место. Ставшие обычными после этого «выборы без выбора», или, как тогда говорили, «голосование» за заранее определённого кандидата проходили в течение нескольких последующих десятилетий, вплоть до 1989 г.

21 января 1937 г. на 17-м Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов была принята Конституция РСФСР. В соответствии с ней, сессии краевых и областных Советов депутатов трудящихся созывались решениями их исполнительных комитетов не реже четырёх раз в год. Для ведения заседаний сессии депутаты избирали председателя и секретаря. Устанавливалась подотчётность исполкомов, как избравшему их Совету, так и исполкому вышестоящего Совета, в нашем случае Хабаровского краевого (в 1938 г. Камчатская область вошла в состав Хабаровского края). Крайисполком имел право отменять решения и распоряжения облисполкома и приостанавливать решения и распоряжения КОСДТ. Отменить же их мог только вышестоящий Хабаровский краевой Совет депутатов трудящихся.

Статья 92-я Конституции РСФСР определяла перечень отделов областных и краевых исполкомов. В их число входили: земельный, финансовый, торговый, здравоохранения, народного образования, местной промышленности, коммунального хозяйства, социального обеспечения, дорожный, общий, по делам искусств, а также плановая комиссия и сектор кадров. С учётом особенностей хозяйства области могли иметься и другие отделы.

Выборы в областные или краевые Советы депутатов трудящихся РСФСР производились по избирательным округам по общей норме: один депутат не менее чем от пятнадцати и не более чем от сорока тысяч человек, в зависимости от численности населения [10]. Для отдельных слабозаселённых территорий нормы уточнялись «Положением о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР», принятым 29 июля 1939 г. на 2-й сессии Верховного Совета РСФСР. В соответствии с «Положением...», для малочисленных областей Хабаровского и Приморского краёв определялась пониженная норма выборщиков. В частности, для Камчатской области она составила: один избирательный округ (и соответственно, один депутат) всего от полутора тысяч человек.

Заключительные 130-я и 131-я статьи «Положения» устанавливали суровые наказания лицам, мешавшим свободному народному волеизъявлению. «Всякий, кто путём насилия, обмана, угрозы или подкупа будет препятствовать гражданину РСФСР в осуществлении его права избирать и быть избранным в Советы депутатов трудящихся РСФСР, — карается лишением свободы на срок до двух лет. Должностное лицо Совета или член избирательной комиссии, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчёт голосов, — караются лишением свободы на срок до трёх лет» [11, № 178].

Построение основ социализма в СССР позволило отказаться от избирательной системы, установленной в 1918 г., и отныне осуществлять всеобщие равные и прямые выборы при тайном голосовании. Уходило в прошлое понятие «лишенцы», коим ещё совсем недавно именовались представители уничтоженных «эксплуаторских классов». Теперь в числе лишённых избирательных прав оставались только лица, признанные в установленном порядке умалишёнными, а также содержащиеся в местах заключения по приговору суда. На выборах разных уровней, прошедших в 1937—1939 гг., была выстроена четырёхзвенная система представительных учреждений, заложившая основы «советской демократии». Советы разного уровня избирались последовательно: сначала общесоюзный Верховный, за ним республиканские Верховные, затем региональные, то есть краевые и областные, одновременно прочие местные. Отныне почти ежегодные выборы в разнообразные Советы прочно и надолго вошли в жизнь граждан СССР.

Источники

1. Хроника Камчатской областной партийной организации (1917—1981 гг.). — Петропавловск-Камчатский, 1982. — 182 с.
2. Курохтина Н. И. Автограф времени. Камчатка. Люди, события, факты 1637—1950. — Петропавловск-Камчатский, 2016. — 232 с.
3. ГАКК. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 1.
4. Полярная звезда. Комплект за 1928 г.
5. Камчатская правда. Комплект за 1933 г.
6. Там же. Комплект за 1934 г.
7. Там же. Комплект за 1936 г.
8. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 13а.
9. Конституция СССР от 5 декабря 1936 г.
10. Конституция РСФСР от 21 января 1937 г.
11. Камчатская правда. Комплект за 1939 г.

Как в Петропавловске стадион возводили

Лето 1959 г. Народная стройка. Тысячи жителей Петропавловска, представители разных профессий, школьники, учащиеся, все — от мала до велика — принимали участие в строительстве крупнейшего спортивного сооружения области. Бюджетные ассигнования на него предусмотрены не были, оно велось частично за счёт средств, отчисляемых профсоюзными организациями, а главным образом, за счёт инициативы и активного участия горожан. Так, бассейнвый комитет профсоюза моряков выделил на строительство 60 тыс. руб., базовый комитет Управления тралового и рефрижераторного флота — 50 тыс.

В итоге главный стадион полуострова был построен всего за два месяца! Болотистый пустырь северного берега Култучного озера превратился в крупнейшую спортивную арену Камчатки. Подготовительные работы начались 29 мая 1959 г., а торжественное открытие стадиона состоялось уже 9 августа того же года. Энтузиасты планировали завершить строительство на несколько дней раньше, к 1 августа, к розыгрышу кубка РСФСР по футболу, но вмешалось капризное камчатское лето: из-за частых дождей затянулась покраска трибун.

Частью спортивного городка должны были стать центральная арена (вместимость трибун для зрителей — свыше пяти тысяч человек), волейбольные, баскетбольные, городошные площадки, секторы для прыжков, метания дисков, копья и ядра, танцевальная площадка, тир, читальный зал, кафе, лодочная станция. Аллею, соединяющую Ленинградскую и Набережную улицы, намеревались украсить клумбами, садовыми скамейками и даже фонтаном.

Комсомольские организации взяли над стройкой шефство. Свой вклад пожелали внести и строительные организации города, коих в то время насчитывалось четыре. Строители треста «Камчатморгидрострой» обязались произвести земельные работы; рабочие «Камчатрыбстроя» изъявили желание возвести восточную и южную трибуны; работники «Камчатскстроя» — северную и центральные ложи. Остальные заботы легли на плечи энтузиастов — жителей Петропавловска разных возрастов и профессий [1].

Горожане включились в социалистическое соревнование за наибольший трудовой вклад в строительство стадиона. Для коллективов и отдельных тружеников, которые добросовестно отработают

на строительстве стадиона не менее 40—50 часов сверх своего рабочего времени, предусматривались награды — почётные грамоты и ценные подарки. Отличившимся в коллективном соревновании — комплекты спортивной формы, участникам индивидуального состязания — пятьдесят абонементов на право бесплатного посещения спортивных состязаний, десять индивидуальных ценных подарков (фотоаппараты, часы, радиоприёмники). Живописные портреты самых активных участников будут помещены в галерею строителей стадиона. «Отличившиеся в трудовом соревновании будут поощрены по представлению профсоюзных и комсомольских организаций» [2].

Благодаря страницам главной газеты полуострова «Камчатская правда», мы можем перенестись на шестьдесят лет назад и познакомиться с энтузиастами-строителями главной спортивной арены полуострова.

Первыми пришли на народную стройку геодезисты. 26 мая секретарь комсомольской организации облпроекта Николай Ячменев установил на территории будущего стадиона первый разметочный репер. Он, а также начальник изыскательного отряда облпроекта Борис Маслюков и геодезист Ирина Калинина произвели разбивку стадиона и его будущих сооружений на местности, сделали горизонтальную и вертикальную планировку.

28 мая бульдозерист треста «Камчатморгидрострой» Николай Леонтьевич Аксенюк начал срезку грунта и планировку центральной спортивной арены. 2 июня на стройку вышло уже пять мощных землеройных машин. Примером Аксенюка вдохновились коллеги из «Камчатморгидростроя» Сергей Иванович Гончаров, Владимир Михайлович Панкратов. Рытьём траншей, лотка и водосбора занимались лучшие механизаторы «Камчатморгидростроя» Евгений Фёдорович Карпеев и Дмитрий Андреевич Черва.

30 мая 1959 г. состоялся первый массовый субботник. «Свежесть раннего майского утра. Много солнца, с моря тянет по долине прохладный лёгкий ветерок. И словно горные потоки стекаются к Молодёжному парку группы людей», — так начинается заметка В. Пономаренко «Когда за дело берётся молодёжь» [3]. Явиться нужно было со своим инструментом, однако не все вняли этому совету — многие пришли налегке. Специально для них горпромхоз доставил на место лопаты и ломы. На субботнике активно потрудились около ста человек: работники Камчатского управления гидрометеослужбы, плавмастерской «Фреза», центральной сберкассy, «Камчатморгидростроя». Молодёжь «Фрезы» вручную

углубляла площадку, перемещая излишки грунта на значительное расстояние. Работы шли ежедневно в течение двух недель. Провести их при помощи техники не получалось — бульдозер не смог работать на крутом откосе.

Подготовка к строительству трибун началась уже 6 июня. Наравне с взрослыми участниками строительства, ученики 6—9 классов средней школы № 2 имени Льва Николаевича Толстого копали траншеи под трибуны. Корреспондент «Камчатской правды» отметил, что лучше всех потрудились пионеры Галя Захарчук, Эльвира Каплун, Леонид Новограбленов, Валентин Пустовит, Инна Панюшкина и Маша Филимонова. Ребята работали ежедневно под руководством старшего пионервожатого Бориса Геннадьевича Бедина, классных руководителей Маргариты Михайловны Майоровой, Веры Дмитриевны Бачище и Зинаиды Михайловны Кузнецовой [4].

Руководитель инициативной группы Гурия Ильич Герц считал, что темпы строительства «не могут никого устроить». А главная беда «в том, что руководители хозяйственных предприятий, в своё время поддерживавшие инициативу о строительстве стадиона, не озабочены тем, как идут дела на этой народной стройке». Душой радея о возведении спортивной арены, Герц считал, что работники треста «Камчатрыбстрой» «крайне медлят с разворотом работ»: вместо трёхсот двадцати свай к 5 июня забито чуть более десяти [5]. Строительные организации не принимают мер к своевременному подвозу материалов, ощущается нехватка леса, камня, гравия. Также Герц возмущался тем, что не все участники народной стройки приносят с собой инструменты.

Воскресным утром 7 июня в сторону стадиона стройным шагом направилась колонна курсантов мореходного училища из двух сотен человек. Будущие штурманы и механики шли под гордо развивающимся бело-голубым флагом спортивного общества «Водник» в сопровождении звонких мелодий своего духового оркестра.

Работа нашлась для каждого: отложив в сторону музыкальные инструменты, оркестранты тоже включились в происходящее. На одном из самых сложных участков — забивке свай — трудился будущий штурман, чукотский парень Семён Нутали. Роль главного «кашевара» в бригаде осмольщиков свай досталась Юрию Шолохову. Рашид Шагихметов, Владимир Фуряев, Вячеслав Сивунов помогали ему варить смолу в бочке. Перепачканные чёрной смолой, загорелые, они трудились дружно, с шуткой [6].

О достижениях участников народной стройки можно было узнать из полуденной стенгазеты «Молния» и вечерней радиогазеты. За всеми участниками сооружения спортивного городка каждый день следил зоркий глаз корреспондента. Чаще всего — А. Мясникова — члена инициативной группы. В информационных выпусках отмечались имена не только добросовестных граждан-строителей, но и «тунеядцев». «Молния» извещала, что в один из воскресников «курсанты Соколов, Величко, Пилипенко до самого обеда катались на тракторе и отлынивали от работы» [6].

11 июня прибыли работники пароходства и морского порта. Мужчины, не жалея сил, трудились на забивке нескольких десятков свай, а женщины со всей серьёзностью отнеслись к просмолке досок.

За первые две недели вклад в общее дело внесли 1 254 чел., в том числе 728 рабочих и служащих различных предприятий города, 487 школьников и, по невыясненным причинам, лишь 39 спортсменов [7].

13 июня на строительстве трибун работал экипаж парохода «Щорс» во главе с капитаном В. П. Зеньковым. В этот же день трудились коллективы мебельной фабрики, пищекомбината, промкомбината и хлебокомбината. Отстающий участок — южная сторона. Здесь укладывали новый лоток для стока воды. Работы вёл трест «Камчатморгидрострой», управляющий В. В. Каплиев. По вине руководителей треста график строительства не выдерживался. «Полторы недели назад Каплиев должен был выделить самосвалы для завоза гравия и песка, — сообщала «Камчатская правда», — но до сих пор на стадионе нет ни одного самосвала из треста» [8]. К тому же, как отмечал Г. И. Герц, строители треста сбивали щитки лотка крайне небрежно. Воскресным вечером 14 июня сооружение лотка остановилось, так как на стадион не завезли необходимого количества битума.

17 июня на стройке трудились воины Петропавловского гарнизона — моряки, солдаты и офицеры. Отмечена работа мичмана Назарова, старшины 2-й статьи Никитенко, матроса Соколова. Строительство многострадального лотка в южной части не возобновилось, поскольку на сей раз закончились гвозди для сбивки щитков.

19 июня на стройку вновь пришли люди в белых брезентовых робах — военные моряки. Передовики народной стройки ровняли футбольное поле, разгружали автомашины и закладывали основание под асфальт. Плотники треста «Камчатскстрой» сооружали трибуны.

Активно включились в дело судоремонтники механического завода. Все они пришли с подготовленными инструментами.

«Бригада, которую возглавил начальник энергопоезда Павел Петрович Тимофеев, состояла из одних только женщин и девушек. Они работают на уборке грунта. Коллектив решил уйти со стройки со званием ударной бригады» [9].

В стороне от народной стройки не остались даже сотрудники треста столовых и ресторанов, а также продавщицы универмага № 1: в понедельник 19 июня, в свой выходной, они плели зелёный ковёр аллеи парка, аккуратно укладывая дёрн. В этот же день на стадионе трудились судоремонтники плавмастерской «Нева», стоявшей на рейде Авачинской губы. Бригада из 15 чел. поработала на строительстве трибун.

24 июня на футбольном поле пробился родник — за устранение течи взялись учащиеся торгово-кооперативного техникума и медицинского училища... Шла третья неделя строительства стадиона.

К концу июня 1959 г. на стройке отработали не менее трёх тысяч комсомольцев. Общими силами к 28 июня завершилась прокладка водосточной траншеи стадиона. В социалистическое соревнование включились средние школы, гидрометслужба, комбинат бытового обслуживания, магазины № 1, 3 и 4 Камчатпромторга. «Но, к сожалению, — писал член инициативной группы А. Мясников в «Камчатской правде» за 28 июня 1958 г., — есть ряд комсомольских организаций, которые остаются в стороне от общего дела петропавловчан. Студенты педагогического института, комсомольцы Госбанка, типографии, суда и прокуратуры, горпищекombината, детской больницы и горводопровода ещё не работали на народной стройке. Индивидуальные обязательства взяли на себя комсомолец плавмастерской «Фреза» Николай Куц, штукатур СМУ-6 Тая Ложечкина, работница стройконторы Камчатторга Мария Сотникова. Эти патриоты решили отработать на строительстве стадиона не менее пятидесяти часов» [10].

В разгар строительных работ, в первых числах июля, в Петропавловск прибыл Василий Петрович Поликарпов — лауреат Ленинской премии, один из ведущих авторов проекта центрального стадиона имени Ленина в Лужниках. Выдающийся архитектор был приятно удивлён темпами и качеством производимых работ, а также энтузиазмом добровольцев. Он отметил правильный выбор месторасположения будущего спортивного городка. Василий Петрович лично разработал состав беговой дорожки с учётом местных возможностей. «Дело в том, — отметил он, — что в Петропавловске нет хорошего каменноугольного шлака или высокосортного кирпича, основных компонентов для беговой дорожки. От её верхнего

покрытия, которое должно сопротивляться сдвигу шипа, а, следовательно, и ноги спортсмена назад, зависит многое. Вместе с руководителем инициативной группы народной стройки Гурием Ильичём Герцем я объездил целый ряд мест, ознакомился с различными местными материалами. В результате поездки мой номер в гостинице стал похож на походную лабораторию геолога. Здесь и вулканические туфы, и различные шлаки, несколько образцов глин, гари. Хорошим оказался козельский вулканический шлак, который выдерживает давление почти в сорок раз большее, чем обыкновенный. Как заполнитель подойдёт и котельный шлак городской электростанции. Одним из компонентов будет глина из бухты Ягодной, имеющая самую высокую жирность. Несколько опытов позволили остановиться на смеси козельского шлака, вулканического туфа, гари и глины из бухты Ягодной. Состав получился плотным, крепким, стойким к воде» [11].

Строителям народного стадиона лауреат Ленинской премии дал совет по одернованию футбольного поля: «Дёрн у вас очень хороший, и очень жаль, что его иногда портят при заготовке и доставке. Ни в коем случае нельзя возить больше шести ярдов дёрна (ярд — 91,4 см. — *Н. Г.*), бросать его при выгрузке с автомашин. Заготавливая дернины, — указывал В. П. Поликарпов, — обязательно надо нарезать их строго перпендикулярно (как кирпичи), а укладывать так, чтобы грани прилегали друг к другу плотно, без пустот. В противном случае полотно будет неровное, с провалами на крестовинах — стыках».

Ещё одним почётным гостем Петропавловска стала бригада совета Союза спортивных обществ и организаций РСФСР. В её составе — знаменитый пловец-марафонец Искандер Газизович Файзулин, старший инструктор Центрального совета добровольного спортивного общества «Труд» В. С. Чубукин и член тренерского совета РСФСР по лёгкой атлетике П. С. Привезенцев. Делегация провела семинары и практические занятия с ведущими легкоатлетами города.

Комсомольцы-старшеклассники средней школы № 6 имени Владимира Маяковского отдали народной стройке по 50—80 часов. Пример тут показывал секретарь комсомольской организации Виктор Голуб — на его счету было целых 100 часов [12].

«10 июля, — писал секретарь партийной организации Управления внутренних дел Д. Н. Дегтярёв, — на строительство стадиона вышли 165 работников управления с семьями. Пять-шесть раз людей переводили с места на место, большую часть дня использовали на переноске грунта носилками, а когда, уже к вечеру, “дога-

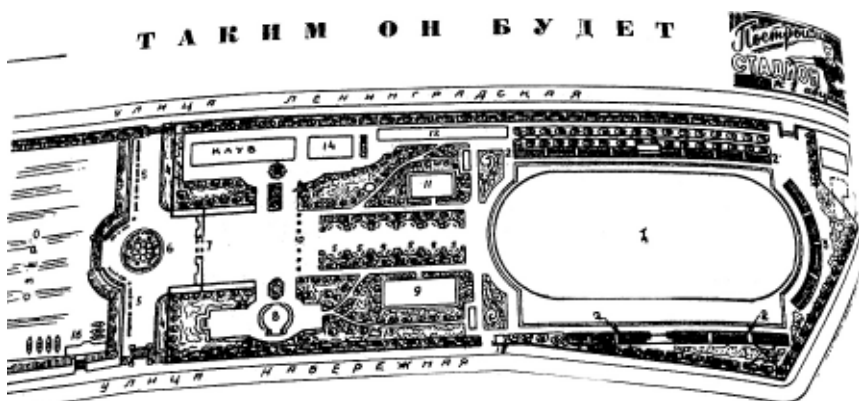
дались” подвести бульдозер, вдвое большая работа была сделана за 15—20 минут. Это воочию доказывает, что производитель земляных работ инженер “Камчатморгидрострой” тов. Наливайко просто не умеет правильно распределять силы». Ещё Д. Н. Дегтярёв указал на то, что по состоянию на 11 июля ещё не начата разбивка волейбольной, баскетбольной и теннисной площадок [13].

Бригадир плотников «Камчатскстрой» В. Шаповалов тоже решил поведать о проблемах, с которыми столкнулись его товарищи: «Пожалуй, нам, строителям северной трибуны, досталось за время строительства больше всех. То у нас не было технического руководителя, то не стало материалов. Сейчас всё это позади, но коллективу треста предстоит сделать ещё ряд работ, и повторение старых ошибок явно нежелательно. Ведётся на стройке кладка туалета. Кладка, а руководить ею заставили меня, плотника! В результате бетон уложили на неподготовленное основание — заставили перекладывать. Уже идёт кладка, а арматуры нет, нет плит перекрытий, оконно-дверных заполнителей. Всё это нужно немедленно доставлять, и самое главное, обеспечить работы не приходящим инженером-совместителем, а отвечающим за дело специалистом» [14].

Уже к 23 июля строительство стадиона подходило к концу. Были готовы три трибуны, оставалось только покрасить их. Радовало футбольное поле. Дёрн здесь привился замечательно, уже зацвёл клевер. Заканчивалось строительство легкоатлетических секторов, аллей; большая площадь парковой части уже покрыта асфальтом. Быстро строятся заборы и главный вход стадиона. Строители спешат закончить устройство беговой дорожки, баскетбольной площадки и теннисного корта. С утра и до позднего вечера кипела здесь работа. Члены инициативной группы уходили со стадиона только после 11 часов вечера. До его сдачи оставались считанные дни...

В первых числах августа началась заключительная работа по подготовке к открытию спортивного городка. В эти дни пристальное внимание было уделено его художественному оформлению. Силы энтузиастов брошены на окрашивание трибун, барьера центральной арены. За дело принялась бригада Алексея Семёновича Рожкова, ранее трудившаяся над ремонтом средней школы № 1.

На центральной аллее, соединявшей Ленинградскую и Набережную улицы, установили скульптурную композицию спортивной тематики. Пётр Григорьевич Ощепков, лепщик архитектурной мастерской городской ремстройконторы, завершал изготовление пьедесталов для фигур атлетов.

Планировка будущего стадиона, «Камчатская правда», 29 мая 1959 г., № 120

Строительство стадиона, 1959 г. [КОКМ НВФ 3149; 2644]

Виктор Голуб и его одноклассница
Нина Подставина, «КП», 9 июля
1959 г., № 160

Николай Ячменев ведёт планировку
стадиона, «КП», 28 мая 1959 г.,
№ 124

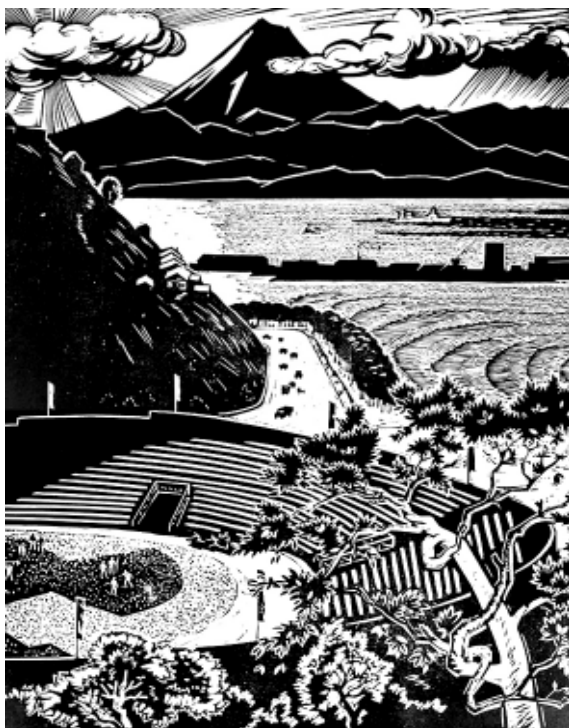
В. П. Поликарпов за приготовлением
грунта для беговой дорожки, «КП»,
5 июля 1959 г., № 157

Семён Нутали, «КП»,
9 июня 1959 г., № 134

«Спартак» летом [КОКМ ГИ 29622/83] и зимой [КОКМ ГИ 29622/84], 1960-е гг.

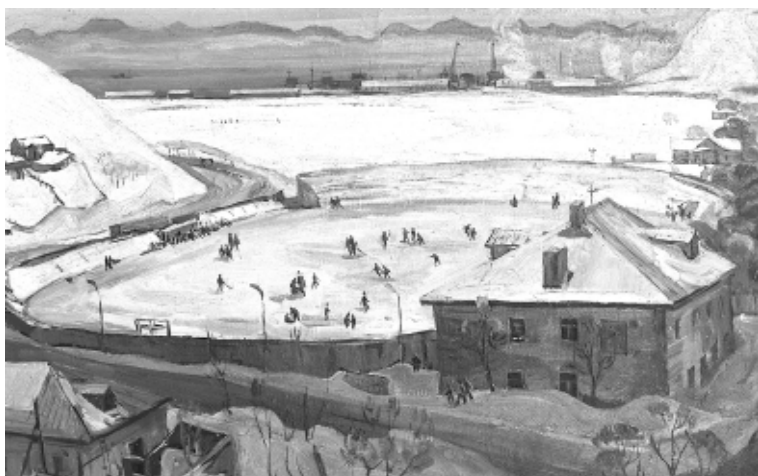

A black and white illustration showing a person in mid-air, jumping over a fence. The person is wearing a dark jacket and light-colored pants. The fence is made of vertical posts and horizontal rails. In the background, there are trees and a building. The style is simple and graphic.

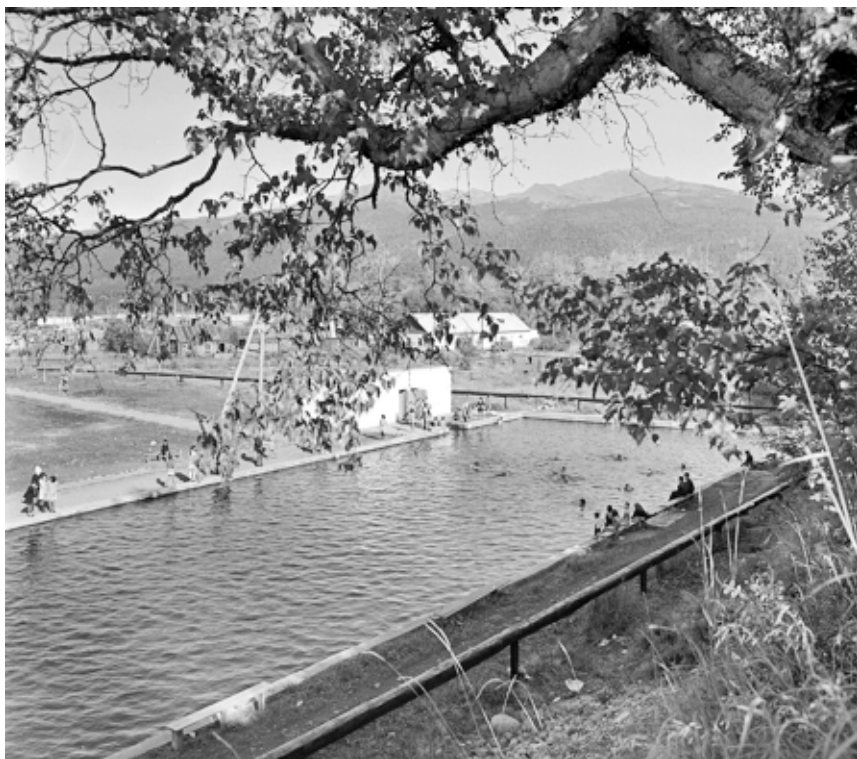
Как сопка дивно хороша!..
Здесь с чувством, с толком,
Кряхтя, усеял толстосум,
Не ведал он тревожных дум
Переживал он матч остро,
Разбил бутылки от сидра,
Которое в воллени пыл,
Окурками вокруг сорил.
То ль в трансе, то ли наяву
Кругом он вытоптал траву,
«Судью на мило!» —
он кричал,
В азарте он кусты ломал...
Была так сопка хороша!
Ну а теперь — болит душа:
Как будто хан Мамай в бою
Прогнал по ней орду свою...
Большакинам таким, друзья
Спускай их варварства
нельзя,
Не то за грех они нач сад
В пески пустыни превратят.

НАПОЛЛЕВ

Сопка в опасности!
«КП», август 1959 г.

Дьяков Ф. Г. Стадион в Петропавловске. Холст, масло, 1975 г. [КОКМ ОФ 31014]

Бассейн в селе Эссо, 1975 г. [ЖКОМ ГИ 3-1146]

Занятие по плаванию в бассейне села Эссо, 1975 г. [ЖКОМ ГИ 3-1151]

ДЕЛО САМИХ УТОПАЮЩИХ

Этот случай произошел в нашем бассейне. На соревнованиях по плаванию, едва оттолкнувшись от стартовой тумбочки, представительница тралового флота начала тонуть.

Другой представитель тралфлотовцев бросился в воду. Тонуть стали вместе: он вообще не умел плавать.

Когда обоих вытащили на бортик, он, отфыркиваясь, выплюнул вместе с водой: «Сам утопай, а товарища — спасай».

Это, наверное, был единственный случай, когда неумеющий плавать получил от службы безопасности грамоту «За спасение утопающих».

Заметка в газете «Камчатский комсомолец» от 1 января 1971 г., № 1

Срочный заказ на художественное оформление стадиона получила мастерская областного управления культуры. Художники Александр Георгиевич Бибиков, Фёдор Григорьевич Дьяков, Станислав Александрович Буланович и Клим Никифорович Чурсин решали важную задачу — создание портретной галереи лучших строителей. «У мольберта — Александр Георгиевич Бибиков. Под его кистью возникает портрет пионера из четвёртой средней школы Олега Герца, — поведала «Камчатская правда». — Рядом с портретами отца, руководителя инициативной группы по строительству стадиона Гурия Ильича Герца, портретами Михаила Акимовича Семенихина, механизатора СМУ № 6, прораба стройки Алексея Ильича Гетьмана, техника треста “Камчатморгидрострой” Ивана Андреевича Тарана, портрет Олега будет в галерее лучших строителей стадиона» [15].

Швеи цеха массового пошива комбината бытового обслуживания Нефёдова, Леонтьева, Карагодина, Лопухина сшили 1 200 комплектов спортивной одежды...

Торжественное открытие стадиона состоялось в воскресенье, 9 августа 1959 г. в 15.00 и было приурочено к празднованию Всесоюзного дня физкультурника. Днём ранее, в Москве, на центральном стадионе имени В. И. Ленина «посланцы пятнадцати братских республик» открывали Спартакиаду народов СССР.

В день открытия был дан старт IV летней комплексной спартакиаде Камчатской области. В силе, ловкости и сноровке состязались судоремонтники верфи, моряки, строители, рыбаки, труженики полей и лесозаготовители.

Пример петропавловчан, соорудивших стадион народными силами, вдохновил на подобные подвиги жителей других населённых пунктов Камчатки.

Стадион в южной стороне Большерецка решили построить комсомольцы рыбоконсервного завода № 49. Его спланировали зубной врач Галя Джумайлова, физрук школы Иван Горьев и моторист катера Павел Горбов, строительство решили завершить за 10—15 дней. Вечером, после трудового дня 20 июня, тридцать комсомольцев принялись за дело...

Спортивная арена появилась и в посёлке Первозаводском в Усть-Камчатск. Футбольное поле, волейбольные и баскетбольные площадки, гаревая беговая дорожка, легкоатлетический сектор — всё это было построено за один месяц. На строительство потратили около 100 тыс. руб. Стадион возводился силами строительно-монтажного управления, рыбоконсервного завода и торговой базы.

Летом 1959 г. спортивные городки также появились в селе Елизово, посёлках Козыревск и Корф. Комсомольцы села Эссо отличились больше всех: «там, где соединяются горячие и холодные ключи», в июле 1959 г. строился плавательный бассейн [16].

На долгие годы стадион Петропавловска стал точкой притяжения жителей города: учащихся и трудящихся, сдающих нормативы «Готов к труду и обороне» (ГТО), спортсменов, участников спортивных состязаний и, конечно же, зрителей, пришедших на трибуны поддержать любимую команду. Правда, многие болельщики не торопились приобретать билеты на трибуны. Они следили за спортивными баталиями со склона Петровской сопки. «Некоторые чрезмерно бережливые наши сограждане устроили себе ложу на Петровской сопке. Не беда, что сыровато, что вытаптывается драгоценная трава, спасающая город от пыли, что после такого посещения повсюду остаётся мусор — зато экономия...» [17].

Отметим, что в 1959—1964 гг. главный стадион Камчатки назывался «Труд». В народе спортивную арену любовно именовали «Камчатскими Лужниками» [18]. Новое и ставшее широко известным название «Спартак» начинает упоминаться в газетах с лета 1964 г.

В Петропавловске середины двадцатого века действовало несколько добровольных спортивных обществ (ДСО), объединявших жителей Петропавловска, ведущих здоровый образ жизни. Наиболее массовыми были ДСО «Труд» и «Водник», их названия и давали имена спортивным сооружениям города. Летом 1960 г. Президиум ВЦСПС принял постановление «О реорганизации спортивного общества “Спартак”». «В нашей области в это добровольное общество войдут работники местной промышленности и коммунального хозяйства, рабочие геологоразведки, связисты, медики, работники культуры, торговли, просвещения, рабочие автомобильного транспорта и шоссейных дорог, работники госучреждений, учащиеся средних специальных учебных заведений», — уведомлял главный печатный орган полуострова [19]. Возможно, что набирающее силу ДСО стало занимать ведущие позиции в спортивных состязаниях трудящихся, что и привело к изменению названия спортивной арены.

Спортивный городок Петропавловска стал и местом проведения народных гуляний — зимних катаний на коньках и летних танцевальных вечеров. Для любителей зимних забав было предусмотрено два ледовых поля. Крупная площадка предназначалась для горожан, имевших личные коньки, маленькая — начинающим фигуристам. Специально для них открылся прокат инвентаря.

22 ноября 1960 г., в первый день работы катка, на льду отдыхали 900 чел. [20].

Летними вечерами, когда над городом зажигались огни, центральный стадион Петропавловска приглашал молодых жителей города на танцы. В городе действовали три крупных танцевальных площадки: в городском парке культуры и отдыха на Никольской сопке, в Доме офицеров флота и на стадионе «Труд». «Количество продаваемых на танцплощадки билетов ничем не ограничивается. И вот на каждом из этих небольших “пяточков” собирается от пятисот до тысячи человек, стоящих буквально вплотную друг к другу. Танцевать здесь практически невозможно, если не говорить о так называемых “стильных” танцах, отталкивающих, подчас просто непристойных, — отмечал корреспондент «Камчатской правды» И. Голубев. — Именно эти “пяточки” и служат приамканой для хулиганов, отравляющих своей развязностью, сквернословием, драками настроение и пребывание здесь здоровой большей части молодых людей». Показательный пример: каждый третий-четвёртый, ежедневно доставлявшийся в городской вытрезвитель, попадал сюда с танцевальных площадок. «Ни на одной из танцевальных площадок нет ответственных распорядителей, — продолжал корреспондент, — дружинники дежурят от случая к случаю» [21].

2 августа 1960 г. танцплощадку «Труда» омыла кровь выпускника мореходного училища Мирослава Белинского. В тот день здесь было не менее семисот человек. Во время ссоры малознакомый парень нанёс Мирославу три удара ножом. Через час, не приходя в сознание, он скончался. На следующий день, 3 августа, ему исполнился бы 21 год... Убийцу милиция разыскивала почти неделю. Им оказался двадцатидвухлетний Юрий Макаров, сын директора областной торговой базы. 23 сентября 1960 г. в здании Петропавловск-Камчатского мореходного училища проходил открытый процесс по делу Ю. Макарова. Убийцу приговорили к расстрелу. Более тысячи жителей города, присутствовавших в зале заседания суда, встретили приговор единодушным одобрением.

В 1965 г. из-за малой вместимости трибун стадион, уже называвшийся «Спартак», подвергся реконструкции. Сведения об этом событии в печати представлены довольно скупо, но известно, что основные работы завершились к впервые праздновавшемуся в июле этого года Дню рыбака. А в сентябре 1965 г. вновь открывшийся стадион стал ареной для проведения легкоатлетических

соревнований, посвящённых памяти легендарного бегуна Тимофея Сергеевича Корниенко (1903—1937). Его имя связано не только с развитием спортивного движения, но и с историей рыбной промышленности Камчатки. В 1933 г. он был назначен заместителем директора Авачинского рыбокомбината, через некоторое время стал директором Жупановского. В этом же году на Камчатке сложился первый атлетический кружок, его участники искали руководителя-оратора, который сумел бы зажечь сердца людей и пробудить интерес к спорту. Тогда работники отдела кадров Акционерного Камчатского общества сообщили, что такой человек в Петропавловске есть — это профессиональный атлет Корниенко. Многие из членов кружка и не знали, что в городе живёт выдающийся спортсмен, участник Всесоюзной спартакиады 1928 г., установивший три рекорда СССР: в беге на дистанции 100 и 200 м (10,8 и 22 секунды соответственно) и эстафете.

После переезда в Жупаново Корниенко редко бывал в городе, но каждый раз встречался с физкультурниками Петропавловска и интересовался их успехами. В последний раз побывал на тренировках камчатских атлетов в августе 1937 г. Команда готовилась к поездке на соревнования во Владивосток. В состав делегации вошла и племянница Тимофея — Клава Корниенко. «Во Владивостоке наши спортсмены заняли первые места почти во всех номерах программы... Когда спортивная делегация Камчатки вернулась домой, участники её узнали печальную новость: Тимофея Корниенко уже не было в живых. Он стал жертвой культа личности» [22]. Расстрелян 26 августа 1938 г.

В соревнованиях, посвящённых памяти спортсмена, участвовали около 120 взрослых и 150 юных спортсменов. Почётным гостем стал старший брат и первый тренер атлета Григорий Сергеевич Корниенко.

В 1974 г. было принято решение о генеральной реконструкции стадиона. Намечали следующее: сделать два футбольных поля (основное и тренировочное), хоккейную коробку, каток, площадки для игр в городки, настольный и «травяной» теннис, волейбол, баскетбол, поле для игры в ручной мяч, открытую беговую дорожку, лодочную станцию и большую зону отдыха. Достопримечательностью нового «Спартак» должна была стать закрытая стометровая тартановая беговая дорожка под северо-западной трибуной, пока единственная на всём Дальнем Востоке. «Под юго-западной трибуной предусмотрено оборудование многочисленных спортивных секций — борьбы, бокса, тяжёлой атлетики, спортивной

гимнастики и других. «Места хватит на всех, так как пространство, которое займут под трибуной секции, равно трёхэтажному дому. Также проектом предусмотрено строительство молодёжного клуба, гостиницы для спортсменов и даже двух подземных переходов, которые соединят стадион, улицы Ленинградскую и Набережную» [23].

Такие невероятные идеи хотел воплотить в жизнь главный инженер строительства Владимир Александрович Нелюбин. Представители всех участвующих в работах организаций еженедельно собирались на оперативную планёрку в кабинете директора стадиона.

В это время им был ветеран Великой Отечественной войны Иван Андреевич Клименков. В статье А. Романцова в рубрике «Память сердца», опубликованной в первомайском выпуске «Камчатского комсомольца» за 1980 г., приводится рассказ Ивана Андреевича о последних боях на улицах городов Германии. Победную весну 1945 г. в звании старшего сержанта, командира взвода разведчиков он встречал в Берлине. За несколько дней до Победы от взвода Клименкова после тех боёв осталось всего четверо бойцов. Сражения не прекращались и после капитуляции: немцы продолжали отстреливаться. Много советских солдат погибло от пуль из-за угла. В одном из подвалов взвод Клименкова обнаружил эсэсовцев. «Их было десять, в офицерской форме, вооружённых до зубов. Четверо против десяти... Клименков не растерялся: “Рота, ко мне!” — резко крикнул он, направляя на фашистов автомат. Те в растерянности несколько мгновений не шевелились, а потом друг за другом начали бросать оружие. Когда их вывели из подвала, они начали переговариваться, злясь, поняв, что могли сделать с четвёркой всё, что угодно» [24].

Торжественное открытие первой очереди реконструированного стадиона состоялось в День Рыбака, 13 июля 1980 г. «Стадион сверкал свежей облицовкой, стёклами новых окон, полосатой — “тельняшечной” — раскраской трибун. Впрочем, какого цвета трибуны, к часу субботнего дня уже не было видно. Сверху до низу их закрывали пиджаки и куртки, блузки и плащи, рубашки и военные мундиры. По самым скромным подсчётам, трибуны, планировавшиеся на двенадцать тысяч человек, вместили в полтора раза больше народа», — так начинался репортаж Д. Сушко «Праздник на зелёном поле» [25]. Через несколько дней, 19 июля, обновлённый стадион стал площадкой для малого, камчатского празднования открытия XXII Олимпийских игр.

Весной 1970 г., в канун столетия со дня рождения В. И. Ленина, в столице Камчатки был возведён не менее грандиозный спортивный объект — Дворец спорта профсоюзов, более известный в народе как «бассейн на Коммунпроекте». Центральной частью комплекса стал первый в Петропавловске двадцатипятиметровый бассейн, «с шестью плавательными дорожками, трамплином, подкидными досками». Основные строительные работы проводило СМУ-8, участие в возведении дворца приняли молодёжь города, военнослужащие, курсанты мореходного училища [26].

Первым директором дворца спорта стал Александр Михайлович Фомин, инструкторами по плаванию — Нина Выдыш и Татьяна Чекалина. В скором времени штат должен был пополниться профессиональным тренером — выпускницей Московского физкультурного института, кандидатом в мастера спорта по плаванию Натальей Готиловой. Ежедневная пропускная способность бассейна — более 500 детей и 150 взрослых [27].

Время неумолимо идёт вперёд. И сейчас на наших глазах разворачивается новый период преобразования спортивных объектов края, в том числе и старого «Спартак»...

Источники

1. Это — наше общее дело // Камчатская правда. — 28 мая 1959 г., № 124.
2. Условия социалистического соревнования // Камчатская правда. — 19 июня 1959 г., № 143.
3. Пономаренко В. Когда за дело берётся молодёжь // Камчатская правда. — 31 мая 1959 г., № 12.
4. На народной стройке // Камчатская правда. — 7 июня 1959 г., № 133.
5. Герц Г. Выше активность — больше ответственность // Камчатская правда. — 6 июня 1959 г., № 132.
6. Пономаренко В. Знамя «Труда» реет над стройкой // Камчатская правда. — 9 июня 1959 г., № 134.
7. На народной стройке // Камчатская правда. — 14 июня 1959 г., № 139.
8. Строго выдерживать график работ // Камчатская правда. — 16 июня 1959 г., № 140.
9. Дела энтузиастов стройки // Камчатская правда. — 23 июня 1959 г., № 146.
10. Мясников А. Молодёжь — на стройку // Камчатская правда. — 28 июня 1959 г., № 151.
11. Поликарпов В. Мне нравится энтузиазм строителей // Камчатская правда. — 5 июля 1959 г., № 157.

12. *Муравин Ю.* «Молния» сообщает // Камчатская правда. — 9 июля 1959 г., № 160.

13. *Белопопова З., Дегтярев Н.* Говорят строители стадиона // Камчатская правда. — 12 июля 1959 г., № 163.

14. *Шаповалов В.* Говорят строители стадиона // Камчатская правда. — 12 июля 1959 г., № 163.

15. *Пономаренко В.* Завтра — в строй! Репортаж // Камчатская правда. — 8 августа 1959 г., № 186.

16. *Ларина Г.* Бассейн будет! // Камчатская правда. — 29 июля 1959 г., № 177.

17. Сопка в опасности // Камчатская правда. — 23 августа 1959 г., № 199.

18. *Смехов Л.* Родному городу // Камчатская правда. — 17 октября 1960 г., № 248.

19. О реорганизации спортивного общества «Спартак» // Камчатская правда. — 20 июля 1960 г., № 171.

20. Идите на каток // Камчатская правда. — 23 ноября 1960 г., № 277.

21. *Голубев И.* Пусть горит земля под ногами Макаровых // Камчатская правда. — 31 августа 1960 г., № 207.

22. Помните его имя // Камчатский комсомолец. — 15 августа 1965 г., № 98.

23. *Струнин А.* Объект олимпийского года // Камчатский комсомолец. — 1 июля 1980 г., № 78.

24. *Романцов А.* «Память сердца» // «Камчатский комсомолец». — 1 мая 1980 г., № 53.

25. *Сушко Д.* Праздник на зелёном поле // Камчатская правда. — 13 июля 1980 г., № 161.

26. *Попов В.* У города будет бассейн // Камчатский комсомолец — 28 марта 1970 г., № 38.

27. *Владимиров Н.* Голубые дорожки первенца // Камчатский комсомолец. — 8 августа 1970 г., № 96.

Условия, в которых проходили плавания русских моряков, отправленных для крейсирования в водах Тихого океана в 1880-е гг., показаны в публикуемых ниже воспоминаниях А. К. Де-Ливрона. Среди прочего, здесь описаны два посещения Петропавловска и его тогдашнее состояние, заходы на Командорские острова и Чукотский полуостров. Текст заимствован из 10—12-го номеров журнала «Морской сборник» за 1913 г., воспроизводится с сокращениями.

А. К. Де-Ливрон

Отрывки воспоминаний о плавании на клипере «Стрелок» в 1880—1882 гг.

Андрей Карлович Де-Ливрон (Деливрон) родился 14 августа 1840 г. в семье морского офицера. В 1852 г. зачислен в Морской кадетский корпус. В августе 1856 г. служил гардемаринном на фрегате «Смелый» в Балтийском море. В 1858—1859 гг. на винтовом корвете «Ретвизан» совершил заграничное плавание. В мае 1859 г. произведён в мичманы, в 1869—1865 гг. участвовал в кругосветном плавании на корветах «Калевала», «Богатырь» и клипере «Гайдамак». В 1863 г. произведён в лейтенанты, затем служил на разных кораблях Балтийского флота. 8 января 1880 г. назначен командиром клипера «Стрелок», на котором 24 июня того же года вышел в описанное ниже кругосветное плавание. После возвращения с 26 февраля 1883 г. — капитан 2-го ранга, с 1887 г. — капитан 1-го ранга. В 1895 г. уволен в отставку «с мундиром и пенсией». Дальнейшая судьба неизвестна.

Клипер «Стрелок» построен на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге в 1879 г. С 1883 г. ходил в Красное, Средиземное моря, Атлантический океан. После 1897 г. использовался как учебное судно Морского инженерного училища. Исключён из списков флота в 1907 г., разобран в 1916 г. Его основные характеристики: полная длина 70,34, наибольшая ширина 9,72, средняя осадка 4,27 м, полное водоизмещение 1 334 т. На корабле стояли четыре паровых котла и машина мощностью 1 500 л. с., подъёмный двухлопастной гребной винт диаметром 4,22 м. Он нёс три орудия калибром 152, по четыре — 87 и 47, шесть — 37 и одно — 64 мм. В честь корабля названа одна из бухт на побережье Берингова моря.

Третье своё заграничное плавание я делал на клипере «Стрелок», и уже не подчинённым в звании мичмана или лейтенанта, как прежде, а штаб-офицером и при том «сам командиром», как это обыкновенно в таких случаях пишут в послужных списках в графе о прохождении службы...

Плавание на «Стрелке» считалось одним из весьма интересных того времени по содержанию и по разнообразию своему; в общем оно продолжалось два с половиной года. «Стрелок» был корабль небольших размеров и имел лишь 1 334 тонн водоизмещения и 222 футов длины по верхней палубе. Я его получил почти прямо со стапеля, следовательно, совсем новым. Машина давала до 11,5 узлов ходу.

Экипаж клипера состоял из 18 офицеров и 174 человек команды, причём все были в возрасте от 21 до 27 лет. Матросами нашими можно было любоваться: это были красивые, здоровые и крепкие люди; подбором их я был обязан своему экипажному командиру, адмиралу Шефнеру, разрешившему мне выбирать из всего экипажа самых видных людей. За всю кампанию на клипере не было ни одного смертного случая, и при том мы не имели никаких серьёзных заболеваний.

Инструкцией вице-адмирала С. С. Лесовского, бывшего тогда во главе нашего министерства, клиперу надлежало как можно скорее покинуть Кронштадт и присоединиться к эскадре Тихого океана. Этого требовали наши натянутые отношения с Китаем вследствие спора из-за наших общих с ним границ. Предвиделась война. В инструкции министра мне запрещалось без особенной нужды заходить в попутные порты.

Мы ушли из Кронштадта в конце июня 1880 г., на неделю раньше клипера «Пластун», который так же, как и мы, следовал к берегам Китая. За два дня до нашего ухода мы были осчастливлены посещением клипера императором Александром II и великим князем Константином Николаевичем. В состязании на скорость перехода всё время мы были много впереди «Пластуна» и во Владивосток прибыли значительно раньше его. Он удлинил своё плавание тем, что без нужды заходил на Цейлон, причём наши офицеры, шутя, утверждали, что «Пластун» пошёл в Коломбо, чтоб закупить там драгоценных камней и посмотреть на белых слонов.

Первый порт, в который мы заходили по пути, был Гавр, потом прошли прямо на Мальту и в Александрию. Пройдя Суэцким каналом, мы на несколько часов забегали в Ачин на Суматре, а потом были ещё в Сингапуре, Гонг-Конге и Нагасаки. К месту назначения, то есть во Владивосток, клипер пришёл ровно через сто дней после выхода из Кронштадта (это, в общем, считалось скорым переходом), где и поступил под флаг адмирала Лесовского, который по желанию государя отказался от министерского портфеля и принял на себя командование Тихоокеанской эскадрой...

Во Владивостоке собрались уже почти все суда и усиленно готовились к войне с Китаем. Наше пребывание в эскадре на Владивостокском рейде в самое глухое осеннее время продолжалось около двадцати дней. Погода всё время стояла очень холодная, и бывали дни, когда весь внутренний рейд покрывался тонким слоем льда. Невзирая на это, ученья происходили почти ежедневно, причём на шлюпках во время гребли весла опускалась в ледяной покров. Замечательно, однако, что больных на эскадре не было.

Однажды нас всех на рейде настиг шторм от NW при температуре минус три градуса Реомюра. Несколько судов подрейфовало и временно очутились на мели у подветренного берега бухты. Через сутки, когда ветер уже совсем стих, и аварии на судах были исправлены, то первому шторму с такой же силой ответил другой, но уже с противоположного румба.

Опять в течение целых суток эскадру и город косил снег попережку с дождём и градом. Это была настоящая сибирская пурга. В городе людей на улицах буквально сшибало с ног, но зато все радовались обстоятельной дезинфекции, которую ветер производил на Манзовском рынке; там обыкновенно гнездились так много нечистот и миазмов, распространявших зловоние по всем смежным кварталам, что такая чистка была крайне желательна.

В середине ноября, когда уже невозможно было долее оставаться во Владивостоке из-за холодов, адмирал стал спешно высылать свои суда в разные порты Японии. «Стрелок» был при этом отправлен в Нагасаки. Переход был вообще очень бурный, а близ острова Дажелет нас ещё нагнала попутная пурга, проводившая нас почти до самой цели нашего назначения.

Через несколько дней после нас на Нагасакский рейд пришёл и адмирал Лесовский на крейсере «Европа». Это было вечером, и крейсер, становясь на якорь, показался нам каким-то растрёпанным снаружи. Когда командиры поехали к адмиралу с рапортом, то с грустью узнали, что наш любимый адмирал Степан Степанович лежал в каюте больной. Он сломал себе ногу во время шторма. «Европу», также как и нас, в пути настиг попутный шторм, причём во время одного из жестоких шквалов его вдруг бросило к ветру и поставило поперёк волнения, причём рулевых перебросило через штурвал.

Положение крейсера было очень критическое, и когда адмирал вышел из своей каюты на палубу, чтобы отдать кое-какие приказания и взглянуть на карту, его сшибло с ног и при сильном размахе крейсера отбросило к кнехтам грот-мачты на снасти, кото-

рые там лежали на палубе бухтами. Тут уж он сам подняться не мог, а когда его на руках снесли в рубку и положили на постель, то выяснилось, что он получил перелом ноги у бедра.

В это же самое время и якорь на крейсере полетел в воду вместе с канатом, что произошло оттого, что с самого выхода с рейда он оставался незакреплённым. Канат высучило за борт до самого жвакагалса — нижние стопора не могли его задержать. Затем вырвало и изорвало в клочки марсели и фок и сверху свалился грота-гафель с незакреплённым триселем; пробив собой машинный люк, он с осколками стёкол упал в машину, вследствие чего последнюю пришлось остановить. Кроме этого, волны вогнули внутрь гакаборт крейсера и вдребезги сломали три шлюпки на боканцах. Растерянность на крейсере продолжалась до тех пор, пока не удалось снова дать ход машине и направить нос судна на прежний курс, предварительно, конечно, убрав обзевветрившиеся и разорванные паруса.

Придя в Нагасаки, адмирал С. С. Лесовский должен был вследствие своей болезни временно передать командование эскадрой адмиралу О. Р. Штакельбергу и на утро следующего дня переехать на берег. Там ему с помощью нашего консула нанят был очень удобный отдельный дом с террасой и садиком. При адмирале была и жена его и часть его многочисленного штаба. Во главе штаба стоял очень распорядительный и симпатичный флаг-капитан Андрей Павлович Новосильский, а в числе штабных были доктор В. С. Кудрин, штурман Курьяк, минный офицер Л. А. Вирениус, литератор — штаб-ротмистр лейб-гвардии Уланского полка В. В. Крестовский и другие. Мимоходом замечу здесь, что Крестовский не только решительно ничего не написал про плавание нашей эскадры, но ещё вдобавок оказался весьма неуживчивым и вздорным человеком, вследствие чего многие от него сторонились.

Через несколько дней, когда острота впечатления, навеянного недавней катастрофой, уже миновала, мой клипер получил назначение отправиться на зимние месяцы на стоянку в Кубе. Выйдя с Нагасакского рейда, мы за островом Папенберг встретили довольно свежий *NW* с крупным волнением, но как только вошли во внутреннее море, всё сразу изменилось: ветер и волнение исчезли, и наступила полная тишь и благодать. Всё неприятное сменилось удовольствием.

Острова этого зеркального моря сплошь покрыты роскошной кудрявою зеленью и кое-где пестрят японскими деревушками. Там и сям виднеются храмы, мосты, домики, ворота храмов, а на песчаных

откосах берегов, рядами стоят многочисленные рыбацкие лодки всякой величины. Море это почти всегда спокойно. Редко-редко по его поверхности где-нибудь из-за островочка набежит ветерок и всколыхнет сонливую его гладь, оставив за собой едва заметную легкую рябь.

Путь наш пролегал среди группы красивых островков, причём с каждым новым поворотом судна в лощинах и на возвышенностях глазам открывались всё новые картины с новым сочетанием теней и красок. Клипер плавно подвигался вперёд, уже давно миновав Симоносакский пролив, а к ночи стал на якорь у острова Обе-хата-ура.

Утром следующего дня предполагалось идти дальше уже южным проливом Kurosima-no-seta, и когда клипер в назначенный час тронулся в путь, то оказалось, что наш умный (Kurudo) лоцман, плохо согласовав свои расчёты с направлением и силой течения в проливе, поставил, было, клипер в весьма критическое положение.

Надо заметить, что при входе в пролив с юга приходится в глубине его вдруг круто поворачивать влево. Это удаётся обыкновенно хорошо при весьма слабом попутном течении. Клипер вошёл в пролив полным ходом и в надлежащий момент положил руль право на борт, чтобы, как уже сказано выше, пройдя всю длину пролива, снова из него выйти влево на простор моря. Но каково было общее наше изумление, когда мы увидели, что клипер не слушается руля и продолжает идти вперёд прямо, направляясь носом в крутой впереди лежавший берег высокого острова.

Я с лоцманом стоял возле штурвала и мы оба ясно видели, что рулевые правильно положили руль на борт, тем не менее, все в испуге и в недоумении молча переглянулись, а лоцман затрясся и побледнел, как мертвец. Мне тогда думалось, не приключилось ли что со штуртросом, и я каждое мгновение ждал, что вот-вот сейчас клипер штевнем ударится о противоположный, каменистый берег и рассыплется вдребезги, как стекло.

К счастью, однако, паника эта длилась лишь столько времени, сколько нужно было, чтоб клиперу при двенадцатиузловой скорости пробежать расстояние, равное своей собственной длине. Только тогда течение, которое сначала ударило лишь в носовую его часть, стало действовать нормально и на всю длину его корпуса, а следовательно, и на руль. До берега оставалось как раз ещё столько места, чтобы клипер, послушавшись руля, мог в обрез описать свою циркуляцию влево и сразу выскочить из тисков коварного пролива на простор приветливого моря.

У всех сразу отлегло от сердца, и все облегчённо вздохнули. Минута общего недоумения во время ожидания катастрофы показалась нам чуть ли не целую вечностью. Когда минуты паники миновали, то все присутствовавшие стали обмениваться своими впечатлениями уже в шутливом тоне. Тогда казалось, что опасность грозила будто не нам, а кому-то другому.

С западной стороны к Кобе плотно примыкает другой город, Хиого. Непосредственно за чертой города тянется высокий, живописный горный кряж с зелёными склонами, а по берегу, верстах в двенадцати от города, находится живописное селение Арима с тёплыми серными источниками. У источников устроены общие купальни для страдающих ревматизмом, сыпями и всякими иными болезнями. Кобе соединён с городами Киото и Осака посредством железной дороги. В районе перечисленных здесь городов существует главное производство фарфоровых изделий. Воспользовавшись однажды свободным временем, я ездил в Киото.

Побывав у озера Бива, я спустился по течению одной чрезвычайно стремительной и живописной речки на длинной дощатой лодке, причём с бешеной скоростью пронёсся через пороги речки единственно только из-за погони за сильными ощущениями. Местность, где протекает эта красивая извилистая речка, вся окружена высокими, крутыми берегами. Сидя в лодке, казалось, что несёшься по какому-то волшебному водяному коридору, обрамлённому каменными отвесными стенами причудливого вида и с роскошной растительностью. На главных порогах вода бурлила и кипела, как у водопада, и наша лодка, управляемая лишь одним веслом кормчего, извивалась как змея; по временам было жутко и казалось, что вот-вот лодку перевернёт или она развалится от толчка о камень.

В озере Бива водятся саламандры, которые считаются самой большой амфибией из всех существующих на Земном шаре. Длина их достигает трёх футов. Животное это крайне неповоротливо и вполне безвредно для человека, оно кормится мелкой рыбой.

Киото — один из самых интересных городов Японии. Это чисто японский город, сохранивший характер самобытности и старины.

Что касается Кобе, в котором мы провели целую зиму, то можно сказать, что это очень хорошенький городок. Его чистенькая набережная и удобный рейд служат ему лучшими украшениями. Тенистое христианское кладбище, с массой кипарисовых деревьев, содержится в очень большом порядке. Кладбище это скорее напоминает собой красивый парк, чем мрачную усыпальницу для мёртвых.

Улицы города вообще чисты и хорошо вымощены. Пароходное сообщение со всеми главными портами Востока поддерживается компанией Mitsu Bishi (в переводе «Три жемчуга»), так что почта доставляется правильно. В городе имеется несколько очень хороших магазинов.

Японское кладбище и крематорий для сжигания трупов помещаются на окраине города у подножия высокого холма. Японцы с недавних пор относятся очень сочувственно к новому обычаю сжигать покойников. Перед доставкой покойника в крематорий умершего помещают в бочку в сидячем положении таким образом, чтобы колени его упирались в подбородок; бочка устанавливается на носилки и в таком виде переносится по городу, причём она предварительно обёртывается соломенным жгутом. Бонзы и провожающие родственники и друзья в знак траура облачаются во всё белое.

В крематории покойник устанавливается на высокий помост, под которым находится большой чугунный хибач; в последнем затем зажигается масса соломы и дров, обильно политых смолой и керосином, а бонзы приступают к чтению последних молитв. Присутствующие родственники также в это время молятся вполголоса и часто кланяются, потирая руки, ладонь о ладонь. Как только пламя вполне займётся и охватит со всех сторон бочку, все родственники поспешно удаляются из здания и двери плотно закрываются. Через полчаса, когда в жаровне уже ничего более не остаётся, кроме пепла от сгоревшего праха, желающие вновь впускаются в крематорий для взятия оставшейся золы, которую они кладут в глиняную посуду и уносят на кладбище, где и хоронят в земле. Над погребённым прахом японцы устанавливают несколько душистых курительных свечей и затем удаляются по домам к своим обычным занятиям. Я никогда не видел, чтобы они плакали на похоронах, эта слабость у них не в обычае.

В Кобе мы провели рождественские праздники и встретили 1881 г. На рейде одновременно с нами были «Наездник» и «Пластун»; оба эти клипера одного типа с клипером «Стрелок». В январе все три судна по взаимному соглашению командиров делали состязательный пробег под парами на скорость. На протяжении 50 миль первым оказался «Наездник», а последним наш «Стрелок». «Наездник» имел скорость в 12 узлов, тогда как мы делали лишь 11.

В конце февраля клипер был вызван в Нагасаки и отправлен в Чифу на смену «Забияке». Там мне предписывалось состоять в распоряжении нашего поверенного в делах А. И. Кояндера и по подписании в Пекине договора между нашим и китайским

правительствами немедленно уведомить о том в Нагасаки нашего адмирала.

Стоянка в Чифу была и скучной и утомительной. Рейд там открыт всем ветрам, так что мы всё время находились как в открытом море. Зыбь иногда до того сильно раскачивала клипер, что ноки выстрелов уходили в воду; не было никакой возможности чем-либо заниматься. Тихая погода наступала очень редко и притом ненадолго.

Этот грязный город Шантунгского полуострова ведёт обширную каботажную торговлю со всем побережьем Печилийского залива. Всегда у берега можно видеть сотни джонок с расписанными на них драконами, многие имеют даже пушки, как бы для защиты себя от морских разбойников, которых немало в Китайском море, хотя весьма вероятно, что некоторые джонки и сами принадлежат пиратам.

Когда уже стало известно, что наш дипломатический конфликт с Китаем уладился, и мы все снова собрались в Нагасаки, то клиперу было приказано идти во Владивосток и там приготовиться к плаванию у северо-восточных берегов Сибири. Это плавание клипера имело целью охранять котиновый промысел от хищничества иностранцев в Беринговом море и вместе с тем помочь американцам отыскать в Ледовитом океане следы шкуны «*Jeannette*», которая за год перед тем пропала без вести, отправившись навстречу полярному исследователю Норденшельду. Шкуна «*Jeannette*» была под командой капитана де-Лонга.

В предположении, что наше плавание в Полярном море затянется до самых холодов, мы запаслись для команды тёплой одеждой.

В середине июня 1881 г. клипер вышел таким образом из Владивостока и направился к берегам Камчатки. На пути туда мы заходили в бухты Врангеля и Находку, вследствие свежего ветра, затруднявшего нам плавание, а затем побывали и в Хакодате, чтобы там пополнить запасы провизии и угля.

Находка — очень просторная, закрытая и глубокая бухта. На берегу находится посёлок русских переселенцев. Высокая и сочная трава с массой пёстрых полевых цветов и лиственный бор с грибами и земляникой приятно ласкали глаз яркостью своего колорита. Там наши люди побродили по лесу и отдохнули, а когда погода стихла, мы снова поплыли дальше.

Приблизительно около этого времени уладились наши недоразумения с Китаем, и 3 августа адмирал С. С. Лесовский был отчислен от командования нашими морскими силами на Дальнем Востоке.

Он с грустью покидал эскадру и уезжал в Европу лечиться. Нога в бедре срослась, но боль и неловкость при ходьбе на костылях его пока ещё не покидали.

Эскадрой он прокомандовал фактически около года. Так как договор с Китаем касательно спорной провинции уже был подписан, то эскадра наша постепенно распускалась, и суда стали группами возвращаться в Россию...

В Хакодате нас телеграммой задержал начальник отряда, пожелавший нас видеть перед нашим уходом на север. Он приходил туда на «Азии» и сделал нам смотр. Через сутки «Стрелок» отправился по назначению на север. Дополнительной инструкцией мне предписывалось по возвращении из Ледовитого океана опять забрать во Владивостоке мины, потом идти в Иокогаму, чтобы офицерам посмотреть Токио, затем побывать в Лиантунской бухте и изучить вход в Ньючуанг, а также выяснить, возможна ли около него высадка десанта. По исполнении этого, я должен был ещё сходить в Шанхай, Фучоу, Амой и Гонг-Конг, а в январе заглянуть в порт Лазарева на корейском берегу и удостовериться, замерзает ли зимой его рейд. По отношению к последнему, предписывалась большая осторожность и тайна, дабы не навлечь на себя неудовольствие со стороны корейского правительства.

Во время стоянки клипера в Хакодате я с судового мостика несколько раз делал обзор береговых зданий и местности. Кругом себя видел всё старое, полузабытое. Припоминалось доброе старое время, когда лет двадцать назад стаивал я здесь на «Калевале». В памяти воскресла та же деревня Камида, в которую мы, бывало, ездили верхом, чтобы иногда чего-нибудь перекусить в доме японки Уткиной, где был трактир. То было в 1860-х годах, когда здесь существовало русское консульство с зародышем духовной миссии, во главе которой тогда состоял совсем молодой священник отец Николай Верещагин — впоследствии маститый владыка Николай. Консулом был покойный теперь Гошкевич, плававший на «Палладе», а морским агентом — капитан 2-го ранга Костырев. За двадцать лет здесь многое изменилось, но всё же остались знакомая пристань, баня, дом губернатора и пресловутый «Красный дом».

Переход клипера в Петропавловск всем показался скучным и однообразным. Весь путь нас преследовали туман и бус, так что приходилось доверяться лишь компасу и лагу; астрономических наблюдений не делали.

Курильскую гряду мы проходили в расстоянии семидесяти миль, чтобы пользоваться тёплым попутным течением Куро-Сиво. Если

держаться ближе к островам, то можно попасть в обратное течение, направляющееся на SW, а таковое пригодно только для плавания к берегам Японии.

Но вот, через девять суток по выходе из Хакодате, перед нами, наконец, открылись живописные берега Камчатки с контуром красивых конических сопок, а скоро затем мы уже ясно на чёрном очертании берега различали вход в Авачинскую губу. Вход окаймлён высокими отвесными берегами, причём на одном из выступов правого берега появился маяк, который почти всегда скрывается в дымке тумана. Маяк находится на высоте 400 футов.

Авачинская губа настолько обширна, что в ней можно бы свободно разместить хоть весь английский флот. Петропавловская гавань находится в некотором расстоянии от подножия Авачинской сопки, в углу губы, за небольшой песчаной кошкой. Чтобы отыскать вход в гавань, надо практически быть знакомым с расположением её: извилистый вход требует трёх последовательных поворотов. Над самой котловиной гавани амфитеатром расположен город, который скорее походит на небольшую деревню, чем на что-нибудь большее.

Клипер бросил якорь в самом центре гавани, чтобы, разворачиваясь, кормой не задеть берегов. Окружавший нас живописный берег приветливо ласкал глаз свежей зеленью деревьев и высокой сочной травой. С палубы мы могли постоянно любоваться тремя чудными большими сопками (Авачинской, Козельской и Коряцкой), которые на треть от вершины покрыты вечным снегом, причём Авачинская сопка всегда дымит; высота наибольшей из них равняется 16 500 футам.

Природа здесь вообще так богата своими причудливыми картинами, что даже долго живущие в Камчатке не могут вдовольтяться ими; особенно восторгаются те, которые попадают в этот волшебный край первый раз. Горы в Петропавловске не только оживляют общую красоту ландшафта, но также служат обывателям барометром для определения состояния предстоящей погоды. Перед штормом вершина Коряцкой сопки покрывается шапкой облаков, причём здесь происходит то же самое, что с Казбеком на Кавказе и со Столовой горой в Капштате. Когда Столовая гора перед непогодой застилается тучами, то мореплаватели там говорят, что стол накрывается скатертью.

О существовании в Камчатке Петропавловска очень многие знают лишь по учебникам географии, да и вообще наша интеллигенция мало интересовалась им, пока судьба не дала возможности небольшой

горсти казаков и матросов в Крымскую кампанию отбить неприятельское нападение на порт. Эскадра, делавшая нападение, состояла из шести судов двух самых могущественных европейских держав. Неприятель был отбит с потерей для него около четырёхсот человек. Небольшое братское кладбище в Петропавловске близ порохового погреба служит в настоящее время наглядным напоминанием о минувшем событии. Союзники и защитники покоятся там в общих могилах.

Касаясь описания самого города Петропавловска, скажу, что в моё время в нём были две церкви — одна старая, бревенчатая, в византийском стиле с зелёным куполом, а другая новая, обязанная своим существованием Российско-Американской компании. Последняя была крыта тёсом и имела шпиг, покрашенный белой краской. При церкви была школа, а кругом садик, в котором находится памятник командору Берингу, похороненному на острове его же имени вскоре после крушения корабля командора в 1741 г.

По другую сторону церкви стоит памятник из чёрного мрамора, воздвигнутый памяти одного русского компанейского судна, погибшего со всем своим экипажем на одном из Курильских островов. Памятник этот был выслан из России с тем, чтоб быть поставленным на месте самой катастрофы, но так как там он рисковал простоять десятки лет никем незамеченным, то предпочли поставить его в Петропавловске, где перед ним теперь ежегодно служат панихиду.

Лежащие около города селения носят названия Авача, Калахтырка, Ключи, Сероглазка и Паратунка. Жители в них бедствуют так же, как и горожане самого Петропавловска. Хлеб не родится, но сеют ячмень и разводят овощи и картофель. Парники имелись у немногих, потому что каждое парниковое стекло стоило около рубля.

Главный недостаток Камчатки — отсутствие соли, которая, между прочим, так необходима для соления рыбы. Редкий камчадал не имеет собак в своём хозяйстве, они ему заменяют лошадь в работе и для езды. Кормят собак вяленой рыбой, которая нередко кишит червями. Камчатская собака от природы ласкова и добра, вовсе не лает и похожа на волка: высокие, торчащие уши, рыжеватая шерсть щетиной и пушистый хвост.

Езда на собаках довольно быстрая, и в хорошую погоду по гладкой дороге одиннадцать собак делают до шестидесяти вёрст в день с одним пассажиром и десятью пудами груза.

Скоро после нас на рейд пришёл и давно жданный американский барк «Роджерс», с которым мы и должны были отправиться

в Ледовитый океан на поиски шкуны «Jeannette». Барк зашёл в порт для закупки провизии, собак и тёплой одежды для своих зимних экспедиций.

Барком «Роджерс» командовал лейтенант американского флота Берри. Это был человек энергичный и здоровый. Барк посылался на север на средства издателя газеты «New York Herald» господина Беннета. Цель посылки была научная, и вместе с тем правительство поручало капитану Берри разыскать в Ледовитом океане следы без вести пропавшей в 1879 г. шкуны «Jeannette».

Команда «Роджерса» состояла из 37 человек. Там же был полковник Гильдерс, корреспондент газеты Беннета. Он в 1878 г. участвовал в санной экспедиции лейтенанта Шватка, нашедшего на Земле короля Вильгельма следы последнего зимовья Франклиновской экспедиции.

«Роджерс» — небольшой трёхмачтовый барк в 420 тонн с пятью вельботами и спасательной лодкой на полозьях, со вспомогательной машиной, паровым отоплением и с запасом каминов в ящиках.

На палубе в несколько рядов лежали двухдюймовые сосновые доски для крыши над всем судном во время его зимовки. Имелась богатая библиотека, разные морские инструменты, одиннадцать хронометров, много разного оружия и цистерны со спиртом для хранения редкой рыбы. Вся провизия и сухари были уложены в жестяные ящики, чтобы в случае течи можно было скоро и удобно всё выгрузить на лёд. В Петропавловске Берри купил сорок ездовых собак и восемь нарт.

«Роджерсу» надо было также узнать что-нибудь об участии китобоев «Vigilant» и «Mount Wollaston», которые пропали в том же 1879 г., а затем пойти навстречу экспедиции Норденшельда...

Одновременно с нами в гавани в Петропавловске стояли ещё два компанейских парохода — «Александр» и «Камчатка», так что, в общем, на рейде были четыре судна. Это большая здесь редкость, и в городе чувствовалось необыкновенное оживление. В гавани у городской пристани под водой находятся днища нескольких давно затонувших судов, из них два немного оголяются при малой воде. Суда эти суть: бриг «Слава России», бриг «Аян», бот «Кадьяк» и ещё какое-то русское судно. Бриг «Аян» нам удалось разрушить минами, а остальные суда не поддавались действию пироксилина — уж очень глубоко их засосало в ил.

Здесь кстати заметить, что бриг «Слава России» затонул в Петропавловской гавани около ста двадцати лет тому назад. Судно

это имеет свою историю, изложенную в «Описании путешествий капитана Сарычева», изданного в 1802 г.

После долгого плавания в туманах клипер «Стрелок» успел в Петропавловске уже основательно обмыться и обсушиться; команда часто увольнялась на берег и ежедневно получала с берега свежий чёрный хлеб и очень вкусную красную рыбу, чавычу и кету, а, кроме того, по распоряжению исправника, несколько раз для наших людей топили обе городские бани. Наши эффектные минные взрывы на ученьях и электрическое освещение прожектором с марса очень восхищали местных жителей. Город по вечерам освещался во всех направлениях.

При нас исправник однажды устроил аукционную продажу ясачных соболей, оценив каждую шкуру в 15 рублей. Местные торговцы также были на аукционе, но очень скоро отступились от участия, когда увидели, какую безбожную надбавку к цене делали наши офицеры. Соболя пошли по 28 и 31 рублю за штуку, причём всего было продано 56 шкурок. Эти соболя были самого высокого достоинства, и надо заметить, что местные знатоки не столько ценят седину у соболя, как чёрный цвет его спинки.

Пробыв здесь в общем более недели, «Стрелок» вместе с «Роджерсом» скоро отправился дальше — первый к Командорским островам, а последний — для следования к американскому берегу. Я условился с капитаном Берри ещё встретиться в бухте Провидения (на английских картах Plover bay, по имени полярного экспедиционного судна, отыскивавшего Франклина и зимовавшего в этой бухте перед своим несчастным плаванием в Ледовитом океане.).

Переход клипера до острова Беринга — большего из двух Командорских островов — был сделан в двое суток. Мы стали на якорь в небольшой полубухточке, открытой всем западным ветрам. В океане дул в это время свежий *SO*, вгонявший на рейд крупную волну. Едва успели мы оправиться после похода, как судовые удочки уже таскали из воды превкусную треску, палтусину, форель и другую крупную и редкую рыбу.

Остров Беринга получил своё наименование в честь знаменитого русского мореплавателя, нашедшего здесь свою мученическую кончину после крушения своего корабля у *SO* оконечности берега, принятого им по сходству за вход в Петропавловск.

Острова Беринга и Медный изобилуют морскими котиками. Промышленников-алеутов на обоих островах насчитывалось немного более пятисот человек. Это — грязное и ленивое племя, теперь уже вырождается, доказательством чему служит то, что сред-

няя продолжительность жизни этих полудикарей равняется лишь двадцати трём годам. Они не любят, чтобы их называли алеутами, и официально их в бумагах называют инородцами или промышленниками, а сами себя величают казаками.

На каждом из островов во время моего посещения было около тридцати жилых домов, по три бани, по церкви, по школе, лавке и по несколько амбаров и сараев. Жители островов питаются рыбой и котиковым мясом. Там водится птица всякого рода, в особенности ара, топорок, глупыш, урила и ипатка. В числе вещей, продаваемых в лавках, можно видеть дамские шляпы, бинокли, изящную американскую обувь и дорогую одежду. Алеуты — как дети. Заработанные деньги держатся у них плохо, и они покупают себе сласти, бинокли, чтобы издали высматривать зверя, хорошие брюки, в которых на другой же день лезут в воду, не щадя их, и т. д.

Приучая их к роскоши, компания в то же время эксплуатирует их и возвращает себе в карман обратно деньги, уплоченные им за промыслы. Для надзора за правильным убоем котиков на островах имеется особый чиновник правительства, который безвыездно живёт на Беринге.

К вечеру того же дня мы перешли к северной оконечности острова, где находится лежбище котов. Несмотря на то, что моросил мелкий дождь, офицерство клипера съехало на берег, чтобы ближе посмотреть на зверей, которые уже со всех сторон окружили клипер и шлюпки. Животные эти в несметном количестве — на глаз не менее миллиона — сплошь покрывали весь низменный и каменистый берег острова.

Воды у берега были также переполнены прыгающими и ныряющими котами, и над всем этим в воздухе стоял какой-то раскатистый гул, как от блеяния огромного стада овец. Среди тоненьких голосов слышалось и грозное рычание старых самцов — секачей, сердито потрясавших головой, когда к их гарему приближались холостые их соперники. Поодаль от семейных, располагавшихся группами, лежали и плавали коты-подростки, которые собственно и составляют главный контингент убиваемых для промысла. Лежбище это, по оригинальности зрелища, навсегда остаётся в памяти.

Было уже довольно темно, так что в первый вечер нам удалось побывать только в сарае, в котором производится посолка шкур. Шкуры складываются по две вместе, мехом на мех и обильно посыпаются крупной солью; затем шкурки скатываются в пакетики и связываются. Такими пакетиками набивают полные бочки

и отправляют в Лондон на выделку. На соление пары шкурок идёт около ста фунтов соли.

Сама операция убоя котов производилась на следующее утро таким образом. Промышленники отгоняют подальше от берега стадо вылезших из воды зверей внутрь острова, совершенно так же, как стадо домашних животных. Для успешности загона их пугают дымом, зажигая позади них пучки соломы, а когда животные уже доберутся до лобного места, то пропускают обратно к берегу всех самок (желтогрудых), также самцов старше трёх лет и самых молодых зверей. После этого уже приступают к убоя. Люди, вооружённые особого рода палицей, бьют котиков по голове. Звери в это время мечутся во все стороны и сбиваются кучами, пряча головы друг под друга, но их разгоняют и опять бьют. Эта страшная, сердце раздирающая картина продолжается до тех пор, пока не падёт последний котик.

Более взрослые котики, озлившись, бросаются на людей и больно кусаются, а большинство жалобно поднимает голову и стонет при повторяющихся ударах дубины, пока не растянется с проломленным черепом.

У некоторых котиков как будто даже и слёзы показываются из их выпукло-круглых симпатичных глаз. Шкуры убитых зверей тут же снимаются вместе с салом, а потом их солят, как я уже сказал выше, для хранения и отправки.

На лежбище нам было запрещено курить и громко говорить, чтобы не испугать зверя, и вот, кто-то, тем не менее, раза два ударил в ладоши, и несколько тысяч котиков с перепуга сразу ринулись с крутого берега в воду, после чего многие долго не могли успокоиться. В воде коты чувствуют себя в безопасности, так как они плывут быстро и могут нырять. Когда мы на шлюпках гребли к берегу, то котики от нас уплывали вперёд, но стоило только посушить вёсла или повернуть обратно, как вдруг все сразу оборачивались к нам, как бы желая нас напугать своей смелой атакой.

19 июля клипер покинул остров Беринга и направился на север. Сразу получили хороший бакштаг, прекратили пары и поставили все паруса с лиселями. Суточное плавание доходило до 250 миль, и мы плыли, как пассатом. Через семь суток уже пришли на вид Чукотского берега, но так как в течение последних дней из-за пасмурности наблюдений не имели, то не сразу попали в бухту Провидения — пришлось немного поблуждать.

К полночи вошли в бухту, а с рассветом другого дня перешли в маленькую гавань Славянка, где, к общей нашей радости, нашли

казённый склад угля, оставленный там ещё в 1876 г. по заказу командира клипера «Всадник».

Только что «Стрелок» пришёл на канат, как к нему подъехали на двух больших шлюпках, обтянутых моржовой шкурой, около сорока человек чукчей. Их, разумеется, всех пустили на палубу и угостили табаком и чаркой красного вина.

Дальше левого шкафута чукчей, однако, никуда не пускали, из боязни, что они по судну разнесут своих насекомых. Все были одеты в нерпичьи и оленьи шкуры; питаются вообще тюленьим мясом и жиром и никогда не моются, вследствие чего грязь лежит на их теле толстою, наслоившеюся корою. Живут в юртах и землянках. Мужчины бреют темя головы, а женщины носят длинные волосы, заплетаемые в тоненькие косички, на которые нанизывают бисер и бусы. Одежда мужчин и женщин состоит из рубашки с широким открытым воротом, иногда с меховым воротником, и из брюк, туго обхватывающих икры, причём талья перетягивается ремнём. Всё сделано из оленьей кожи, выделанной довольно мягко, как из замши. На ногах у чукчей торбасы из моржовой шкуры.

В селении Провидения проживали 62 человека обоего пола. Одна чукчанка привозила с собой свою семилетнюю дочь со светло-рыжими волосами и с лицом американского типа. Она оказалась дочерью китобоя, убитого незадолго перед тем чукчами за его вздорный характер. Все женщины татуируются. Мы заставили двух на палубе танцевать и за это потом наградили их табаком. Танцы состояли в приседании на одном месте с небольшими поворотами тела в стороны, и это проделывалось ими в такт под гортанное хрюканье самих танцевавших.

Чукчи так же ленивы, как и грязны. Мы их пробовали нанимать на работу к углю, но ничего из этого не выходило: каждую минуту оставляли работу и садились отдыхать — надо было постоянно их подгонять.

Местная почва лишена всякой растительности, редко-редко кое-где попадалась толстая, довольно сочная трава, но очень низкая, она едва годилась для наших быков. Горы, окружавшие бухту, имели очень внушительный вид, причём гора над местом стоянки клипера возвышалась на 2 000 футов над водой. Она имела почти отвесные стороны у воды и, казалось, могла бы легко засыпать клипер, если бы её наверху хоть немного потревожить. Формация гор здесь — выветрившийся известняк, он рассыпается под ногами, как песок. При таянии снега с вершин к подножию скатываются

большие камни и даже целые глыбы, чрез что и образуются внизу мысы и кошки.

Бухта Провидения вместе с её двумя обширными внутренними бухтами Эмма и Хед имеет в общем около сорока миль извилистого берега, состоящего из высоких, почти отвесных чёрных скал. В одном месте на берегу лежал корпус барка «Newton Booth», потерпевшего здесь когда-то крушение, в нём оставались большие бочки с китовым жиром. Рангоут барка уже давно срублен туземцами на дрова. По всему побережью валялись костяные остовы китов. Здесь китобой ежегодно вываривают китовый жир.

Наша погрузка угля шла очень медленно за неимением для этого каких-либо специальных приспособлений, но через сутки мы всё-таки, наконец, справились с этой грязной работой.

По приказанию адмирала С. С. Лесовского я должен был передать чукче Ивану Каниласу серебряные часы в подарок за охрану склада угля в бухте Славянка, но чукча этот в то время отсутствовал, и пришлось часы отдать его жене при свидетелях из селения.

После бухты Провидения клипер заходил ещё в близлежащую бухту с труднопроизносимым именем Рткачен. Сделав там промер и глазомерную съёмку, я на карте отменил прежнее дикое наименование бухты и, пользуясь своим правом в данном случае, назвал её Заливом Бутакова, то есть именем нашего известного адмирала Григория Ивановича, память которого так высоко чтут его уже немногочисленные сослуживцы. Входные мысы, вовсе не имевшие названий, наименованы мною мысами Скобелева, Черкасского и Черняева.

Из залива Бутакова пришлось скоро уйти вследствие усилившегося ветра и волнения от *SW*, и тогда мы направились в бухту Св. Лаврентия.

Бухта эта, или, вернее, губа, как она названа на карте, в длину тянется на двенадцать миль, а в ширину около четырёх. Она внутри себя имеет несколько меньших, но глубоких бухт. Мы стали на якорь за островом Литке и отдали паруса для просушки, причём также вынесли из палубы всё мокрое и сырое, чтобы проветрить на солнышке. Погода стояла прекрасная. Команду посменно возили на берег побродить и промяться. Вскоре мы потом с судна усмотрели на берегу небольшую белую палатку, а вслед затем и шлюпку, шедшую к нам с двумя рыжими европейцами.

Когда шлюпка пристала к борту, то из неё вышел молодой человек, назвавшийся профессором Краузе, членом Бременского географического общества. Он и брат его, и с ними один американец,

родом из Риги. Наши офицеры пригласили их столоваться в кают-компании на всё время стоянки клипера в бухте. Эти милые немцы на Чукотской земле собирали букашек, водоросли и растения и занимались изучением нравов и языка местного племени.

На второй день состоялась экспедиция вглубь губы на нашем паровом катере с целью сделать в ней промер и съёмку. С офицерами отправились и немцы. В общем катер отсутствовал трое суток и вполне успешно справился с заданной работой.

На рейд приходила небольшая частная американская шкуна «Nandy». Бумаги её оказались в порядке, так что не было основания её задерживать за хищничество. Шкуна приходила за пресной водой. Командир шкуны поведал, что к Сердцу-Камню осенью минувшего года льдом и ветрами принесло полузатонувшее судно, в кормовой части которого находились четыре трупа. Носовым украшением судна служили олени рога, и по этой примете американец заключал, что это было китобойное судно «Vigilant», пропавшее на севере в 1879 г. На шкуне «Nandy» пассажиром находился командир китобоя «Daniel Webster», разбившегося в том же океане у мыса Бельчер на американском берегу; 26 человек её команды отправлены в Сан-Франциско.

Вот небольшая характеристика чукчей, сообщённая одним из них, умевшим немного объясняться по-английски. Религии они не имеют и верят в шаманов и сверхъестественную силу. О нравственности не имеют никакого представления, а потому не останавливаются ни перед каким деянием, никому не отдавая отчёта о своих поступках. Чукчи практикуют многожёнство, но не все, а только зажиточные люди, из потребности к чувственному разнообразию, в силу обычая, а не закона, которым у них никто не связан.

Вид берегов губы Св. Лаврентия угрюм и дик — нигде никакой растительности, кроме низкой жёсткой травы, которой здесь и быки не ели. Стоянка в бухте неудобная, везде глубина свыше двенадцати саженьей, грунт плохой, при SW дрейфует с якоря. На берегу лежал остов китобойного барка «Clio», разбившегося лет восемь тому назад. Кругом везде высокие, серые горы высотой до трёх с половиной тысяч футов. Почва глинистая, на полянах мох. На горах и в ущельях снег держался ещё до августа. Близ палатки братьев Краузе, в норах прятались кроты и овражки, которых наши охотники били из ружей дробью, предварительно выкуривая их дымом.

Рано утром 7 августа на рейд пришёл давно ожидавшийся «Rodgers». Мы ему отдали одного из наших быков и приняли от него его последнюю почту.

Через несколько дней при тихой погоде и луне оба судна в полночь вместе вышли в море, причём «Стрелок» захватил с собой вельбот немецких учёных. Войдя в Берингов пролив, мы встретили свежий противный ветер, вследствие чего «Rodgers» немедленно вступил под паруса и прямым галсом направился к американскому берегу. Мы придержались к селению Угилен и там отдали буксир от вельбота. Задушевым «ура» простился клипер с господами Краузе, и долго ещё позади себя видели мы их чистенький вельбот, удалявшийся от нас к берегу.

В девять часов следующего утра мы вступили, наконец, и в Ледовитый океан, это было давно желанным для нас моментом. Особенного, собственно, ничего не случилось: прошли мимо острова Диомиды и высокого входного мыса, как и раньше сотни раз резали входные мысы других морей, но, тем не менее, всё-таки здесь было что-то особенное, что так горделиво воздымало дух каждого. Это уж нечто гораздо более важное и возвышенное, чем, например, войти в Дарданелльский пролив. Восточный мыс, крайняя точка нашего обширного отечества, величественно возвышался у нас на траверзе в виде высокого полуострова, соединённого с материком совсем низким перешейком.

Клипер выгребал вдоль азиатского берега против сильного, противного ветра, волнение было короткое, неправильное. Мы всё время надеялись, что благополучно доберёмся до земли Врангеля. Дойдя таким образом до ширины $67^{\circ}1'$, клипер должен был вдруг повернуть обратно на юг. Это случилось у мыса Сердце-Камень. Неожиданно весь горизонт заслонился туманом и льдами. Туман мог бы задержать нас в этом негостеприимном море гораздо дольше, чем это позволяли обстоятельства. Когда уже стемнело, мы жгли фальшфейеры и палили из пушки, чтобы «Роджерс» показал свои позывные, но всё напрасно — мы его больше не встречали.

Клипер направлялся к острову Медный, куда мы спешили из-за недостатка сухарей для команды. Это произошло от непростительной небрежности того лица, которое заведовало судовым хозяйством.

Тёмная ночь и густой туман не позволяли идти полным ходом, но под утро горизонт стал прочищаться, и мы по временам видели острова Диомиды. Несмотря на столь краткое пребывание в Ледовитом океане, у нас, тем не менее, осталось о нём надолго очень сильное впечатление.

Пасмурность и бус в течение трёх суток лишали нас обсерваций, но попутный ветер быстро гнал нас вперёд.

Близ мыса Олюторского мы повстречали котиков и полагали, что там были лежбища, но алеуты утверждали, что по берегу Камчатки постоянного пребывания котиков нигде нет в том море, кроме Командорских островов.

Через неделю мы пришли на остров Медный. Название своё он получил от руды, которая была на нём найдена ещё около ста двадцати лет тому назад.

За неделю до нас к острову приходил адмирал Асланбегов на крейсере «Африка». Это было первое военное русское судно. Местные старики, ещё будучи молодыми, ждали прихода к ним когда-нибудь русского корабля с пушками и вот, только теперь, под старость они были удовлетворены исполнением их заветного желания.

Селение острова расположено довольно уютно у самой воды, а с задней стороны заслонено почти отвесными горами, покрытыми высокой и густой травой. Деревьев на острове нет. Домики жителей снаружи чисты и приветливы, а внутри грязно, тесно и душно.

Ночью селение и пристань освещались лучами нашего прожектора, это было необходимо для указания нашим шлюпкам направления фарватера среди бурунов. На луч света к нам со всех сторон летела просыпавшаяся птица — глупыши и топорки. Приближаясь к клиперу, птицы из светлых лучей прожектора вдруг попадали в тёмное пространство и там с сильного разлёта ударялись о рангоут или такелаж, вследствие чего раненые падали на палубу; здесь матросы их хватали руками и сажали в курятники. Этот лёгкий охотничий спорт до того понравился команде, что многие матросы почти до полночи не ложились спать. За три часа времени курятники оказались переполненными, а наутро, при выпуске пленников на свободу, их насчитали до семидесяти двух штук.

В пять часов утра клипер перешёл на западную сторону острова, к главному лежбищу котиков. Все утёсы берега на протяжении приблизительно около четырёх миль были сплошь покрыты живыми существами. Сотни тысяч котиков кувыркались и кричали здесь, так же, как и на лежбище острова Беринга. Гул голосов сливался с шумом бурунов, разбивавшихся во всех извилинах берега.

Простояв у лежбища несколько часов, пока вся команда не успела перебывать на берегу, клипер, наконец, снялся с верпа и направился в Петропавловск, куда, благодаря хорошей погоде, прибыл через двое суток.

Когда мы вошли в гавань и стали на якорь, то все наши знакомые не замедлили приехать на судно, чтобы нас поздравить с приходом

и расспросить о подробностях нашего плавания. В общем наше отсутствие продолжалось полтора месяца.

Барометр в это время стоял высоко, и это предвещало начало хорошей осени. Берега, окружающие Петропавловск, кажутся осенью ещё красивее, чем весной: свежая, яркая зелень берёзового леса, высокая трава и разноцветный мох, покрывающие крутые склоны горных долин, представляют собой изящный контраст с ослепительной белизной ближайших великанов-сопок, почти всегда покрытых снегом.

Так как я находился в отдельном плавании и мог вполне самостоятельно располагать назначенным мне для крейсерства временем, то решил простоять в этом уютном заброшенном порте несколько лишних суток и таким образом 24 августа вместе с жителями города достойным манером отпраздновать двадцать седьмую годовщину Петропавловского сражения.

Команда наша имела возможность ещё некоторое время пользоваться даровой городской баней и продолжала получать с берега свежий чёрный хлеб и рыбу чавычу. Опять пошли в ход общие вечеринки и прогулки к маяку и на соседние горы.

С нашей стороны предложена была небольшая экскурсия на паровом катере в Тарьинскую губу (губа, смежная с Авачинской). Тарьинская губа в тот год положительно кипела китами. Мы видели одновременно до восьми штук, причём некоторые подходили совсем близко к борту катера.

В годовщину отражения петропавловцами неприятеля мы расцветились флагами, произвели салют в 21 выстрел и на берегу участвовали в крестном ходе и на панихиде по убиенным в 1854 г. Местные казаки и бывшие участники Петропавловского дела обедали этот день на клипере в качестве почётных гостей нашей команды. На братской могиле погребено 46 человек русских и 88 французов и англичан.

У ограды кладбища нами поставлены девять маленьких чугунных орудий, найденных за городом у пруда в земле. Эти пушки были зарыты в землю по приказанию адмирала Завойко как негодные, ещё до нашествия союзников, чтобы они им не достались трофеями. Мы их отчистили и выкрасили. В Тарье погребено более двухсот человек союзников, сброшенных защитниками с обрыва Никольской горы во время штурма.

По поводу нашего северного плавания и стоянки в Петропавловске. Я бы дал совет министерству ежегодно направлять в Ледовитый океан два-три судна, вместо того, чтобы им томиться летом

в китайских и японских портах, где жара вредно действует на здоровье команд и приносит с собой холеру, дизентерию и другие болезни. Плавание клипера «Стрелок» могло бы быть названо пикником, а не службой. Не было никакой надобности запастись тёплой одеждой и разными противоцинготными средствами. Эскадра адмирала Лесовского простояла же в октябре и ноябре 1880 г. во Владивостоке при восьми градусах мороза, и ничего — ставили минные и леерные заграждения, занимались греблей, производили десантное ученье, а между тем больных на эскадре не было. Холод ни при чём, тем более что в Ледовитом океане летом довольно тепло. Мы были там при температуре +4 °R (Реомюра. — *Ред.*).

Одно или даже два судна эскадры Тихого океана могли бы зимовать в Петропавловске, потом заниматься промером и описью в Беринговом море, в половине августа добегать до земли Врангеля и на возвратом пути заходить на Командорские острова. Третье судно могло бы крейсировать всё лето вдоль восточного берега Камчатки и вокруг Командорских островов для охраны наших промыслов, и, наконец, четвёртому судну пришлось бы посещать порта Охотского моря.

Такая служба наших судов на Дальнем Севере принесла бы огромную пользу тому краю. Это подняло бы дух бедных, заброшенных камчадалов и алеутов, приучило бы чукчей отличать среди всех пришельцев настоящих сынов земли русской. Теперь, кто им больше даст водки, табаку, ружей и пороху, тех они считают «своими» — будь то англичане, американцы или японцы.

Чукчи скорее выучились бы говорить по-русски и со временем приняли бы и христианскую веру. Частый приход к ним наших судов воодушевлял бы их к деятельности, а то они круглый год ничего не делают. Рыбы в камчатских реках видимо-невидимо, так что там и медведи, и собаки ловят её себе в ручейках лапами. Этот богатый источник благосостояния края совершенно пропадает в настоящее время и предоставлен на расхищение иностранцам.

В последних числах августа офицеры и команда с особенным сожалением покидали, наконец, Петропавловск. Совершенно неожиданно провели мы в этом далёком крае много очень приятных часов. Мы уходили вечером. Погода стояла прекрасная, и жители всего города вышли к берегу, чтобы нас проводить. Клипер выходил из бухточки медленно, как бы нехотя. На сердечные приветствия горожан и на махание платков от нас с вант прокричали задушевное «Ура!»

Быстро добежали мы до Хакодате и уже рассчитывали время, когда станем на якорь, как вдруг уже в самом Сангарском проливе задул свежий противный ветер, скоро затем превратившийся в заправский шторм. Он нам не дал сразу добраться до места. На беду в это время у нас в шкиперской вспыхнул спирт при переливании его из кувшина в бутыль. Пожар был, однако, немедленно потушен, и всё обошлось без скандала. После нескольких дней стоянки в Хакодате, клипер ушёл во Владивосток и тем закончил своё северное плавание.

Во Владивостоке нас ожидали письма, газеты, новости. Из американских газет мы узнали, что барк «Rodgers» в августе побывал на островах Гарольд и Врангеля и нигде не нашёл следов экспедиции де-Лонга. У острова Врангеля он пробирался сквозь густой разбитый лёд, причём три различные партии с барка обследовали остров с суши и с моря и вполне убедились, что это не материк. На Врангеле, между прочим, нашли следы уже ранее приходившего туда американского таможенного крейсера «Corvin». Этот крейсер водрузил там свой национальный флаг, а остров назвал Новой Колумбией. Это случилось в начале августа 1881 г. Таким образом, факт открытия острова отныне приписывается уже не нам, русским, а американцам. От острова Врангеля «Rodgers» пошёл дальше на север и, пройдя около сто двадцати миль, 19 сентября достиг широты 73°44', потом он повернул обратно в губе Св. Лаврентия на зимовку, где и погиб от пожара зимой того же года. Вся команда благополучно доставлена в Сан-Франциско.

Так окончились все розыски. Уже позже, когда мы были в портах Японии, то узнали из американских газет, что шхуну «Jeannette» затёрло льдом 23 июня нового стиля того же 1881 г. в широте 77° и О долготе 157°. Оттуда экипаж её проследовал на трёх шлюпках к берегам северной Сибири, оставив позади себя с правой стороны острова Новая Сибирь и Ближний; обогнув Святой Нос, де-Лонг 19 сентября нового стиля добрался до крепкого берегового льда близ дельты Лены и оттуда, со страшными лишениями и потерей людей, продолжал свой путь на собаках. Из всего экипажа злосчастной шхуны «Jeannette» случайно уцелели и вернулись на родину только пять человек. Мученические странствования их по пустынным дебрям Сибири были подробно описаны в «Историческом вестнике» (октябрь 1883 г.).

В массе разных сообщений с наших судов, в том году ушедших в Россию, мы получили несколько писем из Сингапура, где наши офицеры жаловались на напрасную задержку их под экватором.

Привожу здесь выдержку из одного такого письма: «...Целый месяц без всякого смысла стоит наш отряд под экватором в Сингапуре. Иностранцы норовят в это время года подниматься на север, где прохладнее, а мы, русские, наоборот. Команды стали от жары таять как свечи, и худеть, теряя запас сил, накопленных за зиму на хорошей пище в умеренном климате. Никто здесь не верит нашим офицерам, когда они откровенно говорят правду о причине сбора нас в Сингапуре. И натурально, местные индусы и малайцы стали подозревать нас в самых злостных намерениях.

Более трусливые городские жители из боязни пострадать от бомбардировки, которую скоро начнут русские суда, уже хотели, было, выбираться из города, но губернатор должен был для их успокоения вызвать из Пенанга весь тамошний гарнизон. Через несколько дней после прибытия пенангских баталионов три русских военных судна — “Джигит”, “Наездник” и “Африка” неожиданно появились на рейде Пенанга, став там на якорь в расстоянии двух ружейных выстрелов от опустевшей крепости. Комендант просил наши суда не салютовать, потому что, за неимением у него людей, крепость не будет в состоянии им отвечать. Не правда ли, как это курьёзно и характерно? А тут, как нарочно, перед этим англичане всё время ожидали в Сингапур свою Flying Squadron, которая якобы уже вышла с Мыса. И вдруг такой пассаж! Позже получено было уведомление, что летучая эскадра ушла в Австралию... и опять мы здесь по силе первые. Хороший всё-таки урок нечаянно задали мы англичанам, такой случай может нам когда-нибудь послужить на пользу.

Да, целый месяц в самую жаркую пору года при штилях и перед переменой муссонов! В местной газете все отмечают: the weather continues rather hot and oppressive. Приблизительно около того же времени в Сингапур приходил клипер “Вестник” под командой Авелана. У него в Индейском океане волною, поддавшему в подзор, сломало стойки у винтовой рамы, и винт, упав вниз, счастливо задержался в колодце и застрял наискось между кремольерами. Это случилось, говорят, оттого, что винт и рама не были надёжно принятовлены. Стоят здесь теперь “Африка”, “Азия”, “Минин”, “Джигит”, “Крейсер”, “Разбойник”, “Наездник”, “Забияка”, “Вестник»...

Из Владивостока «Стрелок» отправился в странствование по китайским и японским портам, согласно разрешению, данного мне адмиралом. Предварительно заходили в Посьет, где простояли несколько дней, чтоб в уединении привести судно в порядок. Команда наша всё время оставалась здоровой и в отличном состоянии духа,

кормили её прекрасно, всегда сытной и здоровой пищей, причём вследствие щепетильной заботливости нашего доктора, людям делались разные мелкие поблажки в виде рома, красного вина, льда в тропиках для охлаждения питьевой воды, фруктов, перца и иных специй и, наконец, совершенно изгнали горох, которого матросы совсем не любили, хотя в силу установившейся во флоте традиции, его им прежде преподносили по два раза в неделю.

После Посыета клипер побывал в Нагасаки, Шанхае, Чифу и в Shallow-bay (кажется, переименованной в Шанхай-Гуань); потом мы заходили в Ньючуанг, снова в Нагасаки, затем в Кобе и, наконец, пришли в Иокогаму, где и провели праздники Рождества Христова и Нового года (1882), в общем простояв в этом порте шестьдесят два дня.

Shallow-bay расположен в *NW* углу Печилийского залива; там находится начало Великой Китайской стены. Это высокий кирпичный вал, по верху которого могут свободно разъехаться две встречные тройки. Стена местами уже разрушается, хотя, в общем, может продержаться ещё несколько веков. Кое-где она прорезана арками для проезда. Вся она выстроена из кирпича и в настоящее время сверху и с боков покрыта землёй, местами на стене растут деревья. Кирпичи особенной крепкой заделки и тёмного цвета. Один экземпляр такого кирпича имеется в музее кронштадтского Морского собрания.

Иокогама имеет обширный и оживлённый рейд, на котором всегда красуются военные стационары европейских государств. Это узловая станция почтового пароходного сообщения с Сандвичевыми островами, Сан-Франциско и главными портами Китая и Японии. Иокогама играет там такую же роль для Токио, как Кронштадт для Петербурга — это аванпорт столицы Японии. Оба города соединены между собой железной дорогой, которая расположена среди однообразных рисовых полей.

Токио сам по себе совсем не интересен для иностранца, он может его удивить разве своим полуторамиллионным населением, которое целый день копошится на улицах. В Токио живёт наш посланник и помещается духовная миссия епископа Николая. Главу духовной миссии в Японии я первый раз встретил в Хакодате в 1861 г., когда он только что приехал в Японию после окончания академии. Ему тогда было, как и мне, не более двадцати лет от роду. Он мне казался и тогда таким симпатичным, жизнерадостным и увлекающимся. Таким он оставался и позже. Мы его все любили в Хакодате и часто просиживали с ним за беседой в его комнатке,

которую ему отвели в консульстве. Ему нравилась жизнь в Японии, и всё ему там было мило. Помню, как он с увлечением предавался даже курению японской трубочки. Позже он уже совсем стал японцем и прекрасно владел местным языком. Хор певчих в церкви миссии состоит из православных японцев, они так хорошо выговаривают русские слова, что, вслушиваясь в их пение, получается полная иллюзия — совсем забываешь, что это японцы.

Перед нашим уходом из Йокогамы я получил через консула курьёзное письмо некоего японца, просившегося на клипер на службу в качестве матроса. Письмо это, написанное японцем на русском языке, я, вследствие его оригинальности, помещаю здесь целиком с его орфографическими ошибками:

«Его превосходительству российскому консулу. Прошение.

Простите меня великодушно, что я, за незнанием вежливости, осмелился беспокоить власти. Я из острова Киусиу и, глупый человек, желаю изучить военную тактику, и, несмотря на то, что я прилагаю из всех сил старание к достижению этой цели, но моё бедное положение мне препятствует к изучению этой науки. Потому великое сожаление моё достигло до такой степени, что от скуки я заболел меланхолическою болезнью и похож на вялое дерево. Все надсмехаются надо мною, а я принуждён потерять свой стыд. Учёный старых времён говорит, что птица выберет себе дерево для своего житья, а человек выберет себе своего царя.

Я слышал, что российская администрация благоволительная, и русское правительство воспитывает бедных людей, и не только сожалеет своего народа, а также чужие народы, и великодушные России как будто небо и земля. Я, взяв с собой деньги, вырученные от продажи моего поместья, на свои расходы, бессовестно прибежал к Вам с надеждою воспользоваться священной милостию. Я желаю, чтоб я мог быть русским подданным, учиться военному искусству в военном училище и воспользоваться кормлением.

Полагаю, что хотя глуп, но мог бы изучить сколько-нибудь. Война, на которой я, по изучению науки, могу действовать, только может доставить мне единственное средство к очищению меня от стыда. Если я утром могу очистить себя от стыда, то не пожалею вечером умереть. Я не рискую и не думаю о деньгах, а моё желание — на войне действовать изо всех сил и тем исполнить человеческую обязанность. Надеюсь, что Ваше превосходительство изволите меня простить, что я очень виноват пред Вами и покорнейше прошу догадаться о моей глупости и пожалеть о моём намерении.

Симокава Ионосукэ. 23-го января нового стиля 1882 г.».

Письмо это было, конечно, оставлено мною без результата, и консул сообщил этому японцу, что он «догадался о его глупости и пожалел о его намерении».

Когда я рассказал посланнику о предстоявшем мне тогда плавании, то он добыл мне от японского правительства разрешение посетить некоторые интересные места, которые по международным договорам европейцам ещё не были открыты, а именно: порты в заливах Одавари, Идзу и Овари и священный остров Ицукусима, населённый одними монахами. Вместе с тем, Струве дал мне секретное предписание не ходить к берегам Кореи для удостоверения, что порт Лазарева зимой не замерзает. Это послужило мне отменной приказания Асланбегова. Чтобы долго не застаиваться на одном месте, мы в середине января ходили в Кобе и оттуда в Нагасаки, а затем уже направились в Фучоу и через полтора месяца снова возвратились в Иокогаму.

Фучоу лежит у истока реки Мин, и вход туда без лоцмана затруднителен. Весь фарватер может обстреливаться орудиями китайских батарей, расположенных вдоль обоих берегов реки. На левом берегу высится очень древняя историческая пагода, а на противоположном одна из гористых возвышенностей имеет очертание, напоминающее профиль лица лорда Биконсфильда; на карте гора носит его прежнее имя — mount'd'Israeli.

Город со всех сторон окружён бесчисленным множеством китайских могил, имевших вид небольших холмов или курганов, вроде тех, что в разных местах рассеяны по Малороссии. Попав за город, вас поражает это обширное поле, покрытое могилами именитых покойников — точно, будто вся земля взволновалась. Могилы эти для китайца священны, и никто их не разрушает, хотя над ними нет ни памятников, ни знаков, ни надписей. В этой стране высоко чтут память усопших предков, полагая, что их загробные гнев и милость могут влиять на благополучие живых.

Покинув затем Фучоу и побывав вторично в Иокогаме, мы на рейде провожали нашего посла, отъезжавшего на почтовом пароходе в Америку для занятия своего нового поста в Вашингтоне.

В Иокогаме мы получили несколько интересных писем из России от наших бывших сослуживцев, только что возвратившихся в Кронштадт под флагом адмирала О. Р. Штакельберга. Из писем мы узнали, что некоторым офицерам с эскадры удалось навестить в Париже больного адмирала Лесовского. Кость сломанной ноги у него отлично срослась, и французские хирурги находили у него только небольшую слабость в колене во время боковых движений

ноги. Ему следовало бы тогда уже уехать в Петербург и представиться государю, а потом быть и на смотре возвращавшихся судов, но это ему не было суждено исполнить: по настоянию его жены, Екатерины Владимировны, он вместе с ней поехал для неё ещё на две недели на юг Франции, на воды. Там она, говорят, затеяла прогулки в горы, после чего Степан Степанович вдруг заболел воспалением пузыря и слёг. Его снова повезли в Париж и оттуда уже совсем больного — в Петербург.

Государь, узнав о его болезни и предвидя, что ему не удастся представить на смотр эскадру в Кронштадте, послал ему ещё в Париж приказ о производстве его в адмиралы. Адмирал между тем приехал в Петербург и оставался лежать в постели. Из восьми возвращавшихся судов эскадры Лесовского одновременно в Кронштадт возвратились пять («Африка», «Азия», «Разбойник», «Наездник» и «Джигит»), а несколько позже пришли сперва «Минин», а потом «Крейсер» и «Европа».

Государь назначил высочайший смотр всему флоту, включив сюда также и Средиземную эскадру, и учебные отряды. За час до прибытия на кронштадтский рейд государя на яхте «Александрия», с моря пришёл «Минин». Государь раньше всех был на нём, и остался всем очень доволен. Адмирал Олег Романович Штакельберг был принят государем очень милостиво; он и представлял эскадру Тихого океана за адмирала Лесовского. На одном из клиперов, писали нам, государь особенно интересовался двойными марселями, причём он, так же как и императрица, приходил в восторг от авральных работ. Про уборку и крепление парусов на «Джигите» говорили вслух: «Они точно проглотили свои паруса!»

Бедному Лесовскому так и не удалось представить свои суда государю, он позже ещё раз простудился при вносе в квартиру его мебели, доставленной на «Европе», и получил воспаление лёгких, отчего вскоре после того и скончался. Всем его сослуживцам было тяжело терять такого чудного человека — «рыцаря без упрёка».

Покинув Иокोगаму в конце февраля 1882 г., мы заходили в порт Иокосука, чтобы там увеличить уклон дымовой трубы клипера, затем побывали в Атами, в бухте Симода, где фрегат «Диана» 10-го декабря 1854 г. потерпел крушение во время жестокого землетрясения, потом в бухте Хеда, где русские совместно с японцами в 1855 г. строили военную шкуну «Хеда» и, наконец, были в заливе Omai-Saki и на острове Цусима, откуда уже в последний раз снова пробрались в Кобе.

На остров Ицукусима уже не пришлось ходить, потому что для этого оставалось слишком мало времени. После восьмисуточного пребывания в Кобе мы должны были ещё отправиться через Нагасаки в Посьет и Владивосток, где вскоре после нашего прихода мы получили по телеграфу приказание возвращаться в Россию.

Получив телеграмму о том, что мы должны возвращаться в Кронштадт, все несказанно обрадовались. Приказано было идти мысом Доброй Надежды, а не Суэцким каналом, и вследствие этого я сейчас же начертал себе нижеследующую программу обратного плавания: Нагасаки, Гонг-Конг, Сингапур, Батавию, мыс Доброй Надежды, остров Св. Елены, Порто-Гранде, Кадикс, Плимут, Копенгаген и Кронштадт. Позже, уже во время пути, к этой программе случайно прибавились ещё два порта, а именно: остров Маврикий и порт Пальмас на острове Гран-Канария. Оба эти места были совершенно для меня новы, и в первом из них мы неожиданно провели время очень приятно, пробыв там против нашей воли полных восемь суток.

Не забегая вперёд, я проследую с моим повествованием по вышеуказанному маршруту в последовательном его порядке.

Во Владивостоке мы окончательно простились со всеми нашими друзьями и сослуживцами по эскадре и, прежде всего, затем, направились в Нагасаки. Это было наше десятое, кратковременное посещение этого порта за всё время плавания клипера. Порт этот всегда считался среди моряков излюбленным местом стоянки. Тут были у нас и свой госпиталь, своё кладбище и своя полурусская деревня Инаса. Наши заказы и покупки делались здесь всеми охотно. В Нагасаки проживали почти все наши поставщики — Бенгоро, Иезаки, под прозвищем «Черепаша-человек», художник Очиайя и многие другие. Здесь же была и резиденция нашего богатого поставщика г. Гинсбурга. Все они нам очень охотно служили и угождали, за что, конечно, хорошо и вознаграждались. Гинсбург, по своим ревностным услугам, был прямо незаменим. Всякий заказ и всякое поручение он выполнял точно, быстро и дёшево. Рейд Нагасаки удобен для всякого рода учений, и где бы на нём ни стоять, отовсюду кругом видны все части его городского берега.

Перед входом на рейд в некотором расстоянии друг от друга находятся два небольших острова — Паппенберг и Такасима, из которых последний содержит в себе под морем очень богатые залежи хорошего каменного угля. В шахтах острова он разрабатывается уже около сорока лет, и теперь вся почва под ним до

того изрыта до общего дна моря, что можно ожидать, что он либо сразу обрушится во время небольшого колебания почвы, или его зальёт водой и смоем с поверхности моря. Ещё в 1882 г. длина всех шахт и коридоров уже равнялась семидесяти километрам, между тем весь остров размерами своими не больше острова Котлина без его косы.

Гонг-Конг расположен на острове и носит китайское имя, означающее «Ручьи сладкой воды». Город и рейд с юга защищены от муссона высокими отвесными горами. Здесь мы несколько задержались из-за ввода клипера в док на пять суток для осмотра и окраски подводной его части. Этот прекрасный каменный док находится близ китайской деревушки в шести милях от Гонг-Конга под названием Абердинского дока. Команда наша была на это время помещена тут же на берегу в очень удобных, чистых бараках. Пожив береговой жизнью, люди вполне отдохнули, им было дозволено свободно прогуливаться в окрестностях дока, петь песни и играть в городки. Обширная площадка дока ежедневно оглашалась по вечерам весёлыми русскими песнями, сопровождавшимися лихой матросской пляской.

Горячие по климату Сингапур и Батавия продержали нас на якоре в общем лишь пять дней. Из Батавии мне удалось в компании нескольких судовых офицеров по железной дороге съездить в резиденцию местного колониального губернатора, в город Бютензорг, славящийся своим знаменитым ботаническим садом.

Верхняя Батавия, носящая название Вельте-Вреден, преимущественно обитаема европейцами, и там почти все дома напоминают собой наши северные красивые виллы или барские дачи. Дома эти снабжены верандами и окружены садами с чудной тропической зеленью. Днём всякая деятельность в городе совершенно замирает, на улицах людей не видеть, разве только изредка там и сям пройдёт тагал или китаец. Двери и окна в домах закрываются, и накалённый воздух проникает внутрь чрез опущенные жалюзи, дающие некоторую прохладу в тени. Батавия лежит ведь в 6° южной широты, а это почти на экваторе. Среди дня все томятся от жары и прячутся до самого вечера, когда всё снова оживает, тогда вы можете опять видеть всюду гуляющих. В сумерках с открытых и освещённых веранд слышатся сладкие, ласкающие слух звуки пения и музыки. Так и манят туриста проникнуть внутрь дома в кружок шумливо веселящихся симпатичных голландцев.

В Батавии мы этот раз простояли очень короткое время. Город считается столицей архипелага Ост-Индия. На рейде и в канале

перед городом — масса акул и крокодилов, а на берегу водятся змеи, скорпионы и ящерицы. Эти последние принадлежат там к особенной породе, называемой гекко, они совершенно безвредны и ютятся всюду в жилых помещениях, особенно на потолках и карнизах, где занимаются для себя ловлей мух и пауков.

Путь в Бютензорг проложен среди роскошной природы, блестящей разнообразием своих причудливых форм и видов. Растительность настолько густа, что телеграфная проволока протянута не по столбам, а по живым растениям, ветви деревьев часто скользят по окнам вагонов и дразнят путешественника своей роскошной свежестью. Кругом везде чистота и порядок, опрятно и ровно возделаны поля, аккуратно сложены солома и тростник, и чистенькими белеют домики встречных деревень. Бютензорг, как и Вельте-Вреден, расположен среди леса, но дома расставлены несколько просторнее и притом обсажены ещё более густою растительностью. Место сухое, возвышенное, на горах, окружающих город, местами сплошь растут пальмы, перевитые толстыми лианами.

Ботанический сад Бютензорга по богатству тропических видов составляет красу всего острова. Мы приехали туда рано утром, но жизнь в городе уже была ключом, солнце начинало припекать, и время общего затишья наступало. Пройдя от дебаркадера две-три пустынных улицы и не встретив в них ни души, мы, наконец, приблизились к одной богатой вилле, где увидели на ступенях террасы очень красивую барышню в лёгком утреннем костюме. Она была так интересна или даже хороша собой, что скорей казалась волшебным видением, чем живым существом. Нам надо было узнать, как пройти к Ботаническому саду, и в виду этого остановились у виллы. Разглядывая молодую девушку, мы не сразу могли решить, на каком языке с ней заговорить. Она была одета во всё белое, и на ней была коротенькая юбка, на босую ногу были надеты лёгкие индейские туфельки, вышитые золотом, и в руке держала большой китайский веер. Спросили мы её по-английски, но она догадалась, что мы не англичане, а потому отвечала по-французски. Когда от нас узнала, что мы русские офицеры со вновь прибывшего в Батавию военного корабля, то сразу удвоила свою любезность и охотно дала все необходимые нам указания касательно сада.

Когда мы добрались до Ботанического сада, то нас проводили прямо к главному садовнику г. Бинендину, который в свою очередь не замедлил познакомить нас со своим дорогим холёным

детищем. Бинендин состоял в должности уже более тридцати лет, а потому понятно, как дорог ему был каждый кустик и даже каждый лепесток в этом чудесном рассаднике редких произрастаний природы. Проходя с нами по аллеям, он ежеминутно останавливался то перед тем, то перед другим деревом или цветком, подробно и любовно рассказывал всю историю и значение его для человечества.

Наше внимание было им обращено на разные виды кипариса, на гуттаперчевое дерево, на дерево *Nux vomica*, достигавшее сорокафутовой высоты, панданусы, хлебное дерево, полное плодов, камфорное дерево, множество видов пальм, лианы и, наконец, на несколько экземпляров великолепных белых и розовых *Victoria regia*, росших на прудах ботанического сада.

После почти беглого осмотра сада я и мои спутники пожелали представиться не менее знаменитому престарелому профессору Тейсману, который за год перед тем праздновал пятидесятилетие своей учёной деятельности по зоологии и ботанике. В садике, окружавшем дом этого всемирно известного старца, была собрана квинтэссенция всяких чудес природы. Нам показывали там, например, редкое насекомое *zasma*, имеющее вид сухих коричневых сучков или прутиков, ничем не отличающихся от настоящих прутиков или корешков; насекомое это величиною до двух с половиной дюймов и кормится листьями того растения, на котором водится. Месторождение его — остров Суматра.

Затем мы видели ещё и другое насекомое, у которого все атрибуты питания состоят из небольших зелёных листьев. Из царства животных видели кенгуру, антилоп, слона с Суматры и обезьян разных пород и цветов: одну совершенно белую с красными глазами, или так называемую альбиноску, одну красновато-рыжую — почти огненного цвета, и, наконец, совершенно чёрную обезьяну. Там были также очень редкие экземпляры страусов, павлинов, колибри и райской птицы с Явы и Целебеса. Время не позволяло нам долго оставаться в этом чудном эдеме, так как приходилось считаться с моментом отбытия обратного поезда в Батавию. Искренно поблагодарив почтенного профессора и его помощника за оказанную нам любезность, мы с большим запасом богатых впечатлений отбыли обратно на станцию и затем покатали домой, а уже на утро следующего дня покидали Зондский пролив, чтобы под парусами плыть Индийским океаном по направлению к мысу Доброй Надежды.

Здесь я сделаю небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о существующей в домах Батавии вентиляции. Все окна

снабжаются там деревянными передвижными жалюзи, с помощью которых в комнатах устраиваются искусственные сквозняки, а, кроме того, в спальнях и общих столовых под потолок подвешиваются большие полотняные веера, носящие китайское название *punkah* или, как их европейцы называют, — «пцнкер». Это большая четырёхугольная деревянная рама, обтянутая полотном, имеющая по нижней своей кромке широкую, болтающуюся оборку. Такая рама подвешивается под потолок над столом или кроватью и приводится в качающееся движение посредством шнура, проводимого обыкновенно в соседнюю комнату через стену, а там сажают китайца-слугу, который должен всё время равномерно дёргать шнур и таким образом обмахивать своих важных господ. Под взмахами легко дышится, когда комнатная температура достигает 28 и более градусов по Реомюру.

Однажды мне пришлось в Гонг-Конге почему-то заночевать на берегу, и я воспользовался приглашением нашего консула Рейнольдса. Духота в городе в тот день стояла невероятная, и, чувствуя себя очень утомлённым от дневной сутолоки, я рано отправился спать и скоро заснул. Среди глубокой ночи я вдруг проснулся и услышал, что кто-то спешно шагает по коридору. Чтобы узнать, в чём дело, я приподнял голову и стал прислушиваться. Скоро затем, когда шаги прекратились, стали раздаваться какие-то странные звуки, похожие на взбивание сафьянной подушки, причём кто-то как будто кряхтел. После этого опять последовал стук обратных шагов по коридору и шлёпанье туфель. Когда снова всё смолкло, я вторично заснул и уже до самого утра ни разу не просыпался. За утренним кофе консул мне между прочим поведал, что дурно спал из-за духоты в спальне и что этому причиной был китайчонок, уснувший около полночи со шнуром от пцнкера. Пришлось вставать и будить его, сказал в заключение Рейнольдс.

Тут только стало мне ясно, что сафьянной подушкой было не что иное, как шея или спина бедного кули, которому благородный европеец ночью задавал взбучку за посягательство на господский комфорт. Так называемый *Habeas Corpus*, известный закон о неприкосновенности личности, больше существует на бумаге, чем на практике, в жизни.

Кому же не известно, как культурные англичане вообще обращаются с людьми низшей расы? Китайцев, негров и индейцев они третируют, как собак, так что *Habeas Corpus* есть не более как красивая латинская формула.

В Шанхае я был, например, свидетелем такой сцены: на площади американского Сетльмента какой-то фокусник-китаец собрал около себя несметную толпу людей, глазевших на то, как он глотал шпаги. В это самое время мимо, стороной, проходили два англичанина, которые, увидев, в чём дело, затеяли ради спорта разогнать толпу своими палками. Задумано — сделано. Вмиг посыпались удары в головы бедных китайцев и буквально все разом прыснули в разные стороны наутёк — точно испуганное стадо баранов. И хоть бы что: ни малейшего ропота или протеста с их стороны, а нахалы-джои, по-прежнему спокойно посвистывая, пошли своей дорогой, как будто сделали какое важное дело!

После этого отступления снова возвращаюсь к плаванию клипера. На пути к мысу Доброй Надежды лежит группа Маскаренских островов, и вот, после двухнедельного однообразного качания под парусами (3 200 миль), нужно было сделать новый запас свежего мяса для команды, и я решился на одни сутки зайти на остров Маврикия. Остров находится в 500 милях к востоку от Мадагаскара и окружён рифами коралловой формации. Местоположение Маврикия в океане очень выгодное, так как находится в районе вечного пассата. Здесь, правда, и ураганы часты, но ведь и розы не бывают без шипов.

Вместо ранее рассчитанных суток, мы задержались на острове немного более восьми дней. Местный губернатор Сэр Непир Брум, узнав, что я иду в Европу, официальным письмом упросил меня взять на клипер для доставки на остров Вознесения несколько сотен грачей (*minha birds*), которые там были необходимы для очистки полей от гусеницы. Оказалось, однако, что заказанные клетки никак не могли быть изготовлены к сроку, а потому, ежедневно откладывая их готовность до следующего дня, сэр Брум, наконец, отпустил нас в море через восемь суток, страшно передо мной извиняясь, что без нужды меня задержал так долго.

Маврикий открыт португальцами в 1507 г., но первыми колонизаторами острова были голландцы, которые и дали ему имя в честь своего принца.

В 1710 г. остров Маврикия перешёл во власть французов, переименовавших его в *Ile de France*. Ровно через сто лет после этого островом овладели англичане, под владычеством этих последних в течение целого столетия французское влияние, то есть язык и католическая религия, не могли выветриться. В группе Маскаренских островов находятся ещё острова Родригез и *Ile de Bourbon*.

В отношении растительности остров очень богат своими редкими тропическими экземплярами. Там в изобилии разведены сахарные плантации, так что в июле и августе из порта Луи вывозят ежегодно до 200 000 тонн сахарного песка. Рис, индиго, кошениль, корица, кофе и ваниль суть главные предметы вывозной торговли острова. Туда ежегодно приходят свыше трёхсот больших парусных клиперов.

В местном ботаническом саду Pamplemousse поставлен поэтический памятник героям романа известного аббата Bernardin de S. Pierre; Paul et Virginie представлены в том виде, как их изобразил автор романа в момент их выхода на берег после кораблекрушения.

В другом месте сада возвышается обелиск с выгравированными на нём именами лиц, создавших этот сад... В саду чрезвычайно много разновидностей кактуса, затем имеются кокосовые, банановые, финиковые, оливковые, хлебные и камфарные деревья, а также существуют ваниль, корица и кофейные кустарники.

Дом губернатора окружён обширным тенистым садом, в котором есть одна очень длинная аллея, доводящая гуляющих до края света. Аллея эта оканчивается очень живописным крутым обрывом, с которого во все стороны сразу открывается грандиозная панорама. Под ногами зрителя, в долине, на огромном пространстве расстилается волшебная картина: далеко-далеко виднеются поля сахарных плантаций, домишки плантаторов и характерные жилища рабочих, кое-где внизу пасутся коровы, лошади, бараны, и по временам оттуда, точно из другого мира, доносятся звуки человеческого голоса. Кругом, по обрыву, на зелёных кручах по деревьям цепляются обезьяны, а воздух оглашается криком аары, попугаев. Словом, вся эта обстановка производит на вас какое-то чарующее, волшебное настроение.

Не дождавшись доставки на судно пресловутых *minha birds*, мы, наконец, ушли в океан, и как только миновали последние коралловые рифы, тотчас поставили все паруса и бодро поплыли вперёд, погоняемые попутным *NO* пассатом. Нам впереди предстояло ещё три раза гостить у англичан, и на этот раз мы уже направлялись на Мыс, в порт Саймонстоун.

При входе на саймонстоунский рейд, с правой стороны из воды выступает небольшая скала с маяком. Суда, входящие на рейд, должны, согласно указаниям лоции, как можно ближе придерживаться к этой скале, так как фарватер в этом месте значительно сужен. «Стрелок» входил ночью, и маяк всеми своими лучами

светил нам прямо в глаза, и при ярком освещении предмета, глазомер становится обманчивым и действительное расстояние до предметов определяется с трудом. Вследствие желания не очень удаляться от скалы, мы чуть всем корпусом не вылезли на неё — обрезав её совершенно вплотную.

В Саймонстоуне всё было по-английски, только изредка кое-где слышалась речь на голландском языке. Виноторговая фирма Клете, как только проведала, что на рейд пришло русское военное судно, тотчас прислала к нам одного из своих партнёров с поздравлением и приглашением осмотреть в Great Constantia их виноградники и погреба. Приглашение было нами принято, ввиду того, что многие из нас имели из дому поручение привезти в подарок капского вина.

Приехав в Констанцию, мы перезнакомились с представителями фирмы и сразу двинулись делать осмотр не столько виноградников, сколько погребов с их громадным складом всякого рода вин. В большом зале на столах сверкали рюмки и стаканы разных цветов, и ливрейная прислуга то и дело приносила вино, смотря по тому, что требовалось по указанию нашему на преискуранте. Смакованию различных марок, кажется, не предвиделось конца, но прежде чем у нас начались приступы головокружения, главный погребщик успел уже составить большущий список заказанных вин. После небольшой прогулки по чудному парку в английском вкусе нас пригласили к обеду. Беседа за столом была оживлённая и шумная, притом сопровождаемая бесконечными тостами. Да оно и понятно — иначе не могло быть после того, что каждый из нас напробовався разных фронтеньяков и кислых и сладких вин. К вечеру большинство офицеров вернулось на клипер, а некоторые проехали в Кэптоун, в столицу Капланда.

Заказанные нами вина были уже на следующий день доставлены на судно. Этот ценный груз помещался чуть ли не на целой шаланде. Там были бочки, бочонки, пипы, ящики и прочее, и всё это имело надписи, соответствовавшие фамилиям заказчиков. Сначала мы недоумевали, действительно ли всё это вино было только для нас. Прямо-таки стыдно было выгружать на корабль такую уйму питей. Немало труда потребовалось на размещение этих бочонков в погребах. Минный погреб, впрочем, уже давно пустовал за израсходованием всех мин, но, тем не менее, и этого места было мало, требовалось ещё и ещё. Небольшие ящики с бутылками размещали по каютам. Надо, однако, заметить, что

значительная часть всего вина покупалась не для нас, но по поручению других офицеров эскадры.

В середине августа клипер на два дня забежал на остров Св. Елены, исторически известный тем, что на нём несколько лет жил и умер Наполеон (5 мая в 5 часов утра в 1828 г.) Поверхность острова занимает сорок семь квадратных миль, и жителей на нём насчитывалось около семи тысяч человек. На подветренной стороне есть небольшая открытая бухта, в глубине которой на берегу расположен город Джемстоун. Дом и могила покойного императора находятся в Лонгвуде, в шести милях от пристани. Ввиду существования здесь вечного пассата, все деревья растут с наклоном на NW. На вершине самой высокой скалы, командующей бухтой, находится небольшая замаскированная батарея, и к ней ведёт вверх крутая лестница, стоящая под углом 40° и длиной 933 фута.

После Св. Елены, по пути к Кадиксу, клипер ещё заходил в Порто-Гранде и в Пальмас на Канарских островах. Простояв в Кадиксе шестнадцать суток, мы успели основательно пообщаться после длительных океанских переходов, исподволь приговлеываясь к кронштадтскому смотру.

Покинув Кадикс, мы поплыли в Плимут и Копенгаген. В первом шли непрерывные дожди, и у нас на клипере все поголовно уже начинали тяготиться нескончаемым мытарством по чужим странам. Всех по мере приближения к родине вдруг сильно потянуло в Кронштадт. Многие вследствие этого тяготения к России становились раздражительными, нервничали, высчитывали, в какой день и час придём на кронштадтский рейд, и в какой очереди кто поедет на берег.

Плимут производил на нас впечатление не только своими хорошо оборудованными эллингами, доками, мастерскими военного адмиралтейства, но и своей характерной армией спасения. Стройные части этой великой Salvation army ежедневно под музыку со значками маршировали по улицам города. Они устраивали торжественные митинги в сараях и на открытых площадях, привлекая в свои ряды всё новых и новых приверженцев. Что ещё осталось в память о Плимуте, это его многочисленные роскошные рестораны, в которых все мясные кушанья изготавливаются на глазах посетителей за стеклянной стеной в общем зале. Жарят всё на спиртовых жаровнях. Излюбленное жаркое у англичан — это их ростбиф и бараньи котлетки. Рестораны всегда полны, несмотря на общую деловитость англичан.

2 октября 1882 г. в восемь с половиной часов утра «Стрелок» вошёл на кронштадтский рейд, предварительно показав свои позывные и отсалютовав крепости семью выстрелами. У всех было праздничное настроение. Из двухсот человек нашего корабля, кажется, не было ни одного, кто мог бы серьёзно сказать, что он не рад своему возвращению в Россию. Всего «Стрелок» за два с половиной года сделал 50 580 миль плавания (с июня 1880 по октябрь 1882 г.).

Из-за частых дождей и туманов, государь нам смотра не делал, но нас всё-таки на клипере посетил главный начальник флота великий князь Алексей Александрович и остался вполне доволен состоянием клипера и всеми нашими ученьями.

Особая комиссия под председательством адмирала Брюммера произвела нам также основательный смотр. Комиссия эта не нашла ничего такого, к чему можно было бы прицепиться с каким-нибудь осуждением — всё было хорошо. В отзыве комиссии было сказано, что «клипер представился в щёгольском виде», и ещё в другом месте отчёта говорилось: «осмотренный клипер даёт флоту достаточно знающих и распорядительных офицеров, обладающих тем духом товарищества, который вообще так необходим в морской службе и, в особенности, при дальних плаваниях».

Через месяц после этих смотров главным начальником флота был отдан приказ по Морскому ведомству в весьма лестных для меня выражениях. Приказ этот касался, конечно, не меня одного, но относился одинаково ко всем моим сослуживцам по судну...

**Год 1926-й. Камчатские краеведы на страницах
«Полярной звезды»**

В статье «Камчатское краевое отделение (отдел) Русского географического общества (РГО): этапы деятельности» исследователь и краевед А. П. Пирагис сообщил: «В 1920 г. П. Т. Новограбленов стал инициатором создания в Петропавловске Общества изучения Камчатской области... Его работа была непродолжительной... Во второй половине 1921 г. в связи с обострением политической обстановки на Дальнем Востоке и событиями на Камчатке общество прекратило свою деятельность. 14 марта 1925 г. при партклубе в Петропавловске-Камчатском был создан кружок по изучению Камчатки, который 8 октября 1926 г. был переименован в «Камчатское краеведческое общество» [1]. В задачи общества входило изучение природы и хозяйства Камчатского округа, также его народностей. Общество делилось на ряд отделов, в том числе был и историко-этнографический.

В 1927 г. «Известия Центрального бюро краеведения» опубликовали небольшую статью П. Т. Новограбленова, в которой говорилось: «Петропавловск Камчатский. Камчатское краеведное общество. Оторванность Камчатки от культурных центров чрезвычайно тяжело отзывалась на работе молодой камчатской краеведной организации. Зимой почты с далёкого материка нет, летом письма и литература поступают на пароходах Совторгфлота нерегулярно. Поэтому руководящие письма от Центрального бюро краеведения, срочные запросы центральных научных организаций приходят всегда с запозданием, причём ответы на запросы, заполненные анкеты могут быть посланы ещё с большим запозданием...

Краеведная работа, однако, идёт. Общество пользуется популярностью среди населения Камчатки. В члены его вступают работники советских учреждений и охотники из Усть-Камчатска, Мильково, Машуры, Тигиля, Паланы и других мест. Экспонаты поступают с Чукотки, Анадыря, северной Камчатки, Хайрюзово, Ключевского вулкана» [2].

Члены и члены-корреспонденты общества активно занимались просветительской работой. К примеру, только за три месяца 1926 г. на страницах окружной газеты «Полярная звезда» были опубликованы четыре материала трёх его членов, рассказывавшие о быте туземцев полуострова. Ввиду крайней малодоступности газетных номеров мы дадим краткий обзор этих материалов.

В 31-м и 33-м номерах в мае 1926 г. была опубликована статья председателя Камчатского краеведческого общества Наума Саввича Павленко «Камчадалы западного побережья». Он сообщал: «70—80 вёрст от горных хребтов Камчатского полуострова к Охотскому морю тянется низменность, представляющая из себя тундру, с небольшими островными холмами, покрытыми чахлой берёзой. На громадных расстояниях, обыкновенно по берегам рек, в тальниках раскинулись камчадалские посёлки.

Жиденькие постройки этих селений, перемежающиеся балаганами, маленькими амбарчиками, в полном отсутствии всякой симметрии, при отсутствии улиц, всё это даёт хаотический характер селения. Даже издали трудно заметить в массе разбросанных деревянных построек хотя какие-нибудь черты, которые могли бы приветливо подействовать на глаз постороннего человека при взгляде на деревеньку...» [3].

Наум Павленко описал географические и климатические особенности западного побережья полуострова, после чего сделал вывод: «Особенности сельскохозяйственной жизни характеризуются тем, что в эту область включена большая разновидность сельскохозяйственной жизни, где главное внимание сосредоточено на охоту пушного зверя и рыбный промысел. Несмотря на хорошие пастбища и сенокосы, скотоводство развито плохо. У немногих хозяев имеется по две коровы, а у большинства по одной, и те местной мелкой породы. У некоторых имеются лошади монгольской породы, но они, ввиду отсутствия летних дорог, а зимой мешают большие сугробы снега, можно сказать, никуда не применяются. Разве только осенью и весной, когда нельзя ездить на собаках, уезжают верхом на лошадях на охоту за медведем и горным бараном. Огородничество развито не далее своих нужд, так как местный житель в силу привычки обращает главное внимание на охоту за пушным зверем, птицей, оленем, горным бараном и рыбную ловлю. Увлекаясь перечисленными разновидностями сельскохозяйственной жизни, он меньше всего обращает внимание на разведение рогатого скота и обработку огородов.

Все необходимые товаропродукты он привык получать путём обмена на пушнину и рыбу, самому же быть производителем продуктов питания, возможных в камчатских условиях, житель считает меньше всего нужным, потому что он уверен, что эти продукты привезут, и за добытую пушнину и рыбу он будет удовлетворён на целый год». Такое положение Павленко объяснял в первую очередь «бессознательностью и полной отсталостью в ведении

сельского хозяйства». Характеризуя рыбные богатства, он писал: «...огромное количество вылавливаемой ежегодно рыбы должно экономически поднять местного жителя, но картина получается обратная. Многие из них не живут, а прозябают в буквальном смысле этого слова, потому что вся рыба продаётся рыбопромышленнику в сыром виде и совершенно обесценена. Так, например: одна горбуша продаётся за полторы копейки, между тем в обработанном солёном виде она стоила бы 3—10 коп., а также и остальные виды рыбы. В настоящее время большинство жителей поняли эту ненормальность и приступили к организации в кооперативно-промысловые артели, то есть желают быть сами производителями по обработке рыбных продуктов, дабы сбывать по более дорогой цене. Можно сказать, что это единственный путь, который экономически улучшит положение жителей, и больше чем наполовину сократится такое бессистемное уничтожение рыбы».

К неутешительным выводам пришёл Н. С. Павленко, рассказывая и о пушном промысле, который, по его оценкам, с каждым годом становился всё хуже и к 1926 г. превратился в подсобное занятие: «Это явление объясняется, видимо, также бессистемным истреблением зверя. Таким образом, сама жизнь диктует, чтобы было обращено должное внимание на сохранение этих двух видов промысла. Для пушного зверя необходимо почаще проводить запуски, устраивать заказники и питомники. Рыба не должна сбываться в сыром виде, а сбыт её должен производиться местными жителями в обработанном виде, благодаря чему прекратится бессистемность уничтожения её».

Наум Саввич Павленко считал, что самое серьёзное внимание необходимо было обратить на два вида сельского хозяйства: «...разведение породистого рогатого скота и огородничество, на что до настоящего времени мало обращалось внимания. Местный житель привык пользоваться природными богатствами, которые легче можно извлечь и, пользуясь бессистемным уничтожением, окончательно может уничтожить в какие-нибудь десятки лет. Между тем местные условия позволяют заниматься и скотоводством, и огородничеством, и при умелом ведении его можно экономически иметь большую поддержку в хозяйстве.

На Камчатке необходимо обратить серьёзное внимание на эти два вида сельского хозяйства. Хорошо обработанный огород вполне может обеспечить картофелем и овощами каждое хозяйство — производимые опыты дали хорошие результаты. В настоящее вре-

мя некоторые жители занимаются огородничеством и почти обеспечены картофелем и овощами своего производства на целый год». Собаководство, по оценке Павленко, было развито лишь для собственных нужд, а оленеводством никто из камчадалов западного побережья в 1926 г. не занимался.

Итоговые оценки автора были резкими: «Местного жителя по роду занятий нельзя назвать крестьянином, и в то же время он и не рабочий. Вернее всего его можно отнести к промысловому населению, так как главное внимание обращено на промыслы рыбный и пушной, от которых зависит его экономическое положение. В материальном отношении большинство населения относится к среднячкуму.

К неимущим и малоимущим относятся, главным образом, неработоспособные и инвалиды, которых насчитывается не больше 6—7 %. Кулацкого элемента, можно сказать, нет. Но зато вместо них “камчатская действительность” приобрела не менее враждебный элемент советскому строительству в лице спекулянтов и бывших мелких торгашей, которых местные в настоящее время, не стесняясь, называют “бывшие князьки”. Правда, таких паразитов не так много, всего один-два процента, но они ложатся довольно тяжёлым бременем на местного жителя».

Жителей западного побережья Наум Павленко делил на оседлых и кочующих, относя ко второй категории ламутов и коряков: «Оседлые живут по несколько домов, образовав таким образом небольшие посёлки в десяток, а иногда и больше домов. Селения в большинстве случаев имеют неприглядный внешний вид. Домики разбросаны в беспорядке, будто временное стойбище. Дома ничем не обгорожены. Тут же ютятся амбары-юкольникники, тоже разбросанные в беспорядке, так что новому человеку трудно определить, к какому дому отнести тот или другой амбар. Тут же расположились на четвереньках (четырёх столбах) балаганы-вешала для рыбы. В большинстве случаев построенные они вдоль реки.

Помещение для жилья (дом) состоит из четырёх рубленых стен небольшого размера, с русской печью посередине. Домашняя обстановка и мебель самой грубой поделки. Окна в большинстве домов устроены из медвежьих кишок, рыбьих кож, сшитых вместе и натянутых на рамы. В переднем углу дома устроен угловичок, где стоит икона и висит лампада. В этом же углу стоит стол, на котором принимают гостей, если таковые бывают, а сами камчадалы едят и пьют чай на полу, сложив ноги калачиком».

«Кочующие живут вдали от селений на расстоянии от 30 до 150 вёрст. Жилищем для них служит юрта. Для такого жилья приготовлены длинные палки, связанные по две штуки вместе; ставятся они по окружности, на них также кругом, в виде обруча, кладутся тонкие палки. В самом центре круга ставят две длинные жерди (таган). Остальные длинные жерди кладутся одним концом на обруч, где прикрепляются ремнём, другим вверху на таган, таким образом, скелет юрты готов. Готовый скелет юрты покрывается пологами, сшитыми вместе несколькими оленьими шкурами. Внутри юрты ставятся подпоры под жерди из таких же жердей, причём вешают вторые полога. Каждая семья в юрте имеет свой отдельный полог. Пол забрасывается ветками деревьев, а сверху покрывается оленьими шкурами. Мебели совершенно никакой нет. Амбаров тоже нет. Хозяйственными складами-амбарами служат оленьи сани (аргизы).

Одеждой для кочующих коряк, ламутов служат исключительно оленьи шкуры. Нижнего белья совершенно нет. Во время сна они спят нагишом. Одеялом служит оленья шкура. Приготавливается одежда и обувь также, как и у камчадал оседлых».

Описывал Наум Саввич и особенности быта камчадалов западного побережья: «Некоторые женщины до сих пор при встрече с мужчиной прячутся. Слово “русский” служит пугалом для детей: “авач” идёт (авач — значит русский). Русских считают чем-то страшным. При посещении дома посторонними, после их ухода многие выбрасывают на улицу горящую головёшку, чтоб не было заразы (род дезинфекции). Если в селении есть покойник, то никто не едет из селения во избежание несчастья. Всякий промышленник-охотник, у которого беременна жена, не имеет товарища, так как с ним не будет удачной охоты. Если женщину перевезти через запоры, рыба не пойдёт в реку. Убитой лисице обязательно срезают нос, чтобы она потеряла обоняние, и её легче было убить. Старых и хитрых людей камчадалы считают шаманами, при случае болезней к ним обращаются за помощью».

Павленко считал, что в культурном отношении оседлые камчадалы были весьма отсталыми. Причинами этого он называл оторванность от материка, плохую связь и отсутствие достаточного количества школ для туземцев: «Оседлое население с приходом советской власти всё-таки шагнуло вперёд, особенно молодёжь. Старики остались в прежнем положении».

Необходимо отметить громадное безразличие их ко всему окружающему. Всё это объясняется особыми экономическими и быто-

выми условиями камчатской деревни. Если хорошенько присмотреться к их жизни, то приходится констатировать полунатуральное хозяйство с соответствующими нравами и обычаями... Общественно и политически как оседлые, так и кочующие слишком неразвиты и отсталы. Политической и общественной жизнью не интересуются. Активных людей в этом отношении пока нет. Бывают случаи, что им приходится бывать на собраниях, докладах, но они всегда хранят гробовое молчание».

Несколько слов нужно сказать об авторе рассмотренных статей.

Наум Саввич Павленко был председателем Камчатского краеведческого общества с 1928 г. Он родился в 1887 г. на Волынщине, на полуостров приехал в 1925 г. Работал учителем школы-девятилетки, заведующим окружным отделом народного образования, был членом Камчатского окружного исполнительного комитета. С 1933 г. преподавал в педагогическом техникуме. Расстрелян в 1937 г.

Месяцем позже в «Полярной звезде» была опубликована короткая статья Фёдора Слободчикова «Ительмены». Автор констатировал: «Настоящей статьёй я не подхожу к точному определению, из каких древних племён сложилась эта народность, а лишь думаю установить факт существования ительмен как туземной народности».

Слободчиков утверждал: «...термин “камчадалы” эта народность получила со времени казаков, первых завоевателей Камчатки, но сами себя они (камчадалы) тогда и в настоящее время называют “ительменами”». Ссылаясь на книгу Л. С. Берга «Открытие Камчатки и Камчатская экспедиция Беринга», Фёдор Слободчиков сообщал, что к концу XVII в. в одном только низовье реки Камчатки жило около 25 тыс. камчадалов и то, что доказательством проживания ительменов по всему югу и центру полуострова являлись остатки их юрт по всем рекам. «Но эта народность быстро вымирала, — писал Слободчиков, — и к настоящему времени их приблизительно насчитывается до 900 человек, сохранивших ещё свой язык». Главной причиной вымирания автор называл эпидемию оспы, вторую — «частые кровопролитные войны в период завоевания».

Слободчиков на основании наблюдений в своих поездках по Камчатке отмечал, что жители Ичи, Сопочного, Морощечного, Хайрюзова, Коврана, Утхолока и Седанка в 1926 г. ещё вполне сохранили свой разговорный язык: «До настоящего времени в некоторых сёлах женщины из ительмен не говорят по-русски. В северных

сёлах этого района язык ительмен несколько разнится от языка южных ительмен, но они понимают друг друга хорошо. В сёлах Напана и Аманино господство камчадальского языка значительно утрачено, в особенности в последнем, население которого является потомками переселенцев из села Седанка в 1865 г.».

По словам Слободчикова, во всех случаях учёта всё коренное население Камчатского полуострова определялось под одним общим термином — «камчадалы». При этом в его состав включались «не только коренные аборигены края — ительмены, но и русское коренное население, предки которого в различные времена осели на Камчатке... Этим самым вопрос о камчадалах принял многообразное понимание, и сложилось мнение, что собственно камчадал (ительмен) уже давно нет, а существующее население представляет из себя исключительно потомков метисов обрусевших камчадал. Так мы читаем в одной из брошюр, изданной в Хабаровске: “...Камчадалы, которые этнологически собственно относятся к американской группе полуазиатов, и которых в Петропавловском уезде насчитывается 5 716 чел., объединены в одну группу с русским населением, так как ни этнографически, ни антропологически ничем от последних не отличаются, давно уже совершенно обрусели и слились с русским населением”».

Справедливость этого мнения Слободчиков применял к населению Петропавловского, Усть-Камчатского и большей части Большерецкого районов в существовавших на время написания статьи границах. Однако Фёдор Лукич считал, что оно неприменимо к населению южной половины Тигильского района и северной части Большерецкого района. Уточним, что в то время в Большерецкий район входили населённые пункты нынешнего Соболевского района — от Соболева до Ичи, включая ныне несуществующие Крутогорово, Облуковино и Утхолок.

Автор статьи «Камчадалы» Ф. Л. Слободчиков был казначеем Камчатского краеведческого общества. Он родился в 1897 г. в селении Коряки, окончил сельскую церковно-приходскую школу, после высшее начальное училище. В 1917 г. поступил на двухгодичные педагогические курсы. В 1918—1919 и 1923—1925 гг. работал учителем в Коряках. В 1925—1929 гг. заведовал туземным подотделом Камчатского губернского революционного комитета, был секретарём окружного исполнительного комитета. С мая 1934 г. заведовал Камчатским областным архивом, а с августа этого же года — также и музеем. В 1948—1951 гг. вновь был директором Камчатского областного краеведческого музея.

Ещё спустя короткое время, в конце июня и начале июля, на страницах «Полярной звезды» были опубликованы две статьи А. Якимова «Социально-бытовой уклад жизни туземцев Гижигинского уезда», основанные на материалах комиссии губревкома. В первой статье — «Процессы труда кочующих коряк» — автор сообщал: «Объектами производительного труда кочующих коряк в основном являются оленеводство и охота на пушного зверя. Главным видом является оленеводство, так как именно продукция оленеводства обслуживает основные потребности натурального коряцкого хозяйства (жилище, мясо, одежда), продукция же пушного промысла обслуживает второстепенные потребности, вспомогательный эквивалент к потреблению чая, табаку, спичек, огнестрельных припасов».

По словам Якимова, забота об оленях, пастьба их и защита от хищных зверей лежала исключительным образом на мужчинах: «Дело это чрезвычайно тяжёлое. Зимой пастух страдает от холода и пург, летом от комаров и утомительных переходов по тундрам и хребтам. Надо заметить, что пастбища олени расположены преимущественно в безлесных местах — на равнинах, тундрах или на горах. Таким образом, пастух не всегда имеет возможность развести костёр и укрыться от ветров. Путевой инвентарь пастуха совершенно несложен и состоит из ручных санок, нагруженных парой лыж, ружьём, котелком, топором, спальной кухлянкой (несколько шире обыкновенной) и некоторым запасом чая и табаку. Спит пастух на снегу под открытым небом. Во время сильных пург собирает оленей в тесную кучу и становится в середину стада, и так как олени, спасаясь от пурги, сбиваются в кучу очень тесную — сплошной стеной, пастух в центре этого живого клубка чувствует себя относительно спокойно.

Длительность дежурств пастуха около стада неопределённая — в зависимости от наличия работоспособных мужчин в данном хозяйстве и степени удалённости пастбища от юрты. Во всяком случае, дежурства эти достаточно длительные, ибо пастухи знают наперечёт каждого оленя в многоголовом стаде, исчисляемом порой в сотни оленей. Равным образом и олени настолько привыкают к пастухам своим, что послушно идут на его свист, понимая его малейшие оттенки или голос, других способов регулирования, управления стадом у пастухов нет. Естественно, что для такой привычки нужно длительное общение пастуха с оленями. Есть случаи (по информации местных жителей), когда пастухи бессменно

ходят с табуном круглый год, однако это редкие случаи, связанные с задачами отработки невесты.

Трудность ухода и окарауливания оленьих стад подчёркивается и самими коряками. В частности, интересно отметить, что умение окарауливать стада, умение сохранить их от хищных зверей и болезней, умение найти для них хорошие пастбища является у коряк высшим достоинством. Пастушество является экзаменом зрелости для молодого человека».

Описывал Якимов и распространённую у кочующих коряков охоту на пушного зверя, причём отдельно оговаривал, что, в отличие от оленеводства, встречались случаи, когда мужей на охоте сопровождали жёны.

На корякских мужчинах лежали обязанности снабжения хозяйства инвентарём и орудиями производства, заготовка топлива, а, кроме того — и «обязанности торговых сношений с торговыми предприятиями и с отдельными лицами, мужчина представляет хозяйство в различных сделках и сношениях». Вся же домашняя работа по обслуживанию семьи, сообщал Якимов, лежала исключительно на женщинах.

Автор указывал, ссылаясь и на собственные наблюдения, что взаимоотношения хозяев и работников у кочующих коряков были патриархальными: «...разницы в пище, одежде, жилище, поскольку пришлось непосредственно наблюдать, между хозяевами и рабочими нет. Особой эксплуатации труда работников, в смысле излишней нагрузки, по сравнению со взрослыми членами семьи хозяина также нет».

«Продукция пушной охоты работника составляет его собственность, — писал А. Якимов. — В отношении порученного к уходу оленьего стада работник распорядительных функций не имеет или имеет в пределах специальных полномочий от хозяина. Труд работника вознаграждается тем, что он пользуется оленями хозяина для удовлетворения себя пищей, одеждой и жилищем. В случае добросовестного и усердного обслуживания стада, в случае прибыли или улучшения стада, работник получает от хозяина выдел некоторого количества оленей в собственность или же получает в замужество дочь или родственницу хозяина, и тогда становится совладельцем хозяина табунов. Определённой закономерности и нормировки во взаимоотношениях хозяев и работников нет, нет такой нормировки и в трудовых отправлениях работника, положение основано на патриархальных началах».

Во второй статье «Быт оседлых коряк» Якимов описывал его как в основных моментах совпадающий с бытом кочевых: «Общ-

ность языка, одежды, тот же патриархальный уклад жизни, общность верований и обычаев, тот же замкнутый натуральный тип хозяйствования». Разницу он увидел в объектах трудовых процессов — оседлые коряки не занимались оленеводством: «Основным фактором их хозяйства является морская охота (на нерп, ларг, акиб, изредка на кита), подсобными являются рыбная ловля, пушной промысел и в отдельных поселениях — кустарные промыслы (сёла Парень и Куел выделывают различные железные изделия). Морская охота является основным фактором, так как именно через её продукцию оседлые устанавливают экономическую смычку с кочующими коряками. Оседлые поставляют кочевникам в обмен на олени шкуры и мясо — лахтаки (на подошвы и другие поделки). Нерпичий жир (на освещение), нерпичье мясо. Обменивают также и рыбу (юколу)».

Ещё одним отличием оседлых коряков от кочевых Якимов назвал вид жилья: «По типу, архитектуре, так сказать, это та же юрта кочующего, но сделана не из оленьих шкур, а из дерева. Юрта оседлого представляет из себя конусообразную землянку. Конус почти весь в земле, на поверхности — воронкообразная крыша с отверстием по середине, служащим, во-первых, для выхода дыма от костра, во вторых, для освещения, так как окон юрта не имеет, и, в-третьих, зимой является и дверью — входом в юрту. От этого отверстия устанавливается перпендикулярно полу юрты бревно с выдолбленными в нём дырами, по которому и совершается общение обитателей юрты с внешним миром.

Закрывание на зиму обыкновенного бокового выхода из юрты отчасти имеет свои резоны, так как боковой выход забивается зимой снегом и через него проникает холод и ветер. Правда, некоторые несложные приспособления могли бы эти обстоятельства устранить, но таков уж обычай, освящённый давностью и превратившийся в религиозную обрядность. Закрывание боковой двери осенью и открывание весной приурочивается соответственно к окончанию и началу морской охоты (охотятся два раза в год — поздней осенью и весной)».

Завершал вторую якимовскую статью короткий раздел «Общественный кругозор коряк», и мнение автора о туземцах было таково: «Кругозор коряк, как оседлых, так и кочующих, крайне узкий, по-русски говорят не многие из них. О Петропавловске — главном городе Камчатки — имеют смутное понятие, называют его Гаванью. Революция на быте и мировоззрении коряк почти не отразилась, жизнь коряка, семейная и общественная, течёт по старым

патриархальным путям. Любопытства к внешним событиям, не затрагивающим их непосредственно, не проявляют. На прямой вопрос комиссии (в частной беседе): «Что же, лучше жить теперь, или раньше при царе?», один старик-коряк (в селе Каменском) ответил, что «после прихода красных и установления новых порядков мы, коряки, почувствовали, что как будто бы раздвинулись стены, стало просторнее и легче».

Тем не менее, Якимов пришёл к выводу, что в перспективе «...коряки оседлые представляют более благоприятный объект для культурно-хозяйственного охвата, нежели кочевники. Во-первых, они живут скученно (юрт по десять и более), так что больше предположений к развитию общественных навыков, во-вторых, живут постоянно в одном месте, что облегчает обслуживание их».

А. Т. Якимов в 1926—1927 гг. был председателем кружка изучения Камчатки, впоследствии ставшего Камчатским краеведческим обществом. В 1928 г. он покинул Камчатку, дальнейшая судьба его неизвестна.

Таким образом, повторимся, во второй половине 1920-х гг. Камчатское краеведческое общество обильно преуспело на ниве просветительской работы.

Источники

1. *Пирагис А. П.* «Камчатское краевое отделение (отдел) Русского географического общества (РГО): этапы деятельности» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.piragis.ru/history/rgo.html/>.

2. *Новограбленов П. Т.* Петропавловск. — Известия Центрального бюро краеведения, 1927, № 9. — С. 327.

3. *Павленко Н.* Камчадалы западного побережья // Полярная звезда, 1 мая 1926 г., № 31 (361); *Он же* // Полярная звезда, 9 мая 1926 г., № 33 (363).

4. *Слободчиков Ф.* Ительмены // Полярная звезда, 6 июня 1926 г., № 43 (373).

5. *Якимов А.* Социально-бытовой уклад жизни туземцев Гижигинского уезда. Процессы труда кочующих коряк // Полярная звезда, 27 июня 1926 г., № 50 (380).

6. *Якимов А.* Социально-бытовой уклад жизни туземцев Гижигинского уезда. Быт оседлых коряк // Полярная звезда, 7 июля 1926 г., № 53 (383).

Развитие народного просвещения на Камчатке в первые годы советской власти. Борьба с безграмотностью

С первых дней существования Советской республики правительство приступило к организации просвещения народа и его идеологического воспитания в государственных масштабах, так как массовая неграмотность была серьёзным препятствием на пути социалистического строительства. В. И. Ленин говорил: «Государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы всё знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно».

В качестве основы политики советской власти в области народного образования была выдвинута задача — в кратчайшие сроки добиться всеобщей грамотности путём расширения сети школ, введения всеобщего обязательного бесплатного обучения. Одновременно советское правительство стало проводить работу по ликвидации неграмотности и политическому просвещению взрослого населения.

Обучение должно было вестись в системе государственных школ. Беда заключалась лишь в том, что такой системы в те годы попросту не существовало: не было ни самих школ, ни достаточного числа учителей, которые могли бы вести уроки. Эту систему предстояло создать, что называется, из подручных материалов. 19 июня 1920 г. Совнарком сформировал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности (Ликбез). Комиссия подчинялась Наркомату просвещения, которым руководил А. В. Луначарский. «Чрезвычайка» должна была готовить учителей, издавать учебники, налаживать курсы, подыскивая для них подходящие помещения. Наркомпрос наделялся правом привлекать к обучению неграмотных все общественные организации, а также всех грамотных людей — профессоров и писателей обязали учить рабочих и крестьян в порядке трудовой повинности.

Для практического просвещения взрослого населения при Наркомпросе был создан специальный внешкольный отдел во главе с Н. К. Крупской. По всей стране возникали кружки ликвидации неграмотности, курсы, вечерние школы, открывались читальни, библиотеки, было организовано массовое издание литературы.

2 ноября 1922 г. военные суда с отрядами белых оставили Петропавловск и ушли в Корею. 13 ноября Народное Собрание Дальневосточной республики, получив радиogramму с Камчатки о том, что Петропавловск занят партизанами, поздравило северян с восстановлением советской власти [1].

Одной из первостепенных задач строители новой власти провозгласили борьбу с безграмотностью населения Камчатской губернии. Проводили её двумя путями — через обучение и просвещение взрослого населения и созданием школьной системы.

В начале 1920-х гг. население Камчатки (согласно переписи, на 1 января 1923 г. оно составляло 36 159 чел., в том числе в Петропавловске — 1 193 чел.) было поголовно неграмотным. Культурно-просветительская работа не проводилась, для ликвидации азбучной неграмотности среди населения практически ничего не делалось. В Петропавловске в 1923 г. была только одна школа для взрослых, занятия в которой для двадцати пяти неграмотных горожан проводила всего одна учительница. В волостях губернии таких школ не имелось, поэтому срок ликвидации безграмотности к десятилетию советской власти, обозначенный съездом Советов СССР, был под угрозой срыва.

В Петропавловском уезде имелось восемь изб-читален (к февралю 1924 г. открыли ещё две), но этого количества было явно недостаточно для просвещения населения, да зачастую и литературы в них не хватало, а имеющаяся была устаревшей и потрёпанной. Также не было и библиотек, отсутствовали средства для их создания. В информационном отчёте Камчатского губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 гг. содержатся сведения, что началась организация передвижных библиотечек по сёлам долины Камчатки и западного берега полуострова, так как население испытывало «настоящий книжный голод» [2].

Несмотря на наличие клубов в Охотске, Усть-Камчатске, Большерецке и Анадыре, при которых можно было организовать просветительскую деятельность, таковой не проводилось ввиду отсутствия работников на местах.

В Петропавловске работал Народный театр, в котором ставились спектакли, организовывался просмотр кинолент, но он не использовался для просвещения населения.

Политико-просветительская работа в основном проводилась членами РКП(б) и комсомольцами путём организации культурно-просветительских вечеров, воскресников, чтения докладов, выпуска стенных и «живых» газет. Надо отметить, что ввиду малочисленности партийцев и комсомольцев (на Камчатке в партии большевиков состояло 100 чел., членов РКСМ насчитывалось приблизительно столько же), а так же их малограмотности, делать это было очень сложно. В самом Петропавловске и в населённых пунктах Петропавловского уезда за 1923—1924 гг. уже появились опреде-

лённые результаты работы в этом направлении, а в отдалённых Охотском, Гижигинском, Анадырском и Чукотском уездах просветительская деятельность оставалась в «зачаточном» состоянии.

С марта по май 1924 г., согласно отчёту губбюро РКП(б), было проведено три общегородских собрания, 20 заседаний горрайкомов, 48 ячейковых собраний, выпущено 24 стенгазеты, пять номеров живой газеты «Молодой коммунар Камчатки», состоялись «политсуд над религией», три митинга, шесть культурно-просветительских вечеров, 51 политзанятие, прочитано 26 докладов на различные темы, среди которых были: «Февральская революция», «Парижская коммуна», «Ленские события», «Об агитпропработе», «О СССР», «Международное положение СССР», прошло 20 занятий музыкально-хорового, 30 художественного и девять занятий кружков рукоделия. Проведены и три воскресника [3].

С мест поступили телеграфные сообщения о проведении в это время только революционных праздников, таких как Международный день работницы, День Февральской революции, День смерти Карла Маркса, День Парижской коммуны. Отмечена годовщина расстрела на Ленских приисках в 1912 г. Но с Чукотским и Гижигинским уездами связи не имелось, поэтому сведения отсюда отсутствовали.

В 1922 г. в Петропавловске была создана организация РКСМ, но систематической работы она не вела. К концу года в ней числилось 38 комсомольцев и 20 кандидатов в члены РКСМ, большинство из них были военными — красноармейцами 90-го губернского дивизиона войск ГПУ.

В Камчатской губернии к 1924 г. насчитывалось до двадцати ячеек РКСМ. Среди них выделялись Усть-Камчатская, Нижнекамчатская, Ключевская, Елизовская, Паратунская, Мильковская, Налычевская, Жупановская, Тигильская, Охотская, Гижигинская, Соболевская. Общее количество членов комсомола и кандидатов «к ним» в этих ячейках составляло порядка ста человек, но точных данных ни об их численности, ни о социальном положении и национальном составе не было.

В Петропавловске с января 1924 г. работали две комсомольские ячейки с общей численностью 125 чел. Но после их чистки, проведённой зимой 1924 г., осталось не более четверти прежнего состава.

Грамотных комсомольцев-активистов было мало, большинство — либо малограмотные красноармейцы, либо камчадалы, которые не владели грамотой даже в минимальном объёме, интеллигенция, красноармейцы, но чисто пролетарской молодёжи почти не было [4].

Среди комсомольцев имелаась и мещански настроенная молодёжь, из-за чего организация разбилась на несколько отдельных группировок, и это отражалось на результатах её деятельности. Среди камчатских комсомольцев были распространены взаимное недоверие, подозрительность, разногласия, нарушение дисциплины. Такое положение создавало большие трудности и в работе в целом, и в проведении просветительской работы в частности. Отмечалось, что в Камчатской губернии комсомольцы отдавали предпочтение развлечениям.

Просветительская работа проводилась и путём организации женсоветов. Петропавловский женотдел при губбюро существовал только на бумаге, фактически не действовал. В него входили в основном женщины-мещанки, работниц и служащих насчитывались единицы. Не имелось грамотной женщины-руководителя, которая могла бы возглавить отдел. Два раза в неделю устраивались собрания женотдела, но с докладами выступали только его члены, и пользы от этих выступлений не было, так как участницы не имели политической подготовки, и направление работы отдела не отвечало требованиям времени. Поэтому губернскому агитпропу приходилось контролировать и поправлять женотдельцев. Но сохранить это объединение было необходимо, чтобы в дальнейшем его участницы могли проводить политико-просветительскую работу среди женской части населения. Члены женотдела принимали участие в организации и проведении революционных праздников, активно помогали создавать детский дом в Петропавловске.

Немного позже женотдел переименовали в женсоюз, количество участниц достигло 26 чел., и основным направлением работы стало политпросвещение. По четвергам в здании партклуба такие занятия проводили женщины-коммунистки. В информационном отчёте губбюро РКП(б) за март-май месяцы 1924 г. содержатся данные, что с 22 апреля по 22 мая 1924 г. сделаны пять докладов на темы: «Капитализм и его развитие», «Классы и классовая борьба», «Империализм и социалистическая революция», «Коммунизм» и «Первый интернационал и Парижская коммуна» [5]. Многие участницы женотделов, а в начале 1924 г. их организовали в Ключах, Большерецке, Гижиге и Усть-Камчатке, были неграмотными и посещали школу для взрослых, при этом часть их желала учиться и дальше. Но учить женщин в селениях было некому, пользы от их деятельности не ощущалось, поэтому в Ключах и Большерецке было решено ликвидировать женотделы ввиду их нецелесообразности.

В конце 1922 г. был создан губернский отдел народного образования (губОНО), задачей которого было развитие на Камчатке школьного дела. В состав губОНО входило шесть человек, но из-за малочисленности штата полноценно осуществлять деятельность по организации работы системы просвещения, проведению проверок, подготовке отчётных документов не было возможности. В Охотском уезде организовано управление народного образования (УНО), но в его штате состоял всего один человек — заведующий, он же — инспектор и преподаватель в школе 2-й ступени. С июля 1924 г. эта должность стала вакантной. В Гижигинском, Анадырском и Чукотском уездах не было даже заведующих столами народного образования.

В 1922 г. в Камчатской губернии насчитывалось 59 школ, но эти данные не точные, так как проверить наличие школ, особенно в отдалённых местах, в связи с плохо налаженным сообщением между населёнными пунктами не представлялось возможным. Учителей не хватало, да и среди педагогических работников образовательный уровень был недостаточным, некоторые из них не отвечали требованиям времени. В 1922 г. в 20 школах насчитывалось 23 учительских вакансии [6]. Текучесть кадров была большой ввиду тяжёлых условий работы и проживания.

Из разных мест с заявлениями и просьбами обращались желающие приехать работать на Камчатку. Учителя И. Е. Брюханова и А. Г. Ильюшенко из Тарьинского округа Сибирского края, А. А. Богословская, работавшая в образовании восемнадцать лет, желала приехать на работу из Монголии, учительская семья Самойленко, проживавшая в Хабаровском округе, Н. А. Солнцев, заведующий Соло-Тюбинской русской школой 1-й ступени Сыр-Дарьинской губернии Кзыл-Ординского уезда, С. А. Булгаков из города Рязска Рязанской губернии, Н. Н. Полянская-Кедрова и З. М. Хованская из Ейского района Северо-Кавказского края и многие другие направляли свои прошения заведующему Камчатским окрОНО Павленко. Изначально было ясно, что комфортных условий для работы и проживания педагогов на Камчатке не имелось, но некоторые обращались по несколько раз с просьбами найти им место работы в камчатских школах. Частично заявки удовлетворялись, но несмотря на явную нехватку педагогических кадров и большое количество желающих работать в камчатских образовательных учреждениях, на заявлениях часто встречается резолюция, что «свободных мест нет» [7].

Школы чаще всего находились в мало приспособленных помещениях, а то и вовсе в жилых домах. Большинство школьных

зданий в губернии были построены на средства населения. Типичная школа имела прихожую и одну классную комнату с маленькими окнами. Большая часть зданий школ нуждалась в ремонте, так как нередко их строили без фундамента, что приводило к быстрому гниению брёвен. Постоянно не хватало дров, денег на их приобретение не выделялось, поэтому занятия проходили в холодных, не отопленных помещениях. Население губернии помогало отапливать помещения, обеспечивать их освещение, ремонтировать здания школ. Жители устраивали кампании по сбору средств, чтобы приобрести необходимое школам.

Что касается учебных пособий, то и здесь положение было тяжёлым: не хватало учебников, наглядных пособий, плакатов, тетрадей, канцелярских товаров. Частичное выполнение заявок путём доставки школьных принадлежностей в губернию не могло исправить положение.

Дети местных коренных жителей (по тогдашней терминологии «туземцев») до поступления в школу не говорили по-русски и не знали названий даже самых простейших предметов. Поэтому сначала их надо было учить говорить по-русски, а потом только приступать к обучению грамоте.

Согласно данным раздела «Народное просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение» отчёта о работе Камчатского губревкома за 1924—1925 гг., на Камчатке была сформирована школьная сеть, состоявшая из 42 одноклассных, 13 двухклассных, одной многоклассной школ, одной семилетки, одной школы 2-й ступени, одного детского сада и одной центральной библиотеки [8]. Большинство школ были одноклассными, то есть один учитель занимался с тремя, а иногда и с четырьмя группами.

На 1 сентября 1924 г. в Камчатской губернии насчитывалось 85 школьных работников. Среднее педагогическое образование из них имели 28, среднее образование — 41, высшее — два, оконченное среднее — 14 чел. По стажу работы они распределялись так: один год — 20, от двух до пяти лет — 30, от 5 до 10 лет — 15, от 10 до 15 лет — 10, от 15 лет и выше — 9 чел. Эти данные неполные, губОНО не имело сведений о некоторых учителях из-за отдалённости населённых пунктов [9].

Обследование учреждений губОНО, намеченное на 1925 г., было проведено частично, квалификацию школьных работников проверили только в Петропавловске и ближайших сёлах. Решено было сначала провести курсы по переподготовке школьных работников, а потом уже проверить их квалификацию. Из-за плохого состояния

путей сообщения всю губернию этой кампанией охватить не удалось, но в августе месячные курсы всё-таки были организованы. Надо отметить, что такие курсы действовали нерегулярно, так как собрать школьных работников даже в пределах одной волости было очень сложно из-за отдалённости школ.

Объём работы для инспекторов при проведении проверок был большим. Из предписания инспектору политпросвета П. И. Пискуну, выданному заведующим окрОНО Павленко в январе 1928 г.: «Настоящим окрОНО поручает Вам выполнить следующие задания за время командировки в Усть-Большерецкий район:

1. Обследовать школы 1-й ступени в селениях Апача, Большерецк, Усть-Большерецк и Запорожское с одновременным статистическим обследованием названных школ.

2. Проинспектировать Большерецкий райисполком в части народного образования.

3. Обследовать и инструктировать политпросветучреждения от города Петропавловска по маршруту до селения Запорожское» [10].

Наиболее оборудованными считались школы, построенные в Петропавловске, Ключах, Усть-Камчатске, Караге, Уэлене, Уныне, Кихчике, Кирганике. Тем не менее, школьных пособий и учебников не хватало и здесь, уроки трудового и физического воспитания велись в считанных школах, да и то нерегулярно из-за отсутствия условий, пение в основном преподавалось «с голоса», так как музыкальных инструментов не имелось. В большинстве школ не было мастерских, что затрудняло, а чаще вообще лишало возможности организовать трудовое обучение.

Занятия в школах с 1925 г. велись по программам ДальОНО, ПримгубОНО, Губстатуправления; последние поступили в середине учебного года и частично были переработаны. Были составлены программы «Наше селение», «Наша волость», но вводились они в образовательный процесс не везде. План общественно-политического воспитания старших школьников был согласован с губбюро РКСМ. В него входило: преподавание политграмоты, на которую отводилось два часа в неделю для каждой группы, работа в политкружке, организация форпостов юных пионеров, работа с газетой, постановка «живых» журналов и судов, взаимодействие с населением через избучитальню, проведение всех революционных годовщин и антирелигиозной пропаганды.

Школы в большинстве селений Камчатской губернии были единственными культурными уголками, поэтому общественная и просветительская деятельность сосредотачивалась именно в них. Работу

по ликвидации безграмотности на местах проводили учителя, и эта деятельность, помимо преподавательской, считалась для них обязательной. В отчёте о работе Камчатского губревкома за 1924—1925 гг. отмечено, что, несмотря на затраченные усилия, «кампании по ликвидации неграмотности в плановом порядке не проведены, хотя работа по ликбезу идёт непрерывно, и учителя как обязательную для себя работу ведут пропаганду среди населения» [11].

К началу 1930-х гг. население Камчатки значительно увеличилось, выросло и количество школьников. Чтобы не сорвать план по охвату обучением, необходимо было увеличить количество школ. К тому же, с 1930 г. в стране ввели всеобщее обучение, и необходимость открытия новых школ стала ещё острее.

В 1931/32 учебном году сеть начального образования состояла из 48 школ. Однокомплектных насчитывалось 34, двухкомплектных — восемь, четырёхкомплектных — пять, многокомплектных — одна. Трёхкомплектных школ не было. В этих школах обучалось 2 311 учащихся (98 % от общего количества детей школьного возраста) [12].

Средних учебных заведений было три: педагогический техникум, советская партийная школа и школа фабрично-заводского ученичества с общим количеством учащихся 158 чел.

Количество учителей во всех учебных заведениях заметно выросло. В школах 1-й ступени насчитывался 91 школьный работник, в том числе пионерские вожатые, инструкторы по труду и воспитатели. Среди них два учителя имели высшее образование, 30 — среднее специальное, окончив педагогический техникум, 37 окончили девятилетнюю школу с педагогическим уклоном и гимназии и 22 работника имели низшее образование, пройдя семилетнюю школу и краткосрочные педагогические курсы. В средних учебных заведениях работали 39 учителей. Власти отмечали политическую неграмотность учительства, что, по их мнению, сказывалось на качестве проведения занятий [13].

Положение в образовании по-прежнему оставалось сложным. Не хватало школ, бюджетных денег было недостаточно, поэтому приходилось объявлять сбор средств от населения, но и собранные деньги не могли исправить существующее положение. Образовательные программы и новые учебники к началу 1931/32 учебного года поступить на Камчатку не успели, поэтому начинать его пришлось в сложных условиях. Обстановка осложнилась тем, что было необходимо переходить на новую систему преподавания — с комплексной на предметную.

По всей стране после пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в июле 1929 г., началась политехнизация школ с целью подготовки кадров на предприятиях параллельно с обучением в школах. Камчатка, как никакой другой регион, нуждалась в квалифицированных кадрах, и вопрос профессионального обучения подростков был очень актуальным. Тем не менее, политехнизация оставалась узким местом в работе школ. Несмотря на то, что они заключали договоры производственного обучения с предприятиями, совхозами и колхозами, хозяйственники не выполняли взятых на себя обязательств, а часто вообще уклонялись от заключения таких договоров. Школьных мастерских катастрофически не хватало, в 1932 г. их всего было восемь, что не отвечало требованиям времени.

Ликвидация безграмотности населения Камчатки проходила в сложных условиях и достаточно медленно.

К началу 1930-х гг., согласно данным, содержащимся в отчете о работе Камчатского окружного отдела народного образования за 1931/32 учебный год, насчитывалось около трёх тысяч неграмотных и малограмотных, но эти данные приблизительные. В 1931 г. на Камчатке было организовано 16 пунктов по ликвидации неграмотности, в которых обучалось 794 чел., и 39 школ малограмотных с 538 учащимися. Ликбез шёл слабо из-за нехватки работников, отдалённости населённых пунктов, отсутствия нужной литературы и канцелярских товаров, недостаточного участия профсоюзных и хозяйственных организаций [14].

Просветительская работа населения проводилась при помощи созданной сети учреждений, насчитывавшей в 1931—1932 гг. 10 изб-читален, 30 красных уголков, 15 кинопередвижек, 20 радиоустановок, радиоузла, четыре районных и одну городскую библиотеку, 10 сетевых библиотек с общим фондом 20 000 томов.

Книжный фонд устарел, необходимо было заменить порядка 30—40 % литературы в городской библиотеке, а в районных — до 60 %. В красных уголках требовалось сменить все книги, но передвижного фонда не имелось, и такая замена оказалась невозможной.

Большинство радиоустановок не работали из-за того, что не было необходимых материалов. Киноустановки тоже часто не использовались ввиду отсутствия новых лент.

Работников для проведения просветительской работы по-прежнему не хватало. В целом она проводилась периодически и на низком уровне.

IV. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.

А. Народное Просвещение.

Общая часть. На 1 Октября 1924 года аппарат Губоно состоял из Заведывающего Губоно, двух инспекторов, секретаря-счетовода, машинистки и курьера.

За отчетный год произошли некоторые изменения и таким образом, к первому сентябрю 1925 года штат состоял из Завгубоно, инспектора, секретаря, машинистки, счетовода и курьера.

Штат Охотского УОНО - из Завуоно, он же инспектор и преподаватель в школе II ступени. Указанная должность с июля сего года вакантна.

Штат Губоно недостаточен, в особенности по счетной части.

П/отделов Соцвоса, Прообра и Политпросвета не выделено. Работу указанных п/отделов ведет Завгубоно и инспектор.

Уоно организовано только при одном Охотском уезде. В Гижигинском, Анадырском и Чукотском нет даже Заведывающих столами Народного образования. Попытка создать стол в Гижигинском уезде ничего не дала, так как к этой

Фрагмент отчёта губернского бюро РКП(б)

[ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 133. Л. 8]

Камчатские окружные учительские курсы, 1925/26 учебный год.

Фотография Е. А. Колмакова

Школьники селения Уэлен. Фотографии П. П. Иванова, 1926 г.

Тигильская школа 1-й ступени, 1930-е гг.
[ГАКК. Фонд А. Т. Якимова]

Школьники села Усть-Большереецк, 1920-е гг.
[ГАКК. Фонд И. Е. Ларина]

К концу 1932 г. на Камчатке насчитывалось 182 работника народного просвещения, среди них 11 с высшим образованием, 79 — со средним, 92 — с низшим; 23 из них являлись членами и кандидатами ВКП(б), 31 состояли в ВЛКСМ [15].

Текучесть кадров оставалась высокой. За 1931/32 учебный год Камчатку покинула четверть учителей.

Становление советского образования на Камчатке проходило в сложнейших условиях. Отдалённость от материка и культурных центров не позволяла наладить своевременные поставки необходимого для нормальной жизнедеятельности населения полуострова, неудовлетворительные материально-бытовые условия и отсутствие возможности повысить квалификацию были основными причинами отъезда грамотных педагогов на материк. Недостаточное количество и низкий образовательный уровень работников народного просвещения, отсутствие грамотного методического и оперативного руководства со стороны окружного и районных отделов народного образования, отсталость местного населения, отдалённость населённых пунктов друг от друга являлись главными препятствиями для развития народного просвещения на Камчатке в первые годы советской власти.

Источники

1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — С. 593.

2. КГКУ ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 29. Л. 45.

3. Там же. Д. 99. Л. 30.

4. Там же. Д. 29. Л. 51.

5. Там же. Д. 99. Л. 28.

6. *Смышляев А. А.* Школа нас в жизнь выпускает... Образование на Камчатке: этапы большого пути. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2010. — С. 69.

7. КГКУ ГАКК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 3.

8. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 133. Л. 25.

9. Там же. Л. 25—25об.

10. Там же. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

11. Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 133. Л. 48.

12. Там же. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 9. Л. 48.

13. Там же. Л. 2.

14. Там же. Л. 3.

15. Там же. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 9. Л. 4об.

Советская колонизация Камчатки: первый отчёт

Вопросы колонизации Камчатки до двадцатых годов XX в. не рассматривались всерьёз даже несмотря на то, что первое известное сознательное переселение имело место в середине XIX в. Восточно-Сибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв проектировал широкие меры к улучшению быта Камчатки. Он предлагал переселить на полуостров три тысячи семей русских земледельцев.

«При таких надеждах и сладких мечтах о недалёком будущем жила Камчатка в начале 50-х годов; казалось, что вот-вот и наступят для этой отдалённой окраины благие дни, — писал исследователь Дальнего Востока России, этнограф и археолог Василий Петрович Маргаритов в труде «Камчатка и её обитатели», вышедшем в 1899 году. — Но, увы, многие причины не дали осуществиться этим ожидаемым надеждам; главнейшая из причин та, что на третий год существования Камчатской области объектом внимания Муравьёва благодаря открытию Невельским судоходности устья Амура сделалась не Камчатка и смежные с нею северные округа, а Амур и Уссурийский край. Только благодаря вот этому обстоятельству все заботы о Камчатке отошли в область забвения, и с тех пор этот отдалённый уголок, только что подготовившийся занять видную роль среди российских окраин, стал клониться к постепенному упадку...» [2, с. 33].

Однако напомним, что по инициативе В. С. Завойко в августе 1853 г. в одну из бухт Авачинской губы на тендере «Камчадал» доставили переселенцев из далёкой Гижиги, расположенной на правом берегу одноимённой реки, впадающей в Охотское море, в нынешнем Северо-Эвенском районе Магаданской области, — маленького посёлка, жители которого обслуживали пристань для морских грузов.

Н. А. Троицкая заметила, что *«по инициативе Главного управления землеустройства и земледелия для выяснения колонизационного значения Камчатки и, в частности, возможности занятия там земледелием, Переселенческим управлением была организована так называемая Камчатская переселенческая экспедиция. Возглавлял экспедицию чиновник особых поручений, тогда заведующий Никольск-Уссурийским переселенческим подрайоном Владимир Иванович Рубинский. В состав экспедиции вошли производитель работ агроном Иван Григорьевич Протопопов, учёный*

лесовод Жуковский и землемер Зеленин». Троицкая указала: «...главный вывод, сделанный переселенческой экспедицией по поводу малой колонизационной ёмкости и непригодности земель полуострова для массового сельскохозяйственного освоения, был учтён при решении вопроса о заселении Камчатки. Выбор был сделан в пользу вольной колонизации промысловым населением» [5, с. 254].

В мае 1918 г. Переселенческое управление пригласило стать начальником готовящейся двухмесячной экспедиции на Камчатку, целью которой было изучение Камчатки в хозяйственном отношении и поиск пригодных для заселения мест, В. К. Арсеньев. 26 июня 1918 г. он был назначен заведующим устройством переселенцев только что организованного Камчатского земельного отдела. С 19 июля по 6 октября 1918 г. Арсеньев находился на полуострове. Он со спутниками совершил поездку по западному берегу полуострова и по долине реки Камчатки.

«Камчатская экспедиция Арсеньева в полном объёме выполнила все поставленные перед собой цели: долина реки Камчатка была тщательно исследована в переселенческом отношении. Земли от селения Мильково до села Пушино были признаны подходящими для земледелия и, следовательно, пригодными для заселения» [7]. Однако результаты экспедиции В. К. Арсеньева не были опубликованы и никаким образом не сказались на дальнейшей политике колонизации Камчатки.

В 1928 г. на полуострове работала Камчатская переселенческая экспедиция, состоявшая из пяти человек — начальника-почвоведа, его помощника, экономиста, топографа и технического сотрудника. Экспедиция проделала большой маршрут — по западному побережью от селения Колпакова до селения Запорожского (Явино), затем перевалила через Апачу, Малку и Ганальскую тундру в долину реки Камчатки, проследовав вдоль реки до самого Усть-Камчатска.

В том же 1928 г. по итогам работы Камчатской переселенческой экспедиции ДВРПУ (Дальневосточного районного переселенческого управления) был подготовлен отчёт «Полуостров Камчатка и его колонизация» [3]. Его составили директор Дальневосточной геофизической обсерватории П. И. Колосков, академик В. Л. Комаров (бывший научным консультантом экспедиции и написавший раздел «Ботанический очерк Камчатки»), экономист экспедиции И. С. Ряховский, заведующий Дальневосточной сейсмической станцией А. С. Уланов и начальник экспедиции профессор А. А. Красюк.

Описание работы экспедиции, к сожалению, остались лишь на машинописных листах, за исключением статей П. И. Колоскова (1932) и В. Л. Комарова (1940). Один экземпляр отчёта был направлен во Владивосток, в правление Акционерного Камчатского общества (АКО).

В первой части предисловия к отчёту «О современной Камчатке, её изученности и цели настоящей работы» говорится: *«Страна действующих вулканов, живописных конических сопок, многочисленных горячих ключей, рыбных и пушных богатств, с самобытным туземным населением давно уже привлекала путешественников и натуралистов своей исключительно оригинальной природной обстановкой. Давно возникла мысль об оживлении этого богатого края, его заселении и приобщении к культуре. Но колонизация далёкой окраины при слабой изученности её потенциальных возможностей и природы в самом широком смысле этого слова всегда встречалась с серьёзными препятствиями, и большинство предпринятых мероприятий оканчивалось полной неудачей. Причин к этому было много, но основной была, повторяем, всегда одна: поверхностное знакомство с природой Камчатки, с её непостоянным капризным климатом, условиями и способами хозяйствования...»* [3, с. 3].

«В настоящее время Камчатка стоит на распутье, — продолжают авторы отчёта. — Пушные богатства за ряд прошедших лет сильно истощились; они не могут уже служить источником благосостояния жителей. Рыбные богатства, хотя ещё и велики, но требуют к себе также внимательного и бережливого отношения; населению уже стало ясно, что рыба — это последний реальный ресурс для жизни, которая замрёт, если будет подорван и этот источник» [3, с. 4].

Как мы знаем, водные биологические ресурсы (сначала морской зверь, потом рыба) Камчатки исторически осваивались не только туземцами и русскими переселенцами. Пользуясь безнадзорностью полуострова, в добольшевистские времена здесь хозяйничали ближние и дальние предприниматели. К примеру, на Явинских банках американские браконьерские шхуны промышляли треску, позже их сменили японцы. Подписание в 1907 г. позорной конвенции с Японией стало торной дорогой, приведшей иностранных предпринимателей не только в камчатские территориальные воды, но и на морские берега. В Портсмуте японские дипломаты требовали свободного лова вдоль берегов Охотского, Японского и Берингова морей, в заливах, гаванях, бухтах и реках. Это требование удалось ограничить, и внутренние воды формально оказались недоступными.

Однако фактически с 1907 по 1923 г. японцы действовали в реках, пользуясь фиктивной арендой речных участков русскими предпринимателями. Существовал специальный тип дельцов, торговавших своим подданством.

В 1921 г. Япония односторонне отменила конвенцию, декларируя так называемый «свободный лов» и установив режим «самоохраны промыслов». Японцы принимали арендную плату за принадлежавшие России участки и силами военного флота охраняли своих рыбопромышленников.

В 1922 г. из 426 арендованных на полуострове участков японцам принадлежали 400, то есть 94 %, 83 речных и 26 морских участков находились в «аренде» у 82 русских частников, фактически являвшихся подставными лицами. Накануне советизации Камчатки русским предпринимателям принадлежали лишь 16 % участков.

По состоянию на 1 января 1923 г., из 23 находившихся на Камчатке рыбоконсервных заводов только два принадлежали русским предпринимателям. Причём один из них, «Демби» входил в японское объединение «Хокай сейкай соокой кабусики кайся». На западном побережье властвовала фирма «Ничиро», тогда ещё не поглотившая всех своих конкурентов и не создавшая единый трест. Ежегодно с началом сезона камчатские берега покрывались густой сетью японских неводов и рыбалок.

В отчёте переселенческой экспедиции сказано: «...камчадалы во многом сами по себе безсильны: нет навыков, недостаточно знаний и опыта, нет руководителей, вдохновляющих на реконструкцию хозяйства. Необходим непосредственный пример, нужны новые более энергичные люди, не тяготеющие к дедовским привычкам, а наиболее полно и целесообразно использующие природные дары полуострова. Только такой приток свежих людей сможет оживить малодетальное местное население, избалованное бывшими богатствами природы и закореневшее в своих навыках. Только тогда труд камчадала станет полезен для государства и эксплуатация производительных сил пойдёт по правильному пути. И это необходимо сделать безотлагательно, так как есть реальная опасность, что иначе все главные экономические позиции в недалёком будущем займут иностранцы, вкладывающие большие капиталы для выкачивания оставшихся ценностей страны» [3, с. 5].

Исследователи считали необходимым прежде всего «отчётливо выявить, что представляет собой современная Камчатка, каковы её современные естественно-исторические условия и какова настоящая экономика. Где живут, чем живут и как живут

настоящие камчадалы — вот что надо знать для построения организационного плана хозяйства новой Камчатки и для того, чтобы все рассуждения на эту тему были обоснованы» [3, с. 5].

Особо исследователи оговорили, что их наблюдения колонизационного характера (к которым мы подойдём ниже) относятся только к непосредственно изученным трём районам — Усть-Большерецкому, Усть-Камчатскому и Петропавловскому, на территории которого находятся нынешние Елизовский и Мильковский муниципальные районы.

Немного расскажем об экспедиции 1928 г. 5 июля группа исследователей высадилась близ устья реки Воровской. Организовав выучный обоз, 11 июля оба отряда экспедиции — почвенно-агрономический и экономический — выдвинулись из села Соболева по направлению к селению Колпакову через новую корейскую колонию Брюмку. Из Колпакова экспедиция вернулась в Соболево. Уже оттуда почвенно-агрономический отряд направился «вычным порядком» по протяжению реки Воровской вверх по течению. Экономисты же двинулись на юг — через селения Русь и Немтик к Кихчику. Эти маршруты были пройдены «...с целью выяснения удобного земельного фонда. Представилось необходимым детально обследовать долины, по крайней мере, четырёх наибольших рек района: Большой Воровской, Кихчика, Быстрой и реки Плотникова. Для основательного знакомства с характером этих долин, где, как оказалось, имеются обширные площади, весьма удобные для скотоводческого хозяйства, Экспедиции пришлось делать далёкие заходы на восток от морского берега, к хребтам: на 70—80 км» [3, с. 15].

8 августа 1928 г. оба отряда встретились в Кихчике. Оттуда агрономы направились по левому берегу Кихчика к сопкам, чтобы изучить долину реки, 18 августа вышли на правый берег Быстрой напротив Большерецка. Экономисты к этому времени уже закончили обследование селений и рыбных промыслов, располагавшихся севернее Большерецка, и перебрались в Запорожье.

«В период от 20-го августа до 1-го сентября на западном побережье от непрестанно ливших дождей вновь сильно разлились все реки, затопив с. Усть-Большерецк, Большерецк, Кавалерскую. Переправы были закрыты, баты снесены водой, и экспедиция на этот срок оказалась в Усть-Большерецке отрезанной от других населённых пунктов района. Лишь в первых числах сентября оба отряда могли покинуть западное побережье и двинуться через деревни Апачу и Малку к истокам реки Камчатки, сделав перевал через хребет Серединный» [3, с. 16].

На этом пути агрономы выполнили маршрут по рекам Банной, Шикова (к горячим ключам), расположенной в бассейне реки Плотникова реки Тундряной. Экономисты же заехали в Начики, чтобы собрать статистико-экономические сведения, описать общие условия хозяйства.

После Начик по плану экспедиция собиралась вернуться в Петропавловск, а уже оттуда через Ганалы двинуться в долину реки Камчатки. Однако из-за того, что дожди почти на месяц сместили график, а заезд в Петропавловск потребовал бы не меньше двух недель, профессор Красюк решил, не заезжая в город, сразу направиться в долину Камчатки.

Агрономы из Малки заехали на Малкинские горячие ключи, а потом по долине реки Быстрой вьючным порядком через Ганальскую тундру направились к верховьям реки Камчатки, в деревню Пуцино, куда и прибыли 14 сентября. Из Пуцино они двинулись по правому берегу Камчатки и 18 сентября достигли Мильково. Днём позже туда прибыл и экономический отряд.

20 сентября почвенно-агрономический отряд выступил из Мильково через Кирганик на Машуру, пересекая лесистый водораздел между левыми притоками Камчатки Киргаником и Кимитиной. В районе деревни Машуры отряд сделал двенадцатикилометровый заезд в новый посёлок Долиновку.

«25 сентября оба отряда экспедиции соединились в деревне Машура, и так как лошадей в этом селении найти не оказалось возможным, то в дальнейшем экспедиция принуждена была совершать передвижение на катерах» [3, с. 17].

26 сентября 1928 г. экспедиция достигла деревни Щапино, изучила окрестности и описала местное хозяйство. С 28 сентября по 9 октября отряды прошли на катерах от Щапино до Усть-Камчатска, оставившись в Среднекамчатске, Козыревске и Ключевском. При этом из каждого селения экспедиция совершала маршруты по долине реки Камчатки, отходя от берегов на 10—15 километров.

14 октября экспедиция отбыла пароходом из Усть-Камчатска в Петропавловск. Так как времени на изучение пригородного Петропавловского района уже не оставалось, профессор Красюк посетил Камчатское опытное поле, где изучил почвы, а экономический отряд собрал все нужные сведения в статистическом бюро окружного исполнительного комитета.

18 октября 1928 г. экспедиция отплыла во Владивосток. Она пробыла на Камчатке три месяца. За это время *«по полуострову было пройдено маршрутно, вьючным порядком — 1 200 км,*

и водными путями (на батах, катерах, пароходах) — 750 клм. При этих маршрутах почвенно-агрономический отдел обследовал площадь на западном побережье около 1 000 000 гектар, а в центральной части полуострова и в долине реки Камчатки около 1 100 000 гектар» [3, с. 18].

Мы не станем подробно описывать разделы экспедиционного отчёта «Естественно-историческое описание полуострова Камчатки» (рассказывающий о рельефе и орографии), «Геологическое строение полуострова, характер его береговой линии и полезные ископаемые», «Климатический очерк полуострова Камчатки», «Гидрография и гидрологические особенности Камчатки». Широкому читателю приводимые в этих разделах данные, зачастую неточные и приблизительные, полезных знаний не дадут.

А вот раздел отчёта «Население, его быт и промысла» во многом интересен в краеведческом аспекте.

«Современный состав населения Камчатки весьма пёстрый и благодаря кочующему образу жизни большей части жителей трудно поддаётся точному количественному учёту, — пишется в отчёте. — Если взять всю Камчатскую область, измеренную в 1 044 628 кв. клм. с включением Анадырского, Пенжинского, Карагинского районов, то, по данным Камчатского окрреврома, на этой территории живёт всего 34 958 человек, из которых 55,5 % оседлых жителей и 45,5 % кочевников. На территории собственно полуострова, то есть до широты Паропольского дола, живут следующие народности: камчадалы, русские, ламуты, коряки, ительмены и небольшое количество корейцев.

Наиболее значительную группу населения составляют камчадалы и русские. Первые во многих местах полуострова совершенно обрусели и смешались с русским элементом.

Раньше существовало деление камчадал на большеерецких, пенжинских и долины реки Камчатки. Теперь эти различия почти стёрлись. По своим нравам и обычаям все они сильно обрусели, и только монгольский тип лица и ломаный своеобразный язык выдаёт их камчадалское происхождение. Правда, и в настоящее время на север от реки Облуковины, где жили пенжинские камчадалы, имеются признаки меньшей степени обрусения и большая самобытность туземных нравов. Что же касается большеерецких камчадал, то они почти ничего самобытного не сохранили. То же самое можно сказать и про камчадал долины реки Камчатки, где русификация прошла особенно сильно. Впрочем, на западном берегу до сих пор сохранилось камчадалское население

более типичное, чем в долине реки Камчатки; это — смуглые броне-ты с выдающимися скулами и косо поставленными (монгольскими) чёрными глазами. Все они при разговоре “цокают” и слегка шепелявят. В местном наречии много своеобразных оборотов и старых форм, например: “дивно” — много, “напроход” — безостановочно, “ереститься” — сердиться и т. д.» [3, с. 211—212].

«Около домов нет заборов, изгородей или обычных для наших русских крестьян участков с амбарами и сараями. Хозяйство камчадала настолько примитивно, — пишут авторы отчёта, — что всё это ему не нужно. В лучшем случае устроена наскоро загородка для скота или “стая”, вблизи разбит небольшой огородик, а поодаль стоят миниатюрные амбарчики и “шайбы” (срубики на четырёх стойках). Все камчадалские селения очень похожи друг на друга. Внутренность домов отличается уютом и чистотой. Здесь нередко можно встретить предметы культурной жизни: плиту, швейную машину, заграничные резиновые плащи и сапоги (“робы”), хорошую кухонную посуду и непременно принадлежность каждого камчадала — американский винчестер. Все эти предметы привозятся японскими и американскими пароходами и поступают в продажу по очень умеренным ценам.

В общем, жизнь камчадал складывалась бы вполне благополучно, но этому мешают непрочность такого благополучия: оно построено на рыбе и соболе. Поэтому нет ничего удивительного, что постепенное исчезание соболя и недоловы рыбы внушают населению серьёзную тревогу за свою судьбу» [3, с. 213].

К другой, наиболее многочисленной части населения Камчатки, составители отчёта относят русских, живущих почти повсеместно: «Состав и происхождение русского населения очень пёстрое; здесь встречается много украинцев, обрусевших поляков, сибиряков, вологжан, из западных губерний Союза и прочих. Более давние жители русского происхождения — это потомки казаков или старых промышленников. Часто встречаются и иммигранты, некоторых привлекла сюда погоня, как они сами выражаются, “за длинными рублями”».

Надо сказать, что во многих местах русские не только не привили своей культуры, но и сами “окамчадалились”, то есть перешли на примитивное охотничье-рыболовно-собаководческое хозяйство» [3, с. 214].

Особо в отчёте отмечаются три корейских посёлка, возникших после 1924 г. — это Брюмка (на западном побережье), Ленино (между Большерецком и Апачей) и Хвалёнка (в низовьях реки Камчатки).

В отчёте экспедиции указано, что на полуострове существовали четыре основных промысла — рыболовство, охота, охота на морских зверей и сельское хозяйство. Авторы считают, что *«морской звериный промысел вообще чрезвычайно мало развит на полуострове»* [3, с. 220]. Охоте же, как говорится в отчёте, *«по-видимому, суждено из года в год играть всё меньшее значение»* (с. 221). Тем не менее, самым главным по доходности на Камчатке авторы отчёта указывают соболиный промысел, интенсивно продолжающийся около трёх месяцев.

Особую главу авторы отчёта посвятили сельскому хозяйству, *«ввиду того, что эта отрасль хозяйства представляет особый интерес для колонизационного дела...»* [3, с. 223].

«...Участие в земледельческих работах принимало, главным образом, русское население. Что же касается камчадал, то они всегда проявляли к хлебопашеству полное равнодушие, и их участие в агрономических опытах было минимально...»

Перед мировой войной началось как будто большее оживление в опытном сельском хозяйстве Камчатки. Близ Петропавловска развивается опытная ферма с животноводческим направлением. В 1913 г. сюда завозится племенной холмогорский, украинский и швицовский скот. Впоследствии украинский скот ликвидируется; в 1923 г. от чумы гибнет вообще весь скот, и ферма замирает.

На западном берегу в том же 1913 г. фирма Грушецкого организовала опытное скотоводческо-огородническое хозяйство в районе Усть-Большерецка. В 1917-м году здесь было уже целое стадо племенного скота, несколько сот свиней, кроликов, кур, уток и козы. Огороды производили картофель, брюкву, репу, свёклу, морковь, укроп, капусту, хрен и прочее. Семена выписывались из Аляски и Финляндии. При содействии этой фирмы в Большерецке возникла “Первая камчатская артель свиноводства”, избравшая местом своих работ Большерецкую косу (1919 г.), где был возведён свинарник на 600 свиней. Но в революционное время всё это погибло и теперь сравнялось с землёй» [3, с. 229].

Составители отчёта считают главнейшими причинами неудачного земледелия:

«1. Неблагоприятные условия климата, поздние весенние и ранние осенние заморозки, инеи и туманы, нередко губившие здесь урожаи.

2. Случайный подбор семенного материала, который часто совершенно не соответствовал климатическим условиям полуострова.

3. Зачастую неудачный выбор мест для посевов, где климатические условия определённо не благоприятствовали произрастанию хлебов.

4. Обилие рыбы и пушного зверя как более реальная и надёжная статья дохода отталкивало население от занятия сельским хозяйством; поэтому жители бросали земледелие и становились звероловами-рыбаками.

5. Недостаток времени для сельскохозяйственных работ при широко практикующемся рыболовстве.

6. Отсутствие у населения навыка в земледелии и неудовлетворительный инструктаж в этом направлении» [3, с. 229—230].

В отчёте делается вывод: «В настоящее время мы являемся свидетелями почти полного упадка земледелия на Камчатке» [3, с. 230]. Но, тем не менее, указано, что «...на западном берегу отмечается хороший рост картофеля, турнепса, моркови и репы; не удаются культуры огурцов, лука, гороха, свёклы (мелкая) и капусты, которая даёт кочаны не каждый год, а идёт “в лист”. В местах, более отдалённых от моря (на 25—30 клм.), рост всех сельскохозяйственных растений заметно улучшается» [3, с. 231]. И делается вывод: «Как бы ни были ничтожны указанные опыты по земледелию, но они всё же доказывают возможность последнего» [3, с. 239].

Описали участники экспедиции и животноводство на полуострове. Касаемо лошадей, их вывод неутешителен: «...камчадалу лошадь почти не нужна, он на ней не ездит, не пашет и мало что возит. И если в некоторых селениях жители держат по две-три лошади на хозяйство, то это объясняется тем, что содержание и уход за ними камчадалу ничего не стоит. Лишь жители селения Милькова пользуются летом лошадьми для перевозки из города грузов» [3, с. 234].

Есть в отчёте и описание рогатого скота, «значение которого для населения гораздо больше, чем лошадей... Молоком жители пользуются лишь в летнее время, когда корова кормит телёнка; последнего на западном побережье от матери не отнимают. В результате такого хозяйствования население большую часть года (зимой) сидит без своего масла, молока и других молочных продуктов, несмотря на то, что многие хозяйства держат по две-четыре дойных коровы... Никаких пастухов у стад рогатого скота не бывает, поэтому много голов гибнет от хищников, медведей и волков. Выгоняется скот в конце апреля или начале мая и пасётся до середины октября, то есть пастбищный период продолжается около пяти месяцев. Ветеринарная помощь поставлена крайне неудовлетворительно: кроме Петропавловска, имеются ветпункты в Тигиле, Усть-Большерееке, Милькове и Усть-Камчатске.

В некоторых районах наблюдается вырождение скота из-за отсутствия хороших производителей и продажи на убой породистых экземпляров, тогда как на племя оставляются беспородные и плохие» [3, с. 234—235].

По мнению учёных мужей, оленеводство заслуживает большего внимания: *«...коряки имеют иногда тысячные стада. Много оленей держат и ламуты. В среднем на одно хозяйство приходится 103 оленя. Но оленеводство ведётся крайне нерационально; достаточно указать, что 30 % от приплода погибает от болезней и хищных зверей, главным образом волков. Прирост приплода составляет 24 %. Вся продукция идёт на местные нужды и на корм собакам.*

В настоящее время по Камчатскому округу, исключая Анадырский и Пенжинский районы, оленьё стадо исчисляется в 233 300 голов, но эта цифра является, безусловно, преуменьшенной» [3, с. 236].

Авторы отчёта делают однозначный вывод: *«Оленеводство, имеющее сейчас внутрихозяйственное значение, могло бы с его развитием и правильной постановкой иметь и большое промысловое значение, хотя бы за счёт эксплуатации оленьего мяса» [3, с. 237].*

Таким образом, авторы отчёта указывают на колонизационные перспективы Камчатки в части развития в первую очередь сельского хозяйства — земледелия и скотоводства.

Главным тормозом развития производительных сил полуострова составители отчёта называют *«полное отсутствие внутрирайонных путей сообщения» [3, с. 258].* Не зря этой проблеме посвящён его заключительный раздел: «Пути и средства сообщения». Из него мы узнаём, что постройка и ремонт мостов, провешивание зимников в двадцатые годы XX в. проводилось местным населением в порядке трудовой повинности. К примеру, в бюджете 1927—1928 гг. в Усть-Камчатском районе на дорожное строительство было ассигновано всего 185 руб. *«Поэтому единственным способом сообщения летом по Камчатке является вьючный, на лошадях — по суше, и на батах — по рекам. Езда на лошадях происходит по тропам или, как здесь принято выражаться, “по тракту”. Очень часто приходится пользоваться тропинками, протоптанными медведями... По западному побережью часто и этих тропинок не имеется — езда происходит по мокрой тундре, изобилующей забучими местами» [3, с. 258—259].*

«Говорить о возможности перевозки таким способом значительных грузов не приходится. Наибольший вес груза, который можно навьючить при этих условиях на лошадь, это 80—100 кгр.

(пять-шесть пудов). Если же принять во внимание ещё и седока, то груза можно положить максимум два пуда. Поэтому население и пользуется лошадью в очень редких случаях» [3, с. 260].

Составители отчёта рекомендовали наладить катерное сообщение по реке Большой — хотя бы для подвоза продуктов в Усть-Большерецк и Большерецк, в котором советовали организовать постоянный склад товаров для снабжения выпележащих по рекам Быстрой и Плотникова селений — Козыревска, Ленина, Апачи, Малки и Ганал.

«Широкие перспективы в судоходном отношении, — говорится в отчёте, — имеются на реке Камчатке, представляющей собой могучую полноводную артерию». В 1928 г. перегон от Усть-Камчатска до Кирганика обслуживался двумя принадлежащими райисполкому катерами и несколькими катерами частных лиц... За доставку 16 кгг. (одного пуда) груза, независимо от номенклатуры последнего, взималось: от селения Усть-Камчатска до селения Ключей (133 клм.) 50 коп., от Усть-Камчатска до Толбачика (298 клм.) — 1 руб. и от Усть-Камчатска до Машуры (513 клм.) — 1 руб. 50 коп.

Иначе говоря, стоимость перевозки основных продуктов местного сельского хозяйства от селения Ключей только до Усть-Камчатска обходится дороже, чем от Владивостока до Усть-Камчатска» [3, с. 262].

Авторы отчёта рекомендуют *«предпринять меры к удешевлению транспортировки груза по реке Камчатке, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на расширение рынка на продукты сельского хозяйства, а отсюда и на рост сельскохозяйственного производства» [3, с. 262].*

«Нам кажется, — написано в документе, — что при колонизации долины реки Камчатки неминуемо возникнет вопрос о более удобном и близком соединении района этой долины с западным берегом. Данный путь будет необходим для расширения рынка сбыта продукции сельского хозяйства, если последнее окрепнет в долине реки Камчатки» [3, с. 266].

Неутешительна картина, описанная экспедицией профессора Красюка. Однако вернёмся к началу отчёта и прочитаем: *«Реконструкция камчадалского хозяйства требует колонизационных мероприятий, кадров, новых жителей, с помощью которых государство могло бы начать и новое строительство. Требуются рабочие руки и широкий инструктаж, воздвигающий неуклонно новые вехи в хозяйственной жизни» [3, с. 5].*

Ко времени экспедиции профессора Красюка уже было создано АКО. 20 сентября 1927 г. на собрании акционеров общества под председательством народного комиссара торговли СССР Анастаса Ивановича Микояна было принято решение: *«Принимая во внимание не только хозяйственное, [но] и громадное политическое значение организуемого общества, предложить правлению с особым вниманием и энергией взяться за работу, помня, что на нём лежит ответственная задача развития края, насаждения культуры и организация хозяйства»* [4, с. 3].

Задачи АКО были определены. Вот они [1, с. 1]:

а) эксплуатация в вышеназванных районах рыбных, пушных, горных и других естественных богатств и организация зверобойного промысла;

б) развитие рыбного дела путём расширения базы рыбопромышленности, как на речных, так и на морских участках, перехода от засола рыбы к консервированию её, постановки разведения лососёвых и перехода к другим интенсивным формам рыбного хозяйства;

в) развитие пушного дела;

г) промышленная переработка добываемых и скупаемых продуктов;

д) торговля всеми добытыми, переработанными и скупленными продуктами;

е) снабжение населения и промыслов всеми необходимыми товарами;

ж) производство всякого рода изысканий и горных разведок, а также эксплуатация горных богатств, скупка золота и его реализация;

з) организация оленеводства».

К восьмой странице отчёта подклеена полоска бумаги, на которой профессор А. А. Красюк собственноручно написал синим карандашом: *«Мы приносим ещё свою горячую благодарность всему правлению Акционерного Камчатского общества за полное содействие нашей работе. Большую благодарность выражаем заведывающему планово-экономическим бюро АКО В. И. Огородникову за предоставление необходимых для экспедиции разного рода материалов»* [3, с. 8].

Руководитель экспедиции Анатолий Александрович Красюк родился 21 февраля 1886 г. в Ярославской губернии, в городе Ростове (Великом). Окончил Московский университет. С 1925 г.

систематически изучал территории Якутии, Камчатки, Сахалина. Он составил почвенные карты этих районов, материалы его исследований содержат обширные сведения по классификации и распределению почв, описания ландшафтов и растительного покрова.

В 1926—1927 гг. профессор Красюк возглавлял Сахалинскую переселенческую экспедицию Народного комиссариата земледелия РСФСР, в 1928 г. руководил описанной нами экспедицией, а в 1931—1933 гг. был научным руководителем почвенных обследований Ленинградской области. С 1933 г. Красюк заведовал кафедрой земледелия Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета. Выпустил в свет выдержавшее три издания руководство «Почвы и их исследование в природе».

Именно А. А. Красюк предположил, что камчатские почвы имеют особое происхождение, которое связано с влиянием современного вулканизма. Эти почвы были названы охристыми. В 60-х гг. XX в. гипотеза была подтверждена, и охристые почвы заняли своё место на почвенной карте страны.

Профессор Красюк скончался 18 ноября 1933 г. Именем этого учёного названа гора в Смирныховском районе Сахалинской области.

Павел Иванович Колосков родился 4 июля 1887 г. в селе Русаново Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. В 1904 г. окончил Конь-Колодезскую низшую сельскохозяйственную школу, годом позже был принят научным сотрудником на Костычевскую опытную станцию Самарской губернии. Затем работал в Амурской и Амурской областях. В конце 1912 г. в Благовещенске было образовано Амурское метеорологическое бюро Переселенческого управления (с 1922 г. — Дальневосточное краевое метеорологическое бюро), в котором П. И. Колосков сначала работал секретарём, в 1915—1917 гг. — помощником заведующего, а с 1917 по 1925 г. — заведующим. В 1924—1925 гг. Колосков по совместительству также заведовал отделом метеорологии Амурской опытной станции. В 1925 г. Метеорологическое бюро было реорганизовано в Дальневосточную геофизическую обсерваторию, Колосков был назначен её директором. В 1933 г. П. И. Колосков был зачислен старшим научным сотрудником в штат Института географии Академии наук СССР. В 1936 г. Колоскову была присуждена степень доктора географических наук по совокупности научных работ без защиты диссертации, в 1944 г. — присвоено звание профессора.

С 1947 г. и до выхода на пенсию в 1954 г. П. И. Колосков работал заведующим отделом общего мерзлотоведения Института

мерзлотоведения имени В. А. Обручева Академии наук СССР в Москве. Он умер 2 октября 1968 г.

О двух участниках экспедиции — экономисте экспедиции И. С. Ряховском и о заведующем Дальневосточной сейсмической станцией А. С. Уланове — подробными сведениями мы не располагаем. Однако известно, что в 1931 г. Уланов опубликовал в «Известиях Дальневосточного геофизического института» (вып. I (VIII), с. 101—135, Владивосток) статью «К материалам по сейсмологии Дальнего Востока», в которой впервые систематизировал данные по накопившимся описательным материалам и данным инструментального периода, привёл списки землетрясений за доинструментальный (266 событий в 1727—1929 гг.) и инструментальный периоды (50 событий в 1910—1928 гг.). В статье также отмечалось, что «...с конца 1915 г. в г. Петропавловске начала функционировать сейсмическая станция 11-го разряда, и о многих землетрясениях мы узнаём уже от неё» [6, с. 119]. А. С. Уланов сообщал, что с 1917 по 1923 г. наблюдался «шестилетний перерыв, за время которого вся сеть сейсмических станций СССР не вела никаких наблюдений. Ранее всех восстановилась станция в Свердловске, но и её данные, полученные при помощи одного прибора, не были полными» [6, с. 112].

Источники

1. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 481. Договор об образовании Акционерного Камчатского общества.
2. Маргаритов В. П. Камчатка и её обитатели. // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. — Т. V, вып. 1. — Хабаровск, 1899.
3. ГАКК. Ф. Р-544. Оп. 1. Д. 75. Полуостров Камчатка и его колонизация.
4. ГАКК. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 481. Протокол собрания акционеров Акционерного Камчатского общества от 20 сентября 1927 г.
5. Троицкая Н. А. Несостоявшийся отчёт Камчатской переселенческой экспедиции 1908—1909 гг. // Люди великого долга: материалы международных исторических XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 252—255.
6. Уланов А. С. К материалам по сейсмологии Дальнего Востока. // Изв. Дальневосточного геофизического института. — Вып. I (VIII). — Владивосток, 1931. — С. 101—135.
7. Камчатская экспедиция Арсеньева [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Петропавловск-Камчатский: пять заметок с натуры

Судьба кладбища на 4-м километре. В Петропавловске-Камчатском со времени возникновения на берегу Авачинской губы русского поселения, строительство которого началось в июне 1740 г., и по 1960 г. имелось четыре кладбища, о которых уже забыли.

Первое находилось в центре Петропавловской гавани, где ранее располагался ГУМ, лестница с улицы Ленинской на Советскую, левое крыло бывшего здания обкома КПСС. Там по 1931 г. находился Петропавловский собор.

Второй некрополь был далеко (по тем временам) от жилья — на склоне Петровской сопки и охватывал территорию за нынешним зданием Камчатского объединённого музея, нынешнюю улицу Чирикова и площадь, занятую сейчас зданием городской администрации и частью дороги перед ним. Кладбище снесли в конце 1930-х гг.

С 1925 по 1937 г. городское кладбище находилось на склоне небольшой сопочки над судоремонтно-механическим заводом — на подъёме к улице Ключевской в сторону Сероглазки. В том районе сейчас размещается храм при мужском монастыре великомученика Пантелеимона.

От трёх этих некрополей не осталось и следа.

В 1937 г. газета «Камчатская правда» известила население Петропавловска о том, что 16 апреля вышло постановление президиума Петропавловского городского Совета за № 309 «Об отводе участка под городское кладбище». В постановлении говорилось: «1. Отвести участок под городское кладбище за ответвлением дорог в совхоз по дороге в Елизово, расположив с левой стороны вдоль дороги, — площадью в 3 гектара». Пункт 3-й гласил: «Похороны покойников производить после 20.07.37 на новом кладбище». Так было организовано четвёртое городское кладбище.

В 1954—1956 гг. наша семья жила в предпоследнем доме перед складами хлебосухарного завода (сейчас там здание областного УВД; завод снесён в 1979 г.) на улице Микояновской (ныне Ленинградская). По традиции того времени, похоронные процессии шли пешком от дома умершего до кладбища, независимо от расстояния. Часто приходилось видеть эту скорбную картину. Процессии перекрывали движение (правда, его в те годы практически не было), пока не доходили до кладбища. Они были многочисленными и богатыми, если провожали в последний путь известного человека, и скромными и малочисленными, если простого горожанина.

Хоронили моряков, рыбаков, капитанов, лётчиков, артистов, военнослужащих... Умирали в расцвете сил, в 20—50-летнем возрасте (жителей пожилого возраста в те годы в Петропавловске было мало), одни — от ран прошедшей войны, другие — от пережитых тягот военных и послевоенных лет; гибли в море.

Здесь же, на кладбище на 4-м километре, были могилы участников Курильского десанта, скончавшихся в военно-морском госпитале после тяжёлых ранений.

В 1970 г. ходил по кладбищу от могилки к могилке. Читал таблички с именами. Привлекали оригинальные, большие памятники, и, видимо, не меня одного. К ним были протоптаны тропки. Люди ходили здесь...

Заметной была могила заслуженной артистки РСФСР Александры Владиславовны Славиной, работавшей в Камчатском областном драматическом театре в 1934—1953 гг. Её надмогильный памятник представлял собой вазу, установленную в беседке.

Памятник с изображением геолога, рассматривающего породу: «Бубнов Дмитрий Алексеевич (1916—1959)».

Бетонная пирамидка с водолазным шлемом — братская могила двух водолазов-глубоководников, погибших при выполнении задания 5 августа 1958 г.

Ещё четыре братские могилы: шести членов экипажа парохода «Сталино», погибших 19 декабря 1953 г.; трёх лётчиков, разбившихся 1 июля 1953 г. (памятник с пропеллером); девяти военных моряков, погибших 24 марта 1953 г.; шести лётчиков, погибших 3 августа 1954 г.

И это кладбище стала постигать участь предшествующих, даже ещё до его закрытия в начале 1960-х гг. Временщикам, которые всегда заполняли Камчатку, безразлична жизнь коренных и постоянных жителей полуострова, их судьба и память. Именно они, временщики, начиная с 1925 г., принимали решения не только об открытии, но и о закрытии кладбищ, и затем, с их согласия, происходило уничтожение захоронений.

Уничтожение могил кладбища на 4-м километре началось в конце 1950-х гг. с расширения гравийной дороги, шедшей вдоль него. Часть могил, что примыкали к дороге, были убраны.

Затем, в начале 1960-х гг., на кладбищенской территории, опять же на захоронениях, построили тротуар. И сейчас люди ходят по бывшим могилам.

Во второй половине 1970-х гг. при строительстве жилого массива на улице Батарейной (дома № 1, 1а, 3, 5) снесли, также втихую,

сотни захоронений конца 1930-х — середины 1940-х гг. Дома стоят на костях.

От трёх гектаров городского кладбища осталось менее половины.

Вандализмом можно назвать начатую ликвидацию некрополя на 4-м километре в 1987—1988 гг. Сносились надгробные памятники — и скромные деревянные столбики, и кресты с табличками, и металлические пирамидки со звёздами, фотографиями. Рушились оградки... Чиновничья рука довершала содеянное их предшественниками в 1960—1970-х гг. Сотни памятников, собранные в кучи на виду у всего Петропавловска-Камчатского, возмутили общественность. Этому способствовал период перемен в обществе и гласность. Статьи в газетах, гневные заявления граждан остановили чиновников. Поражала аморальность содеянного не только власть предержащими, но и теми, кто рушил святое — могилы. Никто из них не возмутился, даже при этом не вспомнил о своих предках. Но прошла шумиха, вывезли позорящие человека кучи и тихой сапой убрали почти все надгробья. Сохранились лишь единицы, ржавые, разрушенные вандалами, заросшие бурьяном, — те, что были вдалеке от дороги.

...Июль 2007 г. По тропинке, что ведёт от центральной дороги в сторону домов на улице Батарейной, иду по бывшему городскому кладбищу на 4-м километре. По сторонам — заросли ольхового стланика, высокая трава и редкие большие деревья — берёза и тополь. Там когда-то были могилы и памятники, но ничего уже нет. Метров через пятьдесят слева стали проглядываться через бурьян ржавые оградки и покосившиеся надгробные памятники из металла, тоже ржавые, с отсутствующими фотографиями и табличками. Они сняты. Зияют дыры. Справа нет никаких следов от могил и памятников, один бурьян.

Перед подъёмом к ближайшему дому — единственная ухоженная братская могила: «Здесь похоронены старшины и краснофлотцы, погибшие при выполнении боевой операции 15.10.1945. Балажий В. С., 1927. Авершин В. К., 1927. Колесов Ф. Д., 1926. Бычков В. И., 1926. Попов Т. Ф., 1915. Комиссаров Н. П., 1912. Спите, дорогие товарищи, память о вас вечно будет жить в наших сердцах». *(Примечание 2019 г.: как позже выяснилось, некоторые фамилии, инициалы и даты на этой табличке в 2007 г. содержали неточности.)*

Это произошло осенью 1945 г. Дивизион Петропавловской военно-морской базы под командованием капитана 2-го ранга Г. В. Богородского занимался тралением и разминированием глубо-

ководных мин в Авачинском заливе. Подходы к Авачинской губе в годы войны минировались, было установлено 956 якорных мин. 15 октября 1945 г. первыми на очередное траление вышли два тральщика: ТЩ-610 (командир Коновалов) и ТЩ-523 (командир Селезнёв). Трaлили мины в районе Халактырского пляжа и устья реки Налычевой. Трагедия произошла в 8 часов 30 минут утра. Первым подорвался на мине ТЩ-610. От него осталась часть кормы, в живых — несколько членов экипажа. Следом взорвался шедший на помощь ТЩ-523. Взрывы унесли 33 жизни. *(Примечание 2019 г.: сейчас уточнено, что погибли 35 моряков.)* Нашли тела только шестерых.

От братской могилы краснофлотцев ухожу в левую сторону, где сквозь заросли видны остатки пирамидальных надгробных памятников. Иду от одного к другому. Они не содержат никаких сведений — таблички сорваны вандалами.

Наконец среди кустов увидел памятник со звездой, с якорем на основании и с сохранившейся табличкой: «Здесь покоится Дорота Александр Аврамович 1924 года рождения. Умер в 1945 г. Спи, дорогой товарищ. Ты храбро сражался с японскими самураями за советскую Родину. Память о тебе мы сохраним вечно в своих сердцах. От экипажа корабля».

Понял, что передо мной — могила участника Курильского десанта в августе 1945 г. Современники уже свыклись, что могилы погибших десантников не сохранились, о чём давно пишут. Не сохранились по тем причинам, которые с горечью я указал выше. Одна всё-таки цела.

Обошёл почти каждую оставшуюся на кладбище могилу. Сохранились таблички на нескольких памятниках:

«Учителя Мильковского района Панова Г. И. — 1929 г., Шишкина Е. П. — 1930 г., Караулова А. П. — 1933 г. Погибли 1 июля 1953 г.».

«Капитан РТ “Тага” Евстафияди Илья Григорьевич. 1911—1953».

«Несытов Александр Иванович. 24.12.1908—17.10.1956. Любимому папочке и мужу от дочери и жены. Капитану дальнего плавания Александру Ивановичу Несытову, дорогому товарищу и другу».

Ещё три заметных памятника, но с несохранившимися табличками. По оформлению они принадлежат военным или морякам: надгробие со следами звезды в бетоне; прямоугольный памятник с барельефом парусника; прямоугольное надгробие с пирамидальным верхом. На основании — цепи и якорь. Возможно, кто-то

знает, кто покоится в этих могилах, и можно восстановить таблички?

(Примечание 2019 г.: в 2012 г., через пять лет после того, как я на своём сайте написал о сохранившемся памятнике погибшим мильковским учителям, пришло письмо от родственницы Г. И. Пановой. Свою фамилию она не назвала.

«Г. И. Панова — моя двоюродная бабушка. То есть она — родная сестра моей бабушки.

Она погибла задолго до моего рождения. Одна из пятерых сестёр Пановых, самая младшая и самая красивая. Её портрет всегда висел в доме моей бабушки и прабабушки. Её трагическую и трогательную историю я знаю с детства. Сохранилось много жутких обгорелых документов, фотографий и трогательные письма её жениха её родителям, фотографии похорон и памятника, открытка, написанная моим отцом тёте Гале на Камчатку, а тогда он ещё был маленьким мальчиком Толей. На памятнике жених в рамочке поместил её фото. Там на Камчатке, на этой пирамидке была Галочкина фотография! Она летела в самолёте на свою свадьбу к жениху, вместе с ней летели её подруги, все молодые учительницы. Самолёт разбился, зацепившись за сопку. Ей было 24. Она родилась в г. Темникове, в 37 году их семья бежала в Тверскую область — и они, все Пановы, осели в селе Кушалино Рамешковского района. Там есть дом, в который я ездила на лето к бабушке. Галин жених — лётчик Захаров Владимир Фёдорович какое-то время переписывался с Галиной семьёй, но они сами на Камчатку не ездили, хотя я, может, и ошибаюсь.

Сейчас про разбившиеся самолёты и людей, погибших там, вспоминают, жуткие кадры по телевидению показывают. А ведь та давнишняя Галина катастрофа не менее жуткая. В её свидетельстве о смерти написано: “Причина смерти — кровоизлияние в мозг”».)

Нет у нас давних кладбищ. Время и бездушные стёрли их с лица земли. Потеряно безвозвратно множество могил интересных исторических личностей Петропавловска, достойных наших сограждан.

Конечно, можно списать это на временщиков, как простых горожан, так и представителей власти. Временщина наложила свой отпечаток. До 1960-х гг. на Камчатке долго не задерживались. Уезжали родственники, бывшие сослуживцы и коллеги умерших. Но есть и другая, более близкая причина — моральная слепота представителей городской власти, не принимавших никаких мер по сохранению некрополя, и самих горожан. А наплыву новых

людей захоронения ничего не говорили. По неухоженному, брошенному на произвол судьбы кладбищу не побродишь в одиноком размышлении о бренном.

Так исчезли четыре городских некрополя — эти музеи под открытым небом. Один из больших пластов сведений о людях, живших здесь в прошлом, а по большому счёту — истории города. Надгробные памятники — как документ. Он должен быть в порядке и сохранён. Ведь некрополь — архив под открытым небом. Сколько тысяч единиц его хранения уничтожено в двадцатом веке! Исчезли навсегда страницы истории не одного поколения горожан. Горько это сознавать.

Июль 2007 г.

Забывтый погост (о кладбище села Сероглазка). В окрестностях Петропавловска-Камчатского, кроме городских кладбищ, были сельские и поселковые. Было такое и в селе Сероглазка. Помню, ещё в 1963—1964 гг., спускаясь в посёлок Геологов с улицы Ватутина от школы № 7, видел ниже улицы Серышева на пригорке хорошо просматриваемый погост. Стояли ухоженные надмогильные памятники: металлические пирамидки со звёздами, кресты... Весь склон метров на триста был занят ими. Ниже него начинались деревянные домишки села Сероглазка.

Известно, что село на берегу бухты Сероглазка Авачинской губы было основано в 1853 г. казаками, переселёнными из Гижиги (северное побережье Охотского моря). С того времени на начало 1960-х гг. кладбищу было более ста лет. Там покоились первые переселенцы и жители Сероглазки: охотники и рыболовы. Потом — рыбаки первых рыбацких советских артелей, после 1950 г. — жители посёлка Геолог.

В конце июня 2009 г. я решил посетить старинное сельское кладбище и побродить между могилками. Глянуть, что сохранилось с девятнадцатого века и века минувшего. К нему подошёл со стороны улицы Старицына микрорайона Сероглазка. От единственного стоявшего на пригорке многоэтажного дома под номером 12 этой улицы, чуть выше него, заметил едва проглядываемые сквозь бурьян редкие надмогильные памятники. К бывшему кладбищу вела грунтовая дорога. К памятникам шёл по ней метров сто. Они стояли слева от дороги, а справа, через небольшую ложбинку, возвышалась Мишенная сопка.

Перед взором предстала печальная картина. Только с начала подъёма на пригорок стояло вдоль него узкой полоской чуть более пятидесяти надмогильных памятников. Ржавые, почти все без именных

табличек и фотографий. Среди них выделялось только с десяток ухоженных могил. Деревянных памятников не сохранилось. На возвышенности, где в основном и размещалось кладбище, было пусто. Только рос бурьян. Надмогильные памятники были убраны.

Не пришлось мне прикоснуться к далёкой истории. Сохранились отдельные именные таблички на захоронениях 1950—1970-х гг. Более ранних уже не было.

...Сквозь дебри бурьяна пробираюсь среди оставшихся могил. Читаю сохранившиеся надписи.

«Леонтьев Николай Александрович. 1.07.1920—25.08.1971».

Две могилки в одной ограде: «Шитов Лев Александрович. 1931—1972» и памятник со звездой — «Войницкий Сергей Игнатьевич. 1919—1970».

«Лоборешникова Агафья Филипповна. 1887—1969».

«Расина Агафья Осиповна. 1905—1969».

«Горбачёва Мария Ивановна. 1902—1965».

«Здесь покоится тело Яковлева Ивана Нестеровича. 1912—1957».

Один памятник на две могилки: «Кузнецовы Нина Герасимовна. 1926—1965. Алексей Фёдорович. 1924—1969».

Грустно. Сельское кладбище постигла та же участь, что и четыре городских Петропавловска-Камчатского XVIII—XX вв. Стёрта память о людях, как ненужный материал в компьютере.

Июнь 2009 г.

Судьба ручья и рощи в городе. Есть один ручей в черте Петропавловска-Камчатского, за Зеркальной сопкой, что течёт в распадке между Ботаническим переулком, улицей Кроноцкой и гаражами на откосе, где проходит дорога и улица Академика Королёва, и далее вдоль улицы Тундровой. Он питает водой Халактырское озеро. О нём и роще, что сохранилась в этом районе, уже забыли. Их интересные судьбы тесно связаны друг с другом.

Вначале о ручье. Этот маленький по камчатским меркам ручей в первой половине XX в. имел большое значение для города, даже стратегическое! Время стёрло память о нём, а он был свидетелем больших перемен и событий.

С ручьём связана организация в 1910 г. первой сельскохозяйственной фермы в окрестностях Петропавловска. Ферма на берегах ручья снабжала жителей города молоком и овощами. В 1922 г. на здесь разыгралась одна из трагедий времён гражданской войны на Камчатке. В период противостояния «белые — красные» в расположении фермы 1 июня произошёл бой, в котором с обеих сторон погибли семь человек!

В 1929 г. на основе фермы на Камчатке был создан первый совхоз «Камчатский пионер имени Сталина».

В 1937 г. в верховье ручья был сооружён один из первых больших водозаборов, снабжавших Петропавловск водой.

По-разному назывался ручей в XX в. Вначале — Малой речкой, с возникновением фермы он стал Фермерским, а с созданием совхоза — Совхозным. Ручей и сейчас носит это имя, но и имел второе название — Первая речка. Жители совхоза и 4-го километра ещё в 1950-х гг. так его и называли.

Через шесть лет после начала интенсивного строительства (с 1930 г.) на северном берегу Култучного озера посёлка Акционерного Камчатского общества (АКО) его жителям катастрофически стало не хватать питьевой воды. Имевшиеся ключи, давшие имя улице Ключевской, уже не обеспечивали потребностей нового посёлка. И в других районах в северной части города также ощущался недостаток воды. В пригороде же имелось всего два водотoka, пригодных в то время для забора воды: Первая речка, или Совхозный ручей, и Вторая речка, или Кирпичный ручей. Кирпичный ручей был слишком далёк от АКО, технические возможности тогда были ещё слабы, чтобы оттуда тянуть многокилометровую водопроводную сеть.

Выбор для строительства водозабора и водопровода выпал на Совхозный ручей. Он был полноводным круглогодично. Его питали два больших родниковых поля, расположенных выше распадка, по которому он протекал. Одно поле находилось в районе нынешнего парка Победы на Дачной, второе — в небольшом болотце перед старой котельной и Новым рынком и перед домами № 41 и № 47 улицы Академика Курчатова. На родниковых полях ещё стоял девственный лес, без следов человеческой деятельности. В ручье обитал голец, и в него заходила нереститься рыба. В 1936 г. строительная контора АКО провела изыскательские работы и в этом же году приступила к сооружению плотины и водопровода от неё к посёлку. Бетонную плотину возвели выше жилых и хозяйственных строений совхоза. Рядом с плотиной были установлены отстойники и фильтры, построено служебное здание. От водозабора в посёлок АКО была протянута четырёхкилометровая магистраль с несколькими водоразборными колонками для жителей Микояновской (Ленинградской) и Ключевской улиц. Новый водопровод вступил в строй в 1937 г. [9, с. 78].

В то время это был самый протяжённый водопровод в Петропавловске-Камчатском.

Забор воды из Совхозного ручья осуществлялся до 1959 г., магистраль же, запитанная уже из других источников, служила ещё несколько лет.

Водозабор был огорожен по периметру в несколько сотен метров колючей проволокой и стал режимным объектом. У него была военизированная охрана.

Сооружение водозабора положительно повлияло на сохранность берёзовой рощи в долинке, по которой бежал ручей. Здесь росли вековые каменные берёзы, по каким-то причинам не спаленные в печках жителями Петропавловска.

Во второй половине XIX в. и в XX в., до постройки в 1911—1914 гг. грунтовой дороги в село Завойко (ныне город Елизово), через рощу проходил сухопутный тракт или тропа вглубь Камчатки. О нём писал В. Л. Комаров в своё пребывание на Камчатке в 1908 г.:

«...У подошвы Петровской горы, у самой воды (Култучного озера. — А. П.), всё ещё (31 мая) лежат большие, мощные сугробы снега, завалившие, между прочим, и проложенную здесь тропу, ведущую далее как на Калахтырку (Халактырское озеро. — А. П.), так и на Завойку, то есть представляющую собою начало главного Камчатского тракта» [10, с. 29].

В путешествиях по полуострову в летние сезоны 1908 и 1909 гг. В. Л. Комаров неоднократно ходил по этому тракту, направляясь вглубь полуострова. Так, маршрут из окрестностей Петропавловска до Малкинских горячих ключей в 1909 г. проходил по нему. Отряд выходил из базового лагеря со стороны Халактырского озера. «...Наш караван из 22 лошадей длинной лентой вытянулся на подъём и двинулся в обход горы Зеркало (сопка Зеркальная. — А. П.) на трактовую тропу к селению Завойко... Мы перевалили высокий отрог, идущий от Меженной (так называлась в то время сопка Мишенная. — А. П.) горы в сторону Авачинской сопки, которая была как на ладони и сильно курилась» [10, с. 174—175].

Жители Камчатки зимой по тракту ездили на собачьих упряжках, а летом — на лошадях.

В рощу в районе водозабора допуск людей был запрещён, поэтому она осталась цела во время Великой Отечественной войны, когда горожанами в окрестностях Петропавловска на несколько десятков километров был вырублен почти весь берёзовый лес. С западной стороны рощу от набегов людей спасала территория исправительно-трудовой колонии, а с востока — поля совхоза, которые охранялись специальными объездчиками.

От гибели после прекращения забора воды из ручья рощу спасли архитекторы-проектировщики — разработчики перспективного генерального плана развития и строительства Петропавловска-Камчатского, составившегося в начале 1960-х гг. Они не остались равнодушными к уникальной роще и сохранили её территорию для городского парка. Поэтому её не коснулась застройка жилыми домами ни со стороны улицы Кроноцкой, ни со стороны микрорайона Дачного.

О ручье и берёзовой роще пишется не с чужих слов. Впервые в роще и в районе водозабора на Совхозном ручье я оказался летом 1956 г. Тогда наша семья переехала с улицы Микояновской у хлебосухарного завода на 4-й километр.

В те времена в городе деревья рядом с жилыми домами можно было пересчитать по пальцам, так их было мало. Сопки были перекопаны под огороды. Зелёным кусочком на 4-м километре оставалась берёзовая роща, и поэтому мальчишки стремились попасть в её заросли.

В один из таких походов в рощу новые друзья, приложив палец к губам, дали мне знать, чтобы я молчал, и, как заговорщики, пролезли через дырку в колючей проволоке. Я за ними. Через несколько десятков метров от забора пробежал быстрый глубокий ручей, который не в каждом месте перепрыгнешь. В нём мы пытались руками поймать небольших гольцов.

Потом я узнал о водокачке и запруде, видел охранников. Ими были женщины в чёрных беретах и с револьвером на боку.

В 1959 г. забирать воду из ручья перестали, и мы летом пытались купаться в холодной воде бывшего водозабора (запруды). Потом его затянуло песком и илом. Оставались видны только бетонная плотина, торчащие из неё трубы и рядом — служебное здание, ставшее кому-то жильём. Роща была удобным местом детских игр и забав.

Через пятьдесят лет после прекращения работы водозабора с большим трудом отыскал место его расположения. Бывшая запруда заросла ольховыми деревьями и травой, а плотина оказалась разрушенной. Только по её краям остались бетонные глыбы с отверстиями для труб и рядом — бетонный отстойник. Уже трудно догадаться, что на этом месте стоял один из первых больших водозаборов Петропавловска-Камчатского.

В 1960—1995 гг. по-разному складывалась судьба рощи и ручья. Если до 1970 г. роща посещалась в основном жителями множества бараков за бывшим кинотеатром «Родина», а ныне храма

Николая Чудотворца, то со сносом бараков народу в ней стало меньше. С началом строительства в 1972 г. объездной дороги от улицы Тундровой до Нового рынка родниковое поле в районе рынка засыпали, был сделан дренаж. После этих работ ручей обмелел.

В эти же годы в районе микрорайона Дачного забились главная канализационная труба, и нечистоты жилого массива 6—7-го километров и Дачного стали сбрасываться в ручей. Этот поток превышал по объёму ручей, превратив его русло в глубокий овраг со зловонным запахом, получивший неблагозвучное название Говнотечка. Почти двадцать пять лет текли нечистоты по некогда чистому руслу ручья. Неприятный запах в роще отучил жителей города посещать её.

Это положительно сказалось на роще — стала восстанавливаться лесная растительность.

Многие годы городские власти не переставали утверждать, что в роще будет создан парк. Были даже попытки его строить. В 1995 г. со стороны микрорайона Дачного к спуску в рощу начались благоустроительные работы. Были проложены тротуары, поставлены светильники, ликвидирована утечка канализационных стоков. Соорудили мемориал камчатцам, погибшим в годы Второй мировой войны.

Планировалось от мемориала перейти к устройству прогулочных дорожек и других парковых сооружений в роще. Однако за тринадцать прошедших с того времени лет ничего этого в ней не появилось. Правда, был сделан небольшой скверик, который именуют почему-то парком Победы и вспоминают о нём только в праздничные дни.

Июль 2008 г.

Карьеры в городе. В городской черте Петропавловска-Камчатского есть места, которые безобразят лицо города. Это карьеры по добыче и разработке строительного камня и щебня. Два из них — уже не действуют: один — у северного подножия Петровской сопки, второй — на вершине Мишенной сопки. Третий, действующий, — на Петровской сопке. История возникновения карьеров в Петропавловске-Камчатском связана со строительством и расширением его территории. По сути, карьеры — это история развития нашего города.

В XVIII—XIX вв. Петропавловск возводился из местного дерева. Заготавливали его в долине реки Авачи и затем сплавляли по

реке до её устья и доставляли в город. Глину добывали на берегу Тарьинской бухты (бухта Крашенинникова), там же делали кирпичи для печей. Потом кирпичи перевозили по Авачинской губе в Петропавловск.

В начале XX в. строительный лес уже стали привозить из Владивостока. Кирпич продолжали делать в Тарье.

Камень для фундаментов домов брали на берегах Раковой бухты, на склонах Никольской сопки и Сигнального мыса.

При небольших объёмах строительства материала хватало. Однако со второй половины 1930-х гг. в городе постепенно стали переходить к строительству из бетонных блоков. Потребовались камень, щебень и песок в больших объёмах. Именно с этого времени началась история городских карьеров.

Первый карьер появился в 1930-х г. у северного подножия Петровской сопки в районе расположения в то время Камчатского пограничного отряда, за современным зданием Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга. Песчаная смесь шла на производство кирпичей, бетона, для отсыпки городских дорог, засыпки Култучного озера. Никакого предприятия на месте карьера организовано не было. Каждое ведомство добывало и вывозило для себя эту песчаную смесь самостоятельно.

Однако качество песчаной смеси оставляло желать лучшего. Для промышленных и жилых зданий из бетона требовался материал более высокого качества. И он был найден в начале 1930-х гг. на вершине Мишенной сопки, состоящей из андезитовых пород. Так появился второй карьер.

Возник он предположительно в начале 1940-х гг. К вершине сопки серпантинном пробили дорогу, построили производственную площадку, на которой установили дробильное оборудование. Построили также спускавшийся по склону жёлоб, по которому сбрасывали приготовленный щебень и бутовый камень. Это было одно из первых предприятий по производству строительных материалов в городе и единственное в тот период производственное предприятие в северной части Петропавловска-Камчатского.

Добывали камень путём взрывных работ. В андезитовом монолите просверливали отверстия и закладывали тол. Перед взрывными работами над карьером вывешивался красный флаг. Грохот взрывов сотрясал округу в радиусе нескольких километров, серое облако пыли поднималось на десятки метров. Чуть меньше был грохот, когда готовую щебёнку и камень сбрасывали по жёлобу.

Так продолжалось почти полтора десятка лет. В 1952 г. производительность андезитового карьера составляла тысячу кубометров щебня и бутового камня в месяц [4, л. 32]. Однако к середине 1950-х гг. мощность карьера уже не удовлетворяла возросшие потребности строителей. Кроме того, карьер стал угрожать подступающим вновь выстроенным домам на улицах Вышинского (Держинской), Транспортной и других, а также строительству автобусного парка. Близость к карьере появившейся новой улицы дало ей имя Карьерная. В 1957 г. андезитовый карьер на Мишенной сопке был закрыт.

После его закрытия подростком ходил с друзьями по его развалам. Находили неразорвавшийся тол, бикфордовы шнуры. Лазили по образовавшимся скалам. В годы работы карьера я жил на 4-м километре. В памяти сохранились султаны разрывов, их грохот и грохот сбрасываемого по жёлобу щебня.

Третий карьер был организован ещё до закрытия карьера на Мишенной сопке. В сентябре 1954 г. Петропавловский горисполком принял решение о закреплении на Петровской сопке земельного участка за управлением автомобильных дорог для гравийного карьера и асфальтобетонного завода [5, л. 80]. Так было положено начало работе карьера на Петровской сопке по разработке месторождения диабазы. Новый карьер быстро превратился из предприятия дорожников в предприятие по производству сырья для нужд строителей города. Камень и щебень с сопки перекочевали в наши дома и дороги.

За пятьдесят шесть лет работы каменно-щебёночный карьер на Петровской сопке переработал миллионы кубометров породы, «съел» почти весь северный склон сопки, углубился в её нутро. На большой площади погублена растительность, обезображен склон. Результаты обдуманной разрушительной деятельности человека хорошо видны с высоты птичьего полёта. От взоров горожан карьер спрятан небольшим увалом на улице Высотной.

Карьер и сейчас продолжает работать, только с меньшей производительностью, чем раньше, и без взрывных работ, сотрясавших Петропавловск-Камчатский до 1992 г. Сейчас это один из производственных участков ОАО «Камчатскстройматериалы» (в его ведении находятся, кроме данного карьера, Николаевский карьер и карьер Ольховый близ посёлка Начики).

Три карьера в черте города — этапы строительства Петропавловска-Камчатского, его истории. Они свою роль выполнили. Вырос город. О карьерах уже никто не вспоминает. А всё-таки о них

вспомнить и напомнить стоит. Даже моей статьёй. Оставлять их в теперешнем состоянии — преступно к нынешним жителям и будущему поколению.

О котловане, оставшемся от карьера за нынешним университетом... Возможно, устроить в нём парк. Или просто попытаться засеять склоны травой и засадить деревьями. Со временем там будет лес.

Шрам на Мишенной сопке — как упрёк нам всем живущим. Его не заделаешь просто. Однако и здесь есть выход. Петропавловск-Камчатский хотят сделать туристической Меккой. На площадке перед андезитовыми скалами можно не только разбить смотровую площадку с прекрасным видом на северную часть города, на вулканы Корякский, Авачинский и Козельский, но и поставить кафе, устроить автостоянки для просмотра города из автомобиля. Лучшего обзора города нет.

Пока же стыдно шагать по пыльной грунтовой дороге к вершине, к уникальному месту для туристов, к точке для фотосъёмки города. Ведь можно установить фуникулёр. Не только туристам, но и горожанам захочется посмотреть на Петропавловск с высоты птичьего полёта в комфортных условиях. А ведь это будет! Было же такое, что вершина Мишенной сопки до 1974 г. никого не интересовала. Посмотрите на неё сейчас. Антенна на антенне. Связистами и телевизионщиками она востребована. Также сопку используют парапланеристы.

О карьере на Петровской сопке шумели лет двадцать пять назад. Писали о взрывах и пыли, о погубленной природе. Однако сейчас это никого не волнует. Жаль, что о красоте и уникальности нашего города говорят только в дни праздников.

Июль 2009 г.

Родники и ручьи на сопке Петровской. О гидрологической сети на Петровской сопке в Петропавловске-Камчатском публикации практически отсутствуют. А ведь именно благодаря имевшимся многочисленным родникам и ручьям на её склонах и было выбрано место для базы Второй Камчатской экспедиции (1732—1743), что наряду с удобной Малой бухтой (Петропавловская бухта, ковш) сыграло решающую роль в рождении Петропавловска. Почти два века жители поселения на склоне Петровской сопки и экипажи заходивших в Авачинскую губу судов пользовались водой из ручьёв, сбегавших с Петровской сопки. Они заслуживают того, чтобы рассказать о них.

Сейчас известны три ручья, текущих с Петровской сопки на участке от Култучного озера до стыка улиц Ленинской и Советской. Ручьи забраны в искусственные русла. О существовании этих ручьёв большинство жителей города уже не догадываются, а водный каскад вдоль лестницы с улицы Советской на улицу Ленинскую воспринимается как искусственное декоративное сооружение.

На карте Петропавловской гавани, составленной в начале 1850-х гг. [2, с. 75], хорошо прорисована гидросистема на склоне Петровской сопки, обращённом в сторону Петропавловской бухты (ковша). От мощных родников на склоне отмечено двенадцать ручьёв, один из которых впадает в Култучное озеро, а остальные в Петропавловскую бухту. Часть из них ближе к своему устью, берегу Петропавловской бухты, сливаются, и в ковш впадают уже семь ручьёв. Об этом говорит и Карл Дитмар, описывая город 1850-х гг.: «Девять маленьких ключевых ручьёв текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья. Из этих ручьёв семь впадают в бухточку...» [7, с. 113]. Меньшее количество указанных им ручьёв, скорее всего, связано с тем, что он не брал в учёт верховые ручьи до их слияния. Между тем ещё в отчёте за 1848 г. начальник Камчатки Р. Г. Машин отмечал, что через две улицы города протекают двенадцать речек [2, с. 33].

В XVIII—XIX вв. немногочисленные дома вдоль берега Малой бухты располагались между ручьями. Через них были перекинuty небольшие мостики. Так, в середине XIX в. в городе имелось двенадцать мостиков: четыре с перилами, восемь — без [2, с. 33]. На старинных фотографиях Петропавловска 1890-х гг. городские жители позировали на мостиках с перилами. Из скудного городского бюджета постоянно выделялись деньги на их ремонт. Большинство из них существовали ещё в первые десятилетия XX в. Так, в принятом 11 февраля 1928 г. горсоветом бюджете Петропавловска на 1928 г. была утверждена смета не только на планировку улиц, площади Советской, но и на ремонт мостов через городские ручьи [3, с. 504].

О ручьях, бегущих по склонам Петровской сопки и по городу, есть редкие упоминания. В своих воспоминаниях сын губернатора Камчатской области В. С. Завойко Степан рассказывал: «В Камчатке вообще очень много горных ключей, так и в нашем саду их было два с чистой холодной водой» [8, с. 101—102]. (Дом губернатора находился между нынешними домами № 35 и № 37 на

улице Советской.) Иностранный журналист Уильям Гильдер, побывавший в 1880-х гг. в Петропавловске, писал об одном из этих ручьёв: «Новая церковь выстроена из досок, выкрашена в белую краску и обладает широкою лестницею, ведущею к главному входу; она возвышается посреди миниатюрного парка, через который пробегает весёленький, маленький ручеёк» [6, с. 17]. Участник шведской научной экспедиции на Камчатке в 1920—1922 гг. Стен Бергман обратил внимание на городские ручьи: «Водоснабжение состоит из нескольких игривых горных ручьёв с наивкуснейшей водой, которые, подпрыгивая, мчатся вниз по горе, разветвляясь на многочисленные ручейки, к различным домам. Случается, что спокойную воду взбаламучивает какая-нибудь свинья, которой нравится лёжа купаться в таком водовороте... или какой-нибудь неосознательный горожанин стираёт одежду в ручье выше разветвления или там же ставит бочку с солёным лососем для отмачивания» [1, с. 15].

Для бункеровки судов водой был устроен водовод от большого ручья на сопке к Петропавловской бухте.

В городе до первого десятилетия XX в. водопровод отсутствовал. Появился он в 1909—1916 гг. с возведением домов в Петропавловске для губернских чиновников. В их домах были уже ванны и канализация. Затем водопровод стал прокладываться к домам обывателей. Интересны в этом отношении сведения от 1928 г., свидетельствующие, что за воду из городского водопровода с населения взимался рубль с семьи в месяц, а тонна воды в порту стоила для советских пароходов сорок копеек, для иностранных — шестьдесят [3, с. 511]. В этом же году было принято обязательное постановление окрревкома «Об объявлении в пределах Никольской и Петровских гор, верховьев Фермерского и Култучного ключей и двухсотпятидесятисаженной полосы вдоль берега Авачинской бухты — защитными».

Здесь уместно сказать о водоснабжении Петропавловска-Камчатского в 1930—1970-х гг. В разные периоды этого временного отрезка промышленные предприятия и организации города эксплуатировали одиночные скважины, а население ряда районов — естественные выходы подземных вод. Водопровод Петропавловской судовой верфи запитывался за счёт поверхностных и подземных вод долин ручьёв Кабан и Безымянного, водопровод городского коммунального хозяйства снабжался за счёт заключения источников подземных вод в трубы из скважин сопки Петровской, поверхностных вод реки Кирпичной и ручья

Первого (Совхозный); водопровод морского порта использовал воды ручья Гремучего. С введением в строй в 1976 г. Авачинского водозабора Елизовского месторождения питьевых подземных вод роль оставшихся водозаборов в снабжении города водой стала незначительной.

С появлением водопровода в центре Петропавловска важность ручьёв на Петровской сопке в снабжении жителей водой стала падать. На них уже не обращали того внимания, как раньше. Они мельчали, а маленькие стали пропадать. Но не это привело к исчезновению большинства ручьёв со склона Петровской сопки. Если до начала XX в. город только сохранял имевшиеся дома, а новые строились на месте сгнивших и разрушенных, что не приводило к расширению и уплотнению жилья на территории от нынешнего краевого музея до Култучного озера, то уже в первом десятилетии XX в. положение изменилось. Дома стали возводить большими по размеру и двухэтажные. Особенно бурное строительство началось со времени, когда город стал областным центром (1909). Для новых домов требовалась большая площадь, чем раньше. Глубже стали рыть фундаменты под них. Землю сбрасывали в овражки, образованные ручьями, и в сами ручьи. Кроме того, выравнивалась улица Большая (Ленинская). В это время, скорее всего, были упрятаны в трубы ручьи, пересекавшие главную улицу города. Однако с 1917 по 1928 г. в городе практически не велось никакого строительства, и исчезновение ручьёв в центре города замедлилось.

С развитием промышленности и увеличением числа различных областных учреждений в Петропавловске-Камчатском в начале 1930-х гг. возникла большая потребность в строительстве ведомственных зданий и жилья для работников. В границах города того времени оставался единственный выход — продолжать застраивать склон Петровской сопки. Здесь стали проявляться особенности в планировке и застройке, ставшие типичными для большинства застроек других территорий Петропавловска. Это было связано со среднегорным рельефом его территории. Склоны Петровской сопки в пределах от исторического центра города к его южной части приобрели специфический террасированный облик: каждая улица проходит по террасе, созданной за счёт отсыпки участков под строительство.

Если до 1930-х гг. это шло стихийно, то позже стало носить планомерный характер. В центре города огороды были уничтожены, приусадебные участки сведены до минимума, а частные дома на

улицах Ленинской и Таможенной (Советская) снесены. На их месте началось строительство типовых деревянных двухэтажных домов. Отдельные из них сохранились на улице Советской по нынешнее время. (Аналогичная работа проводилась чуть позже на улицах Нагорной (Гагарина) и Партизанской.) При планировке площадок под строительство грунт сбрасывали по склону, засыпая мелкие ручьи. Чтобы грунт не «плыл» на нижние улицы, по чётной стороне улиц у домов ставились подпорные стенки. Они до сих пор имеются на улицах Ленинской, Советской и Партизанской. Таким образом, ручьи не только засыпались, но и сдерживались этими дамбами. Поверхностные воды ручьёв через рыхлые отложения ушли в подземные водотоки. Так исчезли пять ручьёв в центре Петропавловска-Камчатского, а три самых непокорных спрятали в трубы.

Чтобы разобраться с современным водотоком на склонах Петровской сопки, пришлось подняться выше улицы Гагарина. Раньше там была улица Обручева. О ней сейчас напоминает дорога, заросшая травой и кустарником. На её обочине в сторону вершины Петровской сопки параллельно дороге — болотистая земля с бьющими еле заметными родниками. В тех местах, где сильные родники образовали русла, в которые сбегала вода с родникового поля, вода была забрана в трубы. Насчитал три таких ручья. Один из них выше дома № 80/1 на улице Гагарина. Труба проходит мимо дома № 62 на Партизанской улице и уходит вниз к улице Советской. Вода из этого ручья по ливнесток у попадает в Култучное озеро. Следующая труба от крупного родника берёт начало выше дома № 40 на улице Гагарина, проходит мимо дома № 30 на улице Партизанской и спускается к Дому связи на улице Советской, 32. У этого дома вода течёт по открытому водостоку и уходит в ливнесток улицы Советской. Это один из ручьёв, который протекал в парке губернатора Камчатской области В. С. Завойко. Третий ручей берёт начало выше дома № 20 на улице Гагарина, протекает мимо дома № 20 на улице Партизанской и затем течёт открытым каскадом вдоль лестницы, соединяющей улицы Советскую и Ленинскую.

Итак, возникновение верхних улиц на Петровской сопке привело к исчезновению на её склонах поверхностных вод, уходу их в нижние водоносные слои по бывшим руслам ручьёв и образованию не менее шести подземных водотоков [11, с. 49]. При наложении карты Петропавловской гавани XIX в., на которой отмечена гидросистема на склоне Петровской сопки, на современную

выяснилось, что многие ручьи пробегали по улицам города в районе имеющих сейчас в городе лестниц с улицы Ленинской на улицу Советскую.

Сентябрь 2014 г.

Источники

1. *Бергман Стен.* По дикой Камчатке. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 166 с.
2. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 112 с.
3. *Гаврилов С. В.* Петропавловск. Год 1928-й // Вопросы истории Камчатки: [сборник] / [ред.-сост. С. В. Гаврилов]. — Петропавловск-Камчатский: холд. комп. «Новая книга», 2012. — Вып. 6. — 672 с.
4. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 170. Л. 32.
5. Там же. Д. 245. Л. 80.
6. *Гильдер У.* Во льдах и снегах: путешествие в Сибирь для поисков экспедиции капитана Делонга. — СПб., 1885. — 276 с.
7. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — 576 с.
8. *Завойко С. В.* Воспоминания // Камчатка: лит.-худож. сб. — Петропавловск-Камчатский, 1993. — 136 с.
9. *Козик Л. В.* Страницы истории Петропавловска: Аюгград // Краевед. зап. — Петропавловск-Камчатский, 1991. — Вып. 7. — 136 с.
10. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. // В. Л. Комаров. Избранные сочинения. — Изд-во АН СССР. — Т. 6. — М. : Л., 1950.
11. *Моисеев Р. С.* Батареи Петропавловской обороны // Норд-ост: люди, природа, история: [сборник]. — Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камч. отд-ние, 1986. — 152 с.

ПЕРСОНАЛИИ

Н. С. Гаврилова

Карл Янович Лукс. Тайны жизни и смерти

В фондах ККОМ хранится уникальная коллекция материалов о Карле Яновиче Луксе (1888—1932) — создателе первой кузницы кадров для представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — Дальневосточного техникума народов Севера в Хабаровске, ректоре Ленинградского института народов Севера, министра по национальным делам Дальневосточной республики, кропотливом исследователе, самоотверженном борце за права коренных жителей северных территорий России. Эти документы стали частью фондового собрания благодаря находке в Санкт-Петербурге документального архива известного советского этнографа Е. П. Орловой.

Яркая жизнь Карла Яновича раскрывается на пожелтевших от времени страницах — это автобиографии, составленные в 1925 и 1929 гг., машинописные статьи «Проблема письменности у туземных народов Севера», «Историческое решение», стенограммы речей о просветительской работе, проводящейся среди народов Севера, хронокарты, предназначенные для учёта суточного расхода времени, заполненные им в 1924 г. Особый интерес представляют статьи и заметки Е. П. Орловой о жизни и творческом пути исследователя.

Они были знакомы в течение семи лет. Впервые встретились в Хабаровске в 1925 г., где Елизавета Порфирьевна, юная выпускница этнографического факультета Ленинградского географического института, направлявшаяся на Камчатку на практику, побывала проездом. Карл Янович увидел желание молодого исследователя посвятить свою жизнь этнографии и пригласил её на работу в Дальневосточный Комитет Севера при ВЦИК в Хабаровске. В дальнейшем под руководством Карла Яновича Елизавета Порфирьевна проводила серьёзную исследовательскую работу, в том числе занималась подготовкой первых букварей на национальных языках народов Севера. Памяти наставника она посвятила статью, в которой рассказала об уникальной личности Карла Яновича и высказала свои предположения об обстоятельствах его гибели.

Жемчужина коллекции документов Лукса — автобиографический очерк «От Прибалтики до Дальнего Востока», написанный в 1925—1926 гг. по предложению общества бывших политкаторжан.

Он привлекает внимание читателя пронзительным повествованием о годах юности и молодости автора, насыщенных неповторимыми событиями.

Детство Карла Яновича пришлось на очень сложные для Российской Империи годы. Программа развития промышленности, разработанная министром финансов С. Ю. Витте, тяжёлым грузом легла на плечи и без того небогатого крестьянства. Налоги, неуклонно росшие косвенные сборы на товары широкого потребления позволяли государству высвободить капиталы для вложения в промышленность. Результаты были впечатляющими — промышленный взлёт способствовал возникновению новых крупных заводов, развитию предприятий и формированию подлинного рабочего класса. А крестьянство продолжало страдать. «Мы будем меньше есть, но будем больше экспортировать», — заявил в 1887 г. министр финансов И. А. Вышнеградский.

Спустя четыре года в перенаселённых черноземных губерниях страны разразился страшный голод, унёсший десятки тысяч жизней. Находясь в зависимости от устаревшей сельскохозяйственной техники, от власти помещиков, крестьяне продолжали выплачивать высокую арендную плату, получая за свой труд скудное жалование. Первые беспорядки в деревне начались в 1902 г. с разгрома помещичьих усадеб, захвата полей и угодий, присваивания скота и сельскохозяйственного инвентаря.

В такой обстановке и появился на свет будущий борец за права угнетённых — Карл Янович Лукс. Он родился 1 (14) марта 1888 г. в Курляндской губернии (ныне — Латвийская Республика), недалеко от местечка Фрауэнбург в усадьбе Эглытес («Ёлочка»), был третьим ребёнком в крестьянской семье. Его появление на свет оказалось весьма драматичным. Отец Карла считал, что рождение и воспитание ещё одного ребёнка принесёт их и без того небогатой семье одни убытки. Поэтому, следуя «доброму совету» сёстры-знахарки, решил продать собственного дитя более обеспеченной семье.

«За несколько месяцев до моего рождения, — пишет Лукс, — жаждавшая ребёнка клиентка устроила маскарад с подушкой; за некоторое время до родов муж клиентки был выпровожен на довольно отдалённую ярмарку и инсценированы роды». Но коварному замыслу отца и тётки не суждено было осуществиться. Мать Карла Яновича отказалась продать своего сына. «Не помогли ни уговоры, ни обещания хорошего вознаграждения, ни запугивания трудной перспективой легкой страды с маленьким ребёнком на шее. В резуль-

тате получился, конечно, скандал: “клиентка” обиделась, тётя-знахарка лишилась заработка, распропагандированный ею отец был недоволен лишним ртом» [1, с. 15].

С детства привыкший к труду: с семи лет он начал пасти скот, зимой помогал отцу в заготовке дров, а с одиннадцати работал пастухом, Карл как нельзя лучше понимал несправедливость подчинённого, зависимого положения крестьянина. Он вспоминал, что испытывал неприятные чувства, когда хозяин усадьбы, где работал юный Лукс, рассуждал о способах обмана, выплате заниженного вознаграждения батракам. Уже тогда в сердце Лукса-подростка зародилось стремление бороться за справедливое отношение и уважение к труду простого человека.

После окончания сельской школы, куда, как и все крестьянские дети, он ходил только зимой, так как остальное время трудился, Карл поступил в двухклассное училище Министерства народного просвещения. По его окончании хотел продолжить обучение, поступить в учительскую семинарию, но, понимая тяжёлое материальное положение родителей, был вынужден принять другое решение.

Уехав в Либаву (ныне Лиепая), поступив младшим матросом на двухмачтовый парусник, совершавший рейсы между Либавой и странами Балтийского моря, Карл становится членом рабочего социал-демократического кружка, где уже состоял его старший брат. Нечестное поведение матросов послужило причиной ухода молодого моряка с судна. Найти новую работу было непросто, и Карл погрузился в подпольную работу. Во время ярмарки во Фрауэнбурге он решил распространять агитационные листовки, подкладывая их в сани приехавших, но по неопытности не догадался для конспирации сунуть её и в свои собственные. «Когда поднялся переполох, явились городовые и начали обшаривать сани, отсутствие зловерного листка на наших санях не могло не броситься в глаза» [1, с. 29].

Пропагандистская работа, а также причастность к небольшой вооружённой дружине послужили поводом для первого ареста тогда лишь семнадцатилетнего Лукса. В тюрьму он попал вместе со своим старшим братом. Вскоре, спасаясь от очередного ареста, брат Карла — Жан покинет страну, тайно уехав в трюме парохода в Роттердам, а затем — в Бразилию. Позднее в Бразилию эмигрируют и родители юношей.

Карл не смог отступить от пути борьбы за судьбу России. В молодые годы он неоднократно находился под арестом в Либаве, Санкт-Петербурге, Лодейном Поле, Петрозаводске, Каргополе, Шлис-сельбурге и Орле. В двадцать четыре года на долю Карла Лукса

выпало страшное испытание — он стал узником Орловского центра. Сюда он попал из знаменитой «государевой» башни Шлиссельбурга вместе с группой заключённых, отправленных в Орёл «на усмирение». В первую же ночь в центре его избили сразу шесть надзирателей, вломившихся в камеру. Карл обладал большой физической силой, но в одиночку противостоять этому свирепому полчищу было невозможно. Жестоко избив Лукса, надзиратели крепко связали его руки и ноги верёвками. Один из них со словами «Будешь ещё требовать вежливого обращения?!» каблуком своего сапога давил пальцы связанных ног поверженного.

Причиной такого жестокого обращения тюремных служащих стало требование Лукса не обращаться к нему на «ты». «Развязали меня только на другой день вечером, продержав связанным около двадцати часов. В результате верёвки въелись в тело до костей, кисти рук и ступни из-за нарушенного кровообращения распухли и почернели, так что владеть ими было невозможно» [1, с. 66].

Лукс отказался принять медицинскую помощь, предложенную только на четвёртые сутки, он лишь сменил свою окровавленную рубаху на чистую одежду. Следы от чудовищной пытки остались на теле Карла Яновича на всю жизнь, кожа по следам тюремных верёвок никогда больше не покрылась волосками.

Варварское поведение надзирателей побудило всех шлиссельбуржцев объявить голодовку, причём это решение бывшие узники «государевой» башни приняли самостоятельно, не сговариваясь. Карл Янович не принимал пищу в течение девятнадцати дней. И это несмотря на чудовищную боль во всём теле от недавних истязательств! Он пишет: «Решил проверить себя следующим опытом: хлеб не выбрасывал, а складывал на столике, желая проверить, не появится ли желание есть. Первое время вид хлеба иногда, действительно, привлекал внимание, но с шестого дня это прошло совершенно. Воду пил, хотя в первые дни бросил, было, и её» [1, с. 69].

Стоическое поведение Лукса вызвало настоящую оторопь у опытных надзирателей. Те не ожидали, что человек способен добровольно подвергать себя такому наказанию. «Потом уже я демонстративно копил хлеб и на вопросы отвечал: “Пригодится, какому-нибудь нахалу по башке съездить”». На одиннадцатый день голодовки Лукс против воли начал подвергаться искусственному кормлению от «двух коновалов-фельдшеров и очередных надзирателей» [1, с. 69]. Этот же день жизни Карла Яновича был отмечен следующим «ослаблением»: служивший ему «кроватью» асфаль-

товый пол камеры был заменён койкой с подушкой и одеялом. Карцерное положение было снято.

Карл Янович вспоминал, что сохранить здоровье в тяжелейших условиях тюрьмы ему помогли ежедневные занятия гимнастикой по армейской системе И. П. Мюллера. «На этой почве у меня было много комичных столкновений. Одни церберы пытались действовать наскоком, другие вежливо убеждали, что очень неприлично нагишом выделявать разные такие движения, но ничего не действовало, и Мюллер у меня процветал вовсю» [1, с. 67].

Три дня спустя у Лукса появился необычный сосед. Администрация орловской тюрьмы посадила в камеры к нему и товарищам кавказцев, ничего не понимавших по-русски. Кажется невероятным, но именно благодаря этому знакомству будущий ректор Института народов Севера увлёкся национальными языками и культурой. Карандашом, при помощи которого записывались новые слова, послужила игла, а листком бумаги — тюремная стена, на которой будущий исследователь выпарапывал только что изученные выражения.

«И нужно было видеть, как вытянулись лица большого и малого начальства, когда они услышали, что мы дружно разговариваем. Пробыл мой мнимый “искуситель” у меня трое суток, и когда ему велели собирать вещи, я демонстративно прощался с ним по-карачайски, используя весь свой запас каравайских слов, и еле удерживаясь от хохота, смотря на недоуменные рожи присутствовавших при этом надзирателей» [1, с. 71].

На восемнадцатый день голодовки Карл Лукс узнал от администрации, что большинство шлиссельбуржцев её прекратили. Десять заключённых обходились без пищи четыре дня, трое — восемнадцать дней. Тюремное начальство согласилось удовлетворить их требования о недопустимости рукоприкладства со стороны надзирателей. А Карл Лукс подумывал довести свою «мёртвую голодовку» до естественного конца... Единственным, что остановило его, было сильное желание продолжить образование, ведь в своё время он хотел поступить в учительскую семинарию...

Неосуществившаяся мечта побудила Карла задуматься о прекращении голодовки. Тюремному начальству он предъявил следующие требования: прекратить рукоприкладство и оскорбления; выдать книги и письменные принадлежности; после карцера поместить в одну камеру с Н. Н. Билибиным. Но последнее требование удовлетворено быть не могло — Билибина вместе с группой шлиссельбуржцев отправили на каторгу.

Только через месяц Карл Лукс получил доступ к библиотеке, где начал знакомство с грамматикой классических языков, прочитал много книг на английском, немецком, французском, польском, итальянском. Кроме того, изучал математику, доведя занятия «до сферической тригонометрии и морской астрономии» [1, с. 76].

После четырёх лет пребывания в орловском центре двадцативосьмилетний Лукс, заработавший туберкулёз, в июле 1916 г. был отправлен в ссылку в Нижнеудинский уезд Иркутской губернии. После освобождения от этапа ему приказали следовать по открытому листу в Усовскую волость. Он хотел устроиться на железную дорогу, но отсутствие тёплой одежды (приближались морозы, а у Лукса имелась только специальная пересыльная роба — брюки до колен и кожаные лапти) не позволило ему пойти на такую работу. Карл Лукс поселился в таёжном селе Камышет, устроился конторщиком на цементный завод и счетоводом местного общества потребителей.

Для Российской Империи наступали катастрофические времена — шла война, близилась Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. После первых известий о февральских событиях Лукс и его маленькая каторжанская коммуна — три товарища по ссылке — «оформили своё “восстание”»: разоружили станционного жандарма, заводского урядника и выбрали исполнительный комитет» [5, с. 11]. Через некоторое время Лукс переехал в Нижнеудинск, где после кратковременной работы бухгалтером общества потребителей, был избран уездным комиссаром.

Сразу же после революции из царских тюрем и ссылок в центральные области страны хлынул поток политических заключённых. Знакомые Карла Яновича по подпольному прошлому стремились в Москву, но Лукс решил остаться — кто же будет трудиться на сибирской земле? Нижнеудинск заметно опустел. Вскоре Лукс стал секретарём городской управы, затем её членом и, наконец, городским головой. Лукс серьёзно взялся за работу в Нижнеудинске, но вскоре убедился, что опереться ему совершенно не на кого. «Выбор нужно было сделать между обывательско-казацкой группой и эсерами. Первые были явные черносотенцы, вторые в большинстве своём интеллигентные Маниловы» [4, с. 70].

Довольно быстро он решил оставить этот пост и перебраться в Читу. Здесь вступил в читинскую организацию РСДРП, но, по его словам, вся деятельность её членов сводилась к посещению партийных собраний и изданию газеты. На некоторое время Лукс отошёл от политической работы — он был разочарован обывательским

взглядом значительной части местных членов «так называемого Сибирского правительства». Бурятская интеллигенция «сплошь эсэровствовала» и поддерживала старую политику бурятских тойонов, стремившихся сохранить свою территориальную обособленность. Карл Лукс, без сомнения, считал, что богатая бурятская история, вобравшая в себя многовековой опыт предков, достойна уважения и сохранения. Но при этом культура нуждается в развитии и обогащении новыми, современными методами ведения хозяйства, в частности, земледелия.

В мае 1918 г. к Чите подошли семь тысяч штыков и сабель казачьего атамана Григория Семёнова. Большевикам удалось удержаться и перейти в контрнаступление. Впечатлённый действиями красноармейцев, заставивших отступить кровавого атамана, Лукс решил сблизиться с советскими организациями. Но эта попытка закончилась неудачей. На первом заседании Совета нового состава группа социал-демократов, в том числе Лукс, хотели вступить во фракцию большевиков — Карл Янович стремился поддержать их борьбу против хулиганствующих уголовных типов, пролезших в советские организации («яньков, попов»). Решение было неожиданным — Лукса с товарищами исключили из состава Совета. «Это исключение я принял очень болезненно, как тяжёлое личное оскорбление, и в дальнейшем ушёл в свою кооперативную работу» [4, с. 73].

В конце 1919 г. Лукс под именем Виктора Лондо приступает к работе в крестьянском повстанческом штабе, а затем в партизанском отряде в восточной части тракта Чита — Нижнеудинск. Борьба за устройство нового мира была ожесточённой. Весь Дальний Восток охватила партизанская война. На страницах автобиографического очерка раскрывается мнение непосредственного участника этих трагических событий о её методах и формах. Наиболее высокой оценки Лукса удостоена Приморская область и Восточное Забайкалье. Выдержанное руководство партизанскими операциями со стороны коммунистических партийных организаций и действия партизанской пехоты отличали Приморскую область. Конница, артиллерия, пехота, танковый дивизион, бронепоезд и авиаотряд — свыше двадцати тысяч бойцов, сумевших к октябрю-ноябрю 1920 г. занять Читу и изгнать белых из всего Забайкалья — такие успехи на счету Восточного Забайкалья.

Позже в результате всеобщего крестьянского восстания в борьбу вступило и Западное Забайкалье (Прибайкалье), где и начал работу Виктор Лондо. Он последовательно, до 14 марта 1920 г.,

занимал должности уполномоченного крестьянского повстанческого штаба (по бурятским делам и учёту оружия), члена повстанческого штаба и начальника штаба объединённого отряда Северо-Западного и Баргузинского районов.

После изгнания белых из Читы и Забайкалья в декабре 1920 г. Карла Яновича избрали членом Учредительного собрания Дальневосточной Республики (ДВР), он вошёл в состав Совета Министров ДВР в качестве министра по национальным делам.

8 июня 1921 г., «не получив ни одного сотрудника, ни помещения, ни инвентаря, ни сведений о текущих делах», Лукс вступил в исполнение обязанностей министра. Всего за два месяца пребывания на новом посту им подготовлен проект положения о министерстве, созданы отделы: бурят-монгольский, мелких туземных народностей, украинский, тюрко-татарский, корейский, еврейский. Отделы — корейский, еврейский и мелких народностей — не были укомплектованы штатом и находились в личном ведении К. Я. Лукса, в других же трудились один-два сотрудника.

Началась разработка закона о культурно-национальной автономии. Над его проектом К. Я. Лукс трудился вместе со своим заместителем Яном Яновичем Петровичем. Ценная рукопись Е. П. Орловой из музейных фондов «Материалы о деятельности Лукса в министерстве по национальным делам ДВР» содержит интересную пометку: «Очень большой [закон]: на семи листах плотно напечатано». Работа Лукса была направлена на защиту и охрану прав аборигенных народностей. С этой целью предполагалось создание автономных национальных союзов.

Одним из первых начинаний в этом направлении стало содействие в создании союза орочонов Чёрно-Урюмо-Олёкминского района и оказание им помощи в поставках продовольствия, улучшения их хозяйственного положения. Карл Лукс хотел добиться того, чтобы каждая национальность имела право самостоятельно решать все вопросы своей культурно-национальной жизни безо всякого давления со стороны государственной власти. С этой целью министр по национальным делам выступал с многочисленными обращениями к представителям местных народностей. 26 июля 1921 г. Лукс пригласил бурято-монголов вернуться в Бурято-Монгольскую автономную область: «...В разное время уходили вы в Монголию в поисках более привольных мест, спокойного жития. Взаимные обиды и споры с соседним русским населением вы хотели решить переходом границы. Достигли ли вы мира и спокойствия, избавились ли от споров и обид?» [6, с. 2].

Началось возвращение на историческую родину. За два месяца 655 человек со значительным поголовьем скота были перерегистрированы и собраны в приграничной полосе. Фактическое возвращение ожидалось к весне — на территории ДВР отсутствовали запасы корма для скота. В конце октября 1921 г. группа бурят подверглась подлому нападению грабителей, в результате которого было потеряно и разграблено несколько тысяч голов скота. Об этом событии Лукс сообщает председателю Совета Министров в своём письме под грифом «Весьма срочно»: «Прошу Вашего срочного распоряжения о принятии самых решительных мер для ликвидации грабителей и для обеспечения безопасности и предупреждения паники остальных бурят. По моему мнению, для этой цели немедленно должна быть послана особая комиссия с достаточно сильным воинским отрядом...» [6, с. 2]. К сожалению, как видно из последующих записей Карла Яновича, «из области защиты туземных племён не сделано почти ничего за отсутствием сотрудников и средств».

В 1923 г. Лукс перешёл на работу в акционерное общество «Книжное дело», объединявшее всю издательскую работу на Дальнем Востоке, в качестве заместителя, а затем — председателя правления. Кроме работы в «Книжном деле», Карл Янович организовал в Забайкальском отделении Русского Географического общества (ЗО РГО) секцию «Изучение и улучшение быта туземных племён» и был её председателем, готовясь к практической работе среди народов Севера. По его инициативе и при активном участии в сентябре 1923 г. Дальревком принял обязательное постановление «О мерах борьбы с эксплуатацией обманом и спаиванием туземцев частными торговцами», поставившее частную торговлю под контроль советских органов и запретившее продажу спиртного в районах обитания местных народностей. Въезд в эти районы по торговым делам разрешался только с ведома исполнительных органов власти.

24 апреля 1924 г. в адрес Лукса от управления Дальревкома поступило такое задание: в шестидневный срок разработать проект постановления ДРК каждому вопросу отдельно: 1) районирование туземно-промысловых районов, 2) туземное землепользование, 3) охрана туземных промыслов в туземных районах, 4) охрана труда туземцев. С поставленной задачей Карл Янович справился на «отлично», документ был одобрен и утверждён Дальревкомом.

В конце 1924 г. Карл Янович с семьёй переехал в Хабаровск, и с тех пор до самой своей преждевременной смерти он был стержнем

всех мероприятий, касавшихся народов Севера Дальнего Востока, фактическим руководителем Дальневосточного Комитета Севера. Он умело подбирал кадры для практической работы среди северных народов, создал советские традиции среди национальных меньшинств, положил начало северному «ударничеству».

В 1925 г. Карл Лукс вступил в коммунистическую партию, куда на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) был принят без прохождения кандидатского стажа.

Просвещение народов Севера и улучшение качества их жизни всегда было первоочередной задачей К. Я. Лукса. В отдалённых окраинах страны появляются культбазы, которые в перспективе должны были стать крупными административными центрами. Места будущих городов — Комсомольска-на-Амуре, Магадана, посёлка городского типа Ноглики — выбраны им [5, с. 28]. Имя Лукса увековечено в названии одной из центральных улиц Магадана.

В 1926—1928 гг. Карл Янович — уполномоченный Главнауки и директор краеведческого музея в Хабаровске. Музей он принял из рук своего друга, известного исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева.

В сентябре 1929 г. Карл Янович в составе Правительственной комиссии ЦИК СССР побывал на Камчатке. Об этом событии писала «Полярная звезда»: «К пирсам Петропавловского порта пришвартовывается яхта Правительственной комиссии ЦИК СССР... Вот на палубе и тов. Лукс К. Я., член Правительственной комиссии, председатель Крайисполкома, дальневосточный партизан, большой северянин, хорошо известный на Камчатке» [7].

6 сентября 1929 г. члены комиссии посетили камчатский музей. Командарм Иван Фёдорович Фёдко оставил в книги отзывов запись: «Музей производит весьма выгодное впечатление в отношении оборудования экспонатами, рисующими быт туземного населения. Развитие в дальнейшем отделов музея послужит богатым материалом для изучения Камчатского края». На развитие учреждения комиссия пожелала выделить 1 500 рублей.

Благодаря работе К. Я. Лукса были созданы две первые кузницы кадров для представителей народов Севера — Дальневосточный техникум народов Севера в Хабаровске и Институт народов Севера в Ленинграде. «Дальневосточный техникум народов Севера — это детище Карла Яновича, детище любимое, о котором он неустанно заботился до самой своей смерти» [5, с. 31]. В самостоятельное учебное заведение техникум выделился из туземного отделения Хабаровского педагогического техникума в 1928 г. В 1930—1931 гг.

техникум сделал первый выпуск педагогических, административно-советских и кооперативных работников. В это время в нём насчитывалось свыше четырёхсот студентов, представителей семнадцати народностей Севера. В техникуме училось много «беглянок» — так называли девочек и молодых женщин со сложной судьбой, которых привозили на учёбу, забрав их из неблагополучных семей.

И всё же в 1920-е гг. большинство жителей отдалённых территорий России не владели русским языком в достаточной степени. «Впустую шла работа в школах, — вспоминала Е. П. Орлова, — народы Севера в основной своей массе не могли понять премудрости грамоты на чужом языке. Первоначальное обучение следует проводить на материнском, родном для учащихся языке» [5, с. 34].

Чтобы повысить качество образования, молодые педагоги, выпускники этнографического факультета Ленинградского института, занимались составлением полевых книг на языках народов Севера — букварей и словарей и размножали их под копирку. Вопрос о создании письменности на языках народов Севера стоял остро.

В 1929 г. К. Я. Лукс становится ректором Ленинградского института народов Севера. Первым решением ректора стало создание научно-исследовательской ассоциации института. Она занималась разработкой систем письменности и алфавитов для шестнадцати народностей и созданием первых книг на этих языках. Ассоциация объединила педагогов высокого уровня, знатоков языков и, конечно же, представителей коренных народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Встал вопрос с выбором графики для создания письменности. Часть исследователей выступала за русский алфавит, как более лёгкий для изучения (юным ученикам-северянам не придётся осваивать две формы письменности), другая часть (в том числе и Лукс) — за латинский, как более соответствующий звуковому составу языков. Книги на четырнадцати языках вышли в свет уже в 1931—1932 гг. Значительный вклад в работу внесла Е. П. Орлова, работавшая над составлением алеутского, эскимосского и ительменского букварей. Книги были созданы на основе латинского алфавита, на русскую основу они были переведены только в 1936 г.

Организовав это, К. Я. Лукс передал пост ректора института Яну Петровичу Кошкину и вернулся в Хабаровск на работу в Комитет Севера. В это время его больше всего интересовал вопрос о национальном районировании на границе между Дальним Востоком

и Якутской АССР. «Как бы не была мала народность, — утверждал Лукс, — она имеет право на самоопределение и защиту своих национальных интересов». С этим постулатом были не согласны представители власти Якутской АССР. По отношению к малым народностям якуты проводили шовинистическую политику, от которой особенно сильно страдали ламуты и тунгусы, «над языком которых смеялись, требовали говорить по-якутски, а в тунгусские школы посылали учителей-якутов с учебниками на якутском языке» [5, с. 40].

Сторонники «Великой Якутии», например, полагали, что не только эвенкам и эвенам (тунгусам и ламутам), жившим в Якутской АССР, не следует создавать свои национальные округа и районы (а тем более, письменность), но что весь Камчатско-Охотский край надо присоединить к ЯАССР» [5, с. 35]. Кроме того, на территории Якутии и в хребтах Джугджура орудовали вооружённые банды, грабившие местное население. Честная и принципиальная натура Карла Яновича не могла мириться с этой несправедливостью и требовала немедленного освобождения пограничных регионов.

7 января 1931 г. он отправился на санях по Амуру в Тунгуро-Чумиканский район, посетил Удск. Родной, редкий язык тунгусов сохранился только в одной семье, все остальные жители района разговаривали на якутском. «Удск стал центром якутизации в Чумиканском районе и узлом интриг якутского кулачества и уцелевших остатков купечества». В марте 1931 г. якутский бандитский отряд совершил нападение на жителей села Чумикан. Среди погибших: заведующий радиостанцией Верхотуров и заместитель начальника контрольно-пропускного пункта коммунист Долгов. Это наводит на мысль, что целью преступной группировки был Лукс, как ответ на национальное районирование Севера...

Исследователь сталкивался с агрессией неоднократно. Во время своей последней экспедиции по Чукотке он обнаружил склад японских товаров, укрытый уцелевшими белогвардейскими группировками. Имущество находилось под охраной. Четвероногий друг, немецкая овчарка по кличке Кам, почувствовала опасность и спасла исследователя.

В отчёте о поездке в Тунгуро-Чумиканский район Лукс сообщал, что подавляющее большинство кочевых эвенков, тунгусов и ламутов встретили весть о решении правительства организовать национальный Охотско-Эвенский округ с большой радостью. Согласно решению, эвенки, жившие за Джугджурским хребтом, получили право на национальную независимость и возможность

покончить с влиянием якутских торговцев и кулаков. Но правительство ЯАССР нашло выход из ситуации, и три национальных района (Усть-Майский, Оймяконский, Западнотундренский), которые населяли преимущественно тунгусские народности (на 85—90 %), остались в составе Якутии. Комитет Севера при ВЦИК СССР, «введённый в заблуждение чей-то злостно-неправильной информацией», одобрил это решение. Старания Лукса, увы, оказались тщетными.

«Все эти районы должны войти в состав национального округа, и граница этого округа с Якутской АССР должна быть национальной границей населения якутов, эвенков (тунгусов) и эвенов (ламуты). Иначе вместо здоровой политической обстановки получится сплошной политический гнойник», — так рассуждал Карл Янович.

Социальная несправедливость побудила исследователя последовать в роковую экспедицию. Е. П. Орлова вспоминала, как Карл Янович поздно, в темноте (поезд из Хабаровска во Владивосток отправлялся в два часа ночи) сел в чёрную машину и отправился в командировку, из которой ему не суждено было вернуться...

Впервые он поехал не один, а как руководитель группы комплексной экспедиции. Он приглашал принять участие в командировке и Орлову, но Елизавета Порфирьевна готовила к печати первые буквари на алеутском, эскимосском, ительменском языках, поэтому отказалась. В состав группы вошёл экономист Людмицкий, зоотехник Шульганов, врач Калиновская. Из всей экспедиции Карл Янович был лично знаком лишь с одним человеком — врачом Горбуновым. «Судя по письмам, Лукс чувствовал себя неважно и одиноко в такой большой, но неважной по составу экспедиции» [5, с. 44].

На пароходе «Свирстрой» и ледорезе «Литке» исследователи прибыли в Охотск — начальный пункт работы экспедиции. В пути на Колыму к ним примкнули ветеринарный врач Горбунов и секретарь окрбюро ВКП(б) Анк.

27 августа 1932 г. в бухте Амбарчик руководитель решил разделить группу на два отряда, первый составили Лукс, Горбунов и Анк. Они намеривались следовать вдоль Чаунской губы и закончить путь в чукотском селе Островное. Другой отряд (Шульгинов и Калиновская) должен был обследовать оленеводческий совхоз Аняйский Билибинского района и затем прибыть в селение Островное. Карл Янович предупредил, что по прибытии двух групп в обозначенный населённый пункт будет составлен финансовый отчёт о затраченных на экспедицию средствах.

Павлов Роман Иванович Лукич

установления, изданного в Голландии
в 1794 году, позволяющего всем лицам без
различия быть в правах работы,
и давая им возможность свободного
и полного пользования наследством.

К. Я. Лукс, 1920—1925 гг.

**Дальневосточный Педагогический
ТЕХНИКУМ
НАРОДОВ СЕВЕРА
им. тов. Лукс**
ОТКРЫЛ ПРИЕМ
заявлений в осенний набор студентов в педагогический техникум Народов Севера и на подготовительные классы, функционирующие при ТНС как национального, так и русского отделения.
УСЛОВИЯ приема на 1-й курс основного отделения: возраст от 15 до 25, образование—полный курс неполной средней школы.
Для подготовительных классов, возраст от 15 до 20 лет, образование не ниже 4-х классов национальной школы и 6-ти классов неполной средней русской школы.
Принятые обеспечиваются стипендией в размере от 110 до 135 руб. в зависимости от успеваемости, общежитием и питанием. Общежитие для семьи не предоставляется.
Прием заявлений производится с 15 по 25 сентября 1936 года.
Все поступающие обязательно подвергаются испытаниям. Приемные испытания будут проходить с 15 по 25-е сентября 1936 года.

Фрагмент объявления из газеты «Камчатская правда» от 24 июля 1936 г.

К. Я. Лукс, 1905—1908 гг.

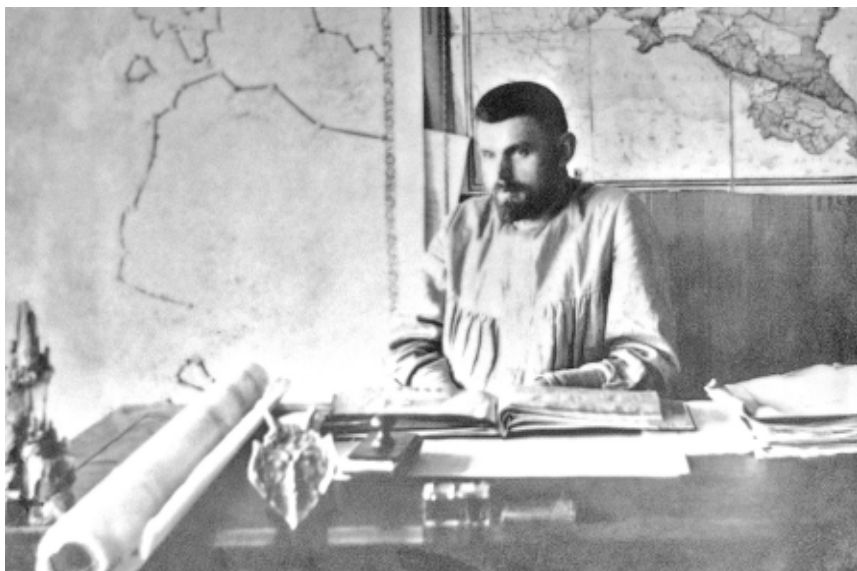
К. Я. Лукс, 1925—1930 гг.

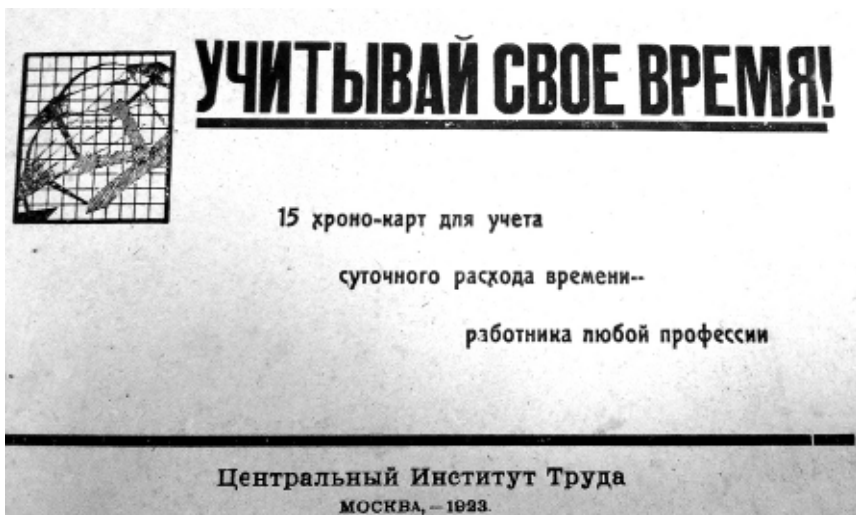
Корякская группа Дальневосточного техникума народов Севера.
Руководитель И. П. Кузнецов, Хабаровск, 1931 г. (из фондов ККОМ)

Выпускники Дальневосточного техникума народов Севера,
20 мая 1932 г. (из фондов ККОМ)

К. Я. Лукс в рабочем кабинете, 1920—1932 гг.
(из фондов ККОМ)

«Учитывай своё время!» Хронокарта К. Я. Лукса за май 1924 г.
Центральный институт труда, 1923 г. (из фондов ККОМ)

«Учитывай своё время!» Хронокарта К. Я. Лукса за май 1924 г.
 Центральный институт труда, 1923 г. (из фондов ККОМ)

Табличка на памятнике К. Я. Луксу в посёлке Амбарчик
[\[http://sdrs-radchenko.livejournal.com47580.html\]](http://sdrs-radchenko.livejournal.com47580.html)

Памятная доска К. Я. Луксу в Магадане [Фотоблог «Магадан — Дальний Восток», http://imagadan_livejournal.com]

На следующий день первый отряд в сопровождении конюха Шкулёва выехал из бухты Амбарчик. 29 августа 1932 г. в 3.15 он прибыл в местечко Каменный подволок, где стояли две юрты чукчи Каштыргина. Приступили к развьючиванию лошадей. Лукс спешился первым, вбил в землю несколько кольев для привязи лошадей, стал укладывать вьюки около яранги. Анк сразу направился в ярангу Катыргина. Когда ветеринар Горбунов и конюх Шкулёв развьючивали последнюю лошадь, неожиданно послышался выстрел...

Последующие мгновения изложены в рукописи Е. П. Орловой «Памяти Карла Яновича Лукса». На звук выстрела из яранги выбежал Анк и двое чукотских мужчин, а от места развьючивания лошадей подбежал конюх Шкулёв. Лукс сначала сидел на оленьих санках около яранги, но секунд через тридцать он повалился на санки со словами: «Какая дрянь оставила в канале ствола патрон?» На вопрос подбежавшего Горбунова «Что случилось?» Лукс ответил: «Разряжал винчестер... Всё кончено... Какая чепуха... Какая глупая смерть...»

Последние слова слышали подбежавшие Анк, Шкулёв и чукчи. Минут тридцать-сорок после ранения Лукс находился в полусознании. С правой стороны брюшной области была обнаружена рваная рана. Ноги и руки коченели. В один из проблесков сознания Лукс просил посмотреть, какими патронами заряжен винчестер, если разрывными, — то всё кончено...

В последних словах Карла Яновича, обращённых к членам экспедиции, заключался смысл его жизни: «Настаивайте на продолжении работ по обследованию малых народов — чукчей, эвенов, не считаясь ни с чем, невзирая на жертвы, какой ценой бы не стало, продолжайте работу по обследованию Восточной и Западной тундр, самых отдалённых мест, населёнными народностями...»

Здесь речь тяжело раненого руководителя прервалась. Обращаясь к Горбунову, он продолжил очень слабым голосом: «Как мне хочется, чтобы ты всё знал... Как много мне нужно сказать тебе... Если бы ты всё знал... Нет ли морфия? Ефим Иванович, сосчитай пульс... Сколько времени... посмотри, взошло ли солнце?» В 5.40 Лукс затих, а в 5.55 умер. В 18.40 его тело было отправлено в бухту Амбарчик, где и захоронено.

«Ряд предсмертных сообщений Карла Яновича вследствие категорической настойчивости не отражать их ни в какой степени на бумаге, хотя бы и шифром, не зафиксированы, они должны быть переданы в порядке устной информации только П. Т. Смидовичу,

председателю Комитета Севера при ВЦИК...» — свидетельствовал Горбунов. За врачом Калиновской для Карла Яновича были отправлены лучшие лошади, но прибыла она уже через несколько часов после смерти руководителя.

После возвращения из Амбарчика, по свидетельству Анка, встретили картину, похожую на разгром: все места, перевязанные Луксом при отъезде, и запертые ящики были раскрыты, вещи разбросаны. Врач Калиновская объяснила, что искала медицинские инструменты. Но ящик руководителя экспедиции с деньгами, документами и оружием был открыт, хотя ключи имелись только у Карла Яновича.

Как только вся группа собралась вместе в Амбарчике после гибели Лукса, между её членами начались систематические скандалы. На совещаниях поднимался вопрос о роспуске экспедиции, так как между сотрудниками «развилось недоверие и подозрительность». Анк свидетельствовал о закулисных интригах Калиновской и Шульганова, злоупотреблении ими спиртными напитками.

27 августа врач Калиновская и зоотехник Шульганов дали телеграмму в адрес Комитета Севера о том, что экспедиция распущена, хотя через несколько дней после гибели Лукса была получена депеша о необходимости продолжить работу по ранее обозначенным указаниям исследователя. Игнорируя распоряжение, Калиновская и Шульганов оставили работу и выехали в Хабаровск пароходами. Перед отъездом случился очередной скандал. При посадке на пароход они взяли с собой все ценные вещи и около 700 рублей. «Другие члены экспедиции тоже “не зевали”: один забрал часы Лукса, другой — барометр, третий — хронометр и другие вещи». Эти инструменты были приобретены в Ленинграде Е. П. Орловой по заданию Карла Яновича.

Акт обследования тела показал рану размером шесть сантиметров, судебно-медицинская экспертиза в Москве, куда была отправлена одежда Лукса, бывшая на нём в момент гибели, не обнаружила следов ожога и доказывала, что выстрел был произведён издали, но никак не в упор [5, с. 40]. Из письма Е. П. Орловой в адрес супруги Карла Яновича следует, что руководителя экспедиции похоронили во временной могиле до проведения экспертизы. Сведениями о перезахоронении тела Лукса общественность не располагает.

Спустя тридцать шесть лет после гибели исследователя, 29 июля 1968 г., в посёлке Амбарчик был установлен небольшой памятник.

На нём выбиты слова: «Карлу Яновичу Луксу, революционеру, борцу за установление советской власти, члену ЦК народов Севера, начальнику научной экспедиции, трагически погибшему 29 августа 1932 г., от благодарных потомков — комсомольцев Нижнеколымского района».

Гибель Карла Яновича в возрасте сорока четырёх лет хранит множество загадок. Родившийся в латвийской провинции, побывавший во многих уголках России, он навеки остался в суровом и таинственном краю, изучению которого посвятил значительную часть своей короткой, но яркой жизни. Несмотря ни на какие преграды, через всю неё он пронёс желание добиться справедливости и уважительного отношения к людям, любовь и стремление к знаниям, веру в то, что задуманное должно осуществиться.

В статье использованы фотопортреты Карла Яновича Лукса, переданные в Камчатский краевой объединённый музей его потомком — Татьяной Александровной Ивановой.

Источники

1. *Лукс К. Я.* От Прибалтики до Дальнего Востока. Воспоминания и автобиографический очерк. — Хабаровск, 1924—1925. — 122 с.
2. *Лукс К. Я.* Автобиография (рукопись). — Хабаровск, 1925. — 8 с.
3. *Лукс К. Я.* Автобиографическая справка. В коммунистическую фракцию комитета Севера при ВЦИК (черновой вариант). — Б. м., 1929. — 11 с.
4. *Лукс К. Я.* Автобиографическая справка (исправленный вариант). — Б. м. — 6 с.
5. *Орлова Е. П.* Памяти Карла Яновича Лукса (рукопись). — Новосибирск, 1964. — 47 с.
6. *Орлова Е. П.* Материалы о деятельности Лукса.
7. Правительственная комиссия в г. Петропавловске // Полярная звезда». — 12 сент. 1929 г., № 71.

Писатель, историк, краевед, редактор, издатель...

«Дети войны» — так сейчас называют поколение 1940-х гг., к которому принадлежит Евгений Валерианович Гропянов. «Я всегда помню войну, и, хотя я был мал в те страшные годы, но до сих пор вижу глаза матери: в них столько было горя! Позднее я узнал, что моя бабушка находилась в концлагере в годы Великой Отечественной войны, а тётка четыре года жила “под немцем”. Бабушку я не помню: вернувшись из концлагеря, она умерла от истощения. Её заменила тётка, которая рассказала о зверствах, творимых гитлеровцами в Белоруссии, в её родном городе Рогачёве, и о том, что моего двоюродного брата расстреляли фашисты за связь с партизанами, а было ему всего четырнадцать лет... Весной 1942 г., когда вскрылись реки, воды не было видно: так плотно плыли трупы расстрелянных осенью 1941 г. людей. Мой отец воевал и был контужен...» — начинал рассказ о себе Евгений Гропянов.

Он родился 24 октября 1942 г., буквально под крылом самолёта, в селе Авдотьино Шиловского района Рязанской области на военном аэродроме. «После освобождения Кубани от фашистов семья переехала в город Кропоткин Краснодарского края, на родину отца и деда. На Камчатку отправились в 1951 г. по вербовке. Всё хотели вернуться на материк, да так и остались здесь, и уже считаем Камчатку своей родиной, а Дальний Восток — своим родным краем», — вспоминал Е. В. Гропянов в 1985 г. в своей автобиографии.

Здесь, в Петропавловске-Камчатском, и прошла вся его жизнь. Окончив школу № 2 имени Л. Н. Толстого, перепробовав несколько рабочих профессий, попытавшись поступить в два высших учебных заведения не по призванию, а по настоянию родителей, Евгений понял: такое будущее не для него. Вопреки желанию отца, в 1962 г. он стал студентом историко-филологического факультета Камчатского государственного педагогического института (КГПИ), ибо в литературу был влюблён с детства. «Меня хвалили за сочинения. В пятом классе моё сочинение читали всей школе. Я писал о пограничниках. В восьмом классе сочинение сделал “под Чехова” — все смеялись. В десятом написал в форме письма о “Молодой гвардии”, потрясшей наше поколение».

К первому курсу он был уже прекрасно образован: кроме литературы (с книгами дружил с детства и никогда не расставался),

хорошо знал историю и географию, мечтал совершить кругосветное путешествие на шхуне, увлекался различными видами искусства.

Учёба и студенческая жизнь захватили его. «Учился в институте с удовольствием, — писал позже Евгений. — Преподаватели были у нас с хорошей русской культурой. Мы жили в мире высоких чувств». В КГПИ началось его вхождение в писательство. Первые опыты появились в рукописном студенческом журнале «Живая мысль», который читался всем институтом. Кроме этого, Е. В. Гропянов был редактором факультетской газеты, в областной газете его первый собственный рассказ был опубликован в 1963 г.

Здесь же он заявил о себе как о человеке, способном на поступок. В феврале 1964 г. из битком набитого студентами актового зала в присутствии руководящих лиц, поднявшись на сцену, сказал то, что должен был сказать каждый из нас, сидящих: «Я знаю Валентина (В. П. Пустовита. — А. Г.) хорошо и, несмотря на его ошибки, продолжаю уважать его. Поэтому прошу не отдавать его под суд». Валю не судили, но из института исключили. (Этот эпизод подробно описан В. П. Пустовитом в его книге «Две любви на Камчатке», Петропавловск-Камчатский, 2019.)

Среди студентов Евгений стал признанным знатоком литературы, пользовался уважением товарищей, к лекциям относился серьёзно и отлично учился. Позже профессор КГПИ Галина Григорьевна Кравченко не раз сожалела о том, что Евгения не оставили на преподавательской работе...

Студенческие годы подходили к концу, успешно пройдена педагогическая практика в школе, отчёт о которой он преподнёс руководителю в подражание Чапеку, чем ему и запомнился. А «Дневник студента» Евгения напечатали в «Камчатской правде», о нём же прозвучала передача по радио. Евгений задумался: «Я поступил в институт на филфак, меня влекла литература, будоражила своей таинственностью... Уж не лучше ли стать хорошим учителем? Причём я не отношусь с отвращением к выбранной профессии, она мне нравится, и я скучаю без ребят... Но надо попробовать вкус писательства. Это наркотик... Прекрасно знаешь, что опасно братья за перо, потому что трудно с ним расстаться. Но ты берёшься, и тогда — прощайте спокойствие, свобода действий. И ты всегда будешь знать одно и то же: перо и бумагу».

Окончив институт в 1966 г., он всё-таки отдал предпочтение сочинительству и был принят литературным сотрудником газеты

«Камчатский автомобилист». В 1968 г. Е. В. Гропянова пригласили в Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства на должность редактора. Он дал своё согласие: «Делать книги — счастье». С этим убеждением будет жить до конца своих дней: «Я никогда не уйду на пенсию — без книг я умру». В 1973 г. Евгений Валерианович возглавил издательство, став самым молодым заведующим в Министерстве печати РСФСР.

1960-е — начало 1980-х гг. для камчатских литераторов — время удивительное, а для молодого редактора и издателя — особенное. Оно было наполнено новыми знакомствами с замечательными людьми полуострова, творческими командировками по стране и за её пределы, участием в эпохальных исторических событиях, в культурной жизни Камчатки. Это был период творческого взлёта уже молодого журналиста и писателя, активно включившегося в литературную жизнь полуострова...

А она, что называется, кипела: работало литературное объединение, состоялась первая творческая конференция молодёжи Камчатки, созданы Камчатская областная писательская организация Союза писателей СССР, общество книголюбов Петропавловска (Е. Г. Гропянов многие годы был его председателем) и области, проводившие интереснейшие премьеры книг, попасть на которые считалось большой удачей. У всех на устах были фамилии камчатских поэтов и писателей, их любили, узнавали на улицах, с нетерпением ожидали появления новых произведений.

Диспуты, полемика, добрая критика... Встречи с юными читателями, недели детской книги в библиотеках города, школах оставляли глубокий след в душах.

Сорок два года Евгений Валерианович посвятил книгоизданию. За эти годы, по словам сотрудника Камчатского краевого объединённого музея Е. Н. Бережевской, через его руки прошли сотни рукописей камчатских авторов. «Книги, подготовленные им к печати, ныне составляют основу литературного наследия Камчатки. Евгений Валерианович внёс значительный вклад в развитие литературно-краеведческой науки о Камчатке». Талантливому молодому литературному редактору Евгению Гропянову несколько раз предлагали работу в Дальиздате во Владивостоке, но он не соглашался. Отказ свой мотивировал просто: «И почему я так люблю Камчатку?»

Трудную редакторскую и издательскую работу он совмещал с созданием собственных произведений, избрав темой писательского творчества далёкое историческое прошлое нашего удивительно-

го полуострова в XVII—XVIII вв. «Историей я начал заниматься рано, — скажет о своём увлечении Евгений Валерианович, — и это была история Камчатки. Потом стал писать об Атласове, Козыревском, Беринге». А свой выбор объяснял так: «История Камчатки ещё требует литературной обработки. Сотни сюжетов бродят по равнинам и сопкам полуострова. Их только надо повнимательнее рассмотреть. А какие имена связаны с Камчаткой! Атласов, Беринг, Кук, Крузенштерн, Лаперуз, Завойко! Историю края, в котором мы живём, мы знать обязаны, а если знаем её, то должны передавать другим. Тогда все будут ценить ту землю, за которую наши предки положили немало жизней!» Его поддержал известный историк Б. П. Полевой: «Древняя история Дальнего Востока, и особенно Камчатки, полна романтики и сама просится в литературу».

Восхищаясь гением А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и других, Евгений Валерианович и в своём творчестве, и в издательской работе следовал лучшим традициям русской классической литературы, утверждал их и отстаивал: «Это наше, русское, настоящее, родное!»

Произведения Е. Г. Гропянова охотно печатали наши ведущие газеты, журнал «Дальний Восток», один из рассказов был опубликован в центральной газете «Литературная Россия». Привлекли внимание читателей «Город Робинзон», «Бабушкина сказка», «Случай», «Стёпушка», «Бег», «Чёрный ворон», «Гости из туманной Британии», «Море россос», «Земля Америка», «Англичане», «Приключения Генриха Буша, морехода». Позже появятся его повести «Атаман», «За переливы», «В Камчатку», «Чёрный монах», повесть о Беринге в двух частях «Ступай и исполни».

Рассказывая о непознанной, неизвестной Камчатке, раскрывая её исторические тайны, он опирался на факты, так как был противником приблизительности, надуманности в исторической науке. Поиски истины побуждали обращаться к научным журналам, историческим произведениям, газетам, списываться с известными знатоками истории, работать в архивах: Российском государственном Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Центральном государственном древних актов (ЦГАДА) в Москве и Ленинграде.

«Меня всегда манили архивы, далёкие от Камчатки. Несколько раз я рылся в толстых делах, глядел на подлинники. Особенно завораживала меня подпись Беринга, Однажды, встретив документ за подписью Анны, пролистнул его. Но ведь это — императрица Анна Иоанновна! — вернулся. Я никогда не понимал тех, кто,

поджимая губы, цедил, что архивным бумагам в наше время цена — грош. А ценность имеет бумага дензнаковская, и то переведённая в недвижимость или драгоценности. “Ты живёшь в придуманном розово-голубом мире. Оглянись вокруг: люди хотят богатства, им на ваши копания в историческом хламе наплевать!”»

Как важно творческому человеку, особенно пишущему, чувствовать, получать поддержку людей опытных, одержимых, ставящих духовные ценности выше материальных или пренебрегающих ими! Таковыми для Евгения Валериановича стали маститые мастера слова: В. Астафьев, Н. Задорнов, в семинарах которых он работал в Иркутске в 1974 г. и в Москве в 1975 г. Им он был всегда благодарен, в нём с детских лет было развито это чувство: самое малейшее внимание к нему необыкновенно его трогало. В одной из записных книжек Евгений Валерианович пометил: «По радио передали, что Виктор Астафьев в тяжёлом состоянии. Горько слышать такое. Он поддержал меня в Иркутске в 1974 г., не стал топтать. И в 1975 г. уже Николай Задорнов тоже отечески отнёсся к моему «Атаману».

Кроме этого, Н. Задорнов в предисловии к повести «За переливы» в 1978 г. напишет: «Евгений Гропянов предстаёт в этих произведениях (исторических. — А. Г.) как серьёзный молодой писатель, ведущий самостоятельные поиски интересных тем и героев, основываясь на исследованиях в безбрежном море исторических событий».

А. Борщаговский, В. Васильев, Б. Мухачёв, В. Полуйко, Л. Пасенюк, В. Сергеев, О. Красникова, Т. Фёдорова, А. Харитановский, потомки В. Атласова, В. Завойко, В. Беринга и другие — тот круг общения, без которого он не мог жить.

Как-то записал: «День довольно быстрый. По TV читает “Евгения Онегина” писатель Непомнящий. Очень хорошо, необычно, просто. Жаль, что с ним нельзя поговорить, как и с Пасенюком, Фёдоровой и другими, кто живёт на материке...»

Они охотно отзывались на его письма, обменивались новыми научными материалами, в том числе, архивными находками, давали советы.

Бережно хранил Евгений Валерианович каждую дорогую его сердцу весточку, даже конверты, представлявшую, по его мнению, историческую ценность не только для него и его книг, но и для Камчатки. Полученные материалы, иногда очень редкие, печатались на литературной странице «Три брата», которую он вёл в газете «Вести», в «Камчатской литературной газете», в сборнике «Камчат-

ка», бессменным составителем и издателем которого он был с 1977 по 2010 г. (18 выпусков, подготовленный 19-й вышел в урезанном виде после его ухода); в сборнике «Норд-Ост», журнале «Неизвестная Камчатка» (готовил к печати все номера). Такое общение воодушевляло писателя. Он был переполнен книжными идеями. Более двадцати литературных проектов, автором или участником которых он был, успешно осуществились.

Стремясь запечатлеть в исторической памяти события и факты хрупкой камчатской культуры, не забыть прошлое, Евгений Валерианович заботился и о сохранении воспоминаний о людях Камчатки и предложил издавать серию «Биографии камчатцев»: «История сосредоточена в людях, её делающих. Их-то на Камчатке почти не осталось. Многие уехали на материк и увезли с собой частицы камчатской истории. Сколько раз я просил, умолял ветеранов Камчатки оставить для потомков свои воспоминания, убеждая, что истории важны не столько художественные изыски, сколько мысли свидетелей эпохи, изложенные просто, — в простоте всегда много искренности. Все соглашались, а потом уезжали и тихо покидали этот мир. Так частицы истории превращались в ничто, умирали, а ведь в этих крохах и есть основное — люди, с которыми ты сталкивался. Они уходят из бытия и уносят с собой историю...»

В 1973 г. Евгений Валерианович познакомился с одним из крупнейших специалистов по Дальнему Востоку Борисом Петровичем Полевым. С тех пор учёный стал его историческим другом, советчиком, учителем, интереснейшим собеседником, которого «можно было слушать часами без усталости и просить говорить дальше: так удивительно глубоки были его познания истории, литературы, географии, этнографии, геологии, так увлекательно и захватывающе живописал он события XVII—XVIII вв.!» Так прост и доступен был в общении, которое с годами переросло в крепкий творческий союз, творческое сотрудничество.

Не раз Евгений Валерианович бывал у Б. П. Полевого в Санкт-Петербурге, был хорошо знаком с его библиотекой. Работая над повестью о Витусе Беринге, «перелопатил её всю», издавал его книги. Почти тридцать лет велась между ними интенсивная переписка, ибо Б. П. Полевой любил Камчатку, её людей. «Самым большим праздником для него, — вспоминала в своём письме Е. В. Гропянову научный сотрудник РГА ВМФ в Санкт-Петербурге Т. С. Фёдорова, — было присутствие на заседании Русского Географического общества редких гостей с Камчатки, Сахалина, Дальнего Востока. Он весь светился от радости, а его любовь, особенно

к Камчатке, разделяли даже те, кто никогда там не был. И не разделить, не почувствовать эту безмерную привязанность было невозможно».

В 2002 г. в своей большой краеведческой работе «Борис Петрович Полевой», состоящей из двух частей «Труды и дни» и «Историк Камчатки», Е. В. Гропянов рассказал, что сделал для Камчатки учёный. Здесь перечислены и главные темы научных изысканий Б. П. Полевого, и названия важнейших трудов, изданных на Камчатке, которые стали явлением в исторической науке и которые будут служить учёным и краоведам полуострова, и о его книге «Новое об открытии Камчатки», содержащей множество сведений особой ценности по истории открытия и присоединения в XVII — начале XVIII вв. северо-восточных земель к России...

Евгений Валерианович считал учёного одним из последних романтиков эпохи и был счастлив, общаясь с ним. Горько, остро переживал его уход в 2002 г. «Смерть Б. Полевого надломила мою душу. Не могу успокоиться. Перебираю его статьи, перечитываю, корю себя, что мало настаивал на воспоминаниях (хорошо, что Борис Петрович написал о [академике Е. В.] Тарле)... Многое, что связывало меня с Борисом Петровичем, разорвалось. Я потерял не только учителя, я лишился возможности беседовать с учёным».

Последнее письмо Бориса Петровича он вынул из почтового ящика 5 февраля 2002 г. Из Санкт-Петербурга оно шло тридцать три дня! «Я разговаривал с Борисом Петровичем, которого уже не было». Судя по письму, «у него были громадные планы: он заканчивал комментарий к известному труду Николаса Витсена о Тартарии (запросили голландцы, они готовили переиздание книги), делал наброски к книге о сахалинцах, с которыми был дружен, намеревался осенью 2002 г. приехать на Камчатку и даже взял билет; собирал материалы о камчатских встречах (об этом я постоянно напоминал ему)... Постоянно возвращался к своему “Избранному” (мы давно разработали с ним план издания его лучших статей о камчатских событиях XVII — начала XVIII вв. — своеобразное дополнение к двухтомнику “Новое об открытии Камчатки”»...

Возможно, я когда-нибудь решусь написать более подробно о Б. П. Полевом — объёмная переписка, встречи, беседы, рассказы тех, с кем он общался, главное, все статьи и книги о Камчатке, собранные за тридцать лет мною, — лишь частица его жизни, связанная с нашим краем», — планировал Евгений Валерианович. Время торопило его. Он сделал для Бориса Петровича то, что смог, постоянно подчёркивая: «Значение трудов учёного, пожалуй, можно

определить как прыжок в XXI век. Там, в новом столетии, молодые учёные возьмут у него главное — точность, добросовестность, дотошность и хороший литературный язык, что даст им простор для анализа и новых открытий. Борис Петрович Полевой всегда оставляет возможность для спора. Его жизнь — подвиг во имя Камчатки!»

Испытывая к краеведению особое пристрастие (любовь Евгения к истории родного края всегда замечал Б. П. Полевой и никогда не оставался равнодушным к любому малейшему его успеху, называя писателя неутомимым в его творческой деятельности), Евгений Валерианович вместе с сотрудниками своего небольшого коллектива готовил и издавал объёмные документальные сборники, научные труды. Среди них, по словам главного библиографа Камчатской краевой научной библиотеки Н. И. Курохтиной, бесценные: книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», С. Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Беринга». Им начата большая работа по переизданию труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», вступительные статьи к которой прислал Б. П. Полевой; подготовлены к печати том «Б. П. Полевой. Избранные статьи», к сожалению, не успевший выйти, «Поездки и пребывание в Камчатке» К. Дитмара, «Путешествие по Камчатке» В. Комарова и многие другие книги. Уникальным явлением и библиографической редкостью стали хрестоматия «Литература родного края» для 5—9 классов школ Камчатской области, сборник «Писатели Камчатки», им составленные.

С каждым годом работы прибавлялось. В 2001 г. Е. В. Гропянов возглавил Камчатское отделение Союза писателей России, стал членом правления Союза. Он не был освобождённым председателем Камчатского отделения и, тем не менее, в сложное время сумел сохранить писательскую организацию, пополнить её новыми членами, проводить после основной работы вечера (их было около пятидесяти), встречи, собрания в Доме писателей, заниматься хозяйственными делами и огромной общественной деятельностью.

С 1993 по 2010 гг. вёл студию прозы в Школе юных литературных дарований, созданной при Доме писателей Н. В. Санеевым. Здесь-то и раскрылся педагогический талант Евгения Валериановича. Необыкновенная память, глубокие знания литературы, терпение и терпимость, доброта, деликатность, уважение к личности подростка, тонкая интеллигентная «дипломатия» в общении покоряли учеников. Его группа была самой наполненной и, как отмечает президент холдинговой компании «Новая книга» Станислав

Петрович Кожан, отличалась каким-то особым почерком. Трое его студийцев стали студентами литературного института имени М. Горького, и там знали, кто их учитель. Многие связали свою судьбу с литературой.

Наполненный неотложными делами день его продолжался дома и иногда заканчивался наступившим новым утром. Он находил «дырки» для самообразования и познания — систематически усваивал новое, лучшее, встречавшееся в газетах, журналах, книгах — историческое и философское, музыку, живопись. Его правилом было ежедневное чтение художественной литературы, сочинительство, сотни писем-ответов, хобби... и его записные книжки. В них он ежедневно вносил впечатления о прожитых днях, размышления о вечных философских понятиях и человеческих ценностях: добре и зле, жизни и смерти, любви и ненависти, верности и предательстве, нашем повседневном бытии, о смысле жизни, суждения о прочитанных книгах.

Человеческая жизнь не бесконечна. Евгений Гропянов знал это ещё юным, семнадцатилетним. «Думайте о смерти, — советовал в интервью с нашей телеведущей А. Новиковой гостивший на полуострове писатель Е. Водолазкин, — не о приближении её — что оставите людям после себя». Евгения, очевидно, тоже посещала эта мысль: на страницах его дневников часто встречается фраза: «Так хочется хоть что-нибудь успеть сделать!» И он спешил помочь, посоветовать, проконсультировать, написать...

Евгений Валерианович достиг многого, пользовался авторитетом среди литераторов, но всегда оставался скромным человеком. Он не искал наград и не стремился их получить. Награды сами находили его. Свои успехи оценивал коротким предложением: «Это моя работа». И добавлял: «Служение искусству не добавление наград. В конце концов, награды — итог. Имя творца — вот истина искусства».

Заслуженный работник культуры, лауреат губернаторской премии в области литературы, лауреат премий имени С. П. Крашенинникова и П. Т. Новограбленова, обладатель премии Русского Географического общества «За выдающиеся научные работы в области географии», золотого знака «Профессионал своего дела», медали «За вклад в развитие образования», участник энциклопедии «Одарённые дети — будущее России» и других наград Евгений Валерианович Гропянов, писатель-историк, краевед, литературный редактор, издатель, ушёл из жизни 5 декабря 2010 г. Похоронен в городе Петропавловске-Камчатском.

Б. П. Полевой — инициатор издания документов по героической обороне Петропавловского порта в августе 1854 г.

О Петропавловской обороне 1854 г. написано довольно много — и в России, и за рубежом. Краеведы Камчатки пользовались, в основном, несколькими работами: они были наиболее доступны — это книги Михаила Алексеевича Сергеева «Оборона Петропавловска-на-Камчатке» (1940, 1952, 1954), Андрея Александровича Степанова «Петропавловская оборона (1854—1856 гг.)» (1940, 1950, 1954), Александра Михайловича Борщаговского «Русский флаг» — роман разных лет издания, Григория Ивановича Щедрина «Петропавловский бой» (1975) и «Интервью, которого не было» (1974). Были и газетные, и журнальные эпизодические публикации, как правило, к очередной дате обороны. Однако основного свода документов не существовало.

В феврале 1974 г. в Петропавловске-Камчатском проходили Дальневосточные исторические чтения, на которые были приглашены академик Алексей Павлович Окладников, доктора наук, известные учёные. Тогда-то впервые на Камчатку приехал уже знакомый по многим публикациям в камчатской прессе ленинградский историк Борис Петрович Полевой. Его ждали с особым интересом. Именно тогда мы и познакомились лично, хотя переписывались с середины 1973 г. С тех пор у нас до самой кончины Бориса Петровича были тёплые дружеские отношения, мы написали друг другу множество писем (более трёхсот). К 1974 г. Б. П. Полевой подготовил со своим предисловием, примечаниями, послесловием книгу «Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам» (1974, «Дальневосточная историческая библиотека», ДИБ), работал над письмами Воина Римского-Корсакова, объединёнными в книгу «Балтика — Амур» (1980, ДИБ). С 1975 по 1979 г. он печатает статьи о проблеме «сошлась ли Америка с Азией», русско-польских связях, об открытии Сахалина, об Арсеньеве, о походе Ивана Еромина, Атласове, Шелихове, Дежневе, Козыревском, Витусе Беринге, Ломоносове, сибирской картографии и другие.

Не зная о такой загруженности учёного, я предложил ему тему: оборона 1854 г. Времени до 1979 г. было много — пять лет. Борис Петрович Полевой даже не медлил с ответом: он дал согласие.

Началась та скрупулёзная работа, которую издатели называют «чёрной». Сейчас трудно представить, с каким трудом добывались ксерокопии из старых изданий XIX в. Их надо было приводить к современному правописанию и перепечатывать, затем снова сверять с оригиналом и готовить сноски. Некоторые статьи были микрофильмированы, они тоже требовали напряжённой скрупулёзной работы — вновь перепечатка. Как-то Б. П. Полевой написал, что для сокращения времени он просто-напросто надиктовывает статьи на диктофон, а его жена Наталья Михайловна перепечатывает их на машинке.

Иллюстративный материал был некачественный: пересъёмка стареньким фотоаппаратом редких гравюр и снимков из антикварных книг не давала хорошего результата. Для обработки фотоснимков был привлечён художник Александр Гаристов, который «дотягивал» их с помощью кисточки и туши, тогда с них можно было делать клише.

Все перепечатанные статьи отсылались Б. П. Полевому в Ленинград для окончательной сверки и подготовки сносок. Параллельно он писал вступительную статью, готовил заключение, список литературы, словарь терминов. В архивах им были найдены подлинники письма А. МаксUTOва, Фесуна, Изыльметьева. В июне 1976 г. он пишет мне: «Теперь о главном. Я только теперь начал просматривать заново материал для сборника по обороне Петропавловска. С великим удовольствием перечитал Юлию Завойко. Её воспоминания украсят сборник. Намечаю в сборник включить: воспоминания Фесуна, Арбузова, В. А. Римского-Корсакова. Письма Пилкина и письмо В. А. Римского-Корсакова своей матери Соф. Вас., никогда ещё не публиковавшееся. Хочу дать отзывы иностранцев, как современников событий, так и историков наших дней. В связи с этим я просил бы Вас меня снабдить официальным отношением в ИМЭЛ (Институт Маркса-Энгельса-Ленина. — *Е. Г.*), где хранится газета «Нью-Йоркская Трибуна» с хвалебными статьями о Петропавловске. Хочу от них получить или микрофильм статей этих, или ксерокопии. Сам переведу. В июле займусь вводной статьёй».

К концу 1977 г. был переведён отрывок из статьи современного американского учёного Дж. Стефана «Петропавловское фиаско» (Статья Стефана не вошла в сборник и была напечатана в журнале Камчатского печатного двора «Неизвестная Камчатка» № 3 за 1997 г.), отпечатаны записки гардемарина Токарева, свиде-

теля гибели Александра МаксUTOва, найдено изображение «Авро-ры». Когда в начале 1978 г. весь материал был собран, то оказа-лось, что мы превысили объём, установленный планом — тринад-цать печатных листов. В те годы превышение объёма не допуска-лось. Скрепя сердце мы начали сокращение, ибо не успевали сдать книгу в типографию. Надо сказать, что камчатские полиграфисты постарались и выпустили книгу к июлю 1979 г.

«Ещё раз Вас благодарю за то, что задуманная Вами книга превратилась в реальность, — написал Б. П. Полевой в августе 1979 г. — Рад, что она привлекла внимание многих. И здесь она интересует многих. Как только получу заказанные экземпляры, поднесу их МаксUTOвым, Мравинскому и прочим. Вероятно, надо будет послать и Н. П. Задорнову».

Г. И. Щедрин так оценил наш труд: «Сборник замечательный! Я знаю почти все документы. Сколько потратил трудов на их розыски... Я от вашего сборника в восторге». Такими же словами оценил книгу и А. М. Борщаговский.

Могу сказать, что мы понимали, какую книгу выпустили, мы ей были рады. Через десять лет в серии «Дальневосточная исто-рическая библиотека» мы выпустили второе издание «Героиче-ской обороны...», но под другим названием — «Защитники Оте-чества». На этот раз книга стала на десять печатных листов больше, в ней появились новые интереснейшие материалы, собран-ные Б. П. Полевым, и десять тысяч экземпляров разошлись очень быстро.

Большой раздел по обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 г. был подготовлен в предполагавшемся первом томе «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990», который подготовил Б. П. Полевой к юбилею города. Первый том предполагалось закончить 1917-м годом. Второй том был отдан историку из Владивостока Борису Ивановичу Мухачёву, специалисту по советскому периоду.

И тут грянули события 1991 г., которые перекроили нашу жизнь. Денег на двухтомник не хватило, они обесценивались. Вновь в руках появились ножницы, из двух томов с трудом сделали один, урезанию подвергся раздел, посвящённый обороне, так как ранее уже выходили книги, ей посвящённые. Б. П. Полевой с болью в сердце пережил такой вандализм и потом долго вспоминал с обидой, что вместо обширных книг вышло в свет что-то уродливое как по содержанию, так и по полиграфическому исполнению.

Полная рукопись до сих пор хранится в моём домашнем архиве. И всё-таки книга появилась в 1994 г., без неё теперь трудно обойтись нашим историкам и краеведам. Книгу мы спасли.

Сегодня настала пора издать полностью воспоминания Юлии Завойко с новыми документами по обороне и посвятить их Борису Петровичу Полевому.

Примечания редактора

1. Текст статьи Е. В. Гропянова печатался в сборнике XXI Крашенинниковских чтений и в книге автора «Ступай и исполни».

2. «Воспоминания о Камчатке и Амуре» Ю. Г. Завойко первоначально опубликованы в 1876 г., затем большие отрывки из них вышли в свет частью в упомянутом сборнике «Защитники Отечества» в 1989 г., частью — в ежегоднике «Вопросы истории Камчатки», выпуск № 4, 2009 г.

3. Полная рукопись работы доктора исторических наук Б. П. Полевого в настоящее время хранится в фондах КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей». Её подготовила к передаче А. Г. Гропянова. Эти материалы ждут своего опубликования. Надеемся, что это произойдёт в ближайшие годы в рамках серии книг «Из фондов музея».

Памяти легендарного капитана

Одна из старейших улиц Петропавловска-Камчатского носит имя знаменитого моряка. На её доме № 3 висит памятная доска с надписью: «Улица названа в память одного из первых капитанов Камчатского морского пароходства, капитана легендарного парохода “Декабрист” Беляева Степана Поликарповича (1890—1952)». Здесь допущена ошибка — наш герой родился на пять лет позже.

Наверное, мало кто знает, что «Декабрист» принадлежал не Камчатско-Чукотскому государственному морскому пароходству, а Дальневосточному, да и сам Степан Поликарпович проработал на Камчатке недолго — с 1949 по 1952 гг. У простого обывателя может возникнуть вопрос — почему же тогда посчитали необходимым увековечить память этого человека? И только людям, интересующимся историей Великой Отечественной войны и транспортного флота Дальнего Востока, хорошо известно, какой подвиг совершил экипаж «Декабриста» [1].

До недавнего времени о С. П. Беляеве камчатские краеведы знали немного, только основные вехи его жизненного пути. В то время как на его родине — в г. Николаеве (на Украине), благодаря историку Евгению Григорьевичу Горбурову, подготовившему о С. П. Беляеве несколько публикаций, его имя известно достаточно хорошо. Как выяснилось из переписки сотрудников Государственного архива Камчатского края (ГАКК) с Е. Г. Горбуровым и заведующей музеем Николаевского морского торгового порта Т. Ульянкиной в 2016 г., в Николаеве до сих пор живёт дочь капитана — Надежда Степановна Лозенко. Кроме того, в ходе взаимного обмена сведениями, были восполнены имеющиеся «белые пятна» в биографии С. П. Беляева. Существенно дополнили биографию капитана личные дела, хранящиеся в ГАКК и Петропавловск-Камчатском городском архиве.

Степан Поликарпович Беляев родился 10 мая 1895 г. (по старому стилю — 27 апреля) в деревне Богоявленск Херсонской губернии (сейчас это один из районов Николаева), в семье плотника-печника. В метрической книге Богоявленской церкви за 1895 г. записан он как Стефан (церковнославянская форма имени), сын богоявленского мещанина Поликарпа Фёдоровича Беляева и жены его Ксении Павловны [2].

С пятнадцати лет работал, устроившись юнгой на парусное судно, а в 1912 г. поступил в Алёшковскую мореходную школу (г. Алёшки с 1928 г. переименован в г. Цюрупинск, ныне Херсонская область Украины). В автобиографии С. П. Беляев отметил: «Учился на собственные деньги, заработанные летом, у родителей помогать мне было нечем, отец зарабатывал мало» [3]. Весной 1914 г. окончил мореходную школу, выдержал экзамен на звание штурмана малого плавания. С 1914 по 1917 г. работал вторым и старшим помощником капитана, капитаном на пароходах Транспортной флотилии Чёрного моря. Жил на тех же судах, на которых плавал. По крайней мере, так он указывал в анкете работника Дальневосточного государственного морского пароходства (ДВГМП) за 1937 г. Весной 1918 г. выдержал экзамен на звание штурмана дальнего плавания.

Необходимо отметить, что для города Николаева 1918—1920 гг. были насыщены социальными и политическими потрясениями. В городе несколько раз менялась власть, некоторое время Украина была оккупирована немцами. Поэтому устроиться работать по специальности у Степана Поликарповича не получалось. Возможно, что некоторое время в течение 1918 г., он был комиссаром Николаевского порта. К такому выводу пришли Е. Горбуров и Т. Ульяновина, в том числе, сравнив элементы почерка и подписи С. П. Беляева на разных документах из николаевского и нашего, камчатского, архивов.

С 1919 по 1929 г. С. П. Беляев работал помощником капитана на пароходах транспортных контор Николаева, Севастополя, Одессы. В 1920 г. он женился, его избранницей стала Елизавета Ивановна Коренева (в 1940 г. у Беляевых родилась дочь Надежда, единственный ребёнок в этом браке).

В 1927 г. С. П. Беляев получил диплом на звание капитана дальнего плавания, а в 1929 г. по предложению Акционерного Камчатского общества (АКО), выехал в Гамбург на приёмку парового траулера «Баклан». С этого времени судьба капитана тесно переплелась с Дальним Востоком. С 1929 по 1932 г. он участвовал в приёмке и перегоне судов из-за границы для АКО. За время работы в АКО неоднократно поощрялся руководством премиями и благодарностями. Морская профессия позволила С. П. Беляеву посетить такое количество иностранных портов, что, заполняя «Личный листок по учёту кадров» в 1951 г., в графах «Был ли за границей» и «В какой стране» он указал: «Не был в Австралии и Южной Америке, в остальных был» [4].

В 1932 г. недолго работал инспектором Тралтреста во Владивостоке, а затем капитаном в ДВГМП. В 1937 г. С. П. Беляев прошёл военную переподготовку, ему было присвоено звание капитан-лейтенанта. С 10 июля 1941 г. Беляева перевели с парохода «Невастрой» капитаном «Декабриста» — самого большого из двухвинтовых грузовых пароходов в составе торгового флота СССР. При длине 150 м он брал в свои пять трюмов восемь тысяч тонн груза и развивал скорость 12 узлов (примерно 22 км/ч). Пароход был построен в Англии в 1903 г., участвовал в историческом походе 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Рожественского с Балтики на Дальний Восток в качестве транспорта, снабжавшего углём крейсера и броненосцы, и в знаменитом Цусимском сражении, закончившимся разгромом русского флота. Невооружённому транспорту удалось выйти из боя, оторваться от преследования противника и вернуться на Балтику. Тогда пароход назывался «Анадырь», а после Октябрьской революции, в 1918 г. его переименовали в «Декабрист». В 1940 г. пароход передали ДВГМП.

В годы Великой Отечественной войны моряки советского торгового флота выполняли опасную и важную работу по перевозке грузов для фронта и оборонной промышленности из портов США и Великобритании. Из трёх возможных их путей доставки наиболее коротким был северный, проходивший через Исландию и далее Баренцевым морем в Архангельск и Мурманск. Транспортные суда группировались по нескольку десятков и сопровождались английскими и американскими военными кораблями. Такие соединения назывались конвоями. «Декабрист» успел принять участие в двух полярных конвоях — PQ-6 и QR-5.

8 декабря 1941 г. «Декабрист» с грузами от союзников, направился в Мурманск. Большую часть пути судно прошло благополучно, но на подходе к Мурманску конвой отклонился на помощь английскому транспорту. 21 декабря, у входа в Кольский залив, «Декабрист» подвергся атаке немецких самолётов, которые стали обстреливать его из пулемётов и пушек и бомбить. Экипаж открыл огонь по противнику из имеющихся на судне малокалиберных орудий. Из трёх бомб, сброшенных на «Декабрист», две взорвались в воде, не причинив ему вреда, третья же, пробив верхнюю палубу, застряла в твиндеке (грузовом помещении) пятого трюма, откуда её моряки осторожно вынесли на руках и вывалили за борт. Как записал С. П. Беляев в своём дневнике (опубликованном в газете «Водный транспорт» в 1960 г.): «Первое боевое крещение команда выдержала стойко» [5].

В ночь на 22 декабря 1941 г. «Декабрист» опшвартовался в Мурманске. Он стал первым советским транспортом, пришедший сюда с грузами по ленд-лизу. Капитана Беляева и экипаж с благополучным возвращением лично поздравил начальник Главсевморпути Иван Дмитриевич Папанин, находившийся в Мурманске. Разгрузка прошла быстро, и 13 января 1942 г. «Декабрист» отправился в очередную рейс.

В связи с разгромом фашистами конвоя PQ-17 и большими потерями в конвое PQ-18 летом 1942 г. союзники временно прекратили отправку новых групп судов. Они решили, что теперь суда будут пытаться по одному, «капельно», прорываться из Исландии в Мурманск и Архангельск. Поэтому 31 октября 1942 г. «Декабрист» отправился из Рейкьявика в одиночное плавание к Мурманску. На его борту находилось 80 человек: 60 — экипаж судна и 20 — военная команда, обслуживавшая пушки и пулемёты. Утром 4 ноября в Баренцевом море, в шестидесяти милях к югу от норвежского острова Надежда, «Декабрист» был атакован эскадрилей немецких бомбардировщиков и торпедоносцев.

В своём дневнике С. П. Беляев вспоминал, что экипажу «Декабриста» пришлось отразить девять атак торпедоносцев и две бомбардировщиков. Ещё одна стала роковой — торпеда попала в носовую часть парохода. Целых десять часов команда боролась за живучесть. Имея большой крен, «Декабрист» стал медленно погружаться. Команда успела пересечь в четыре шлюпки. Капитан Беляев хотел погибнуть вместе с пароходом, но это не позволила сделать команда, заявив, что в таком случае она тоже останется на «Декабристе» [6].

Поиск спасшихся моряков было приказано производить двум подводным лодкам Северного флота С-101 и С-102, но он к успеху не привёл. Шлюпки со спасшимися моряками разметал шторм. Через десять дней шлюпку, в которой находился капитан Беляев и 18 моряков, прибило к необитаемому острову Надежды (норвежцы называют его «Хопен»). Большинство моряков уже находились в тяжёлом состоянии от голода, холода и жажды. Обследовав остров, они наткнулись на старый сарайчик — хижину норвежских зверобоев. Почти сразу высадившаяся на остров часть команды стала нести потери — люди замерзали или умирали от болезней. Остались в живых только четверо: капитан, судовой медик Надежда Матвеевна Наталич, матросы Бородин и Лобанов. От гибели их спас запас консервов, взятый в шлюпку с «Декабриста», найденные позже шесть мешков муки и выбро-

шенные морем несколько бочонков со сливочным маслом. Морякам досаждали не только болезни и холод, но и медведи, одного из них капитану удалось убить. Спустя некоторое время они обнаружили на южной стороне острова деревянный домик и лодку-плоскодонку. Её отремонтировали, появилась надежда летом пробиться к родным берегам. Но летом 1943 г. их засёк немецкий самолёт, и вскоре, в июле 1943 г., возле острова появилась норвежская подводная лодка под командой немецких офицеров. Оставшихся в живых членов экипажа «Декабриста» допросил капитан подводной лодки. Матрос Лобанов в тот же день умер (у него была цинга, и он находился в крайне тяжёлом состоянии). Капитана Беляева забрали сразу, Наталич и Бородина сняли с острова в октябре. Выживших отправили в концлагеря в Норвегии, мужчин — в Тромсё, Наталич — в женский лагерь вблизи городка Гаммерферста. Удивительно, но всем им удалось выжить.

Вот как спустя много лет С. П. Беляев отразил этот трагический период жизни в автобиографии: «25 июля 1943 г. был снят немецкой подводной лодкой и как интернированный находился в Норвегии до окончания войны в лагере военнопленных, русских, советских солдат. В лагере подвергался оскорблениям, унижениям, посылали на непосильные работы, избивали, всячески издевались. В начале 1945 г. перевезли в лагерь около небольшого города в районе Осло, как штрафного и, как рассказывали немцы, нас там должны были отравить всех 10-го мая, но война в Норвегии окончилась 7-го мая, что нам спасло жизнь» [7].

В Норвегии бывших военнопленных подлечили и отправили в Мурманск, где они подверглись тщательной проверке органов НКВД. К. Г. Горбуров в своей публикации «Герой-земляк возвращается из забвения» указывает: «По воспоминаниям жены Беляева Е. И. Кореновой, в этот период за него вступился его друг, исследователь Арктики контр-адмирал И. Д. Папанин. Пройдя со своей экспедицией дорогой моряков “Декабриста”, он подтвердил их героический подвиг» [8].

С. П. Беляев был демобилизован 1 декабря 1945 г., 20 декабря вернулся во Владивосток. В личном деле, ныне хранящемся в Петропавловск-Камчатском городском архиве, есть его заявление на имя начальника ДВГМП: «Желая продолжать службу в Госморпароходстве, прошу восстановить меня в должности капитана судна моей категории. Капитан Беляев. 18.1.46 г.». Его оформили в резерв, а в феврале Степан Поликарпович временно перешёл

в Востокрыбхолод, так как там не было капитанов. Здесь он работал капитаном рефрижератора «Комсомолец Арктики» до декабря этого же года, после чего вновь вернулся в ДВГМП.

В 1949 г. пароход «Бухара», капитаном которого был Степан Поликарпович, передали организованному в мае этого же года Камчатско-Чукотскому государственному морскому пароходству (КЧГМП). Некоторое время на «Бухаре» вместе с Беляевым работали Надежда Матвеевна Наталич и Василий Николаевич Бородин.

Осенью 1951 г. С. П. Беляев ушёл в длительный отпуск, полагавшийся ему за несколько лет непрерывной работы. Виктор Иванович Макаров, ветеран морского транспортного флота, начавший свою флотскую службу матросом на «Бухаре», в своих воспоминаниях «Путь к морю» указывает: «Часть отпуска он провёл во Владивостоке с семьёй, жившей там, а затем собирался повидаться с первой семьёй, оставшейся на его родине, в городе Николаеве» [9]. В феврале 1952 г. он выехал к семье в Николаев, а 4 февраля 1952 г. умер в поезде. В некоторых публикациях указывается, что Степан Поликарпович скончался от сердечного приступа. Однако в свидетельстве о смерти, которое хранится в семье его дочери, причиной смерти указана бронхопневмония [10].

В 1967 г. во Владивостоке, в бухте Золотой Рог, был открыт мемориальный ансамбль памяти моряков торгового флота, павших в годы Великой Отечественной войны. У подножия памятника лежат 24 бронзовые плиты с названиями погибших судов. Одна из них посвящена «Декабристу», на ней выбиты 62 фамилии его моряков.

В 1975 г., в дни празднования 30-летия Победы над фашистской Германией советские моряки дизельэлектротохода «Индирик» доставили на норвежский остров обелиск в память о погибших моряках «Декабриста». В присутствии консула СССР на Шпицбергене, норвежцев и представителей Мурманского морского пароходства на высоком южном берегу острова Надежды состоялось его открытие. На мраморном обелиске на русском и норвежском языках золотом выгравировано: «Морякам советского парохода “Декабрист”, героически погибшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. 1942 г.».

На Камчатке Степан Поликарпович Беляев оставил о себе добрую память. В. И. Макаров так сказал о нём: «...учитывая его жизненный и профессиональный опыт, а также сложную военную

судьбу, нетрудно понять, что он, как, может быть никто другой из его коллег, умел дорожить человеческой жизнью и ответственно относился к порученному делу» [11].

В 1968 г., в ходе подготовки к проведению всесоюзной переписи 1970 г., Петропавловский горисполком принял решение упорядочить названия улиц и нумерацию домов. Некоторые улицы получили новые названия, в том числе и 2-й Океанский проезд, который отныне стал улицей имени капитана Беляева. В биографической справке к данному решению отмечалось: «За время своей работы Беляев зарекомендовал себя опытным судоводителем, хорошим организатором. Много сил и энергии отдал воспитанию молодых моряков, свой богатый практический опыт и знания передавал подчинённым, пользовался большим авторитетом у моряков. Сорок пять лет своей жизни отдал служению морскому флоту».

Один из паромов Камчатского морского пароходства также носил имя «Капитан Беляев». Безусловно, Степан Поликарпович Беляев достоин того, чтобы оставаться в памяти потомков. И легендарным можно назвать не только пароход «Декабрист», но и по праву его капитана.

Источники

1. Макаров В. И. Гибель «Декабриста». М., 2007; Чалый П. Посреди студёных волн // Север. 2015. № 3—4; Макаров В. И. Первый наставник // Водный транспорт, 1960. — № 109.

2. Горбуров Е. Г. Герой-земляк возвращается из забвения // Истории для истории (книга вторая). — Николаев, 2015. — С. 70.

3. КГКУ ГАКК. Ф. П-2. Оп. 19. Д. 33. Л. 4.

4. Там же. Л. 2об.

5. На острове Надежды. Из дневника капитана парохода «Декабрист» С. П. Беляева // Истории для истории (книга вторая). — Николаев, 2015. — С. 191.

6. Там же. С. 194.

7. КГКУ ГАКК. Ф. П-2. Оп. 19. Д. 33. Л. 5.

8. Горбуров Е. Г. Герой-земляк возвращается из забвения // Истории для истории (книга вторая). — Николаев, 2015. — С. 68.

9. Макаров В. И. Путь к морю // Вопросы истории Камчатки. Вып. 10. — Петропавловск-Камчатский, 2016. — С. 647.

10. Горбуров Е. Г. Герой-земляк возвращается из забвения // Истории для истории (книга вторая). Николаев, 2015. — С. 211.

11. Макаров В. И. Путь к морю // Вопросы истории Камчатки. Вып. 10. — Петропавловск-Камчатский, 2016. — С. 639.

С. П. Беляев в молодости.
Представлено Е. Г. Гобуровым

С. П. Беляев, начало
1940-х гг.

Капитанский Управлений Госморавоходства ДВФ
г. Владивосток

№ 18-23/7

Получено капитана 2-го ранга
Беляева Степана Николаевича

20-го декабря 1946 г. прибыл в Владивосток по возобновлению
из Военного суда № 4728, назначен на учет в Горвоенкомате
уволенным в запас.

Мною продолжал службу в Госморавоходстве,
прошу восстановить меня в должности капитана судна
мой категории.

Капитан 2-го ранга Беляев

18.1.46г.

Входящий № 328
Вх. № 25/С.4

Получено
г. Владивосток
Получено
г. Владивосток
г. Владивосток
г. Владивосток
г. Владивосток

1946

Заявление С. П. Беляева о приеме на работу в ДВГМП, 1946 г.

Автобиография

Беляев Степан Юлианович

Я пожелал 10го Мар 1895г. в деп.
Департамента ~~Государственных~~ ^{Государственных} дел
иметь починить ~~указ~~ ^{указ} ~~и~~ ^и ~~доброе~~
Департамент ~~указ~~ ^{указ} ~~и~~ ^и ~~указ~~
авг 81го деп. ~~и~~ ^и ~~указ~~

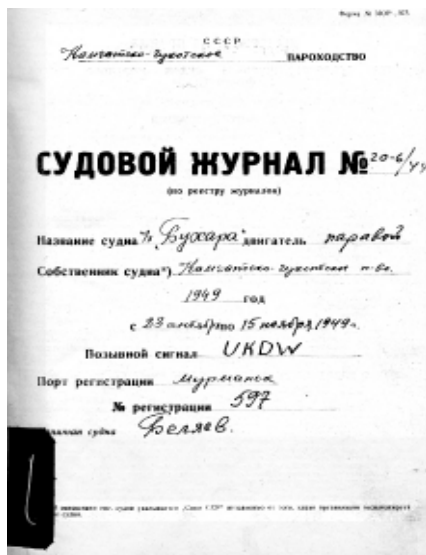
[illegible]

Пароход «Декабрист»

Обелиск в память советских моряков на острове Хопен

Первый судовой журнал «Бухары» в КЧГМП

Мемориальная доска в Петропавловске-Камчатском с ошибкой в годе рождения (правильно — 1895-й)

20
Форма № 3
80

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

1948 1949 1950 1951 1952 1953

1. Фамилия, имя, отчество Беляев Степан Васильевич

2. Год рождения 1895 г.

3. Партийность беспартийный

4. Образование среднее

5. Специальность Капитан

6. С какого времени работает на морском транспорте с 1914 г.

7. Стаж работы по специальности 19 лет

8. Национальность украинец

9. Награды не имеет

Звание	Срок выслуги в данном звании	№ и дата приказа	Должность и место работы
<u>Капитан морского флота</u>		<u>№ 40 от 7/XII-1949</u>	<u>Капитан В. В. Власов</u>
<u>II-ранга</u>			

Директор УНН В. Власов

Учётная карточка С. П. Беляева в КЧГМП, 1949 г.

Плита с именами погибших моряков «Декабриста» во Владивостоке

Автобиография С. П. Беляева

Автобиография выявлена в деле «Личные дела рабочих и служащих Камчатского горморпароходства за 1952 г.», фонд № 343 «Камчатское морское пароходство», МКУ «Петропавловск-Камчатский городской архив». Нумерация листов в деле отсутствует. Документ в составе личного дела был передан в 1950 г. в КЧГМП с предыдущего места работы — ДВГМП

Я родился 10 мая 1895 года в дер. Богоявленск Николаевской области УССР. Отец плотник-печник, живёт в деревне Богоявленск у своей дочери на её иждивении, ему 81-ый год. До Октябрьской революции в той же деревне отец имел дом и небольшой сад при доме. Сеял хлеб, три десятины, раньше сеял пять десятин. Сеять хлеб нанимал мужиков, так как своего скота не было, а на уборку хлеба, на лето, покупал одну лошадь, которую после уборки хлеба продавал.

Мать умерла в 1918 году. Когда была жива мать, то покупала небольшую свинью, которую выкармливала для себя. Отец работал плотником и печником, мать ему в этом помогала, потом с ним работал я до 15-тилетнего возраста. Сестра Евгения Лоцкая, с которой живёт отец, замужем за рабочим на железной дороге. Вторая сестра Ксения работает на шахте в Донбассе, точно где работает, не знаю. Живу сейчас с Черновой Марией Андреевной, имеем двух детей, девочку и мальчика. Учиться начал в 1905 году в Богоявленском 6-тиклассном народном училище, не окончил, ушёл из 5 класса, в 1910 году, потому что отец начал брать меня с собой на работу, где он чинил печки или делал разные плотничные работы, и я не успевал готовить уроки, учиться хотелось, но у отца на это не было средств.

Весною 1910 г. я пошёл плавать матросом, первый раз на парусное судно, и с тех пор не оставил море, плаваю до сих пор. Осенью 1911 года поступил вольным слушателем в 1-ый класс Николаевской мореходной школы потому, что мне не было 17 лет, и учеником не приняли. Осенью 1912 года поступил в 1 кл. Алёшковской мореходной школы (г. Алёшки), т. к. Николаевскую к этому времени закрыли. Алёшковскую мореходную школу окончил в 1914 г. и выдержал экзамен на звание штурмана малого плавания в Херсонской испытательной комиссии. Учился на собственные средства,

сэкономленные, заработки во время летних каникул. От родителей никакой помощи не получал, так как отец зарабатывал очень мало, чего не хватало на пропитание семьи. Будучи несовершеннолетним, после окончания Алёшковской мореходной школы не получил свидетельство, а потому опять пошёл плавать матросом и поступил рулевым на пароход «Панагий Вальяно» в Мариуполе.

После объявления войны Германией в 1914 году 2-го помощника капитана по мобилизации сняли на военную службу, а меня перевели на должность 2-ой помощник капитана, хотя я и не имел диплома и был несовершеннолетним. На этом пароходе я продолжал службу до осени 1914 г., когда пароход был поставлен на прикол, и меня уволили по сокращению штата. Поехал к отцу в деревню, где с ним работал плотником. Весной 1915 г. поступил на пароход «Эммануил» в г. Мариуполе на должность 2-го помощника капитана, пароход был мобилизован вместе с экипажем и поступил в распоряжение командующего транспортной флотилии Чёрного моря, где я и плавал до осени 1917 г. На военную службу должен был призываться в 1916 году, но вследствие войны мой год призван в 1915 досрочно, а так как я был уже мобилизован вместе с пароходом, то освобождён от призыва на военную службу, поэтому в старой армии не служил.

Осенью 1917 г. поехал в г. Алёшки, куда была эвакуирована Виндавская мореходная школа, поступил в III класс для окончания образования. Весною 1918 года окончил Виндавскую мореходную школу и в Херсонской испытательной комиссии выдержал экзамен на звание штурмана дальнего плавания. В это время Украина была занята немцами и белыми, поэтому я остался безработным при Николаевском союзе железнодорожников и водного транспорта. Будучи безработным, летом 1918 г. при моём участии было организовано сельскохозяйственное товарищество в дер. Богоявленск, где я работал счетоводом до осени 1919 года, так как на основании декрета С. Н. К. был переведён на работу по специальности на водном транспорте и поступил в Николаевскую Днепровско-Бугскую транспортную контору в г. Николаев УССР.

Весною 1921 г. по распоряжению циркуляра был переведён в Мортранспорт Чёрного моря в Одессе и получил назначение ликвидационного инспектора Крымского района и выехал для работы в Севастополь. Весною 1922 г. по случаю болезни жены выехал из Севастополя, после туда не вернулся и потом остался безработным, жил в Николаеве, а на учёте в Черномортранс в г. Одессе. В конце августа месяца 1922 г. был вызван в Одессу и 1 сентября 1922 г.

назначен III-им помощником капитана парохода «Новороссийск», с какого времени и продолжал службу в Черноморском бассейне до 1929 г. непрерывно на разных судах.

В 1927 г. получил диплом на звание капитана дальнего плавания. В конце июля 1929 г. получил предложение от АКО во Владивосток плавать, и так как мне давно уже хотелось туда поехать, я и дал на это согласие и 13 августа 1929 г. выехал в Гамбург старпомом на приёмку вновь строящегося там р/т «Баклан», на котором прибыл во Владивосток 4-го января 30 г. С этого времени и плаваю до сих пор на ДВК.

16 января 1930 г. был переведён в резерв АКО и назначен заведующим курсами кочегаров и матросов АКО. 13 марта 1930 г. назначен капитаном резерва, а в апреле командирован в Японию (Кобэ) на приёмку купленного парохода «Гиляк». 13 января 1931 г. пароход «Гиляк» передан Кработресту. Я вернулся опять в АКО и в феврале командирован в Италию (Генуя) на приёмку р/т «Гагара», который привёл во Владивосток в июне 1931 г. За перегон р/т «Гагара» премирован, получил благодарность и месячный оклад за быстрый переход с одним заходом в Сингапур для бункеровки, переход сделан на 12 суток раньше планового. 22 июля 1931 г. получил 2-х месячный отпуск и предписание по окончании отпуска на юг ехать в Севастополь на приёмку строящегося там тральщика и перегон его во Владивосток. Окончание постройки задержалось, отсюда меня командировали опять в Италию (Венеция) на приёмку строящегося там тральщика. 30 декабря прибыл в Венецию. 27 января 1932 г. принял р/т «Гага». За экономный переход р/т «Гага» получил премию 210 руб. и книжку ударника (протокол № 10 крайкома Союза рыбаков).

Сдав р/т «Гага», был назначен моринспектором Тралтреста, где работал до 2 декабря 1932 г., после чего откомандирован в распоряжение Морфлота, по требованию Морфлота. В 1934 г. на пароходе «Ангарстрой» получил премию бассейнового конкурса. В том же 34 г. получил благодарность и месячный оклад за образцовую чистоту и порядок и техническое состояние «Ангарстроя». В 1936 г. получил строгий выговор с предупреждением за аварию на пароходе «Ангарстрой». С марта по май 1937 г. был на военной переподготовке, присвоено звание капитан-лейтенанта запаса.

Ваш домашний адрес: гор. Владивосток Приморского края, ул. Тигровая, дом № 17, кв. 4.

Георгий Матвеевич Елизов — кто он?

В последние годы всё чаще можно слышать вопрос: справедливо ли было переименовывать село Завойко, названное в честь легендарного человека, военного губернатора Камчатки В. С. Завойко, настоящего героя, которым гордится Камчатский край, в село, а затем и город Елизово?

Сегодня не все положительно воспринимают факт такого переименования, считая Георгия Матвеевича Елизова заурядным, ничем, не отличившимся красным партизаном, погибшим двадцати семи лет от роду от случайной пули в Паратунке в первом же своём бою и там же похороненном товарищами.

Кто такой Елизов? Почему его имя носит второй по величине город на Камчатке и целый район полуострова?

Родился Георгий Елизов в 1895 г. в Иркутске в семье речника, капитана. Там же поступил в городское училище. Вскоре семья переехала в Нижне-Ангарск, а Георгия оставили в Иркутске, чтобы не отрывать от учёбы. Но, оставшись без родительского догляда, учиться он не захотел и вскоре самовольно уехал на Дальний Восток. Известно, что в 1917 г. он служил унтер-офицером в Николаевске-на-Амуре в крепостной артиллерии, где его и застали революционные события. Оказывается, все эти годы он был подпольщиком, и в крепости вёл агитационную работу среди солдат. Ему даже удалось склонить свой дивизион к отказу ехать на германский фронт.

После установления на Дальнем Востоке белой власти Елизов вместе с большевиком В. Ц. Пересвет-Солтаном уехал на Чукотку, в Уэлен. Известно, что Пересвет-Солтан был среди инициаторов создания первой на Чукотке профсоюзной организации — Анадырского союза рабочих и служащих. Его выбрали председателем союза, секретарём — В. М. Чекмарёва. Позже оба, а с ними и Елизов, окажутся на Камчатке.

В 1921 г. Г. М. Елизов, ещё будучи на Чукотке, соорудил памятник на могиле расстрелянных 2 февраля 1920 г. членов первого Анадырского ревкома. На памятнике были написаны не очень складные стихотворные строчки, принадлежавшие самому Елизову [1]:

*Вы, кто бежал в Америку спасаться,
Не скроете следов своих нигде.
Запомните тот день 2 февраля,
А также кровь, испитую тогда.*

Зачем и когда оказались на Камчатке Пересвет-Солтан и Елизов, не очень понятно. Их товарищ Чекмарёв прибыл на полуостров как делегат 2-го чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, представляя Анадырский уезд, который административно относился тогда к Камчатке. Среди делегатов съезда, а он проходил в Мильково в апреле 1922 г., а затем продолжился в селе Завойко, ни Пересвет-Солтан, ни Елизов не числятся. Но в дни работы съезда они уже находились в партизанском отряде, располагавшемся «под городом», то есть, в окрестностях Петропавловска.

Об этом можно прочесть в очерке П. Г. Ивашкина «Партизанский съезд на Камчатке»: «Партизанский отряд под городом насчитывал в это время более полусотни человек. В него вступили бежавшие из города от белобандитской расправы Бохняк, Войцешек, Елизов, Пересвет-Солтан, В. И. Крупенин, Кравченко и другие...» [2, с. 314]. Причём Елизов, по некоторым официально неподтверждённым сведениям, был не рядовым партизаном, а заместителем начальника штаба общего отряда и командиром его подразделения — Паратунского отряда. В некрологе, посвящённом героям-партизанам Камчатки, опубликованном в газете «Полярная звезда» в 10-летнюю годовщину Октября в 1927 г., сказано, что Елизов «командовал отрядом партизан с февраля 1922 г.». По какому праву командовал, неизвестно. Этими сведениями по каким-то причинам никогда не делился ни один партизан, в том числе Ларин, Ивашкин, Чекмарёв, хотя ими написаны обширные воспоминания. Документов об этом тоже никто никогда не видел. Может быть, его выдвинули в командиры потому, что он был когда-то унтер-офицером и являлся «строевым и обученным»?

Именно к Елизову, как к заместителю начальника штаба, обращался с письмом председатель Петропавловской думы Ч. К. Щипчинский 7 апреля 1922 г. Он просил вернуть собачью упряжку гласного думы А. И. Кобцева, которого, как считалось, захватили в плен красные, но на самом деле оказавшегося обыкновенным перебежчиком.

Повторюсь: когда Елизов прибыл с Чукотки в Петропавловск, чем занимался и когда ушёл в сопки, точно не установлено, как неизвестно и то, почему он туда подался. Если строить предположения, то, похоже, он следовал за своим идейным наставником Пересвет-Солтаном. Кроме того, будучи «мурками», то есть, приезжими бездельниками, которых на Камчатке так презрительно называли и всегда не любили, о чём красочно написал в своей книге ботаник В. Л. Комаров, Елизов и Пересвет-Солтан не при-

жились в Петропавловске среди местного населения. Они здесь попросту выделялись, поэтому и вынуждены были спрятаться, податься в отряд к красным партизанам. Там Георгия Елизова, возможно, и определили заместителем начальника штаба, а затем и командиром в Паратунку. Между тем, его наставник по революционной борьбе Пересвет-Солтан, считавшийся одним из лучших партизан, ходил в рядовых и исполнял обязанности доктора. Когда красные задумали казнить подпоручика П. Д. Пояркова и поручили это Фролову, тот, как писал он сам позже, взял для осуществления операции лучших партизан из 4-го летучего отряда Чекмарёва: Метальникова, Трухина, Пересвет-Солтана, Селиванова и Старцева. О Георгии Елизове подобного никто никогда не говорил и не писал, хотя, конечно, это никак его не характеризует, ни хорошо, ни плохо. Просто мы действительно мало знаем о нём...

Чем занимались красные партизаны в так называемых «сопках»? Большую часть времени добывали пропитание, терроризировали население, от безделья, конечно же, пили. О низкой дисциплине в отряде историкам известно много. Есть документальные подтверждения, об этом можно прочесть в подробных работах В. П. Пустовита и, частично, А. П. Пирагиса, поэтому я не стану отнимать время у читателя и отсылаю его к этим работам. Видимо, поэтому многие сегодня считают, а кое-кто и уверен, что гибель Елизова произошла отнюдь не в бою, а в одной из пьянок или на бытовой почве. А уж затем, задним числом, из него сделали героя, как сделали из остальных погибших партизан рангом поменьше. Ведь известно же, что вовсе не героически погибли Тушканов, Войцешек, Бохняк и Давыдов во время боя у сельскохозяйственной фермы под Зеркальной сопкой. Двоих — Бохняка и Войцешека, дремавших на посту, белые просто сняли меткими выстрелами, и только Давыдов и Тушканов пали уже в перестрелке.

Об этом чёрным по белому пишет бывший партизан Ивашкин. Беспечность, дремотная, беззаботная партизанская жизнь — вот причина их гибели, а вовсе не героизм. По аналогии к подобной смерти причисляют и гибель Г. М. Елизова. Документально подтвердить или опровергнуть это за неимением точных сведений пока невозможно.

Официальная советская версия выглядит так: 31 июля 1922 г. белые высадились в Тарьинской бухте. Узнавший об этом житель Паратунки В. М. Тюменцев предупредил партизан, и на следующий день, 1 августа, Г. М. Елизов тут же с группой бойцов из тринадцати человек вышел навстречу врагу и дал бой. В этой

скоротечной схватке сам Елизов был убит. Боевые товарищи похоронили его в Паратунке.

Бывший красный партизан С. Селиванов вспоминал об этом событии на страницах газеты «Камчатская правда» от 30 мая 1947 г. совсем иначе: «Мы с Тюменцевым ездили в Николаевку за мукой для партизанского отряда, и вот теперь возвращались домой, сильно озабоченные судьбой отряда, которому всё время грозила опасность нападения со стороны белобандитов.

На окраине нас встретил неизменно улыбающийся и никогда не унывающий командир наш товарищ Елизов.

— В Тарье высадился отряд белых, — рассказывал он, — и предполагает двинуться сюда. Хотя нас тут и немного, но беляков в село пустить нельзя. Мы обязаны оградить жителей от расправы с ними и ограбления.

Расставив партизан на посты и проинструктировав всех нас, а было нас всего семь человек, остальные находились в отъезде, товарищ Елизов немедленно принял меры к отправке женщин и детей в лес, в безопасное место.

Надвинулась ночь. Небо покрылось свинцовыми тучами. Чувствовалась близость дождя. Ничто не нарушало тишину ночи. Прошли все предполагаемые сроки для прихода белых. У нас сложилось мнение, что они уже не придут.

В маленькой прокуренной избушке, при свете еле мерцающей свечи, тихо беседуя, сидели партизаны. Нас здесь было пятеро, двое стояли на посту.

Товарищ Елизов, как бы сожалея, говорил, что белые, по всей вероятности, не рискнули отойти далеко от города.

Была глубокая ночь. Хотелось спать. Командир уже было принял решение снять часового с наблюдательного пункта у церкви, как вдруг раздался неистовый лай собак. Дверь избушки открылась, и мы услышали крик наружного часового:

— Нас окружают белые!

Мы немедленно бросились на улицу и услышали властный голос своего командира:

— Товарищи, к бою готовьтесь!

Одновременно другой незнакомый писклявый голос подал в темноту команду «Пли!» И ночную тьму прорезали огненные языки из нескольких десятков винчестеров, принадлежащих явившимся в село белякам. Не успев даже выстрелить, упал смертельно раненый командир наш товарищ Елизов. Укрываясь за линией огня, мы яростно сопротивлялись. Расстояние между нами — горсточ-

кой партизан — и во много раз превосходящим нас белым отрядом, составляло не более пятнадцати метров. Отстреливаясь, мы вынуждены были шаг за шагом отступать, унося на руках раненого командира. В это время пошёл проливной дождь. За нами ещё слышался треск винчестеров, но белые, видимо, не ожидавшие такого яростного отпора, побоялись преследовать нас в темноте. Постреляв ещё немного, белобандиты оставили село. И когда на другой день в него прибыл весь наш партизанский отряд, от белых не осталось и следа.

Нет, след, кровавый след эти преступники оставили. Они смертельно ранили нашего любимого командира. И уже ничто не могло вернуть к жизни товарища Елизова. Он умирал, простреленный пулей подлого врага.

Умирая, Елизов горел единой мыслью: разгромить врага. Щемящее сердце горе охватило нас всех, когда Елизов попросил охранявших его товарищей: “Пристрелите меня, всё равно умираю, а каждый из вас нужен будет в бою с белыми”.

Сколько ненависти к бандитам, сколько решимости до конца расправиться с врагом вселял в нас товарищ Елизов, который без остатка и сожаления отдавал свою жизнь за правое дело!

В комнате тесно. Прижавшись друг к другу, партизаны сидели с угрюмыми лицами. Их взоры то и дело обращались к закрытой двери, за которой умирал командир. Он прощался с жизнью, находясь в семье своих соратников-партизан, всё ещё не теряющих надежды, что свершится чудо, и их любимый командир снова встанет во главе своего отряда.

Дверь открылась. Из комнаты, где лежал умирающий Елизов, вышел наш доктор, партизан товарищ Пересвет-Солтан. По его опущенной голове, по лицу, полному глубокой печали, мы поняли, что товарища Елизова с нами не стало.

Красный гроб мерно покачивался на плечах товарищей. Звучный залп на могиле Елизова разнёс по всей Камчатке весть о смерти, постигшей одного из лучших сынов нашей Родины, отдавшего жизнь за рабочих и крестьян.

Насыпь и пятиконечная звезда указывали место, где окончил свой славный жизненный путь командир партизанского отряда товарищ Елизов.

Было это двадцать пять лет тому назад».

Да, это воспоминания очевидца, но бросается в глаза «причёрсанность» текста. Излишний пафос выдаёт профессиональную руку редактора, для которого идеологическая ясность выше правды факта.

Присутствует даже некая эпичность повествования, как в «Слове о полку Игореве»: «Надвинулась ночь. Небо покрылось свинцовыми тучами. Чувствовалась близость дождя. Ничто не нарушало тишину ночи...» Здесь специально, и умело, нагнетается чувство тревоги и предчувствие схватки, подвига... А ведь не мог употреблять таких слов и таких приёмов бывший партизан, простой сельский человек. Да и многое другое вызывает подозрение в этих воспоминаниях. Как-то не очень им веришь, не до конца. Пафоса и эпичности в них много, а вот деталей нет вовсе. Читая статью, не представляю я боя в темноте возле домика в селе Паратунка. Был ли тот скоротечный бой? Кто на самом деле напал на партизан, белые ли? Судя по тексту, ни одного белого они так и увидели, а утром, когда вернулись в село, от них «не осталось и следа». Может быть, действительно, кто-то пришёл расправиться только с Елизовым и прятался в зарослях? Шумнули, напугали партизан, посеяли среди них панику, убили Елизова и, постреляв ещё для остротки, ушли? А, может быть, больше и не стреляли? А залп десятков стволов померещился партизанам с испуга да ещё после столь длительного тревожного ожидания прихода врагов в пасмурную, тёмную ночь?

На многочисленных примерах известно, как писались воспоминания многих большевиков и простых участников гражданской войны со стороны красных. Одни и те же события очевидцы излагали по-разному, путая факты. Виноваты в этом и несовершенство человеческой памяти, и желание угодить велениям времени, политической системе.

Достоин или нет Г. М. Елизов, погибший нелепо, а вовсе не героически, проспавший атаку, получивший пулю сразу же в ночной хаотичной стычке, такой чести, как название его именем села, позже ставшего городом, судить не нам. Да и поздно, наверное, судить. За переименование проголосовали жители села Завойко в 1924 г. И теперь нам переименовывать всё и вся в угоду текущему моменту, переписывать историю — это недостойное занятие, мы это уже проходили, и сегодня негоже следовать этому примеру.

Могила партизана можно увидеть в Паратунке и сегодня. А возле здания администрации Елизовского района установлен бюст Г. М. Елизова.

Остаётся только добавить, что село Завойко было переименовано в Елизово в марте 1924 г., но люди ещё долго, в двух поколениях, по привычке называли его по-старому — Завойко. Тогда же и Завойкинская волость стала Елизовской.

Георгий Елизов (слева) в детстве. Иркутск
[ККОМ ГИ 1424]

Г. М. Елизов, 10 сентября 1916 г. [КОКМ Ф 7731]

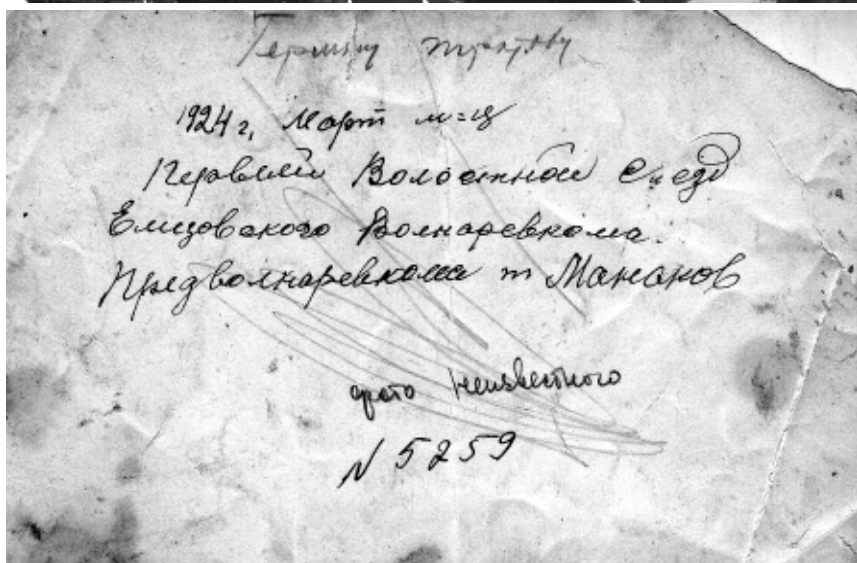
Г. М. Елизов
[КОКМ НВФ 2392/2]

Г. М. Елизов в школьные годы
[КОКМ НВФ 2392]

Могила Г. М. Елизова в Паратунке до 1967 г. и позже
[КОКМ ГИ 27408/201 и ГИ 27408/204]

Участники 1-го Завойкинского волостного съезда, март 1924 г.
 Среди них — председатель волревкома Монаков (Манаков)
 [КОКМ НВФ 3461]

К сожалению, документальных подтверждений этому не найдено. Нет официальных документов ни в фондах Государственного архива Камчатского края, ни в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. На запрос специалистов, из РГИА ДВ пришёл следующий ответ: «Сведений о переименовании с. Старый Острог в с. Завойко и с. Завойко в с. Елизово в фондах архива не обнаружено» [3].

В газете «Камчатская правда» за 1956 г. имеется статья с воспоминаниями старожила Елизово Г. М. Бибикова «Новая жизнь старого села», в которой тот сообщает: «В 1924 г. в нашем селе состоялся первый волостной съезд Советов. Съехались делегаты из сёл Начики, Коряки, Паратунка, Авача и других селений. На съезде были избраны местные органы советской власти. Съезд принял решение назвать наше село именем славного большевика, командира партизанских отрядов Елизова, погибшего в бою с белогвардейцами...» [4].

Историк и краевед Владимир Шевцов, житель Елизово, также изучал вопрос переименования, но документального источника, подтверждающего этот факт, и он не нашёл. В своей книге «Елизово. 1975—2010» он сообщает: «В марте 1924 г. в селе Завойко проходил так называемый 1-й волостной съезд Советов, на котором решались важные политические вопросы. Уже в самом конце работы съезда на трибуне появился бравый красный командир войсковой части, некто Манаков. Он-то и предложил переименовать село Завойко, названное так ранее в честь царского адмирала и губернатора Василия Степановича Завойко, разгромившего на Камчатке англо-французскую эскадру в 1854 г., в село Елизово — в честь погибшего в 1922 г. в селе Паратунка командира красного партизанского отряда Георгия Матвеевича Елизова.

В конце 50-х гг. двадцатого столетия бывший член временного завойкинского революционного комитета Бибиков рассказал, что предложение Манакова было принято делегатами съезда единодушно. О том, кто такой малоизвестный красный командир Манаков, краеведам и сегодняшним властям до сих пор не известно...»

А. Монаков (фамилия пишется через «о») был первым председателем Завойкинского волостного революционного комитета. Он и проводил съезд, а вскоре был отозван на свою постоянную работу в ГПУ. Похоже, вопрос о переименовании Завойкинской волости в Елизовскую был поднят и решён ещё до волостного

съезда, потому что на съезде Монаковым было зачитано уже готовое постановление Президиума ВЦИК от 5 марта 1924 г., в котором указывалось: «Переименовать Завойкинскую волость Петропавловского уезда Камчатской губернии Дальне-Восточной области в Елизовскую» [3]. Судя по всему, точного подтверждения нет, Монаков на съезде предложил переименовать и само село Завойко в село Елизово. Почему именно это село, а не Паратунку, где Елизов погиб и похоронен? Видимо потому, что Завойко было не просто селом, а административным центром новоименованной Елизовской волости, поэтому требовалось убрать это несоответствие в названиях (как, к примеру, в наше время город Санкт-Петербург, но Ленинградская область). Делегаты волостного съезда с этим согласились.

Можно ли считать 5 марта 1924 г. днём рождения и Завойкинской волости, и новоназванного села Елизово? Наверное, можно, потому что другой официально подтверждённой даты не имеется.

Источники

1. Камчатская правда, 27 сент. 1940 г.
2. За советский Дальний Восток. Сб. Т. 1. — Владивосток, 1981.
3. РГИА ДВ. Письмо от 03.08. 2011 № 308-тем на № 1086/01-01-20 от 06.06.2011.
4. Камчатская правда, 10 нояб. 1956 г.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

Ниже представлены фрагменты (отдельные очерки), характеризующие деятельность Камчатского областного драматического театра, подготовленные в 1960—1970-х гг. некогда одним из его ведущих артистов — К. Д. Родионовым. Эти материалы ныне составляют 132-й музейный архивный фонд и, наряду с другими (списками сотрудников театра, репертуарными перечнями по годам, программами отдельных постановок, афишами, фотографиями гастрольных поездок, сцен из спектаклей, фотопортретами актёров, эскизами сценического оформления и костюмов), представляют собой бесценные источники сведений для будущего историка камчатского театра. Публикуемые очерки охватывают предвоенные 1939—1941 гг. и первое послевоенное десятилетие 1946—1955 гг. Надеемся, что полные воспоминания К. Д. Родионова будут обнародованы в рамках книжной серии «Из фондов музея».

К. Д. Родионов

Камчатский областной драматический театр

Константин Дмитриевич Родионов (1899—1979) — артист Камчатского областного драматического театра. Родился в селе Патриаршьем Воронежской губернии. Летом 1918 г. ушёл добровольцем в Красную Армию в составе 1-го Воронежского артиллерийского дивизиона. Неоднократно принимал участие в боях. В 1919 г. демобилизован по болезни. В 1922 г. окончил Воронежскую студию театра и начал профессиональную деятельность как актёр. С 1934 г. трудился в Камчатском областном драматическом театре. В 1962 г. вышел на пенсию, последние годы жизни провёл в Ялте.

В новом здании. 1939—1941 гг.

В течение сезона 1939—1940 гг. состав театра значительно укрепился. Приехали художественный руководитель Е. А. Каширенинов, очередной режиссёр и актёр Л. Д. Агранович. Количество актёров доведено до 25 человек.

Среди прибывших артистов были М. П. Молчанов и молодые способные выпускники театральных студий М. Ф. Воробьёв и И. В. Соколова, с успехом проработавшие в театре долгое время. Коллектив пополнился художником А. Д. Дашкевичем и работниками технических цехов. В своём новом помещении с новым составом